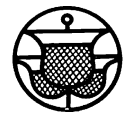
АРАБСКИЕ РУКОПИСИ И АРАБСКАЯ РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ

А. Б. ХАЛИДОВ



АРАБСКИЕ РУКОПИСИ
А. Б. ХАЛИДОВ



АКАДЕМИЯ НАУК СССР. ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ВОСТОКА

Материалы и исследования



Издательство «Наука»

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А. Б. ХАЛИДОВ

АРАБСКИЕ РУКОПИСИ И АРАБСКАЯ РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ

Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

Х17

Ответственный редактор

О. Г. Большаков

В монографии дается обобщенная характеристика средневековых арабских рукописных произведений с точки зрения языка и графики, содержания и репертуара, композиции и формы, видов авторского труда, технического исполнения и материального вознаграждения. Рукописная традиция рассматривается в широком историческом и социальном контексте от зарождения до наших дней.

Х $\frac{4504000000\text{-}171}{013(02)\text{-}85}$ 141-85

ПРЕДИСЛОВИЕ

Оптимальная формулировка задач, стоящих перед настоящей работой, может быть следующей: достичь ясного представления об арабской рукописной традиции, охватив ее от самого возникновения вплоть до XX в., во всех пространственно-временны́х и социально-исторических параметрах, раскрыть ее наиболее важные черты и особенности, осветить арабскую рукописную книгу с различных сторон и получить ее качественные и количественные характеристики. Замысел всякого исследования и возможности его исполнения определяются в конечном счете состоянием данной отрасли науки, объемом накопленных фактов и уровнем разработанности теоретических вопросов. Не совсем верно было бы утверждать, что необходимые предпосылки для предпринятой работы налицо. Поэтому названные задачи будут решаться в рамках монографии с известными ограничениями.

Обратимся к некоторым фактам из истории арабистики. Ее становление в России XIX в. было связано в значительной степени со сбором и изучением арабских рукописей [1]. Рост рукописных коллекций, главным образом в Петербурге, этапы и уровни освоения самих рукописей отмечали вехи ее развития.

Все опубликованные в России труды об арабских рукописях можно разбить на четыре группы: (1) описания рукописей (в каталогах, статьях); (2) издания текстов (полных и фрагментарных, иногда с переводом); (3) историко-литературные исследования; (4) работы по истории России и сопредельных стран (Восточной Европы, Средней Азии, Кавказа), основанные на фактическом материале арабских источников, зачастую впервые извлекаемом из рукописей. Забота о более полном и точном воссоздании истории народов Восточной Европы, Средней Азии и Кавказа, надежда найти в арабских письменных источниках новые сведения были едва ли не главными побуждениями, которые руководили русскими учеными при их обращении к арабским рукописям. Надо добавить, что работы названных категорий в большин-

[1] Крачковский (1950), V, с. 71—72, 80, 88, 98, 103—104, 106, 112, 120, 123—124, 136, 171, 178.

стве сугубо специальны и адресованы узкой аудитории, многие из них выходили на иностранных языках (латинском, немецком, французском) и представляют уже библиографическую редкость.

Лучшие традиции дореволюционной арабистики были продолжены в советское время трудами В. В. Бартольда, А. Э. Шмидта, И. Ю. Крачковского и их учеников. Значительно расширилась и рукописная база советской арабистики: в 20—30-е годы заметно обогатились собрания Азиатского музея (позднее Института востоковедения АН СССР), в те же годы и позднее возникли новые центры сбора и хранения рукописей в Ташкенте, Казани, Баку, Тбилиси, Махачкале, Душанбе, Самарканде, Ереване и др.[2]. То направление советской арабистики, которое по преимуществу связано с изучением рукописей, и поныне приносит новые работы и публикации текстов. Среди специальных трудов выделяется популярная книга И. Ю. Крачковского «Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и людях» (М.—Л., 1945), выход которой в свет[3] привлек внимание широкого круга советских читателей к вопросам научной арабистики, к рукописным памятникам средневековой арабской литературы. Основанная на достоверном фактическом материале и обладающая высокими литературными достоинствами, она отразила давние традиции русского и европейского востоковедения, показала актуальное значение арабских рукописей и их исследования.

Однако в советской арабистике пока не осуществлены в полной мере задачи, давно выдвигавшиеся как первоочередные: не завершены учет и каталогизация арабских рукописей, находящихся на территории СССР, не написана история арабской литературы. Эти пробелы становятся ощутимее по мере того, как востоковедные исследования в нашей стране получают более широкий размах. До сих пор у нас нет обобщающих работ об арабских рукописях и арабской рукописной традиции. Конкретные наблюдения и частные выводы историко-культурного, кодикологического и книговедческого характера остаются рассеянными по страницам работ упомянутых типов. Впрочем, трудно ожидать, чтобы сколько-нибудь убедительные обобщения могли быть сделаны на материалах рукописных собраний одной страны, даже если бы они были лучше изучены; в сумме они составляют менее $^1/_{15}$ сохранившихся арабских рукописей. Нужно учитывать

[2] См.: Халидов, 1978; БАР, с. 220—252, 337—338.

[3] В расширенном виде она вышла в 1946 г., издавалась затем еще несколько раз и была переведена на ряд иностранных языков.

опыт мировой арабистики — на Западе и на Востоке. Неудовлетворительное состояние разработки арабского рукописного наследия видно еще лучше на фоне того, как глубоко и разносторонне изучаются в советской науке книжно-письменные традиции и письменная культура античности, византийского, западноевропейского и русского средневековья.

Рукописи явились основным объектом европейской арабистики XVI—XVIII вв. по необходимости: тогда и старая, и актуальная литература на арабском языке оставалась почти целиком рукописной, поскольку арабского книгопечатания, можно сказать, не было, лишь к середине XIX в. оно достигло практически ощутимых масштабов. Понятно, что пионеры европейской арабистики от В. Постеля (1510—1581) и Я. Голиуса (1596—1667) до И. Рейске (1716—1774) и А. Сильвестра де Саси (1758—1838) были искателями, собирателями и исследователями рукописей либо же сосредоточивали свое внимание на уже накопленных в Европе арабских рукописях[4]. Сами арабские рукописи в те времена не представляли редкости, всюду в странах распространения ислама и арабского языка, от Марокко до Индонезии, они были весьма обыденной вещью и продавались, в частности, на базарах. Доступ к ним для европейских коллекционеров и ученых был открыт в условиях военно-политического и торгово-экономического превосходства Запада, хотя и не очень прост, сопряжен с необходимостью преодолевать ряд барьеров (политических, культурных, языковых) и трудностей при слабом развитии средств сообщения и связи. Собрания арабских рукописей в Европе неуклонно пополнялись и множились, но их научное освоение шло медленнее из-за малочисленности специалистов.

В XIX в. вместе с усложнением задач арабской филологии усилился приток арабских рукописей в европейские хранилища, более широкий размах получили работы по их каталогизации, развернулись исследования отдельных произведений и целых жанров, было осуществлено критическое издание ряда важнейших памятников в оригинале и переводах. Начался систематический учет произведений средневековой арабской письменности и их авторов, время от времени накопленные факты обобщались в библиографических сводах, в трудах по истории литературы и отдельных ее отраслей. В нынешнем столетии все направления арабистических работ нашли продолжение в возрастающих масштабах,

---

[4] Fück, 1955, с. 42—45, 50, 60—61, 71, 80, 91—92, 98—101, 108—124, 189—193.

и число печатных трудов, посвященных описанию рукописей, публикации и интерпретации текстов, столь велико, что простой их перечень занял бы не один том; достаточно указать наличие библиографических справочников[5].

В странах Востока, где хранится основная масса арабских рукописей (несмотря на усиленный вывоз многих наиболее ценных), работы по каталогизации были начаты в последней четверти XIX в., проводились нерегулярно и непоследовательно. Заметный сдвиг здесь произошел после обретения этими странами политической независимости в процессе национально-освободительной борьбы и деколонизации. Всюду стали публиковать каталоги арабских рукописей или хотя бы их обзоры. В арабских странах одной из основных задач гуманитарных наук провозглашается изучение, истолкование и популяризация «наследия» (*ат-турас*), «нашего наследия», «арабского наследия», а это наследие, как известно, воплощено главным образом в рукописях. То же самое наследие вызывает огромный интерес во всех мусульманских странах, где оно вполне обоснованно признается, хотя бы в определенной его части, их собственным историческим достоянием. Правда, количество рукописей, о которых нет никаких или почти никаких печатных сведений, все еще значительно превосходит число тех, информация о которых в той или иной форме уже доступна специалистам.

Аналогичным образом обстоит дело в области публикации памятников, текстологии и историко-литературных изысканий. На смену так называемым коммерческим изданиям средневековых арабских произведений, выходившим за последние полтора столетия в странах Востока широким потоком, приходят критические издания текстов с максимальным привлечением наиболее авторитетных списков, в сопровождении исследования и справочного аппарата. Европейская наука, имевшая богатые традиции и заслуги, все больше уступает свои позиции в этом, и инициатива почти полностью перешла к странам Востока, где теперь есть и свои квалифицированные кадры специалистов-текстологов, и достаточные издательские и финансовые возможности, улучшается полиграфическая база. Подхвачена там и установка на создание библиографических и справочных пособий. Можно отметить, например, публикации Института арабских рукописей Лиги Арабских Государств, академий и университетов Сирии, Ирака, Египта, Ирана, Турции, Саудовской Аравии.

---

[5] О справочниках: БАР, с. 6—12; перечни трудов по истории арабской литературы можно найти, например: Крачковский, I—VI; Фильштинский, 1977, с. 257—282.

Среди большого числа историко-филологических работ арабистов с XIX в. стали появляться и труды, посвященные техническим, художественным и материальным аспектам арабских рукописных книг: их оформлению и иллюстрации, переплету, писчим материалам, палеографии, средневековым библиотекам. Были написаны и монографии об арабской книге [6]. Ученые Арабского Востока за последнюю четверть века внесли свою лепту и в разработку проблем арабской рукописной книги. Можно отметить работы Куркиса 'Аввада (Ирак) и Йусуфа ал-'Ушша (Сирия) о старинных библиотеках [7], труды ряда других специалистов по арабской палеографии.

За долгую историю арабистики накоплен огромный фонд сведений о рукописях, но эти сведения недостаточно осмыслены и обобщены. Тенденция к узкой специализации побуждает арабистов рассматривать рукописи под определенным углом зрения, с позиций археографа или текстолога, историка литературы, лингвиста, искусствоведа; еще более разнообразно использование арабских письменных памятников в качестве источников. Бесспорно, не только различные подходы к изучению арабских рукописей правомерны и плодотворны, но и все направления исследований (от поисков рукописей и первичного их описания до обобщений на разных уровнях) перспективны, потому что нерешенных вопросов и малоизвестных материалов остается достаточно много.

Синтез данных, ставших достоянием арабистики, нельзя, видимо, откладывать до того времени, когда будут выявлены и обследованы все сохранившиеся рукописи, продвинуты другие частные исследования. Без целостного охвата всей арабской рукописной традиции и многопланового рассмотрения арабских рукописей не будут поняты существенные стороны средневековой культуры Арабского Востока и всего мусульманского мира. В опубликованном кратком очерке арабской книжной культуры [8] уже была предпринята попытка показать некоторые ее особенности. Там подчеркивалось, что исключительная любовь к книге — одна из характернейших черт арабской культуры, что рукописи изготавливались в огромных количествах и что даже специалисты не всегда отдают себе отчет в подлинных масштабах рукописно-книжной продукции. Чтобы рельефнее оттенить указанную специфику, достаточно провести такое сравнение: крупнейшие библио-

[6] Наиболее основательны: Grohmann, Arnold, 1929; Pedersen, 1946.

[7] Аввад К., 1948; Eche, 1967.

[8] Халидов, 1982а.

теки монастырей и городов Западной Европы насчитывали в XII в. от нескольких десятков до 150—200 томов, а исключительно богатые библиотеки в Дареме и Клюни — свыше 500 томов (папская и Турская, вероятно, их превосходили, но данные о них в точных цифрах неизвестны) [9], тогда как в Багдаде, Дамаске, Каире, Кордове, Ширазе, Бухаре и других городах Востока в X—XII вв. был ряд библиотек и частных собраний с фондом в 10 тыс. томов и более. И по содержанию книг библиотеки Востока были богаче и разнообразнее.

Исходя из современной ситуации в советской арабистике и с учетом достижений зарубежных ученых, предлагается следующая реализация намеченных задач. Прежде всего необходимо дать социально-лингвистическое объяснение тому, каким образом разнородное население обширнейшего ареала стало использовать арабский язык в качестве основного средства самовыражения в литературе, науке, идеологии — во всех сферах духовной культуры. При этом затронуты проблемы истории литературного арабского языка и разработки его норм, прослежено становление системы арабского письма, определившей важнейшие особенности текстов, фиксированных с его помощью.

Другой круг вопросов связан с генезисом и содержанием словесности на арабском языке, с переходом от устного бытования словесных произведений к их записи, с формированием арабской книжной письменности. Репертуар арабских рукописных произведений раскрыт в ходе сжатого исторического обзора сложения литературно-книжных жанров и их развития. Особо подчеркивается то первостепенное значение, какое приобрела для рукописной традиции так называемая туземная арабская филология, которая состояла из многих трудов по грамматике, лексикографии, фонетике, просодии, метрике, поэтике и стилистике. Избранный в настоящей работе подход позволил, как надеется автор, показать состав средневековой арабской книжной письменности в истинных пропорциях ее компонентов, преодолев односторонность существующих на русском языке обзоров, в которых основное внимание уделяется собственно художественной литературе, поэзии и прозе.

Далее в ряде глав исследуется комплекс проблем, связанных с понятиями «автор», «произведение», «рукопись». Создание письменных произведений и их воспроизводство в копиях рассматриваются как с точки зрения мотивов и целей деятельности, характера и результатов индивидуальных

[9] Beddie, 1929.

усилий, так и с точки зрения общественных запросов, форм оценки и оплаты интеллектуального труда, социального обращения рукописей. При этом обрисованы характерные фигуры средневекового автора, переписчика, торговца рукописями, их покупателя и собирателя, а также освещены специфические процедуры «передачи» знания и соответствующей документации произведений, рукописей и их текстовых компонентов. Некоторое внимание уделено различным принципам организации и упорядочения текста, формально-структурным особенностям сочинений и их рукописных копий. Всюду приводятся и объясняются арабская номенклатура и техническая терминология, касающиеся рукописного дела и письменной традиции.

Небольшая глава посвящена арабской рукописи как продукту ремесленного труда и предмету материальной культуры (внешний вид и оформление, писчие материалы и письменные принадлежности, техника изготовления). В заключительной главе собраны и проанализированы данные о типах частных собраний и общественных библиотек, о библиотечном деле и библиографии; далее по крупным регионам приведен хронологический обзор сведений о конкретных собраниях и библиотеках, добавлены и цифры о числе рукописей, сохранившихся до наших дней.

Книга, предлагаемая вниманию читателя, представляет до известной степени продолжение упомянутого выше очерка (примеч. 8); здесь данные расширены и уточнены, изложение систематизировано. При ее подготовке автор опирался на длительный личный опыт, но сознает, что и его недостаточно, чтобы учесть с желанной полнотой даже доступные материалы; кроме того, многие важные материалы остались недоступными. Книга построена на рукописных источниках из ленинградских собраний, на изданных средневековых памятниках и на результатах, полученных другими исследователями, по возможности перепроверенных. Разумеется, в работе такого охвата неизбежны отдельные упущения. В ней поднят ряд вопросов, на которые еще трудно дать исчерпывающие ответы; по многим намеченным линиям предстоит провести монографические исследования.

Ссылки на источники и исследования даны в сносках под условными сокращениями, которые раскрыты в «Списке цитированной литературы». Арабские имена, названия и термины переданы в упрощенной русской транслитерации при сохранении знаков для согласных *айн* (ʻ) и серединной или конечной *хамзы* ('); их точная транслитерация дана в указателях.

Глава 1

АРАБСКИЙ ЯЗЫК И АРАБСКОЕ ПИСЬМО

Язык арабов — богатейший из языков по способам выражения и по количеству слов. Полностью им, как мы знаем, не владеет ни один человек, если он не пророк. Но нет в нем ничего такого, что незнакомо всем арабам, и среди них обязательно отыщется тот, кто это знает.

Мухаммад б. Идрис аш-Шафи'и

У арабского письма есть великое несчастье, именно сходство в нем форм похожих букв и необходимость для различения их точек и признаков флексии. Если их отбросить, то делается неясным смысл. Если же присоединить к этому пренебрежение сличением и невнимательность правки при сопоставлении, а это дело обычное в нашем народе, то одинаковым становится при этом существование книги и ее отсутствие, даже знание того, что в ней, и неведение этого.

Абу Райхан ал-Бируни

Территориально арабский язык с незапамятных времен развивался на Аравийском полуострове, лингвистическая история которого известна неполно и фрагментарно, как и его социально-политическая история (исключая область южноаравийской, или «сабейской», цивилизации). Прямые языковые свидетельства для эпохи до VII в. незначительны и происходят из окраинных областей Аравии. От VII в. и далее мы имеем большое число письменных памятников, которые не только дают отчетливое представление об арабском языке, но и бросают яркий свет на его прошлое состояние. Сравнение с другими родственными языками семитской группы оттеняет особенности арабского языка и позволяет понять пройденные им стадии развития.

Первые попытки записать арабскую речь связаны с применением разных видов южноарабского, или сабейского, консонантного алфавита из 28—29 знаков. Датировка надписей, выполненных этим алфавитом и разбросанных по террито-

рии западной части Аравии, от Синая до Йемена, в науке вызывала споры и периодически пересматривалась, но колеблется в пределах с V в. до н. э. по IV или V в. н. э. Для истории языка эти надписи, преимущественно типа граффити, а также некоторые надгробные и посвятительные, дают очень немногое, так как содержат ничтожное количество значимых слов, а грамматические форманты в них и вовсе единичны. К тому же чтение надписей зачастую проблематично из-за беглого, небрежного их исполнения и частичного стирания[1].

Южноарабский алфавит использовался для передачи близкородственного языка северных арабов целое тысячелетие, но традиция не закрепилась и заглохла вместе с упадком южноаравийской культуры и письменности.

Иные результаты дало использование арабами Набатеи и Пальмиры северо-западного семитского алфавита. Из того варианта арамейского алфавита, который употреблялся в набатейских надписях начиная со II в. до н. э. вплоть до III—IV вв. н. э., постепенно выработался вид письма, который стал впоследствии арабским национальным.

Развитие этого письма происходило в условиях арамейско-арабского двуязычия: в официальной сфере употреблялся традиционный письменный арамейский язык, к тому времени, по-видимому, уже вышедший из живого употребления, а в быту господствовал разговорный язык арабов-набатеев[2]. Происходило усиленное взаимодействие и взаимопроникновение обоих языков. В арамейский язык проникали не только многочисленные лексические заимствования из арабского, но также фонетические и морфологические. Собственно, местный арамейский язык, испытавший сильное влияние арабского и передаваемый посредством арамейского алфавита, и носит название набатейского языка. Со своей стороны, локальный арабский язык, который стали передавать посредством арамейского письма, воспринял, видимо с этого времени, немало арамейских слов; с этого же времени сохраняется ряд особенностей арабской орфографии.

К IV в. относятся надписи, исполненные набатейским письмом уже на арабском языке. Старейшая из них происходит из ан-Намары к югу от Дамаска и датирована 328 г.; она была предназначена увековечить деяния «царя всех арабов» Имра' ал-Кайса (вероятно, Лахмида). Еще три надписи, также из Сирии, относятся к VI в. и являются опреде-

---

[1] Brockelmann, 1954, с. 208—212; Oxtoby, 1968; Winnett, Harding, 1978.

[2] Cantineau, 1930, с. X.

ленно арабскими не только по языку, но и по обособившемуся письму.

Вся совокупность лингвистических данных, которые удается извлечь из протоарабских и раннеарабских надписей, а также из внешних иноязычных источников, в которых приводятся арабские имена собственные, родо-племенные названия и топонимы, не позволяет составить сколько-нибудь ясное представление об арабском языке в целом и о языковой ситуации в Аравии до VII в. Данные скудны и отрывочны и отражают далеко не полный набор грамматических форм и ограниченный слой лексики локальных диалектов; кроме того, они связаны с пограничными областями, в которых происходили контакты между различными языками и культурами.

Между тем в центре Аравийского полуострова, где лишь в последние годы стали находить немногие эпиграфические памятники, вызревала форма арабского языка, которая легла в основу литературного. Она зародилась и развилась среди бесписьменных кочевых племен, обитавших на плато Неджд. Это был поэтический по преимуществу язык, на нем сочиняли стихи и песни.

Происхождение этого языка представляет трудную, но очень существенную проблему арабистики. Невозможно его датировать, сложно локализовать конкретно или связать с определенным племенем, неясно его соотношение с разговорной речью. Устная словесность арабов, созданная на их поэтическом языке, была записана после утверждения ислама и после разработки системы арабского письма, главным образом в VII—X вв. Следовательно, наши знания об арабском языке опосредованы не только системой письма, но и деятельностью тех людей, которые записывали произведения устной словесности, и предшествовавшей записи передачей этих произведений в ряде поколений.

Перед исследователем встает язык цельный, высокоорганизованный и словно бы завершенный в своем развитии, богатый синтаксическими и лексическими возможностями, единый если не для всех, то для большинства аравийских племен.

Хронологически древняя поэзия и генеалогические предания арабов восходят лишь к VI в., отчасти к V в.; более отдаленная временнáя ретроспектива в арабской устной традиции была утрачена или же обрела очень смутные очертания. Понимание реальной исторической обстановки, в которой происходило формирование языка арабской поэзии, затемняется и более поздними событиями. Во время завоева-

ний VII в. многие племена сдвинулись с прежних мест обитания, выселились частично или целиком за пределы Аравии, смешались друг с другом и объединились в новые союзы; генеалогические представления также подверглись некоторому переосмыслению.

Согласно раннесредневековой традиции, все бедуины говорили на «чистом» арабском языке. Встречаются и утверждения об особой чистоте языка отдельных племен, особенно центральноаравийских, но нет уверенности в том, что подобные утверждения обоснованы лингвистически; они могли вызываться, например, политическим соперничеством племен. В конечном счете высший языковой авторитет был признан за племенем курайш, из которого происходили пророк и правящие династии халифов.

Вероятнее всего, этот язык сложился в результате длительного развития на основе отбора разнодиалектных форм и их художественного осмысления. Из первоначального центра этот язык распространился довольно быстро, поскольку подвижные арабские племена регулярно общались; на ежегодных ярмарках и религиозных празднествах устраивались и поэтические состязания. Освоение новинок стихотворного искусства и присоединение к общей поэтической традиции облегчалось, очевидно, тем, что у каждого племени был свой собственный фольклор.

Язык поэзии не мог не отличаться от обыденного средства повседневного общения, от разговорной речи, в силу возвышенного характера своего предмета и более высокой степени упорядоченности. Овладеть им можно было лишь путем некоторого обучения и тренировки или благодаря особому дарованию; словесное искусство требовало отбора языковых средств, иначе нельзя было добиться выразительности и благозвучия стихов. В таком смысле справедливо общепринятое утверждение, что на поэтическом языке никогда не говорили. Представляется, однако, неудачным, когда этот язык называют «искусственным». Он искусствен в такой же мере, как и всякий язык поэзии, литературы, это язык словесного искусства, который сложился путем выделения и обособления, постепенного накопления признаков обработанной формы языка [3]; его оттачивали и совершенствовали многие поколения мастеров, позднее он был передан особой системой письма и описан филологами-теоретиками.

Существование единого языка поэзии — факт столь же непреложный, как и наличие диалектного членения разго-

---

[3] Гухман, 1981, с. 14—17.

ворного арабского языка. Арабские филологи VIII—X вв. много писали об ощутимых различиях между языком поэзии и разговорными формами речи племен, фонетических и лексико-грамматических. Однако их сообщения касаются лишь отдельных, бросающихся в глаза грамматических черт, особенностей произношения и словоупотребления, но не содержат систематических сведений о говоре (диалекте) какого-либо племени. Порой трудно даже определить, идет ли речь о мелких случайных отклонениях или же о более значительных отличиях диалектального характера. К тому же сохранившиеся известия охватывают далеко не все области и племена Аравии.

Например, впечатление о своеобразии выговора у того или иного племени филологи обозначали звукоподражательными словами вроде *гамгама, талтала, фашфаша, каскаса, кашкаша, тумтуманийа, рутта* и т. п. Совокупность наблюдаемых ими фактов, как выяснилось, сводится к противопоставлению двух групп языковых вариантов: «хиджазских» (по территориальному признаку) и «тамимских» (по названию крупного племени); иначе говоря, Центральная Аравия делилась на две диалектные зоны — восточную и западную, граница между которыми проходила посередине Неджда[4].

Важно подчеркнуть, что поэтический язык и племенные говоры представляли разные формы одного языка: звуковая, грамматическая и лексическая основа несомненно была у них общей. Благодаря такой общей основе арабский язык как реальное единство противостоял другим языкам, родственным и неродственным. В пределах этого единства существовали малозаметные переходы от одних территориальных и племенных особенностей живой речи к другим без нарушения взаимопонимания.

С распространением поэтического языка всюду установилась своего рода диглоссия: две функциональные разновидности одного языка дополняли друг друга и взаимодействовали. Говоры разных родо-племенных и территориальных коллективов оставались средством общения, мирно уживаясь с языком поэзии как средством духовной жизни на более высоком уровне. Язык поэзии способствовал сохранению общих черт и нивелированию различий между диалектами. Аналогию такой языковой ситуации ученые (В. Марсе, А. Флейш и др.) усматривают в Греции эпохи Гомера и называют язык арабской поэзии «поэтическим, или литературным, койне»[5].

---

[4] Rabin, 1951, карты на с. 14 и 30.

[5] Fleisch, 1947, с. 99.

Общеарабское койне постепенно расширило сферы своего социального применения. На нем сочинялись публичные речи, прорицания, сказания и т. п. В зависимости от среды и сферы применения койне реализовалось, очевидно, в разных вариациях. Оно допускало разнообразие в определенном диапазоне и компромиссно сочетало в себе особенности живых диалектов, консервируя вместе с тем накопленные архаические грамматические формы и обороты речи, древние слои лексики.

Из наиболее общих черт, присущих строю этого языка[6], коснемся лишь немногих, которые очень явно и постоянно проступают в рукописях, поскольку они повлияли на характер созданных на нем текстов и на систему письма, посредством которой тексты фиксировались.

Фонемный состав арабского языка складывается из 28 согласных и 6 гласных; два слабых согласных (или полугласных) — w и y — более других подвержены комбинаторным изменениям. Гласных, качественно различных, всего три — *a, u, y*; оппозиция по количеству (краткий : долгий) фонематична и играет важную роль. Исторически система из трех пар кратких и долгих гласных восходит к гипотетически восстанавливаемому прасемитскому языковому состоянию. Консонантный состав также почти целиком архаичен.

Соединение согласных с гласными при образовании языковых единиц более высокого уровня подчиняется определенным правилам: не допускается скопление согласных более двух кряду; два гласных не могут следовать непосредственно друг за другом; слог и слово начинаются только с согласного. Соответственно минимальной значащей единицей может быть только отдельный слог, но не фонема; преобладающий тип слога — открытый, состоящий из согласного и краткого или долгого гласного; реже встречается закрытый слог с кратким гласным, а закрытый слог с долгим гласным возможен только перед удвоением согласного и перед паузой (в конце фразы, предложения, стиха). Эти правила действуют также на стыках слов и вообще определяют слоговое членение арабской синтагмы, в которой отчетливо просматривается регулярность чередования гласных и согласных.

Существенно, что согласные и гласные фонемы образуют две относительно самостоятельные, функционально различающиеся системы, которые связаны отношениями взаимной дополнительности. Согласные несут основную смысловую на-

[6] Подробнее см.: Юшманов, 1938; Халидов, 1981; Халидов, 1982, с. 15—29.

2 Зак. 36

грузку, определяют семантику корня, а гласные уточняют корневые и выражают реляционные значения.

Корень, как правило, состоит из трех согласных; наряду с этим есть очень ограниченное число корней двусогласных (менее 40) и небольшое количество четырех- и пятисогласных, производный характер которых доказуем.

Корневая морфема из одних лишь согласных непроизносима и поэтому является абстракцией, только при наполнении ее гласными возникают конкретные словоформы. Реальность корня для языкового сознания доказывается тем, что его вещественное значение, или некая общая идея, присутствует во всех его дериватах.

Некорневые гласные элементы также несамостоятельны, их значения выявляются при сопоставлении разнокоренных слов. Проступает тенденция закреплять за определенными сочетаниями гласных постоянные лексико-грамматические значения, которые они способны сообщить любому корню. При стандартности корней и сочетаний гласных возникают не менее стандартные формальные схемы, или модели. Однако если для создания трехсогласных корней ресурсы практически неисчерпаемы (даже при отношениях несовместимости между некоторыми группами согласных), то скудный набор арабских гласных крайне ограничивает варианты огласовок. И все же часть возможных огласовок не нашла практического применения, а другая была использована многократно, для передачи разных значений, что открыло простор для синонимии и омонимии.

Комбинация «корень плюс огласовка» образует именные и глагольные основы и играет большую роль в словоизменении, но не является единственным средством. Другими средствами служат: дополнительное использование элементов корня, которое может состоять либо в удвоении (геминации) второго или третьего согласного, либо в их повторении порознь или вместе, либо в редупликации двусогласной ячейки; суффиксация и префиксация внешних формантов, обычно односложных (круг согласных, которые в них входят, ограничен), также варьируемых разной огласовкой.

Из совокупности этих приемов складывается техника словообразования и словоизменения в арабском языке. Подобная техника свойственна всем языкам семитской общности. Арабский же язык отличается тем, что в нем она используется интенсивно, доводится до логического конца — в результате создаются чрезвычайное разнообразие и обилие формальных схем и богатейшая лексика. Вся совокупность арабских глаголов и имен может быть сведена к исчислимому ко-

личеству типовых схем, или моделей, подавляющее большинство которых столь архаично, что признаются восходящими к прасемитскому.

Ядром корня может быть первичный глагол или первичное имя, зачастую это трудно установить. В некоторых корнях приходится усматривать слияние нескольких первичных имен или глаголов, так как эти корни выражают очень различные значения. Важно то, что от глаголов могут быть образованы имена, а от имени также с легкостью образуются глаголы, в свою очередь способные производить дериваты. Такой механизм облегчает словотворчество, пути конкретизации и абстрагирования лексических значений. Отыменные глаголы несут в себе вещественность значений, отглагольные имена сохраняют связь с действием или состоянием, а также глагольное управление. Особенно существенна способность масдаров, сочетающих в себе качества инфинитива и имени действия, абстрактно представить действие и состояние.

Сообщество слов, отпочковавшихся от одного корня, сохраняет ясное единство по происхождению, что материально осязаемо, слышимо на слух и видимо на письме. Обладая тремя устойчивыми корневыми согласными и типовыми схемами образования слов, дериваты складываются в гнездо, внутри которого этимологические и семантические связи явны и отчетливы. Высокая степень регулярности форм от стандартных корней имеет ряд следствий как для самой системы арабского языка, так и для функциональных сфер его применения.

Прежде всего этим объясняется так называемая алгебраичность арабской грамматики. С этим же связаны богатство и гомогенность арабского словаря. Большое количество продуктивных моделей сделало совершенно излишним такой способ образования слов, как словосложение. Иностранных заимствований в арабском языке сравнительно немного, отчасти потому, что он долго развивался на замкнутой территории с этнически однородным населением, в относительной изоляции от носителей языков иного строя. Имеющиеся заимствования из близкородственных языков в арабском почти неузнаваемы, так как они подпадают или подгоняются под какой-нибудь корень. Даже непродуктивные заимствования из более далеких языков (как персидский, греческий и латинский) уподобляются обычно словам от трехсогласных корней и подчиняются некоторым законам внутренней флексии.

Вне именной и глагольной систем стоят частицы, поскольку переогласовка и удвоение согласных в них почти не играют

роли, а число опорных согласных обычно меньше трех (если исключить производные от значимых корней). Это — необходимейший вспомогательный инвентарь языка, малочисленный (немногим более сотни единиц), но чрезвычайно употребительный. Если рассматривать эту пеструю группу с точки зрения формальной и функциональной, то в нее входят не только собственно частицы (клятвы, подтверждения, сравнения, вопроса, отрицания, восклицания, зова), но и предлоги, союзы, наречия и даже местоимения.

Синтаксис арабского языка относят к типу «свободных» в том смысле, что ему неведом жестко закрепленный порядок слов. Синтетический характер арабского слова, морфологическая выраженность категориальных признаков падежа, рода, числа и состояния у имени, лица, числа, залога и рода у глагола обеспечивают ему независимость от занимаемого в предложении места. Но это не значит, что порядок слов всегда произволен; свобода оказывается лишь относительной. Например, неразрывная связь скрепляет два имени в сопряженном состоянии, отсюда вырастают устойчивые словосочетания, иногда выражающие одно понятие; такая же связь имени и местоимения сливает их в одно слово. Почти столь же прочна связь определения с определяемым, имени с предлогом.

Основных типов предложения два: именное и глагольное. У обоих типов существует свой предпочтительный порядок слов, инверсии вполне допустимы. Большая роль отводится частицам, вводящим предложение: между предложениями стоят союзы, сочинительные и противительные. Глагол может самостоятельно служить предложением, его личная форма имплицитно передает и субъект действия; раздельное личное местоимение редко употребляется в качестве субъекта. Зато личное местоимение в косвенном падеже очень часто заменяет однажды упомянутый член предложения, главный или второстепенный, выраженный именем или словосочетанием: этот прием позволяет избегать повторений, делает фразу сжатой, экономной, но нередко вносит элемент неопределенности, поскольку теряется четкая связь местоимения с тем, что оно замещает, и в непосредственно предшествующем тексте обнаруживается несколько слов или словосочетаний, к которым это местоимение может быть отнесено. Сложное предложение для арабского языка малохарактерно, хотя каждый член предложения может быть развернут в отдельное предложение.

Надо заметить также, что арабский язык не имеет в своем арсенале глагола-связки, что затрудняло, например, адек-

ватный перевод философских текстов с греческого, придало некоторое своеобразие выражению отвлеченных рассуждений о бытии, тождестве и не-тождестве и, вероятно, сдерживало развитие оригинальной философской мысли [7]. Нет в этом языке и ярко выраженных вспомогательных глаголов типа «быть» и «иметь»; лишь некоторые глаголы начинательности и длительности употребляются в роли вспомогательных.

С природой арабского языка тесно и органично связаны формальные особенности арабской поэзии. Смыслоразличительная и структурная роль количественного различия гласных, естественное членение арабской речи на чередующиеся краткие и долгие слоги, которые соотносятся в пропорции 1 : 2, слабая выраженность ударения определили квантитативный по преимуществу характер арабской метрики. Достаточно было сделать чередование долгих и кратких слогов строго регулярным за счет искусного подбора и расстановки слов, как речь становилась мерной, а если достигалась повторяемость определенных слогосочетаний и конечных рифм, то формально получалась стихотворная речь. Типовые модели словообразования давали преобладающее количество слов, произносимых в восходящем тоне, то есть с переходом от краткого слога к долгому [8]. Неудивительно поэтому, что из 16 размеров, различаемых теоретиками арабской метрики, 10 обладают восходящим ритмом, остальные 6 — восходяще-нисходящим. Как показали исследования Г. Вайля [9], существенную роль в ритмообразовании играет также особое стиховое ударение, которое часто совпадает с обычным ударением в слове, а иногда расходится с ним.

Наряду с тем типовые схемы словообразования от стандартных корней и высокая степень регулярности словоизменения обеспечивают присутствие в языке набора словоформ одинаковой или соизмеримой длины. Совпадение конечных согласных у двух подобных слов приводило к их созвучию. Это открывало широкие возможности для рифмовки, что и было использовано с успехом в арабской поэзии и прозе. Одной-единственной рифмой можно было обойтись на протяжении ряда стихотворных строк, иногда многих десятков, что позволяло создавать целые поэтические произведения, основанные на ней. Моноримная арабская поэзия возникла естественно, вследствие реализации заложенных в языковом строе возможностей.

---

[7] См.: Бенвенист, 1974, с. 104—114, 203 и сл.; Afnan, 1964, с. 29 и сл.

[8] Fleisch, 1956, с. 49—50.

[9] Weil, 1954; EI, NE, I, с. 667—677 (G. Weil).

Язык древнеарабской поэзии хорошо развит и богат. Обилие синонимов для обозначения одних и тех же предметов, явлений, действий и качеств увеличивается еще больше за счет разнообразия именных и глагольных форм, широкого употребления эпитетов, подчас заменяющих нарицательные имена, большого количества метафор. Характерными средствами художественной выразительности в этой поэзии служат часто применяемые сравнения, конденсируемые в одно слово или развертываемые в целую картину[10].

Зарождение ислама обозначило решительный поворот в истории арабов и Аравии, в том числе языковой и литературной. Вместе со становлением ислама в Аравии складывалась языковая общность нового типа и появился литературный памятник неведомого прежде жанра.

Проповедь Мухаммада на ранней стадии его деятельности (610—622) находила выражение в кратких речевых периодах со своеобразным ритмом и рифмой. По ритмико-структурным характеристикам они представляли собой не стихи (минимальные подразделения текста Корана арабисты называют «стихами» в несколько ином смысле), а рифмованную прозу (*садж*ʻ), к которой прибегали и другие арабские ораторы и прорицатели той эпохи. Позднее содержание и форма его высказываний изменились, в них стали преобладать увещания и наставления, изложенные в длинных периодах речи со спокойным, уравновешенным ритмом и менее выраженной рифмой.

Мухаммад обращался к своим слушателям, безусловно, на том языке, которым владел он сам и который был общепонятен. Таковым был наддиалектный арабский язык, слегка отмеченный произносительными и лексико-грамматическими особенностями говора его родного племени курайш.

Созданная им община муслимов объединяла своих членов на основе единства культа; кроме курайшитов в нее почти с самого начала входили низы мекканского общества, иноплеменные рабы и вольноотпущенники. Языковое единство для общины не постулировалось, но само собой разумелось. Ощутимых языковых трудностей не встретилось, очевидно, и при распространении ислама по всей Аравии.

Мухаммад сам был убежден, что возглашает божественное откровение на «языке арабском, ясном»[11], который в ре-

---

[10] Крачковский (1924), с. 253 и сл.

[11] Коран XVI, 105; XXVI, 195. Эти суры относятся к периоду между 619—623 гг.; поводом для слов о «языке арабском, ясном», согласно преданию, послужила полемика с иудеями, в которой Мухаммад отстаивал истинность своей пророческой миссии (Грязневич, 1977, с. 48).

зультате его деятельности был возведен в ранг священного, уравнен по статусу с теми языками, на которых уже существовало Писание. Высказыванием о языке (родной язык всегда ясен и понятен его носителю) пророк подчеркивал значительность произносимого им откровения и утверждал самостоятельность небольшой общины своих последователей, и на определенном этапе это было важно скорее психологически. Практическая значимость арабского языка как орудия религиозно-политической жизни возрастала вместе с численным ростом и организационным укреплением общины. Налицо были предпосылки для сплочения разрозненных групп и коллективов в социально-коммуникативной системе с общим языком; вскоре это осуществилось на деле, когда Аравия, впервые в истории, была политически объединена теократическим государством.

В период «отступничества» (*ридды*) и усмирения племен правящая верхушка исламской общины была жизненно заинтересована в том, чтобы собрать, упорядочить и сохранить все, что возвестил пророк и в чем заключалось правовое и моральное обоснование ее власти. Между тем проповеди и распоряжения Мухаммада все еще находились во фрагментарном и разрозненном состоянии, хранились главным образом в людской памяти и отчасти в записях.

По поручению халифа Абу Бакра (632—634) бывший писец пророка Зайд б. Сабит составил сводный текст Корана. Так состоялось превращение устного Корана в Писание, Книгу, изготовленную тогда, вероятно, в одном экземпляре. Были, однако, и другие сподвижники Мухаммада (Убайй, Ибн Мас'уд, 'Али и др.), которые также занимались собиранием и составлением сводов Корана, частичных или полных. Они в основном совпадали с версией, изготовленной для халифа, но отличались от нее, как и друг от друга, в частностях, поскольку содержали местами не совсем ту же последовательность частей текста или отдельных фраз; расхождения состояли также в замене одного слова или грамматической формы другими, в разном объяснении повода высказываний и смысла некоторых фраз и слов.

Решить проблемы создания общепринятого текста Корана и единообразного истолкования его сразу не удалось, противоречивые версии Корана продолжали быть в ходу. Усилия по установлению полного и достоверного текста были возобновлены при халифе 'Усмане б. 'Аффане (644—656), и для этого около 651 г. была назначена коллегия из четырех авторитетных сподвижников пророка во главе с тем же Зайдом б. Сабитом. На сей раз работа была проведена более

основательная: собраны все доступные списки и сверены; в основу был положен тот же кодекс первого свода, который переходил от Абу Бакра к ʽУмару б. ал-Хаттабу (634—644) и затём к его дочери Хафсе (она же — вдова Мухаммада). Разница между первым и вторым сводами была, по-видимому, незначительной. Но другие списки повелели уничтожить, а новую редакцию размножить и разослать из Медины в крупнейшие города — Мекку, Дамаск, Куфу и Басру. Создание сводного текста Корана явилось важным этапом в становлении литературного языка и укреплении его социального статуса.

Присмотримся теперь внимательнее к средству письменной фиксации арабских текстов. Северносемитское письмо было буквенно-консонантным и, не отражая гласных, носило, по существу, слоговой характер; каждая его графема передает сочетание согласный+любой гласный и потому может рассматриваться как силлабема[12]. Создается впечатление, что изобретатели семитского письма сознавали неодинаковую функциональную роль согласных и гласных в своем языке и руководствовались его мерками: в алфавите (или силлабарии) насчитывалось 22 знака в соответствии с числом согласных фонем.

При усвоении северносемитского алфавита арабам понадобилось приложить усилия к тому, чтобы добиться однозначного соответствия согласных звуков их языка (или слогов типа С+Г) буквам в письме. Развитие шло не прямолинейно и заняло период в несколько веков; не все его этапы документально засвидетельствованы.

Вначале, при арабско-арамейском двуязычии, средствами арамейского письма передавали арабские имена собственные, звательные частицы, некоторые глаголы и другие элементы. Для записи арабских согласных, отсутствующих в арамейском, буквы подбирали не по близости звучания, а по этимологическому соответствию слов в обоих языках, например, naẓara как nṭār; установленное написание переносили потом по аналогии и на другие слова, не имевшие соответствия в арамейском. Но не все написания поддаются подобному объяснению[13]. Одна из 22 арамейских букв, *семкат*, очень редко применялась при написании арабских слов, позднее вообще отпала и не вошла в арабский алфавит. Система из 21 буквы в целом и каждая буква как частичка этой системы прошли свою графическую эволюцию в условиях зарождения

[12] Дьяконов, 1979, с. 11—14.

[13] Diem, 1976.

тенденции к курсивности, то есть связанности групп знаков в пределах слов. В конце концов оказалось, что несколько пар букв и одна группа из четырех букв, довольно четко различавшихся в древнесемитском квадратном письме, уже в набатейском постепенно сблизились или совсем совпали. Таковы знаки для ǧ и ḥ, z и r, p (араб. f) и q, а также b, y, n, t. Таким образом, уже в поздненабатейском письме, употреблявшемся для записи арабских словоформ, общее число внешне различаемых графем практически уменьшилось и свелось к пятнадцати. При этом, правда, несколько графем имели по два разных начертания. В таком виде эта графическая система перешла в свою раннеарабскую стадию и продолжала функционировать в течение нескольких столетий.

В раннеарабском письме тенденция к курсивности усилилась, подавляющее большинство букв стало связываться в пределах слова с обеих сторон; исключением остались буквы ', d, w, z, r, которые в набатейском редко связывались слева, а в арабском и вовсе не могли быть продолжены лигатурой [14]; опасное сходство или полное совпадение сблизившихся между собой букв стало более разительным. Появилась необходимость в каких-то новых приемах для их различения и опознавания. Выход был найден не в преобразовании форм букв, а в том, чтобы помещать над или под некоторыми буквами не соединяющиеся с ними диакритические значки. На раннем этапе, отразившемся в коранической орфографии, роль значков была отведена линейным штрихам или дужкам (лункам), позднее их заменили точками. Важен был сам принцип, состоявший в том, что некоторое число букв складывалось из таких двух графических элементов, которые записывались в отрыве друг от друга и не были специфичными только для данной буквы.

Конкретно: общая (в результате совпадения) для ǧ и ḥ графема ح была сохранена за ḥ, а как знак для ǧ она была снабжена одной точкой снизу; в паре z и r ставший общим для них корпус ر стал обозначать r, с точкой над ним — z; пару f и q различали сначала точкой вверху для f и точкой снизу для q, это сохранилось в одной из побочных линий арабского алфавита, но в основном его варианте для q были введены две точки сверху. Благодаря этим приемам было достигнуто различное обозначение всех 21 унаследованных из набатейского алфавита арабских букв.

В том же направлении была продолжена работа по изо-

---

[14] Cantineau, 1930, с. 35.

бретению дополнительных, отсутствовавших в набатейском букв; использовали имевшиеся в наличии графемы и добавляли к ним диакритические значки: ḫ стали передавать через корпус для ḥ с точкой наверху (خ); ṯ — через корпус, общий для группы b, y, n, t, но с тремя точками вверху (ث); ḏ — буквой d с одной точкой вверху (ذ); ḍ — буквой ṣ с одной точкой вверху (ض); ẓ — буквой ṭ с одной точкой вверху (ظ); ġ — буквой ʿ с одной точкой вверху (غ); общий для s и š знак ـسـ стал обозначать s, а с тремя точками вверху — š.

Так, в результате длительного развития возник арабский алфавит из 28 согласных букв; порядок их алфавитного расположения претерпел изменения по сравнению с традиционным, что можно рассматривать как следствие совпадения букв и введения новых: схожие по начертанию пары и группы были поставлены рядом, хотя были произведены также некоторые перестановки, не поддающиеся объяснению (например, перемещение h, w, y в конец алфавита). Осмысление алфавита как чисто арабского достояния произошло, очевидно, когда набатейское его происхождение было забыто. Один из этапов перестройки алфавита отражает его магрибинская ветвь, сохранившая иной, более близкий к традиционному порядок букв. Числовые значения букв, присвоенные им в исходном алфавите, были за ними сохранены, а новым буквам были приданы значения, продолжающие счет по сотням.

Курсивность, в зачаточной форме свойственная набатейскому письму и усилившаяся в раннеарабском, в зрелом арабском письме была возведена в норму. Этим было достигнуто выделение слова как языковой единицы, наглядно представленное в его графическом единстве. Не словоразделы, не условные расстояния между словами, а прямая связь букв одного слова обеспечивала это единство. От начальной буквы в направлении письма (то есть справа налево) тянулась линия к следующей букве — и так до конца слова. Ясно, что в таком письме перенос слова со строки на строку, как правило, исключен, а каждая буква приобретала разные конфигурации в зависимости от своей позиции в слове — начальной, серединной и конечной. Были выработаны устойчивые, регулярно повторяющиеся позиционные варианты графем, которые вошли в состав арабской алфавитной системы. Образцом для независимой формы буквы послужило ее конечное написание с отсечением ее лигатуры с предыдущей буквой, хотя эти две формы все же слегка различаются.
 Можно отметить еще, что независимые и конечные формы

нескольких арабских букв восходят к вариантам набатейских букв, другие представляют самостоятельные образования.

Правда, мы здесь снова сталкиваемся с непоследовательностью системы, с исключениями из правила. Шесть букв, а именно ', d, ḏ, r, z, w, допускают лигатурное соединение только с предшествующей буквой, то есть справа, но не с последующей; значит, слова, в которых они встречаются, разрываемы, теряют свою графическую связность. Сюда следует добавить, что некоторые частицы, чаще всего односложные, тяготеют к утрате статуса независимого слова и пишутся слитно с «полновесными» словами либо допускают слитное и неслитное написания; то же самое относится к сочетанию из двух частиц. Следовательно, формулируя правило «в арабском письме графема соответствует согласному звуку или слогу типа С+Г», приходится оговаривать, что 22 буквы реализуются в четырех вариантах, а 6 букв — в двух. Правило о графическом единстве слова дополняется исключением: оно может быть нарушено, если в его начале или середине есть буква из упомянутой группы («шестерки»). С другой стороны, графическая единица из ряда соединенных лигатурами букв может представлять собой сочетание из слова и частицы или сочетание двух частиц.

Выравнивание системы арабского письма как суммы отдельных, начальных, серединных и конечных вариантов букв (всего $22 \times 4 + 6 \times 2 = 100$) точно не датируется, но присутствует в самых ранних письменных памятниках, изначально выступая как специфическая особенность этой системы.

«Самой жгучей проблемой развития письма было обозначение гласных»[15]. Это положение бесспорно верно и в отношении арабского письма. Еще в арамейском (соответственно и в набатейском) согласные буквы ', w, y, h стали употреблять для передачи долгих гласных, преимущественно в конце слова. Арабское письмо унаследовало этот обычай и пошло по пути употребления букв ', w, y для более последовательного обозначения долгих гласных, не только в конце, но и в середине слова. Это явилось важным нововведением[16].

Краткие гласные буквенного обозначения не получили, как во всех ответвлениях семитского алфавита. Однако потребность отразить на письме фонематичные краткие гласные существовала, особенно остро она стояла в связи с текстами,

---

[15] Фридрих, 1979, с. 108.

[16] Но все же и в зрелом арабском письме строгое соответствие этих буквенных знаков трем долгим гласным не было установлено, наблюдались и некоторые отступления, отражающие исторические написания (их считают «дефектными»).

которые надо было воспроизводить многократно и единообразно. Вначале их стали обозначать точками, записываемыми цветными чернилами: i — точкой под буквой, за которой она следовала, a — над буквой прямо, u — над буквой со смещением влево или вправо. Но когда за точками была закреплена букворазличительная функция, графическими знаками кратких гласных стали наклонные черточки (штрихи): над буквой — для a, под буквой — для i; u передавали надбуквенным значком ʼ. Отсутствие, или снятие, краткого гласного обозначали кружочком над буквой, который стал употребляться также при букве, передававшей долгий гласный. Благодаря этому нововведению арабская графическая система отошла от традиционного силлабического типа, но не стала полностью алфавитной, поскольку передача кратких гласных фонем являлась функцией вспомогательных надстрочных и подстрочных знаков, но не полноправных строчных букв.

Совершенствование арабской орфографии на этом не остановилось, было введено несколько других дополнительных значков; но в ней сохранился ряд непоследовательностей, связанных и с различиями произносительных норм языка, и с устойчивостью традиционных написаний.

Вместе с употреблением букв ', w, y для обозначения долгих гласных ā, ī, ū произошло разделение функций этих букв. В письме действовал принцип экономии: когда появлялась необходимость ставить две одинаковые буквы рядом, пусть даже в разных функциях, одну из них стремились опустить. Этот принцип давно известен в семитских алфавитах, где удвоенный согласный записывали одним буквенным знаком; арабы ввели специальный надбуквенный значок ّ, указывающий на удвоение (геминацию) согласного. Если же его ставили над буквами ى или و, то он мог передавать также сочетание īy или ūw.

Наиболее сложные следствия имело раздвоение функций *алифа*, призванного обозначать ' и ā. Дело в том, что в ранней коранической орфографии, отражавшей мекканское (курайшитское) произношение, в котором гортанный взрыв перестал ощущаться как согласный звук, *алиф* стал передавать в начале слова краткие гласные (a, i, u), а в середине и конце слова обозначал только ā. Но при нормировании орфографии литературного арабского языка ориентировались на поэзию и более широкий круг диалектов, в которых произношение гортанного взрыва колебалось от твердого и отчетливого до слабого и едва заметного. Поэтому *хамзу*, как особо при-

 думанный знак этого согласного, начали ставить всюду, где

он встречается, и ввели в текст Корана, стараясь не затрагивать традиционного консонантного костяка. *Хамзу*, графему ء в форме уменьшенного ع, ставили либо на лигатурной линии, либо над *вавом, йа'* или *алифом*, либо без всякой подставки на уровне строчной горизонтали. Так появились его написания إ أ ء ئ ئ ء ' ؤ ؤ. Положение усугубляется еще тем, что согласный ' (*хамза*) бывает не только корневым: он появляется и как твердое начало речевого акта, и как интервал между двумя гласными, особенно долгими, и как комбинаторные превращения согласных h, w, y (неодинаково в разных диалектах, отсюда — разнообразие и колебания в орфографии *хамзы*).

После *хамзы* с подставкой опускали буквы *алиф, вав* и *йа'* в функции долготы, поэтому написания ئ ؤ стали передавать сочетания 'ū,'ī; в начале слова те же сочетания писали إئ أو, а сочетания 'ā писали либо أا, либо одним *алифом*, снабженным особым значком долготы ~, который стал употребляться иногда и при ā в середине или в конце слова, даже при ī, ū и в других функциях (как сокращение слов и фраз).

Окончания слов в ранней арабской орфографии было принято записывать, следуя набатейским образцам[17]. Например, неопределенное окончание имен на *-n* не отражалось на письме, только в винительном падеже ставили *алиф*. Слово «три» по-набатейски писали tlt, в винительном падеже tlta, а по-арабски — ṯlṯ или ṯlāṯ, в винительном падеже ṯlāṯa, тогда как оно произносилось в именительном падеже ṯalāṯun, в родительном — ṯalāṯin, в винительном — ṯalāṯan. Постепенно для передачи этого конечного -n стали вводить надстрочные и подстрочные значки в виде двоеточия, красной точки, лунки, в конце концов выбор был сделан в пользу удвоенных значков соответствующих кратких гласных (*танвинов*). Окончание -un в именах собственных именительного падежа на каком-то этапе передавали, очевидно, через *вав*, как в набатейском, но в арабском это сохранилось только в одном имени как исключение. В именах женского рода окончание на -t передавали даже не через t, как в набатейском, а через h, как в древнееврейском (в том числе и в сопряженном состоянии, где t произносилось отчетливо). Но в дальнейшем для указания на его произношение как t эту букву h стали снабжать двумя точками сверху, и в результате она стала практически графическим вариантом t.

---

[17] Köbert, 1960; Diem, 1973.

Одним словом, историческая орфография арабского языка развивалась в направлении от унаследованного набатейского письма к его приспособлению к нуждам звучащей речи. Накапливался длительный опыт проб и ошибок по установлению лигатурных написаний основного графического элемента (корпуса) букв, введению диакритических точек и прочих вспомогательных значков. Делалось это стихийно и довольно-таки бессистемно разными писцами. Индивидуальный произвол стремились устранить, время от времени предпринимались попытки если не нормализовать, то систематизировать орфографию. В результате был достигнут компромисс — было выработано письмо, включавшее в себя ряд особенностей исторического написания, обусловленных консерватизмом системы, и ряд особенностей, отвечавших требованиям произносительных норм двух основных групп диалектов, представленных соответствующими памятниками — Кораном и поэзией. Становление арабской системы письма можно считать завершившимся к середине VIII в., но оно не выразилось в каком-либо официальном акте, придававшем ей обязательную силу. В установившейся орфографии были как общепринятые моменты, так и спорные, оставлявшие место для колебаний и индивидуального выбора.

При общей тенденции арабского письма иметь одну букву для обозначения одного согласного, один вспомогательный значок — для одного краткого гласного, придать дополнительную функцию передачи каждого из трех долгих гласных одному согласному — то есть тенденции следовать фонологическому принципу — оно допускало множество отступлений. А именно: согласные реализовались в позиционных вариантах; при геминации вместо второй буквы писали *шадду* над одной; комбинаторные фонетические изменения лишь спорадически выражались в замене согласных или в появлении вспомогательных значков; бесточечные буквы сопровождались уменьшенными их изображениями снизу (иногда сверху) для надежного их опознания; долгие гласные имели по нескольку вариантов написания; окончание -n как показатель неопределенности имени записывали вспомогательными значками (исключение составляли технические тексты по метрике и грамматике); в частных случаях писали непроизносимые, избыточные буквы.

Благодаря набору вспомогательных значков система арабского письма приблизилась по своим возможностям к буквенно-алфавитным системам, как бы преодолела недостатки традиционного семитского слогового письма. Омографы в нем соответствовали языковым омофонам, в целом малочислен-

ным [18]. Однако если написание основного графического элемента букв было необходимым, чтобы письмо вообще состоялось, то написание вспомогательных значков всех типов и назначений не было наделено обязательной силой. Они так и не стали необходимым элементом жестко регламентированной орфографии. Их писали выборочно, опускали произвольно. Поэтому арабское письмо было исторически обратимым, способным вернуться к исходному состоянию, к той раннеарабской стадии, на которой графически различали 15 букв (в конечной и изолированной позициях 18; итого, с учетом вариантов, 66 единиц). Таким минимальным набором графем, кроме первоначального текста (*расм*) Корана, исполнялись многие надписи на камне, на предметах и монетах, а также некоторые документы и книги. Практическое движение вспять путем произвольного отбрасывания значков разных типов при сохранении графической основы букв с их лигатурами и орфографическими условностями создавало в текстах причудливые сплетения из элементов «полной» системы; ведь если принять за единицу каждый вариант всех 28 согласных (не только позиционный, но и по-разному огласованный, с *танвином*, со знаком геминации), то общее число единиц «полной» системы будет около 800; всякий текст, даже разные отрезки одного текста пишутся практически по разным правилам, при помощи различного набора графем, число вариантов которых может быть любым в пределах от 66 до 800. Чем меньше употребляется значков, тем больше нарушается автоматизм перевода условной графической системы в стоящую за ним фонетическую систему, тем более затрудняется чтение и становится многовариантным. Необходимо не только зрительно опознать графему (что зависит от почерка), но и угадать, какие значки опущены, недописаны. Проникновение в смысл написанного ставится в зависимость от знания самого языка, его лексики и грамматики, от филологической культуры читателя. Число омографов резко возрастает, и установление единственно верного чтения может не только поставить в тупик малоискушенного читателя, но и вообще превратиться порой в неразрешимую проблему. Если арабский текст записан только при помощи согласного каркаса, он зашифрован и нуждается в дешифровке. Количество подлежащих дешифровке элементов находится в обратной зависимости к числу проставленных вспомогательных значков.

[18] Например, прилагательное в сравнительной и превосходной степени в именительном падеже совпадает с глаголом 1-го л. ед. ч. несовершенного вида I породы, а в винительном падеже — с 3-м л. ед. ч. совершенного вида IV породы от того же корня.

Можно указать и на другие характеристики арабской системы письма, которые являются скорее преимуществом, чем недостатком. Она емка и экономна, занимает мало писчей поверхности[19]. Отсутствие буквенного обозначения гласных обнажает корневой строй языка, наглядно демонстрируя консонантный состав корня. Правда, группа согласных обладает способностью выступать в одной из двух ролей: входить в состав корня или принадлежать к словообразовательным и словоизменительным формантам; каждый раз в отношении этих согласных требуется точно установить, в какой из двух функций употреблены эти согласные в данном конкретном слове. Требуется также распознать, где появляется геминация, где корневой согласный из группы ', w, y исчез или претерпел превращение.

Определение состава корня и данной словоформы облегчается ограничениями на сочетаемость согласных[20], алгебраичностью морфологии и регулярностью форм. С другой стороны, обилие вспомогательных значков разного назначения, размещаемых в несколько ярусов над и под строкой, создает усложненный рисунок письма, таит в себе возможность пропусков, смещений и искажений, которые затемняют смысл текстов больше, чем в строго алфавитных системах письма — таких, где согласные и гласные обозначаются равновеликими строчными буквами. Лигатурный характер арабского письма открыл возможности для особого типа декоративного узора из его элементов — всевозможных растяжений и стяжений, взаимного переплетения; смещение точек позволяло создавать настоящие ребусы в надписях. Допустимость проставления или опущения вспомогательных значков, прежде всего диакритических точек, позволяла заниматься филологическими ухищрениями, сознательной игрой на особенностях графической системы.

Даже при наличии вспомогательных значков арабская система письма приспособлена лишь для отражения литературного языка; ее возможности для передачи текстов на одном из арабских диалектов, на других языках, с индивидуальными особенностями произношения и т. п. весьма ограничены. Еще более затруднена транслитерация иностранных имен, терминов, цитат. Как конвенциональная система для передачи звуковой системы, она скрывает аллофоны, варианты фонем, то есть не полностью отражает синхронистическую вариативность; как консервативная система, она неспособна по-

[19] Высказывалось даже мнение (Ribera, 1928, с. 185), будто с этим качеством письма связано обилие арабских рукописей.

[20] Юшманов, 1928, с. 21.

спевать за языковыми изменениями, то есть отразить диахроническую вариативность в произношении звуков.

Описанные системы арабского языка и письма, со всеми их достоинствами и недостатками, находят отражение в арабских рукописях и определяют важнейшие их особенности. Вынесенное в эпиграф суждение ал-Бируни (973—1048) показывает, как остро осознавались и точно оценивались выдающимися умами качества арабского письма, выступавшие наиболее выпукло при потребности передать иностранную научную терминологию [21].

К истечению первой трети VII в. арабы не только были объединены и сплочены исламской идеологией и государством, что позволило им организовать завоевательные походы далеко за пределы Аравии, но и обладали единым высокоразвитым языком, который сравнительно мало отличался от территориально-племенных диалектов; богатой устной словесностью, в которой выделяется достигшая расцвета поэзия; достаточно обособившейся, хотя еще не завершенной в своем развитии, системой письма; по крайней мере одной, но очень специфичной книгой, которая в середине того же века была еще раз тщательно проверена.

Арабские завоевания длились немногим более столетия и завершились созданием государства, простиравшегося от Пиренеев до Индии. Всюду в завоеванные области арабы принесли свой язык в устной и письменной формах и свою религию; начался процесс утверждения ислама и арабского языка среди местного населения, или, иначе говоря, процесс усвоения местным населением и того и другого. Он имел значительную протяженность во времени, в разных странах протекал с различной интенсивностью и принес неодинаковый конечный результат. Но именно этот процесс подготовил почву для развития арабской книжной письменности в обширном ареале, даже превосходящем тот, в котором когда-либо устанавливалось политическое господство арабов.

Нельзя сказать, что арабский язык навязывался силой — при помощи принудительных мер или же благодаря определенной, сознательно проводимой языковой политике. Просто сложившаяся социально-политическая ситуация обеспечивала арабскому языку режим максимального благоприятствования. Усиление его позиций шло, конечно, за счет ослабления, ущемления роли и сужения сферы применения других языков. Очевидно, арабское завоевание подорвало организационные устои прежних языковых коллективов, нарушило

---

[21] Бируни, Фармакогнозия, с. 139; Крачковский, IV, с. 255.

3 Зак. 36

привычные условия функционирования и воспроизводства языков, а также лишило привилегий ту узкую социальную прослойку, от которой зависело поддержание традиций. В то же время оно обеспечило привилегии тем, кто пользовался арабским языком. Последний занял более престижное положение как язык победителей, их религии и общины. Родоплеменная организация арабов и исламская община были способны вбирать в себя неограниченное количество новых членов и интегрировать их. Правительство временами пыталось даже воспрепятствовать этому.

Подданные мусульманского государства из неарабов, обретя статус *мавла* и вступив в исламскую общину, становились конститутивным элементом социума, способным влиять, порой определяющим образом, на его внутреннюю историю, в том числе языковую. Владение арабским языком становилось одним из символов принадлежности к новому коллективу, социально-идеологической и культурной солидарности его членов. Постепенно в этот процесс стали втягиваться и те социальные группы, которые жили в мусульманском государстве на положении *ахл аз-зимма*, не меняя своей религии.

Смена языка означала для индивидов и социальных коллективов не просто утрату одних языковых навыков и обретение новых, но и перестройку состава и структуры всей культурной информации, получаемой через язык; при этом порывались связи с историческим прошлым, с поколениями предков, с их традиционными стереотипами мышления и накопленными ценностями, либо они переосмыслялись по-новому. У освоивших новый язык и заключенную в нем информацию значительные изменения претерпевало самосознание, как актуальное, так и ретроспективное.

В результате распространения арабского языка лингвистическая карта Ближнего Востока, Северной Африки, части Южной Европы, Ирана, Закавказья и Средней Азии совершенно преобразилась[22]. За два с лишним века существования Халифата сложившаяся языковая ситуация в одних регионах приобрела устойчивый, необратимый характер и с небольшими изменениями дожила до наших дней; в других военно-политические события более поздних эпох привели либо к полному, либо к частичному вытеснению арабского языка

---

[22] Проблема распространения арабского языка затрагивается во многих работах, часто мимоходом. См., например, ценные замечания: Грюнебаум (1963), с. 34, 39, 44, 56, 65; Гойтейн (1973), с. 50; Ле Турно (1973), с. 157, 167, 169—170. Арабизация семитского населения Ближнего Востока исследована в статье: Poliak, 1938.

как средства живого общения, хотя всюду он оставил след в виде влияний.

Те же исторические события и социально-идеологические процессы не могли не сказаться на самом арабском языке. Действительно, долгому периоду его относительно изолированного развития наступил конец. Смешение разных племен в арабских армиях, военных лагерях и гарнизонах, новых поселениях и особенно в крупных городах привело к стиранию языковых различий между ними. Утверждать, что в эпоху исламизации Аравийского полуострова и арабских завоеваний за его пределами сложился единый разговорный арабский язык [23], быть может, слишком смело. Произошло выравнивание и сближение живых говоров, но не полное их слияние и единение. О сохранении заметных отличий в произношении, словоупотреблении и некоторых грамматических формах свидетельствуют арабские источники.

Приток арабизовавшихся по языку представителей других народов, простое количественное увеличение говорящих по-арабски интенсифицировали развитие языка. В самом деле, это увеличение значило многократное возрастание числа актов речевой деятельности, из которых, собственно, и складывается актуальная жизнь языка. В каждом речевом высказывании реализуются новые комбинации языковых средств и открываются возможности для изменения языка на всех его формальных уровнях. К тому же люди, которые впервые начинали говорить по-арабски, не могли сразу утратить свои прежние речевые навыки и привносили их во вновь усваиваемый язык. Есть многочисленные свидетельства тому, что уроженцы Ирана, Средней Азии и Афганистана не делали различия между звуками q и k, h и ḥ, ṣ и s, путали падежи, нарушали правила согласования подлежащего и сказуемого, вставляли иностранные слова и обороты. Даже природные арабы поддавались влиянию окружения и стали чаще допускать языковые ошибки [24].

Совокупное действие указанных факторов вызвало ускоренную эволюцию живого арабского языка. Главное изменение состояло в утрате конечных флексий в имени и глаголе, то есть говорящие перестали произносить краткие гласные в конце слов, останавливаясь на предыдущем согласном (что и прежде допускалось как поэтическая вольность и в паузальных формах речи). Это имело далеко идущие последствия: равновесие системы из трех пар гласных фонем рас-

---

[23] Fück, 1950, с. 5.

[24] Там же, с. 4—47.

шатывалось, редукция кратких гласных усилилась, появились качественно новые фонемы. Естественно, произошла перестройка слогового состава слов, более ощутимой стала роль ударения. Согласные звуки также начали терять устойчивость и традиционное произношение.

Фонетические изменения не были изолированными и сопровождались не менее знаменательной перестройкой морфологии и синтаксиса. Общее направление языкового развития можно сформулировать кратко: переход от флективного строя к аналитическому. И в классическом арабском синтетическое выражение реляционных отношений (падежей, наклонений и т. д.) дополнялось аналитическими средствами — частицами, предлогами, порядком слов. Теперь удельный вес этих средств значительно возрос, а система флексий упростилась.

Аналогичный путь развития давно прошли другие семитские языки, некоторые еще до их письменной фиксации, и здесь просматривается определенная закономерность. Живые в то время арамейские диалекты повлияли на формирование арабских разговорных диалектов в Сирии, Палестине и Ираке, поскольку частично послужили для них субстратом. В Египте и Северной Африке подобную субстратную роль сыграли коптский и берберские языки, отдаленно родственные арабскому.

Именно тогда, когда живые арабские диалекты вступили на путь ускоренного развития и начали отходить от традиционного стабильного типа, со всей остротой встал вопрос о нормативном языке для литературы и официального употребления. Естественно, что за эталон был принят язык устной словесности и Корана. Его стали усиленно закреплять в письменности, разрыв между ним и диалектами увеличивался.

Важные решения, способствовавшие упрочению позиций арабского языка, были приняты в правление халифа ʻАбдалмалика (685—705). Во-первых, делопроизводство в налоговом ведомстве было переведено на арабский язык. До этого в бывших византийских провинциях, особенно в Египте и Сирии, обходились услугами перешедших на службу к арабам старых чиновников, пользовавшихся привычным для них греческим языком, а в иранских провинциях — среднеперсидским. Второе решение касалось монетного дела: взамен прежних, доставшихся в наследство от Византии и сасанидского Ирана, был начат выпуск монет нового образца с арабской легендой. На монетах, в достаточном количестве сохранившихся до наших дней, особенно наглядно видно, как на смену прежним приходят новый язык и новая система письма.

Утверждение арабского языка в двух важных функциях, безусловно, подняло его престиж как языка государственного.

При этом же халифе был сделан существенный шаг в усовершенствовании арабского письма. Введение гласных и других вспомогательных значков связывают с инициативой ал-Хаджжаджа, наместника восточных провинций Халифата, и людей из его окружения. Упорядочение орфографии облегчило письменную фиксацию текстов, потребность в которых все возрастала. Конец VII и начало VIII в. дают уже значительное число памятников арабского языка — надписей, документов и литературных произведений. Период поисков оптимального варианта системы арабского письма и количественного роста письменных памятников в условиях интенсивного распространения арабского языка вызвал громадный интерес к языковым вопросам и породил большое количество лингвистических наблюдений. Следствием этого явилось возникновение учения о языке — его грамматике, словаре, стилистике, поэтике и метрике стиха.

Сквозь призму литературного языка, представленного в памятниках, просматриваются не очень отчетливые контуры разговорных диалектов, в той мере, в какой их влияние проникало в письменные тексты и могло быть отражено арабской графикой. Дальнейшая судьба литературного арабского языка связана главным образом с книжной письменностью, к рассмотрению которой мы и переходим.

Глава 2 КНИЖНАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Арабская литература — бессмертный памятник, созданный не одним народом, а целой цивилизацией.

Хэмилтон А. Р. Гибб

Коран был первой книгой на арабском языке и стал Писанием мусульман, Книгой по преимуществу, «матерью книг» (*умм ал-китаб*), наиболее часто читаемой и переписываемой в мире ислама. Но ранний этап постепенного превращения Корана в популярную книгу неясен; трудно сказать, как скоро размножались его копии и сколько времени он оставался единственной арабской книгой, когда появилась вторая книга, а за ней другие. В VIII в. было уже немало арабских письменных произведений, по крайней мере известны их названия и авторы, некоторые сочинения даже сохранились в поздних списках. В следующем веке авторы и сочинения насчитывались сотнями, а далее книжная письменность разрасталась интенсивно, воплощаясь во множестве разнотипных книг светского и духовного содержания.

Истоки почти всех отраслей арабской книжной литературы, знакомых по более поздним памятникам и рукописям, сама арабская традиция была впоследствии склонна возводить к VIII и частично к VII в., а от этого времени сохранилось очень мало прямых документальных свидетельств. Логично думать, что арабские книжные жанры должны были возникнуть где-то на рубеже VII—VIII вв., расти и развиваться во времени, медленно и последовательно. Но наука сталкивается с фактом исчезновения самых ранних сочинений.

Проблема начальной истории арабской литературы, или письменности, существует с самого появления арабистики и по-разному решается в зависимости от научных школ и направлений. Увеличение фактического материала и совершенствование исследовательских приемов добавляют новую пищу для незатухающей полемики по этой проблеме, одной из ключевых в арабистике. Два крайних ее решения опираются либо на полное недоверие к тем сообщениям и объяснениям, которые содержатся в самой арабской традиции, либо на

 признание достоверности этой традиции с небольшими ого-

ворками, поправками. Сторонники крайних или компромиссно-умеренных точек зрения по-разному заполняют тот промежуток в один-полтора века ранней истории арабской письменности (от 630 до 750-х годов и чуть позднее), когда происходили скрытое от нас вызревание ее жанров и медленный количественный рост авторов и произведений, неодинаково представляют внутренний процесс развития и раскладывают его этапы на хронологической шкале.

В то же время основные источники арабской письменности и магистральные пути ее становления в целом понятны. Во-первых, арабские книги сложились из записей произведений устной словесности, созданных по большей части задолго до появления ислама и хранившихся в людской памяти. Во-вторых, они представляют собой переводы с других языков. В-третьих, они возникли как продукт общественной мысли и литературного творчества раннеисламской эпохи.

Значит, проблема сводится к тому, чтобы установить, точнее говоря, реконструировать с большей или меньшей вероятностью, в какой последовательности появлялись арабские произведения указанных типов, кто, когда, где, в каких условиях и с какими целями занялся записями, переводами, сочинительством. Однако конкретная история арабской книжной письменности определялась комплексом политических, социально-демографических и культурных факторов, которых мы коснулись отчасти выше в связи с вопросом распространения арабского языка.

Крупномасштабные исторические события и процессы VII—VIII вв. обозначили резкие, глубокие перемены в судьбах народов и стран ближневосточного региона, которые были не просто механически объединены в новом государстве. Началась перестройка социальных отношений и форм социальной организации, интеграция разнородных элементов в языковом, культурном, религиозно-политическом отношениях. В складывавшемся общественном организме традиции разных культур слились в единое русло. В обширной зоне новой синкретической культуры, охватившей Юго-Западную Азию, Северную Африку и часть Южной Европы, сама Аравия стала лишь малой и не главной частью; в этносоциальном коллективе ее творцов и носителей арабы составили меньшинство, правда на первых порах очень активное и привилегированное. Зато арабский язык превратился в основное средство коммуникации и одно из важнейших средств самовыражения в том обществе, которое эту культуру создало.

Расширение арабской державы, расселение арабов в новых землях и особенно в городах, основанных ими или суще-

ствовавших издавна, распространение ислама и арабского языка среди наиболее активной части населения покоренных стран, укрепление позиций арабского языка в качестве государственного, завершение реформы орфографии — все это подготовило почву для дальнейших шагов арабской книжной письменности [1].

Если соотнести важнейшие факты литературной истории с фактами истории политической, то составление сводного текста Корана было предпринято, когда шло усмирение арабских племен и утверждение власти мединской общины во главе с халифом Абу Бакром на всей территории Аравийского полуострова. Второй этап создания сводного текста Корана был осуществлен после решающих сражений на Ярмуке, при Кадисии и Нихавенде, когда мусульмане уже овладели Сирией, Египтом, Ираком и Ираном. Об увеличении числа списков Корана свидетельствуют их упоминания в связи с гражданской войной 656 г.: когда убийцы ворвались к халифу ʻУсману, он держал в руках рукопись Корана (что дало повод для подделки его экземпляров со следами крови), а воины сирийского наместника Муʻавийи взывали к мести за ʻУсмана, подняв на острие копий свитки с текстом этой же книги. В эпоху арабских завоеваний (конец VII — начало VIII в.) средоточием интеллектуальной жизни исламской общины и литературного творчества на арабском языке были Аравия, Сирия и Ирак. Продолжала развиваться поэзия, возник интерес к генеалогиям арабских племен, разгорелись религиозно-политические споры, начался сбор преданий о раннеисламской общине и первых боевых походах мусульман. Особое внимание привлекали богословско-юридические вопросы, решение которых связывалось с истолкованием и применением тех или иных положений Корана. В связи с этим обсуждались разночтения его рукописей, разные способы его рецитации. Вся совокупность проблем и сложившаяся в государстве языковая ситуация придали актуальность филологии, прежде всего грамматике.

Именно в названных областях были созданы первые письменные произведения. На роль одной из самых древних арабских книг мог бы претендовать комментарий (*тафсир*) к Корану, принадлежащий ʻАбдаллаху б. ал-ʻАббасу (ум. в 688 г.), если бы была уверенность в том, что он был составлен в письменной форме. Известия о Ибн ал-ʻАббасе противоречивы. Согласно некоторым из них, от него сохранилось много рукописей; согласно другим, его комментарий был за-

[1] См.: Халидов, 1982а.

писан и дополнен учившимися у него передатчиками следующего поколения. Во всяком случае, на рубеже VII—VIII вв. жили несколько человек (Даххак, Муджахид, Са'ид б. Джубайр), которые прослыли авторами комментариев на Коран; на их толкования и через них на Ибн ал-'Аббаса ссылались авторы тафсиров Мухаммад б. ас-Са'иб ал-Калби (ум. в 763 г.) и Мукатил б. Сулайман (ум. в 767 г.), чьи труды дошли до нас уже в рукописях, хотя и значительно отстоящих от них во времени. Подобные же ссылки встречались и в утраченных тафсирах современников этих двух авторов[2].

К этому же периоду, до середины VIII в., относятся даты жизни некоторых «чтецов» (*курра'*), знатоков рецитации Корана, которые считались впоследствии основателями самостоятельных школ, или способов, «чтения». Но мы не знаем, закрепили ли они свой опыт в письменных сочинениях, как не знаем того, были ли тогда же написаны трактаты об орфографии Корана и разночтениях в первых его экземплярах (*масахиф ал-амсар* — «списки крупных городов»).

Сходное положение наблюдается в записи хадисов. Как известно, при обсуждении и решении множества разнообразных вопросов, которые вставали перед новыми поколениями мусульман, коранические установления оказывались недостаточными. Важный дополнительный источник для решения таких вопросов усматривали в повседневной практике, в поступках, речах, советах и рекомендациях Мухаммада. Вскоре после своей смерти Мухаммад стал превращаться в полулегендарную личность, в эталон человека, по которому надо строить жизнь и мерить поступки каждому правоверному. Идеальный образ пророка и вождя создавался, обновлялся и переосмыслялся каждым поколением; ему были посвящены многочисленные устные и письменные произведения, которые стали возникать очень рано. Учение о пророке Мухаммаде стало важной составной частью ислама, вошло в самый символ веры, в право и богословие, в историографию и литературу.

Сообщения, или рассказы, о высказываниях и поступках Мухаммада, о ситуациях, в которых был совершен поступок или произнесено высказывание, составили самостоятельную ветвь арабской литературы. К ним добавились рассказы о деяниях и речениях первых мусульман, сподвижников Мухаммада, его родичей, которые были также видными деятелями начальной исламской общины и государства. Каждое такое

---

[2] Abbott, 1967, с. 95—101; Sezgin, GAS, I, с. 34—37. Вопросы об устной и письменной форме ранних тафсиров интересно рассматриваются в статье: Leemhuis, 1981.

отдельное сообщение называется *хадисом* и подкрепляется ссылкой на непрерывную цепь лиц, через которых оно передавалось. Сообщения возводятся к кому-нибудь из ближайшего окружения Мухаммада.

Поначалу хадисов было сравнительно немного, но постепенно количество передаваемого материала и число участвующих в этой передаче людей увеличивались. Увеличение происходило за счет удлинения цепочек передачи (то есть перечня имен), варьирования путей передачи и самого текста хадисов. Главным же источником пополнения служили, очевидно, благочестивые измышления, невольное и намеренное хадисотворчество, в результате которого в число изречений Мухаммада и его близких попали афоризмы и сентенции — авторские и анонимные, фольклорные и литературные, известные и по другим, более ранним источникам на арабском и иностранных языках[3].

Письменная фиксация хадисов, передаваемых в основном изустно, прошла несколько этапов: от неупорядоченных записей к сборникам разных типов. От первого этапа практически ничего не сохранилось, кроме цитат в более поздних трудах. В начале VIII в. собиратели и знатоки хадисов в Медине, Басре, Куфе и Дамаске — среди них самые известные Ибн Шихаб аз-Зухри (ум. в 741 г.), Йахйа б. Са'ид ал-Ансари (ум. в 760 г.), Ибн Джурайдж (ум. в 767 г.) — были прозваны «книжниками» за свое пристрастие к письменному способу передачи хадисов. Собранные ими хадисы составляли, очевидно, значительное количество рукописей, каковыми тогда были отдельные тетради и свитки. Мединец аз-Зухри, который долгое время работал в Дамаске, пользуясь покровительством нескольких умаййадских халифов, является ключевой фигурой в истории письменной фиксации хадисов. Однако ни он, ни его современники не претендовали на роль первых составителей сборников хадисов: они ссылались на своих предшественников вплоть до представителей первого поколения мусульман, и не только на их устные сообщения, но и на записи. Самые ранние записи представляли, видимо, более или менее случайные подборки хадисов; позднее их группировали по именам тех лиц, которые назывались в качестве первоисточника или основного передатчика (сборники типа *муснад*); к концу рассматриваемого периода, то есть к середине VIII в., появились тематические сборники хадисов, приспособленные для практических нужд судопроизводства и управления.

---

[3] См.: Goldziher, 1890, с. 398; Sellheim, 1954, с. 20—21.

Коран, *тафсир* и *хадис* легли в основание исламского представления об обычаях и нормах, согласно которым должна протекать индивидуальная и социальная жизнь мусульман. Этот этико-нормативный идеал должен был еще дополняться и корректироваться коллективно выработанным «единодушным» мнением общины (*иджма' ал-умма*) и личным суждением (*ра'й*) ее выдающихся ученых и религиозно-политических лидеров.

Учение о законе (*шар'*, *шари'а*, шариат), неотделимом от *сунны* («обычая», «практики») пророка и общины, получило название *фикх* (букв. «знание [закона]»). После некоторой разработки и приведения в систему фикх стал юридической доктриной; сочинения по фикху составили отрасль арабской письменности, которая впоследствии пышно расцвела.

Комментирование Корана, хадисоведение и фикх развивались одновременно и друг на друга влияли. Тематические сборники хадисов явились важнейшими источниками права. У истоков фикха стоят знатоки хадисов и тафсира Абу Ханифа ан-Ну'ман б. Сабит (ум. в 767 г.), ал-Авза'и (ум. в 773 г.), Суфйан ас-Саври (ум. в 778 г.) и Малик б. Анас.

Учение о едином боге, его особых свойствах, о его власти над миром и человеком, об остающихся на долю человека возможностях и свободе его воли всегда стояло в центре внимания средневекового мусульманского общества, по крайней мере его интеллектуально активной части. Богословие развивалось сначала в русле комментирования Корана, хадисоведения и фикха и не вылилось еще в какие-либо специальные сочинения; его выделение в отрасль письменности произошло на следующем историческом этапе.

Как и во всех великих цивилизациях средневековья, в исламском мире на почве древних учений и народных верований возник мистицизм, принимавший разные формы. В исламе его сторонники получили название суфиев. На раннем этапе, однако, были только отдельные лица, склонные к аскетизму и подвижничеству. Впоследствии их называли первыми суфиями, хотя говорить о суфизме как о самостоятельном учении и социальном явлении для VII—VIII вв. не приходится. Все же от ранних аскетов остались некоторые изречения и стихи, подлинные или приписываемые им, и вошли в состав арабской письменности как памятники той эпохи.

Разветвление исламской общины на течения и группировки на почве религиозно-политических движений и догматических споров породило сектантские учения, но опять-таки от рассматриваемого периода мы имеем не законченные сочинения, а только фрагментарные высказывания.

Историография стала крупным разделом средневековой арабской письменности. Своим происхождением и идейными установками она обращена одной стороной к исламскому вероучению, другой — к светской литературе. Главным предметом арабских историографических трудов была история исламской общины, выраженная преимущественно в деятельности ее лидеров и ученых. Сюда были добавлены народные предания доисламской Аравии, легендарная история древних пророков и персидских царей — это образовало своего рода фундамент предыстории, придав исламским конструкциям вид общечеловеческой и мировой истории.

Для рассматриваемого периода можно сказать лишь, что хадисоведы, комментаторы Корана и отчасти филологи провели большую работу по сбору и классификации преданий и фактического материала по истории доисламской Аравии и ранней исламской общины. Собранные ими сведения и материалы сохранились лишь в обработке и в передаче более поздних авторов.

Одним из важных составляющих арабской книжной письменности стал обширный корпус древней поэзии, которая на протяжении нескольких столетий, через многие поколения людей передавалась изустно. Ее хранителями и передатчиками были профессиональные *равии* («рапсоды», «аэды»), а также самые обыкновенные бедуины, чаще всего соплеменники поэтов и их потомки. О многих ранних чтецах Корана, собирателях хадисов, историках, поэтах и просто образованных людях сообщают, что они же были знатоками старинной поэзии. Вместе со стихами помнили и рассказывали сопровождающие и объясняющие их истории, а также пословицы, изречения, сказки и легенды, из совокупности которых складывалась древнеарабская устная словесность.

Вопрос о том, когда начали записывать произведения устной словесности, остается дискуссионным и трудноразрешимым; вероятно, это могло произойти лишь в VIII в., хотя некоторые сообщения источников, в том числе упоминания «письмен» у древних поэтов, можно истолковать так, что записи существовали еще в доисламскую эпоху; отдельные исследователи (Ф. Кренкоу, Ф. Сезгин) склонны допустить реальность литературных записей VI—VII вв.

Кочевники Аравии, бедуины, любили поэзию, и среди них многие обладали способностью к поэтическому творчеству. Умение говорить складно и слагать стихи было у них столь распространено, что считалось вполне обыденным явлением. Нередко они, в том числе и женщины, импровизировали и выражали свои чувства стихами. В то же время поэтическое

слово пользовалось большим уважением, порой ему придавали магическое значение. Поэты в родо-племенном обществе Аравии играли важную социальную роль: в каждом племени обычно был свой признанный поэт, который защищал его своим словом, поносил врагов, откликался на значительные события, выступал на празднествах и поэтических состязаниях. Арабы оазисов и городов также хорошо знали бедуинскую поэзию, понятную им из-за общности языка, выдвигали поэтов из своей среды. При дворе правителей аравийских государств поэты из разных племен были желанными гостями, особенно когда пели им панегирики.

Глубоко самобытная древнеарабская поэзия прошла, несомненно, долгий путь развития в недрах устного народного творчества. Но в том виде, в каком она доступна для исследования, она предстает как нечто завершенное. Это уже не фольклор, большинство ее произведений имеют авторов, имена и родословные которых хорошо известны. Древнеарабская поэзия представляет личное творчество архаического типа[4], хотя и несет в себе многие особенности фольклорно-эпической традиции.

Способ высказываний в ней индивидуализирован, всюду оно идет «от автора», в виде прямой речи. Поэт ведет заинтересованный, эмоционально напряженный рассказ-воспоминание о том, что приключилось лично с ним, славит свои подвиги и добродетели, передает свои мысли и наблюдения. Он описывает конкретные явления и события, локализует их указанием на реальные топонимы, упоминает невымышленные имена людей, подлинные названия родов и племен.

Вместе с тем поэт не погружается целиком в свой внутренний мир, его взгляд обращен на внешние явления и события; он действует, наблюдает, порой размышляет в определенном социальном и природном окружении. И это окружение в разных поэтических произведениях оказывается удивительно схожим, повторяющимся. Главное их действуюшее лицо наделено исключительно положительными чертами, почти идеальными. Он совершенен телом и духом, храбр, неутомим, стоек к лишениям и ударам судьбы, лучший воин и охотник, наездник и следопыт; он предан своему роду-племени и всегда готов вступить в бой на его стороне, исполнить долг кровной мести; свои поступки он сообразует с бедуинским кодексом чести. Его качества выглядят как нормативные требования к взрослому мужчине любого племени. Неда-

[4] Как на близкую ей параллель М. И. Стеблин-Каменский указывает на древнеисландскую поэзию скальдов (Стеблин-Каменский, 1976, с. 83).

ром он говорит иногда во множественном числе от имени целого клана, неотделимой частицей которого себя ощущает: «мы» многочисленны, богаты, щедры, знатны, воинственны, доблестны, гостеприимны и т. п. В сознании поэта «мое» и «наше», личное и коллективное неразрывно связаны.

Творцы древнеарабских стихотворений жили в разных уголках обширной Аравии, не в одно и то же время, принадлежали к разным племенам и носили индивидуальные имена, но изображенное ими действующее лицо, типичный поэт-бедуин, имеет общие характеристики, словно бы скроен по одной мерке. Такой меркой служил этический и эстетический идеал, выработанный народным сознанием и ставший поэтическим каноном. Этому же героическому идеалу отвечают лица, которым поэты посвящали восхваления или которых оплакивали в элегиях (*риса', марсийа*). В сатирических стихах (*хиджа'*), напротив, подчеркивается несоответствие объекта сатиры идеалу.

Несколько особняком стоит образ отколовшегося или изгнанного из своего племени одинокого бродяги и разбойника — су'лука. Но и он по своим физическим и нравственным характеристикам оказывается типичным бедуином; противопоставление его крайнего индивидуализма коллективизму племени только подчеркивает всю силу обычаев и предписаний родо-племенного общества и устойчивость поэтического канона.

Древнеарабская поэзия знает одну-единственную форму законченного стихотворного произведения — касыду, которая состоит из нескольких десятков строк (*байт*) одного размера, непременно с одной рифмой. Единой сюжетной линии касыда не имеет, но обязательно включает несколько постоянных сюжетов, которые следуют в строго заданном порядке. Число всех возможных сюжетов можно свести к одиннадцати, из которых в каждой касыде должны присутствовать не менее четырех-пяти [5]. Композиционная схема касыды требует любовного зачина: поэт останавливается на том месте, где прежде жила его возлюбленная и где у них были счастливые свидания, узнает его по едва заметным остаткам очага и следам палатки, предается воспоминаниям и плачет. Затем следует пространная центральная часть касыды: поэт снова в пути и описывает своего коня или верблюда, виды аравийской природы, зверей и птиц. Если плач возле следов становища в начале и длинные описания в середине встречаются в любой касыде, то заключительная часть менее стандарти-

[5] Шидфар, 1974, с. 11—12.

зована: касыда заканчивается самопрославлением (ратные и пиршественные подвиги) или прославлением лица, которому она посвящена, восхвалением своего племени или хулой на враждебное племя либо же сочетанием разных мотивов.

Набор сюжетов и их последовательность определяются поэтическим каноном, конкретный повод и реалии заданы действительностью, а воплощение, форма произведения, зависит от индивидуального мастерства поэта. По одному шаблону были созданы удивительно разнообразные касыды. У каждого поэта их было всего несколько, но мы знаем по меньшей мере 125 имен поэтов доисламской эпохи, чьи творения хотя бы частично сохранились [6].

Помимо касыд от древнеарабской поэзии сохранилось множество коротких или фрагментарных стихотворений (*кит'а, мукатта'а*), насчитывающих от одного байта до полутора-двух десятков. Часть из них — экспромты, стихотворения на случай; таковы нередко сатиры и элегии (траурные заплачки); другую часть можно рассматривать либо как разработки отдельно взятых мотивов касыды, либо как отрывки забытых касыд.

Арабский стих (*байт*) тяготеет к грамматической и смысловой законченности, часто и к сюжетно-образной автономности. Даже когда изображаемая картина или сценка растягивается на несколько байтов, каждый из них передает обычно самостоятельную деталь. Переходы от байта к байту или от одной группы байтов, связанных общим содержанием, к другой отрывисты, неожиданны. Между ними существуют лишь ассоциативные связи, подсказанные игрой фантазии, но не развитием сюжета. Только сложные синтаксические конструкции и развернутые сравнения делают такие связи очевидными. Собственно, о развитии сюжета можно говорить лишь условно — движения нет, есть ряд статичных картин, сменяющих друг друга. Поэтому, если из произведения выпал стих или отрывок, это трудно заметить, как трудно восстановить правильный порядок стихов, если он нарушен; одни и те же байты относят к разным произведениям с такими же размером и рифмой. Еще сложнее обстоит с атрибуцией фрагментов; индивидуальные стили не различались так четко, чтобы однозначно устанавливать авторство по стилистическим признакам.

Бедуинские поэты отличались тонким восприятием родной природы, одухотворяли ее и использовали известные им свойства природных объектов для изображения человека.

---

[6] Blachère, 1964, с. 248—329.

Они создавали чувственно-наглядные зарисовки знакомых пейзажей, при помощи олицетворений и психологических параллелизмов описывали природу созвучной человеческим эмоциям и настроениям.

Исламу с его новой концепцией человека первоначально было присуще неприятие поэзии, унаследованной от эпохи «неведения» и пронизанной языческим миросозерцанием. Мухаммаду случалось возражать против того, чтобы его принимали за обыкновенного прорицателя или поэта; он имел и личные столкновения с какими-то поэтами и сказителями. Лишь на последнем этапе его деятельности два современных ему поэта сложили в его честь панегирики: это «касыда плаща» (*Касидат ал-бурда*, или просто *ал-Бурда*) Ка'ба б. Зухайра и стихи Хассана б. Сабита. В первые десятилетия исламской эпохи поэзия отошла на второй план и была менее заметной, хотя она безусловно продолжала культивироваться у бедуинов и объем стихотворной продукции, как всегда, был велик.

Дамасские халифы и окружавшая их знать обратились к обычаю прежних вождей племен и аравийских царей (*малик*) покровительствовать поэзии. Выдающиеся поэты VII в. (Джарир, ал-Фараздак, ал-Ахтал, Зу-р-Румма и др.) создали много касыд по древним образцам, особенно в жанрах восхваления и поношения. Тогда же в городах (Мекке, Медине, Дамаске, Басре, Куфе) получила развитие любовная лирика, формой для которой послужили небольшие самостоятельные стихотворения (жанр *газал*). Ярким ее представителем был мекканец 'Умар б. Аби Раби'а (ум. около 719 г.), который ввел ряд новинок в технику арабского стиха и значительно упростил поэтическую лексику. В бедуинской среде Аравии выделялись поэты, воспевавшие идеальную любовь, от которой поэт и его избранница страдали и погибали[7].

В придворной среде умаййадских халифов поддерживался также интерес к арабской старине — к стихам и песням, пословицам и преданиям. Источники приводят много сообщений о том, как в Дамаск приезжали рапсоды и сказители, декламировали, рассказывали и пели, получая вознаграждение и подарки от халифов и других знатных лиц. Весьма вероятно, что тогда же тексты подобных выступлений были записаны и вошли в число ранних письменных произведений. Таковыми могут быть «книги» 'Абида б. Шарйи, Дагфала,

---

[7] О знаменитых влюбленных, как Джамил и Бусайна, Кайс (ал-Маджнун) и Лейла, Кусаййир и 'Азза и др., были сложены позднее романтические повести.

'Алаки б. Курсума ал-Килаби (выступал рассказчиком при Йазиде б. Му'авийи, правившем в 680—683 гг.) [8] и др.

Начальный этап арабского языкознания окутан туманом легенд, но точно локализуется в двух новых иракских городах — Басре и Куфе. Первым грамматиком слывет поэт VII в. Абу-л-Асвад ад-Ду'али из племени кинана [9], получавший якобы указания халифа 'Али и его современников. Столь раннее возникновение грамматических представлений приходится признать малоправдоподобным, а сообщения об Абу-л-Асваде — полулегендарными.

На первую половину VIII в. приходится время жизни Ибн Аби Исхака (ум. в 735 г.) из Басры и его современника из Куфы Му'аза ал-Харра', которые считаются авторами первых сочинений по арабской грамматике, известных по упоминаниям в более поздних источниках. Филологическими вопросами занимались в большей или меньшей степени все хадисоведы, чтецы и комментаторы Корана, собиратели исторических и генеалогических преданий, знатоки поэзии. Зачастую в этот ранний период одни и те же люди писали на разные темы, поскольку отрасли знания были еще слабо дифференцированы. Учениками вышеназванных были знаменитые филологи Абу 'Амр б. ал-'Ала' (ум. в 771 г.), 'Иса б. 'Умар ас-Сакафи (ум. в 766 г.), Йунус б. Хабиб (ум. в 798 г.), ар-Ру'аси и др.

Иракскими филологами и богословами были выполнены переводы ряда письменных произведений с пехлевийского на арабский. 'Абдаллаху б. ал-Мукаффа'у (уб. в 759 г.) принадлежат перевод «Калилы и Димны» и переложения некоторых назидательных сочинений. Есть известия о том, что еще раньше в Дамаске по заказу Халида б. Йазида (ум. в 704 г.) и 'Умара б. 'Абдал'азиза (ум. в 720 г.) переводились с греческого сочинения по алхимии, медицине, науке о звездах, музыке; однако эти известия представляют, очевидно, сложенную позднее легенду [10].

Таков первый этап возникновения и становления арабской книжной письменности. Он охватывает время немногим более ста лет (610—750): эпоху Мухаммада и правления четырех халифов в Медине и умаййадских халифов в Дамаске (период образования арабской державы). Именно тогда появился письменный текст Корана, арабское письмо стало

---

[8] Его «Книгу пословиц» (*Китаб ал-амсал*) в 50 листов видел Ибн ан-Надим (с. 90) и упоминает Йакут (Иршад, 5, с. 66).

[9] Гиргас, 1873, с. 1—2.

[10] Ullmann, 1978; ср.: Sezgin, GAS, IV, с. 16—18, 120—126.

4 Зак. 36

употребляться в государственных канцеляриях, в деловой переписке, были составлены первые тафсиры и сборники хадисов, наметились зачатки богословия, историографии и филологии, продолжалось литературное творчество, особенно поэтическое, впервые были записаны некоторые произведения устной словесности, выполнено небольшое число переводов на арабский язык с пехлевийского и, быть может, с греческого. Однако количественная оценка этой ранней письменной продукции крайне затруднена, поскольку она почти целиком (исключая поэтические произведения, Коран и некоторые переводные памятники) растворилась в более поздней литературе, напоминая о себе лишь именами и названиями, цитатами и реминисценциями.

Настоящий подъем арабской литературы и науки — разветвление жанров, резкое увеличение количества авторов и сочинений, расширение ареала их распространения, огромный размах деятельности по созданию и размножению рукописей — относится к багдадскому периоду в истории Халифата во главе с династией Аббасидов (750—1258). Во многом это объясняется характером того народного движения и военно-политического переворота, в результате которых к власти пришли Аббасиды.

Середина VIII в. явилась важной исторической вехой в развитии арабо-мусульманского общества и государства. К этому времени более чем столетнее продвижение арабских армий приостановилось, завоевательные походы сменились боями местного значения, положение на границах Халифата стабилизировалось. На первый план выдвинулись внутренние конфликты: классовая борьба, соперничество различных группировок в борьбе за власть и право присвоения общественного богатства.

Одним из существенных аспектов всеобщего недовольства и социального брожения был протест против особых привилегий, которые предоставлялись арабам-мусульманам как воителям за веру и за исламскую державу. Действительно, в результате свержения правящей династии Умайядов были прекращены выплаты из казны арабским племенам. Упования народных масс на уменьшение налогового бремени и справедливое управление не осуществились, но ряды господствующих классов перестроились, изменился состав правящего слоя: доступ к наиболее важным должностям и распоряжению государственными доходами получили большие группировки неарабской знати из бывших *мавали*, уравненных в правах с арабами. В Халифате начался новый этап социальной интеграции, связанный также с новой волной мас-

сового обращения в ислам зороастрийцев, христиан и других иноверцев.

В исламском учении с самого начала подчеркивалась роль знания как одного из условий веры. Это способствовало довольно раннему и интенсивному развитию филологических и богословских дисциплин. В их разработке вместе с арабами принимали участие обратившиеся в ислам и усвоившие арабский язык выходцы из различных этноконфессиональных общин; их число постоянно увеличивалось. В раннеаббасидское время приток лиц неарабского и иноверческого происхождения в сферы интеллектуальной деятельности снова резко возрос. Зачастую они были лучше подготовлены к ней. В изменившихся условиях традиционные отрасли знания были не только приумножены, но и во многом переосмыслены.

Разительные успехи арабской письменности со второй половины VIII в. и далее хорошо видны на примере филологии. Вслед за упоминавшимися авторами первых грамматических трудов пришло новое поколение талантливых филологов, исследователей арабского языка и ревностных собирателей его памятников. Они также действовали сначала в Басре и Куфе.

Крупнейшим деятелем арабской филологии был ал-Халил б. Ахмад ал-Азди ал-Фарахиди ал-Йахмади ал-Басри (ок. 718—791). Его ученик Сибавайхи (ум. в 796 г.) дал систематическое и подробное описание грамматики арабского языка. Сам ал-Халил создал первый толковый словарь арабского языка *Китаб ал-ʻайн* и оригинальную теорию арабского стихосложения — *ʻилм ал-ʻаруд*. С его именем связывают также окончательную систематизацию арабской орфографии, самостоятельную школу чтения Корана и большой вклад в грамматическую теорию [11].

Одновременно в Куфе действовала группа филологов, также занимавшихся грамматическими изысканиями и признанных основателями самостоятельного научного направления. Самыми видными его представителями были Абу-л-Хасан ʻАли б. Хамза ал-Киса'и (ум. в 804 г.) и Абу Закарийа' Йахйа б. Зийад ал-Фарра' (ум. в 822 г.).

В конце VIII — начале IX в. большинство филологов Басры и Куфы переселились в Багдад, где образовали две соперничающие школы филологии; они плодотворно работали, написали множество трудов и вели между собой нескончаемые споры по частным вопросам грамматики. К середине IX в. у обеих школ определились лидеры в лице ал-Мубаррида и Саʻлаба; их полемика продолжалась до конца века,

---

[11] Reuschel, 1959; Халидов, 1982, с. 55, 59—62, 66—69.

но после их смерти утратила остроту. Конечная победа была одержана басрийцами, утвердившими непререкаемый авторитет своей школы. «Куфа была лишь эпизодом в развитии арабской грамматической теории»[12], в сущности единой. Построение теории завершилось в X—XI вв. трудами Ибн Дуруставайхи, Нифтавайхи, ас-Сирафи, ар-Руммани, Абу ʻАли ал-Фариси, Ибн Джинни и др. Основная их заслуга состояла в создании нормативной грамматики арабского литературного языка, которую они рассматривали в такой последовательности: синтаксис, словообразование, фонетика; морфология отдельно не выделялась, но затрагивалась во всех трех разделах как важнейшая тема их исследований. Кроме всевозможных переработок и комментариев фундаментальной «Книги» (*ал-Китаб*) Сибавайхи арабские грамматики писали множество трактатов и сочинений по частным и теоретическим вопросам.

В тех же ученых кругах Басры, Куфы и Багдада разрабатывалась арабская лексикография. Младшие современники и ученики ал-Халила описывали арабскую лексику в предметно-тематических монографиях; для них характерны: смысловой, не формальный отбор лексики, ограниченной какой-либо конкретной темой из реальной жизни или литературы; логическое или ассоциативно-беспорядочное расположение слов с объяснением их форм и значений; повышенное внимание к реалиям кочевого быта бедуинов Аравии. Как авторы малых словарей прославились ал-Асмаʻи (739—831) и Абу ʻУбайда (732—826). Первому принадлежат филологические этюды на такие разнообразные темы, как верблюд, конь, человек, одежда, оружие, жилище, финиковая пальма, растения и деревья, вода, редкие и странные слова, синонимы, антонимы и др.; на такие же или сходные темы писал лексикографические труды Абу ʻУбайда. Им подражали более поздние филологи, у которых также есть десятки аналогичных монографий. Абу ʻАмр аш-Шайбани (ум. в 822 г.) из Куфы составил словарь редкой поэтической лексики, объединив слова в побуквенные главы по первому корневому согласному.

Китаб ал-ʻайн ал-Халила на протяжении трех четвертей столетия оставался в тени при не вполне ясных обстоятельствах. Лишь в 60-е годы IX в. он постепенно входит в обращение и попадает в общее русло арабской филологической литературы; его начинают изучать, критиковать, комментировать и перерабатывать. Появляется серия словарей аналогичного содержания и построения.

---

[12] Fleisch, 1961, с. 33.

Второй большой словарь арабского языка составил Ибн Дурайд (837—933). Он жил в Басре как раз в те годы, когда там был обнародован труд ал-Халила. Во время восстания зинджей 871 г. он бежал в Оман, где провел среди бедуинов 12 лет; затем он перебрался в Фарс, правителю которого преподнес около 900 г. свою *ал-Джамхару*. В X в. еще несколько лексикографов предприняли создание больших словарей. Абу Мансур Мухаммад б. ал-Азхар ал-Азхари (895—981) учился в Багдаде, пробыл два года в бедуинских кочевьях и по возвращении в родной Герат работал над *Китаб ат-тахзиб*, который, в сущности, представляет расширенную примерами и улучшенную редакцию *Китаб ал-ʿайн*. Он использовал также материалы Ибн Дурайда. Абу ʿАли ал-Кали (893—967) учился в Багдаде, но подлинное признание нашел в ал-Андалусе, куда перебрался в 942 г. и где стал основателем местной филологической школы. Он дал еще одну расширенную редакцию *Китаб ал-ʿайн*. Несколько его учеников плодотворно занимались словарной работой. Их преемник Ибн Сида (ум. в 1066 г.) из Дении явился автором самого подробного словаря в духе ал-Халила — *ал-Мухкама*. Исмаʿил б. ʿАббад ас-Сахиб (938—995) предпринял в Рее сокращенную переработку словаря ал-Халила и назвал ее *ал-Мухит*.

По примеру Абу ʿАмра аш-Шайбани был создан ряд специальных словарей (вокабуляриев) избранной лексики из Корана, хадисов, поэзии и других отраслей литературы. Самый объемистый тематический свод лексики дал упомянутый Ибн Сида в своем *ал-Мухассасе* [13].

Принципиально новый способ расположения лексического материала в словаре предложил Абу Ибрахим Исхак б. Ибрахим ал-Фараби (ум. в 961 г.) [14], а наиболее четко его реализовал в общедоступном толковом словаре арабского языка Абу Наср Исмаʿил б. Хаммад ал-Фараби ал-Джавхари (ум. между 1002 и 1007 гг.), племянник и ученик Абу Ибрахима ал-Фараби. Следуя обычному порядку букв в алфавите, ал-Джавхари распределил корни по 28 главам, ориентируясь на конечный согласный; далее он рассматривал корни в последовательности первого и второго согласного, то есть 3-1-2, 4-1-2-3 и т. п. Такое построение толкового словаря закрепилось почти на целое тысячелетие. Объем труда ал-Джавхари был ограничен в соответствии с нормативными и пуристическими устремлениями автора (вульгарные слова и термины

---

[13] Haywood, 1960.
[14] Умар, 1974, особенно с. 16.

он сознательно отбрасывал); произношение и написание слов он старался объяснить в стандартизованных выражениях.

Одновременно с грамматикой и лексикографией было разработано учение о просодии и рифме арабского стиха. Родоначальником учения о фигурах и украшениях речи стал известный поэт ʻАбдаллах б. ал-Муʻтазз (уб. в 908 г.)[15]; параллельно с ним над вопросами поэтики и стилистики работали и другие филологи, в частности ал-Джахиз и Кудама б. Джаʻфар. На рубеже XI в. ал-ʻАскари дал систематический свод накопленного теоретического и иллюстративного материала в *Китаб ас-синаʻатайн.*

Так, за короткий срок в полтора-два века на почве арабского языка сложился целый комплекс филологических дисциплин и продолжал интенсивно разрабатываться в последующие столетия. Едва перед этим языком открылись широкие горизонты, как по теоретической оснащенности он стал превосходить большинство древних письменно-литературных языков. Следствия этого были существенными. Филологические науки способствовали стабилизации языковых норм и стилистических канонов, обогащению самого языка, упрочению его социальных позиций. Язык и филология шли рука об руку, вместе изучались и преподавались.

Главным образом филологам принадлежит заслуга в письменной фиксации наследия древнеарабской и раннеисламской устной словесности. Собственно, все филологические сочинения на это наследие опирались и в качестве примеров включали отрывки из стихотворных и прозаических памятников; всякий труд по грамматике, лексике, метрике и риторике может рассматриваться одновременно как источник по древнеарабской словесности и ранней литературе. Кроме того, филологи составляли различные сборники и антологии. Составителями подобных антологий были ал-Муфаддал ад-Дабби, Абу ʻАмр аш-Шайбани, Мухаммад б. Хабиб, ал-Асмаʻи, Ибн ал-Аʻраби, Ибн Кутайба, Ибн ас-Сиккит, ал-Мубаррид, Саʻлаб, ас-Суккари, ас-Сирафи, Абу-л-Фарадж ал-Исфахани и многие другие филологи и литераторы.

Арабская художественная литература в этот период развивалась ускоренными темпами. В частности, традиционная арабская поэзия заметно обновилась по содержанию и форме в творчестве многочисленных поэтов VIII—IX вв.: богаче и разнообразнее стали любовная лирика, панегирики, описания окружающей человека природной и культурной среды. Появились новые темы и жанры (этико-философские, юмористические, пародийные стихи и др.), а прежние стали более

[15] Крачковский, VI, с. 7—330.

утонченными как по выражаемым чувствам и мыслям, так и по техническому исполнению. Постепенно в нее вошли религиозные мотивы и темы (выражение благочестивых и покаянных настроений и чувств, прославление деятелей ислама). Главным внешним показателем происшедших перемен был «новый стиль» поэзии, под которым понимали обновление образных средств на уровне поэтической лексики и поэтического синтаксиса: сравнений и тропов, подбора слов, способов украшения речи. Поэты нового направления, в большинстве связанные с Багдадом и двором Аббасидов, вскоре нашли общественное признание. Популяризации арабской поэзии способствовало исполнение лирических стихов певцами и певицами в музыкальном сопровождении — это было одним из главных развлечений высшего общества.

Другой важной отличительной чертой раннеаббасидской эпохи явилась интенсивнейшая переводческая деятельность. Если раньше переводы представляли в основном устные пересказы и переложения, а число письменных произведений, переведенных до середины VIII в., было незначительным, то уже во второй половине VIII в. количество переводных сочинений возросло. Вначале преобладали переводы с пехлевийского: сказки, этико-назидательные сочинения, некоторые математические, медицинские и общефилософские труды (в свою очередь, большинство их представляло переводы с санскрита, сирийского и греческого на пехлеви), которые находились в распоряжении образованной элиты иранского общества до арабского завоевания.

Планомерная работа по переводу научных трудов была организована при халифе ал-Ма'муне[16] в начале IX в. Для этих целей была создана коллегия переводчиков при столичном «Доме мудрости» (Байт ал-хикма), как раз тогда учрежденном. Здесь работали Сахл б. Харун, Хунайн б. Исхак, его сын Исхак б. Хунайн, Хубайш б. ал-Хасан, Сабит б. Курра, 'Иса б. Йахйа. Были и другие переводчики, которые действовали в тот же период и немного позднее в Багдаде и вне столицы; всего известно до полусотни имен переводчиков VIII—X вв. Переведенные сочинения исчисляются сотнями названий и томов, а их авторы — несколькими десятками. Благодаря работе переводчиков произошла языковая метаморфоза громадного объема накопленных знаний, литературных и научных произведений, которые были унаследованы от ряда цивилизаций древности, являлись частью традиций мно-

[16] Некоторые важные инициативы, в том числе и организацию переводов, связывают иногда с более популярным именем его отца Харуна ар-Рашида, но едва ли это исторически справедливо.

гих этносоциальных коллективов и религиозных общин, которые уживались на территории Халифата, как прежде на территории Ирана и бывших византийских провинций. От переводных памятников берут начало арабская философия, география, математика, астрономия, теория музыки, алхимия и прочие оккультные «науки», медицина, ветеринария, фармакогнозия, ботаника, зоология, минералогия и некоторые другие.

Переводы не только выразились в большом количестве письменных произведений на арабском языке. В большинстве своем они подвергались переработке с добавлением арабо-мусульманского опыта, инкорпорировались в новые сочинения арабских авторов. Процесс шел двоякий: эллинистическое наследие арабизировалось, а арабо-мусульманская культура эллинизировалась. «Науки древних» были адаптированы в разном объеме и разрабатывались в дальнейшем с разной степенью интенсивности, в зависимости от этого каждая из них составила более или менее обширный раздел арабской книжной письменности.

Философия в средние века (следуя античной и эллинистической традиции) претендовала на роль универсальной и энциклопедической науки. Корпус аристотелевых сочинений вместе с их комментариями был почти полностью переведен на арабский язык. Мусульманские философы, мыслившие и писавшие по-арабски (ал-Кинди, современные ему и более поздние му'тазилиты, ал-Фараби и др.), стремились примирить между собой противоречивые греческие учения и, главное, согласовать их с религией. Как доказал А. В. Сагадеев[17], такое примирение и согласование было осуществлено при помощи эманационной концепции неоплатоников, которая вполне сознательно и умышленно была интегрирована в перипатетическую систему. В результате подобного переосмысления возникла философская классификация наук, имевшая ряд отличий от эллинистической традиции. В наиболее полном виде эту классификацию разработал Абу 'Али Ибн Сина (ум. в 1037 г.), создавший на ее базе свои энциклопедические работы.

Началом всех наук служит логика, наука «инструментальная». Далее науки делятся на три теоретические отрасли: физику, математику и метафизику; каждая из них имеет практические, или прикладные, аспекты. «Чистая физика объемлет дисциплины, исследующие вопросы о существующих предметах вообще, о материи, форме, движении и перводвига-

---

 [17] Сагадеев, 1980, с. 54—63.

теле; о простых телах надлунного и подлунного миров и о присущих им формах движения; о возникновении и уничтожении; о влиянии небесных тел и явлений на земную жизнь; о минералах; о растениях; о животных; о растительной, животной и человеческой душе. В прикладную физику входят медицина, астрология, физиогномика, толкование снов, наука о талисманах, наука о волшебстве и алхимия. Чистая математика включает в себя арифметику, геометрию, астрономию и теорию музыки. К чистой арифметике в качестве прикладных дисциплин примыкают индийское десятеричное счисление и алгебра; к геометрии — наука об определении площадей, механика, искусства, связанные с изготовлением гирь и весов, градуированных инструментов, оптических приборов и зеркал, а также гидравлика; к астрономии — наука составления астрономических и географических карт; к теории музыки — искусство изготовления музыкальных инструментов»[18].

Помимо всеобъемлющих трудов, пространных или кратких, философия и включаемые в нее теоретические и прикладные дисциплины излагались во множестве частных трактатов. Таковы, в частности, математические и астрономические сочинения, звездные каталоги. Самостоятельное хождение имела «Книга Евклида» (или просто «Евклид» — *Уклидис*) по геометрии с различными комментариями. Арифметические главы обязательно входят в тот раздел сочинений по фикху, где рассматриваются вопросы наследования и раздела имущества. С астрономией и счетом связаны произведения, посвященные лунному календарю, определению времени молитвы и поста, направления в сторону ал-Ка'бы.

В число переводов с разных языков входили сочинения по алхимии, астрологии, магии, кабалистике, гаданию, толкованию снов, физиогномике. У истоков этих знаний на арабском языке стоит загадочная фигура Джабира б. Хаййана (VIII в.), на которого потом все ссылались; немало сохранилось и текстов, ему приписываемых. В европейской арабистике не раз высказывались серьезные сомнения в их принадлежности Джабиру б. Хаййану и установилось мнение, что они возникли в исмаилитской среде IX—X вв., но Ф. Сезгин[19] настаивает на подлинном авторстве Джабира б. Хаййана. Вопросы оккультизма зачастую трактуются в сочинениях другой тематики.

Медицину ценили высоко и сочинения по ней переводили

---

[18] Там же, с. 73—74; см. также: Халидов, 1981а, с. 50—51.
[19] Sezgin, GAS, IV, с. 132 и сл.

особенно охотно. Большой популярностью пользовались переводные сочинения Галена и Гиппократа, труды врачей и переводчиков IX—X вв., преимущественно немусульман. Первым крупным мусульманским ученым, который занимался самостоятельной исследовательской работой и клинической практикой в Рее и Багдаде, был Абу Бакр Мухаммад б. Закарийа' ар-Рази (ум. в 925 г.). Его медицинская энциклопедия *ал-Хави* объединяла в себе содержание многих десятков монографий и трактатов античных, византийских, иранских, индийских, сирийских авторов, равно как опыт врачей Джундишапура и Багдада, а также его собственную практику; его перу принадлежит еще ряд медицинских трудов. Традиции арабской медицины были продолжены затем многими практикующими врачами и авторами.

Основными типами медицинских трудов явились трактаты об отдельных болезнях, их симптомах и лечении, об общих свойствах человеческого организма; алфавитные перечни лекарств, снадобий, трав, мазей; руководства по народной медицине; практические компендии-справочники для врачей и своего рода медицинские энциклопедии.

Небольшим количеством сочинений, переводных и оригинальных, представлены зоология (описания всех известных животных без попыток классификации) и ветеринария (о лечении коней, верблюдов, охотничьих птиц) [20].

Арабская ботаника тесно связана с фармакогнозией и начинается с перевода «О лекарственных средствах» Диоскорида (I в.), выполненного трижды: в Багдаде в середине IX в., в Кордове спустя столетие и снова в Ираке в XII в. Описания растений с точки зрения их лечебных свойств встречаются в медицинских сочинениях. Автором первого ботанико-филологического сочинения был, видимо, Абу Ханифа ад-Динавари (ум. в 895 г.).

На переводах с греческого и сирийского языков были основаны несохранившиеся минералогические сочинения ал-Кинди и ал-Джахиза, как и приписываемое Аристотелю сочинение IX в. *Китаб ал-ахджар*, известное в ряде рукописей. Ценный свод минералогических сведений, дополненный собственными наблюдениями и исследованиями, принадлежит ал-Бируни (ум. в 1048 г.) [21]. Минералы, в особенности драгоценные камни, представляли интерес для ряда ремесел, особен-

[20] Одна из редких рукописей сочинения этого жанра, *Китаб ал-баздара* ал-Хаджжаджа б. Хайсамы (жил в конце VIII — начале IX в.), находится в собрании ЛО ИВАН СССР (шифр — А 283); она происходит из Каира и датирована 691/1292 г.

[21] Рус. пер.: Бируни, Минералогия.

но ювелирного дела, и торговли, в них искали целебные и магические свойства: поэтому о них писали в трудах по медицине, фармакологии, алхимии, их воспевали в поэзии, рассказы и легенды о редкостных камнях встречаются в сочинениях по адабу и антологиях.

К кругу переводных сочинений относились ранние труды, сравнительно немногочисленные, в которых отразились такие сферы практической деятельности, как ремесла, земледелие и агрономия, военное дело, игры, изготовление ароматических веществ, кулинария и др.

Одну из ценных отраслей арабской книжной письменности составили географические сочинения, исходной базой для которых послужили переводы трудов Птолемея и индийских таблиц широт и долгот. Ученые Халифата, начиная с Ибн Хурдазбиха (ум. в 912 г.), внесли в развитие этой науки большой самостоятельный вклад, и не столько в теоретическом, сколько в практическом плане. Важнейшие труды (составившие в европейском издании «библиотеку арабских географов») приходятся на IX—X вв. Два основных направления арабской географической литературы, математическая и описательная, породили несколько типов сочинений: таблицы координат стран и населенных пунктов с введением и пояснениями; последовательное описание климатов обитаемой четверти земли, «путей и стран (или государств)», маршрутов почтовых и торговых путей; описания конкретных путешествий; сводные труды смешанного характера [22].

Начиная с VIII в. священнослужители и монахи восточнохристианских общин стали переводить на арабский язык Библию, евангелия, псалмы и произведения отцов церкви (некоторые ранние переводы и переложения были выполнены для мусульманских правителей). Постепенно возрастало и число авторов, которые писали по-арабски комментарии к Писанию, труды в защиту и в обоснование христианского учения вообще или определенной его ветви, полемические трактаты против ересей и против ислама, духовные этико-назидательные сочинения, а также труды по истории церкви и отдельных общин, в которых освещались и события, происходившие в мусульманском окружении. Некоторые труды по естествознанию, философии и медицине имели хождение в равной мере как среди христиан, так и среди мусульман. Стихи арабских поэтов христианского вероисповедания пользовались большой популярностью в мусульманской среде.

[22] Самое обстоятельное исследование арабской географической литературы принадлежит И. Ю. Крачковскому (1883—1951) и опубликовано посмертно: Крачковский, IV.

Духовная поэзия арабов-христиан развивалась под влиянием доисламской и исламской поэзии.

Иудейские общины на территории Халифата также стали, очевидно, испытывать сильное влияние арабского языка и создававшейся на нем литературы. Многие еврейские авторы стали писать по-арабски, но чаще пользовались при этом своим алфавитом, цитировали арабские труды в транскрипции и переводах. Наибольшее влияние на евреев оказали арабская филология и художественная литература; еврейские ученые начали разрабатывать грамматику древнееврейского языка по образцу арабской и достигли вскоре самостоятельных теоретических успехов. Охотно переводили они и арабские философские и научные сочинения.

Переводы существенно обогатили различные области арабской науки, литературы и богословия, развитие которых началось еще в предшествующий период, до середины VIII в. Особенно это заметно в разработке теоретических основ (*усул*) хадисоведения, филологии, юриспруденции и богословия. Доступность философского образования, диспуты с участием искушенных представителей других религий, социально-политическая борьба, формулируемая подчас в религиозных идеях, разделение исламской общины на противоборствующие секты и школы подняли мусульманское богословие на новый уровень абстракции, вооружили его новыми доводами и способами аргументации. Прогресс в различных областях арабской филологии сделал более утонченным подход к текстам Корана и хадисов.

В большом количестве трудов рассматривались вопросы об орфографии Корана и разночтениях в его экземплярах, о разделении его текста на равные части, о способах его рецитации, о неподражаемости стиля Корана и других его особенностях и достоинствах. Из века в век продолжали писать труды по экзегезе Корана — *тафсиры*. Фундаментальный итог к началу X в. подвел тафсир Мухаммада б. Джарира ат-Табари (838—923). Этот объемистый труд вытеснил более ранние тафсиры. Далее одни авторы стремились составить сжатые и компактные тафсиры, другие — более пространные и исчерпывающие, третьи — не столь эклектичные, как у ат-Табари, а отражающие определенные идейные позиции (например, шиитские, суфийские). Писали также комментарии на отдельные суры Корана.

Деятельность по сбору и критике хадисов достигла решающей стадии во второй половине IX в., когда были составлены шесть сборников, которые прочно и надолго завоевали
 авторитет в качестве канонических: *ал-Джами‘ ас-сахих*

(или просто *ас-Сахих*) ал-Бухари, Муслима и ат-Тирмизи, *ас-Сунан* Абу Да'уда, Ибн Маджи и ан-Наса'и. Сборник ал-Бухари стал практически вторым по значимости сочинением всего мусульманского мира после Корана. Хадисоведение превратилось в излюбленное, а зачастую и профессиональное занятие многих людей (с середины VIII по середину XI в. по меньшей мере около 400 авторов писали в этой области) и начало разветвляться на особые дисциплины. В частности, разделами *'илм ал-хадис* стали знание передатчиков (*риджал*) и путей (*турук*) передачи, классификация и критика хадисов.

К началу X в. окончательно оформились четыре основные и несколько менее значительных суннитских школ, или направлений, фикха. Складывался также фикх у шиитов — зайдитов, имамитов, исмаилитов. В основополагающих трудах родоначальников каждого направления (*мазхаб*) и их ближайших учеников и последователей рассматривается примерно одинаковый круг вопросов: ритуал и молитва, налог и милостыня, пост, паломничество, война за веру, суд и присяга, похвальные и предосудительные деяния, наследование, виды собственности, торговля, залог, взаимоотношения мусульман с иноверцами и т. д. Законодательство не было функцией мусульманского государства, и сводов государственных законов не существовало, поэтому сочинения по фикху приобрели особое значение; их количество очень велико, каждая из суннитских и шиитских школ фикха успела создать их по нескольку десятков уже к середине XI в.

Богословие было предметом самых ожесточенных споров, настоящим полем битвы, где разворачивались упорные идейные сражения. Их практическим следствием явились не только многочисленные письменные произведения, но и гонения на идейных противников, во время которых их сочинения уничтожались. Поэтому ранняя богословская литература мусульман плохо сохранилась. Погибла, например, основная масса сочинений му'тазилитов, как и других школ и сект, которые на какое-то время оказывались оппозиционными и преследуемыми. Иначе обстоит дело с трудами по догматике, нашедшими официальное признание, как труды ал-Аш'ари и его последователей ал-Матуриди и ал-Бакиллани и труды шиитов-имамитов. Догматика разрабатывалась во всеобъемлющих, пространных или кратких, сочинениях, в монографиях и полемических трактатах, посвященных отдельным сторонам вероучения (о единобожии, о миссии пророков, об имамате, о Судном дне и загробном мире и т. п.).

Арабская историография с конца VIII по начало XI в. достигла больших, можно сказать, решающих успехов. Уже

в 750—850 гг. были составлены многочисленные исторические сочинения: жизнеописание Мухаммада, сборник биографий его сподвижников и видных деятелей второго поколения, своды преданий различных групп арабских племен, монографии об отдельных крупных событиях и военных походах. В основном это книги Абу Михнафа, Ибн Исхака, ал-Вакиди, Ибн Са'да, Ибн Хишама, ал-Мада'ини.

Создание трудов более широкого плана, в которых разнородные материалы предшествующих авторов объединены в связное историческое повествование, относится ко второй половине IX в. (ал-Балазури, ад-Динавари, ал-Йа'куби). Ранний этап арабской историографии завершает огромный свод исторических и псевдоисторических материалов *Та'рих ар-русул ва-л-мулук* ат-Табари. В таком же духе писали его младшие современники Ибн ал-А'сам ал-Куфи (ум. около 926 г.) и ал-Мас'уди (ум. около 956 г.). Несколько авторов написали продолжение труда ат-Табари.

Уже в IX в. были написаны труды по истории Египта и ал-Андалуса. Далее труды по региональной истории нередко сливались с хроникой местных династий, предваряемой кратким обзором истории Халифата. Разрасталась биографическая литература в виде биографий отдельных лиц и сводов биографий; в последние включали сведения о людях, группируемых по роду занятий: ас-Сирафи — о грамматиках, Ибн Джулджул — о врачах, ал-Кинди и ал-Хушани — о судьях, ал-Джахшийари — о вазирах. Знатокам хадисов, поэтам и литераторам, певцам и музыкантам было посвящено по нескольку биографических сводов. Сведения из биографий разных лиц, прославившихся в той или иной области литературы, науки и богословия или своей социально-политической деятельностью, входили в самые различные книги. Труды придворных историографов уже в X в. превращались в своего рода биографические хроники о членах династии, которой они служили.

Несколько особняком стояли такие сочинения, как *Китаб ал-ма'ариф* Ибн Кутайбы (ум. в 889 г.) — историко-хронологический свод разнообразных сведений; *Китаб ад-дийарат* аш-Шабушти (ум. в 998 г.) — наполовину история христианских монастырей, наполовину литературная антология; *ал-Асар ал-бакийа* ал-Бируни (ум. в 1048 г.) — собрание историко-хронологических преданий разных народов и его *Тахрир ма ли-л-хинд мин макала* — разносторонний труд об Индии, основанный на переводах и пересказах индийских источников; опыты классификации наук Ибн Фаригуна в *Джавами' ал-'улум* и ал-Хуваризми в *Мафатих ал-'улум*; библио-

графический труд Ибн ан-Надима *Китаб ал-фихрист*. Сюда можно добавить, что в ал-Андалусе в X в. были переведены на арабский язык несколько христианско-латинских хроник V—VII вв. (св. Иеронима, Павла Оросия и Исидора Севильского), которые оказали некоторое влияние на местную историографию и стали достоянием арабо-мусульманского ученого мира[23].

В результате этого развития для верхушки средневекового арабо-мусульманского общества стали характерными вполне определенные формы исторического самосознания, четкое летосчисление по лунному календарю, преемственность историографической традиции.

Сравнительно невелика группа сочинений, переводных и оригинальных, посвященных вопросам социального устройства, политики, государственного управления, обязанностям и этике поведения правителей, судей и разных категорий чиновников (катибов, вазиров).

Наконец, следует отметить обогащение арабской повествовательной прозы благодаря притоку материала из разных источников и благодаря развитию всех перечисленных жанров. От аравийской старины дошли героические сказания и предания, пословицы и поговорки, крылатые фразы, речи, прорицания. Аналогичный материал, фольклорный или литературно обработанный, был переведен с других языков. К ним добавились из литературных источников легенды, притчи, басни, кратко сформулированная житейская мудрость древних. Развивалась повествовательная проза разных жанров — историческая, философская, духовно-назидательная, ораторская, эпистолярная, бытовая. Все это в разных сочетаниях и пропорциях включалось также в антологии и сочинения по адабу. В IX в. с персидского был переведен сборник «Тысяча сказок» (прототип сказок «1001 ночь»); наряду с тем в VIII—X вв. был переведен ряд других сборников.

Оригинальным жанром арабской прозы явились макамы— плутовские новеллы, или рассказы, которые образовывали обычно цикл с двумя постоянными героями. В них, как во многих других жанрах, употреблялась рифмованная и ритмизованная проза.

Таким образом, за три столетия становления и развития определилась в основном тематика арабских сочинений, закрепился и устоялся книжный репертуар. Разнообразная идеологическая, литературная и научная деятельность выразилась в большом количестве произведений, и книжная пись-

---

[23] Бойко, 1977, с. 77—78.

менность достигла внушительных размеров. В начале этого периода она была связана с прежними арабскими центрами (Медина, Басра, Куфа, Дамаск) и с Багдадом. В дальнейшем поднялось значение городов Ирана, Афганистана и Средней Азии, которые дали пополнение контингенту мусульманских ученых (Нишапур, Мерв, Бухара, Самарканд, Балх, Байхак, Герат, Газна, Рей, Шираз, Хамадан, Исфахан и др.). Крупными культурными центрами стали Мосул, Васит, Химс, Халеб, Иерусалим, Фустат—Каир, города Магриба (Кайруан, Тахарт, Фес) и ал-Андалуса (Кордова, Севилья, Толедо и др.). Но главным средоточием интеллектуальной жизни оставался, безусловно, Багдад.

Именно в этот период арабо-мусульманская культура, по крайней мере культура высших социальных слоев («элиты»), приобрела ярко выраженный письменно-книжный характер. Источники, питавшие эту письменную культуру, были разными, но результат был больше, чем сумма слагаемых, по различным показателям и характеристикам: по количеству сочинений и объему книжной продукции, по числу людей, вовлеченных в книжную деятельность (писателей, поэтов, ученых, переводчиков, переписчиков и др.), по социальному обращению рукописных копий, по охвату территории и населения. Более наглядно это будет показано в последующих главах исследования.

Но необходимо подчеркнуть единство сложившейся письменно-книжной традиции, поддерживаемой не только единством языка и государственности. Как раз государственное единство (если оно вообще когда-нибудь достигалось) начало расшатываться и разрушаться центробежными силами уже в IX в., а в следующем столетии стало фикцией. Однако преемственность книжной традиции сохранялась в репертуаре, основных идеях, жанрах и стилях. Рукописи циркулировали повсеместно, с легкостью преодолевая нечеткие и изменчивые границы феодальных государственных образований, замкнутость сект.

О развитии арабского языка в этот период следует сказать особо. Переводчики приспособили его для выражения отвлеченных понятий и создали научную терминологию; те, кто мыслил и писал по-арабски, еще более развили и интеллектуализировали его. Когда язык арабской поэзии, религии и государственности обрел статус языка науки, его престиж поднялся еще выше, воплощенные в нем знания увеличили его привлекательность для изучающих — тем успешнее он конкурировал с другими языками[24]. Множились

[24] Поддержанию высокого социального престижа арабского языка спо-

сферы применения арабского языка как в письменной, так и в разговорной форме. В каждой сфере употребления вырабатывался особый функциональный стиль со своей терминологией и фразеологией. Арабский язык стал системой с множеством подсистем.

К концу X в. литературный арабский язык окончательно отделился от разговорных диалектов, от средства живого повседневного общения, и стал мертвым языком книжной учености [25]. Его поддержание было связано отныне с системой обучения, с деятельностью филологов, богословов, ученых, с письменными произведениями. Но разговорный язык, особенно язык горожан и образованных кругов проникал в письменные произведения в виде различных отклонений от нормы (в правописании, в лексике и фразеологии, в морфологии и синтаксисе). Наметились две тенденции: пуризм, особенно строго соблюдаемый филологами, литераторами и мусульманскими богословами, и так называемый средний стиль литературного языка (или среднеарабский язык), который больше всего проявлялся в трудах по естествознанию и точным наукам, в памятниках простонародной литературы, в христианско-арабских и еврейско-арабских сочинениях.

Поскольку книжная письменность на арабском языке с середины XI по XVIII в. (и даже отчасти в XIX в.) по преимуществу традиционна, далее можно ограничиться предельно сжатым обзором, продолжив его опять хронологически, по крупным периодам, а не по регионам или отраслям знания. Нужно при этом иметь в виду, что область ее распространения изменялась, то сужаясь, то расширяясь, и что при всей ее традиционности возникали локальные особенности в наборе используемых и создаваемых сочинений.

Со второй половины XI по середину XIII в. Багдад все еще был культурной и книжной столицей мусульманского мира — при всех колебаниях его политического значения. В соответствии с ходом политической истории культурные центры множились, возвышались или приходили в упадок различные города. Например, крестовые походы, успехи реконкисты в Испании и норманнские завоевания в Средизем-

---

собствовало также всяческое его превознесение в трудах очень многих авторов. И. Ю. Крачковский считал это «своеобразным культом родного языка у арабов». Б. Я. Шидфар выдвинула тезис о том, что «преклонение перед словом» относится к числу «основных принципов образной системы арабской литературы» (Шидфар, 1974, с. 100—107); однако это едва ли правомерно, ибо речь идет о явлении из области социальной лингвистики или психологии, которое могло лишь опосредованно отразиться на образной системе литературы.

[25] Fück, 1950, с. 80—85; Fück, 1960.

номорье сократили земли, подвластные мусульманам, и очаги арабо-исламской культуры в Сицилии, на некоторых других островах, в сиро-палестинском регионе и в Северной Испании стали угасать. Напротив, на востоке Гуриды (ок. 1000—1215) продолжали политику своих предшественников по проникновению в Индию и исламизации ее населения, расширив тем самым область распространения арабского языка и книжной письменности на нем. Те же явления происходили в некоторых районах Средней Азии, Кавказа и Малой Азии.

Что же касается содержания арабской книжной письменности периода от середины XI в. до 1258 г., то следует начать с того, что арабская поэзия продолжала культивироваться от ал-Андалуса до Средней Азии; всюду было достаточно поэтов, обладавших высокой культурой слова и искусной техникой. Ценный вклад в поэзию внесла плеяда замечательных мастеров ал-Андалуса, где впервые были созданы и строфические формы (*мувашшах* и *заджал*), которые были подхвачены также на Ближнем Востоке. Все чаще поэтическим языком выражает себя суфизм, самые знаменитые арабские поэты-суфии жили именно в это время — Ибн ал-Фарид, Ибн ал-ʿАраби, ал-Бусири. В области сюжетной прозы лучший, по общему признанию, цикл макам создал ал-Харири (ум. в 1122 г.) из Басры. Продолжали составлять всевозможные диваны и антологии, которые включали в себя как памятники древнеарабской эпохи и первых четырех веков ислама, так и творения новых поэтов и писателей. Особую популярность приобрели сочинения по адабу.

Все разделы арабской филологии разрабатывались во все новых сочинениях многочисленными авторами, представленными в каждом значительном городе с мусульманским населением и в каждом поколении. Филология была одним из основных предметов преподавания в учебных заведениях и важным элементом общего образования. Грамматические сочинения этого времени представляли обычно комментарии к более ранним трудам или их переложения в учебных целях, иногда — исследования по частным вопросам или сопоставительный анализ разных точек зрения. Нередко создавались ценные произведения, вроде *ал-Муфассал* аз-Замахшари, комментарии Ибн Йаʿиша к *Китаб* Сибавайхи, лаконичные учебники Ибн ал-Хаджиба и др., хотя преобладали сочинения эпигонские. То же самое можно было бы повторить о трудах по метрике, риторике и лексикографии. Приемы и принципы лексикографической работы (вокабула с этимологическим, грамматическим и реальным комментарием) нашли применение в ряде областей знаний, в результате чего

появились словари фармакологические, географические, ботанико-минералогические, биографические и др.

Богословско-коранические дисциплины разрабатывались с неослабевающим интересом и интенсивностью во всех мусульманских странах. Писали сочинения по *кира'ату, таджвиду, тафсиру*, комментировали прежние; составляли новые сборники хадисов, перерабатывали классические *сунан* и *сахих* IX в., развивали основы (*усул*) хадисоведения, собирали новые своды данных о передатчиках.

Наибольший объем письменной продукции давал фикх с его обширной тематикой. Этому в немалой степени способствовало то, что во второй половине XI в. из различных типов учебных заведений выделилось и заняло особое положение медресе (*мадраса*). Главным предметом изучения в медресе был фикх, центральной фигурой — знаток и преподаватель фикха, *мударрис*[26]. По четырем суннитским мазхабам были написаны труды, которые были признаны основополагающими и стали потом очень популярными[27].

Огромным количеством сочинений представлена в этот период мусульманская догматика, например сочинениями таких продуктивных авторов, как Ибн Хазм, ал-Газали, Ибн ʽАкил, Фахраддин ар-Рази. Все более широкое распространение получали суфийские братства; каждое направление суфизма создавало свои книги с изложением догматов, набором молитв и описанием путей приближения к богу, духовных подвигов святых и их жизнеописаниями. Сравнительное богословие (или ересиография) принесло капитальные труды Ибн Хазма (ум. в 1064 г.) и аш-Шахрастани (ум. в 1142 г.).

Самым характерным явлением в историографии стали труды по региональной истории и династийные хроники. По всеобщей истории был написан знаменитый *ал-Камил* Ибн ал-Асира (ум. в 1233 г.). Расцветала биографическая литература в своих многочисленных разновидностях и формах. Ценными сводами явились, например, *ал-Икмал* Ибн Макула, *Китаб ал-ансаб* ас-Самʻани и *Иршад ал-ариб* Йакута.

Переводы на арабский язык в этот период очень редки; идя на убыль, они почти прекращаются. Интерес к литературным и научным произведениям стран и народов, лежащих вне исламского мира, пропадает. Продолжается замкнутый круговорот концепций, идей, фактов и образов, содержащихся в существовавшей к тому времени арабской письменности

---

[26] Makdisi, 1981, с. 1—34.

[27] Например, ханафитские *Мухтасар* ал-Кудури, *ал-Хидайа* ал-Маргинани, *Фатава* Кадихана.

или в сочинениях, создаваемых на новых этапах жизни мусульманских народов. Отныне арабские книги признаются наиболее насыщенными информацией, и их начинают переводить на другие языки в значительном количестве (прежде это делалось лишь спорадически). Переводы с арабского идут в двух направлениях: на литературные фарси (или парси) и тюрки в пределах исламской общины, на еврейский и латынь — для распространения вне ее.

Труды в различных областях науки и философии создаются в немалом количестве. Крупными центрами философской мысли остаются Багдад, Хорасан и ал-Андалус. В последнем мы находим плеяду знаменитостей — Ибн Туфайл, Ибн Баджа, Ибн Рушд. Логика и диалектика стали предметом преподавания в медресе, для этого был написан ряд компендиев в качестве учебных пособий, особенно известны *ал-Исагуджи* и *ар-Рисалат аш-шамсийа*. Значительные географические труды были созданы ал-Бакри в ал-Андалусе, ал-Идриси в Сицилии и Йакутом в Хорасане — Ираке — Сирии. По математике писали учебники и трактаты по частным вопросам; так же обстояло дело в астрономии, медицине, ряде прикладных и оккультных дисциплин.

Христианско-арабская литература XI—XIII вв. продолжала развиваться в направлениях, которые наметились в предшествующий период. Правда, после наивысшего подъема творческой активности у мелкитов, несториан и яковитов, продолжавшегося до конца XI в., традиция начинает ослабевать. Иное положение сложилось в коптской церкви; здесь расцвет арабской письменности наступил в конце XII и в XIII в. и выразился в большом числе произведений многих авторов, из которых самые известные — сыновья ал-ʿАссала[28].

Период от второй половины XIII по XV в. богат событиями, которые сузили зону распространения арабского языка, сократили объем литературной и научной деятельности на нем, сопровождались уничтожением арабских книг в массовых количествах. С другой стороны, победы над крестоносцами и монголами возвысили значение Египта и Сирии в качестве центров арабской культуры. Туда переехали многие ученые из восточных областей бывшего Халифата, как из ал-Андалуса — в Магриб. А когда монгольские правители в Иране и Золотой Орде спустя несколько поколений приняли ислам, всюду в их владениях стали возрождаться традиционные отрасли богословия, науки и литературы на араб-

---

 [28] G r a f, 2, с. 294—300, 387—414.

ском языке. Особенно был заметен некоторый подъем точных наук и медицины. Но теперь произошло новое перераспределение «сфер влияния» между языками арабским, фарси и тюрки. На долю первого остались Коран и коранические дисциплины, хадисы, фикх и догматика, точные науки и естествознание, арабская филология, да и то в обедненном виде: учебные пособия для медресе, всякие компендии на основе прежних книг, комментарии. Все, что было актуально, злободневно в области общественной мысли, литературы и историографии, писалось в мусульманских странах с неарабским населением не по-арабски. Даже научные и богословские труды нередко писались на фарси и тюрки либо сопровождались переводом или комментарием на этих языках. Тем не менее большинство грамотных людей владели арабским языком, пользовались арабскими книгами, сохранившимися или приумноженными копированием.

В Египте, Сирии, Аравии и Верхней Месопотамии при Аййубидах и мамлюкских династиях, а также в Магрибе и на юге Испании, где были свои местные династии, было создано в этот период множество арабских сочинений, в том числе и представляющих большой интерес. Едва ли хоть одно из традиционных направлений арабской письменности было оставлено без внимания.

В области художественной литературы наблюдается тенденция к опрощению языка и использованию строфических и народных песенных жанров; были записаны и литературно обработаны фольклорные произведения наряду с сохранением и культивированием «высокой» поэзии; составлялись также антологии.

По грамматике, метрике и риторике были написаны новые компендии и трактаты. Ибн Манзур (ум. в 1311 г.) и ал-Фирузабади (ум. в 1414 г.) дали богатейшие своды арабской лексики в своих словарях.

В богословско-юридических дисциплинах и историографии происходило своеобразное подведение итогов предшествующего развития. Ас-Суйути написал историю коранических наук и филологии, ас-Сахави — историю арабской историографии; Ибн ал-Кифти составил свод биографий грамматиков, он же и Ибн Аби Усайби'а — биографий врачей и философов; ас-Сафади и Ибн Хаджар ал-'Аскалани — биографий передатчиков хадисов и историков; ас-Субки — биографий факихов-шафиитов и т. д. Был написан ряд историко-географических трудов, династийных и всеобщих хроник. Выдающийся труд создал Ибн Халдун (ум. в 1405 г.); он предпослал своей всеобщей истории «Введение» (*Мукаддима*), в кото-

ром развил и обосновал свои теоретические, в основном материалистические, взгляды на человеческую историю. Несколько авторов (ал-Калкашанди, Ибн Тагрибирди, ан-Нувайри, ал-Макризи и др.) написали большие энциклопедические труды, охватывающие весь комплекс богословско-гуманитарных знаний мусульманского мира.

Из других областей знания можно отметить серию книг по военному делу, написанных разными авторами для мамлюкских военачальников, и многочисленные медицинские труды врача Ибн ан-Нафиса.

Книжность у арабов-христиан в это время усердно поддерживается, хотя творческая литературная деятельность слабеет.

В период XVI—XVIII вв. Ближний Восток и Северная Африка были поглощены Османской империей; только султаны Марокко, мекканские шарифы и временами династии на юге Аравии оставались относительно независимыми. В остальной части мусульманского мира доминировали сефевидский Иран и империя Великих Моголов; полунезависимые династии существовали в прикаспийских и причерноморских областях, Средней Азии, Афганистане, Индии, Экваториальной Африке. Натиск европейских государств приводил к постепенному превращению мусульманских стран в колонии и полуколонии.

В этих условиях книжная деятельность на арабском языке отнюдь не прекратилась, но продолжалась, пожалуй, с неменьшим размахом, чем прежде. По крайней мере это относится к копированию книг, к поддержанию рукописной традиции.

Ареал распространения арабских рукописей даже расширился благодаря турецким завоеваниям в Европе (на Балканах), дальнейшей исламизации Индии, торговой и миссионерской активности оманцев и магрибинцев в Африке, хадрамаутцев в бассейне Индийского океана, главным образом в Индонезии. И в странах, попадавших в колониальную зависимость от европейцев, копирование рукописей, преподавание по ним не иссякали.

Только по содержанию рукописная продукция позднего периода, XVI—XVIII вв., значительно уступала тому, что наблюдалось в арабо-мусульманском мире раньше; в лучшем случае в ней повторялись прежние достижения, сохранялся давно достигнутый уровень. А по сравнению с тогдашней Европой все это представлялось уже как застой и упадок, глухое средневековье, упрямый консерватизм, вялость мысли, отсутствие энтузиазма и движения вперед. Арабская рукопис-

ная книга все больше отставала и в техническом отношении от печатной книги динамично развивавшихся стран.

При всем том на арабском языке было написано большое количество новых произведений, среди которых обнаруживаются очень ценные (арабистика, увлекавшаяся эпохой расцвета, лишь недавно обратила внимание на поздние пласты арабской письменности). Для примера назовем энциклопедию Ташкепрю-заде (Турция, XVI в.), *Шарх шавахид ал-Кафийа* ал-Багдади (XVII в.), антологию по андалусской литературе и истории ал-Маккари (Тунис — Египет, XVII в.), библиографию мусульманской письменности Хаджжи Халифы (Турция, XVII в.), оригинальную суфийскую поэзию и местные хроники из Хадрамаута и Йемена, ряд исторических и энциклопедических трудов, созданных в Египте и Сирии (Ибн Ийас, Ибн Тулун, ал-Мухибби), творения суфийских авторов аш-Ша'рани, ан-Набулуси, новые многотомные записи фольклорных эпических циклов в Египте и Северной Африке («сиры» 'Антара, Сайфа Зу Йазана, Зу-л-Химмы, бану хилал, сказки «1001 ночь») и т. д.

Много создавалось всяческих комментариев, супракомментариев, компендиев и прочих учебных пособий для медресе. Всюду преобладал богословско-филологический комплекс со своими малооригинальными схоластическими сочинениями. Труды по естествознанию, математике и философии не только не создавали, но и редко переписывали.

Развитие средневековой арабской рукописной книги завершается в XIX в.; она вытесняется печатной книгой и новой литературой, превращается в объект научного изучения, сначала вне пределов арабо-мусульманского мира. В эпоху развития типографского дела по числу названий печатающихся книг и их тиражу почетное место отводилось сочинениям, созданным в прошлом. При помощи печатного станка были размножены сотни средневековых памятников, начиная с Корана и шести главных сборников хадисов, а также основные труды по фикху, тафсиру, догматике, хадисам, историко-биографические и литературные произведения, учебные пособия по грамматике и логике, словари и т. п. Набор производился обычно по какой-либо одной, доступной издателям рукописи. Только постепенно, уже в XX в., были освоены приемы текстологической работы, и критические издания памятников с привлечением максимального количества рукописей и на основе лучших из них стали явлением последних десятилетий.

АВТОРЫ И СОЧИНЕНИЯ

> Первым проявлением слабости человеческой служит то, что стоит написать книгу и продержать ее у себя одну ночь, как наутро непременно захочется что-либо прибавить или убавить в ней. Так бывает после одной ночи, что же сказать о нескольких годах!
>
> *Абу Мансур ас-Са'алиби*

> Умом человек еще незрел, пока не сочинил стих или не написал книгу.
>
> *Йахйа ал-Бармаки*

Письменная литература такого объема, как арабская, могла быть создана, конечно, только усилиями большого количества авторов. В самом деле, число их столь велико, что до сих пор не существует исчерпывающего их перечня, хотя опыты по учету арабских авторов предпринимались неоднократно и существуют отличные многотомные справочники по средневековой арабской литературе. Трудность охвата всех, кто писал по-арабски, заключается в том, что далеко не все рукописи каталогизированы и не каждая рукопись позволяет установить автора (или авторов) содержащегося в ней сочинения (или сочинений). Но даже если бы мы имели полное описание всех арабских рукописей и раскрытие авторства анонимных сочинений увенчалось успехом, то мы достигли бы лишь определенной степени полноты учета авторов. Более глубокое и детальное изучение арабской письменности раскрывает нам через упоминания или цитаты имена авторов, которые когда-то жили и творили, но чьи сочинения не дошли до нас в копиях. Кроме того, логично допустить, что были еще авторы, о которых вовсе не сохранилось сведений, хотя они могли сыграть какую-то роль в истории письменности.

Учет и идентификация авторов имеют свои проблемы, и к некоторым из них мы еще вернемся. Но обнаруживается и другая трудность: авторы не только многочисленны, но и

находятся не в одинаковом отношении к тем сочинениям и фрагментарным текстам, с которыми связываются их имена.

Начнем с того, что при записи устных материалов творческий акт вообще отделен во времени и пространстве от создания книги, независимо от того, представляют ли те материалы фольклорные или авторские произведения. Подлинные творцы, авторы в полном смысле слова, своих произведений не писали. В большинстве они и не знали грамоты, хотя авторское самосознание было у них зачастую хорошо развито. Благодаря записям они вошли в арабскую литературу как авторы стихов, речей, рассказов, афоризмов, крылатых фраз, прибауток, остроумных реплик. К сожалению, не всегда можно быть уверенным в справедливости такого авторства — имена забывались, на их место подставлялись, невольно или преднамеренно, другие, порой даже легендарные. Некоторые авторы подобного рода творений называются глухо, не по имени (член такого-то племени или просто некий араб, бедуин и т. п.); часть материалов цитируется анонимно. Во всяком случае, число имен авторов дописьменного времени значительно, и они живут на страницах арабских книг до сих пор.

Производивший запись филолог (может быть, вслед за Р. Блашером лучше назвать его логографом) не был автором, создателем словесных произведений. Его труд заключался лишь в поисках, отборе и упорядочении того, что кем-то сказано, словесно выражено, сочинено. Он переносил произведения словесности из устной сферы в письменную, переводил то, что выражено в системе звуковых знаков, в систему графических знаков. Заслуга логографа перед арабской литературой, несмотря на кажущийся нетворческий характер его труда, велика: письменное произведение как таковое впервые создавал он, даже если текст на сто процентов принадлежал не ему. От его инициативы, вкуса, компетентности зависели состав и надежность текстов, качество его книги, не говоря уже о том, что он сохранял имена древних авторов. Иногда он еще фиксировал данные о жизни тех авторов и об обстоятельствах создания произведений словесности, объяснял трудные слова и выражения. Тем больше оснований признать его настоящим автором.

Действительно, некоторые составители книг из образцов чужого творчества и красноречия получили в арабской литературе громкую славу. Например, Абу Таммам и ал-Бухтури знамениты не только как поэты IX в., но и как составители сборников древнеарабской поэзии под одинаковым на-

званием «Доблесть» (*ал-Хамаса*). Таковы филологи ал-Асма'и и ал-Муфаддал ад-Дабби, чьи сборники названы по их именам — *ал-Асма'ийат* и *ал-Муфаддалийат*. Есть, однако, другие сборники древнеарабских стихотворений, как знаменитые *ал-Му'аллакат*, которые приписываются даже разным составителям, настолько их имена оказались безразличными или померкли перед именами поэтов, чьи творения они собрали. В последующей литературе мы встречаем разные способы цитирования текстов из подобных сборников: с упоминанием одних лишь имен поэтов; со ссылкой только на книгу логографа; с упоминанием и поэта, и книги вместе с именем ее составителя; без упоминания кого-либо, как анонимный текст. Во всяком случае, обе категории авторов так или иначе закрепились в арабской литературе, хотя и забытых имен было немало.

Своеобразный тип авторства связан с «боговдохновенными», или «священными», книгами, права на которые предъявляет не каждая литература. В арабской литературе есть письменный памятник, заключающий в себе слово божье,— Коран. Автором его не считались ни пророк Мухаммад, ни тем более составители текста Книги. Сомневаться в божественном происхождении Корана — значит проявлять кощунство, это могли делать только неправоверные, не мусульмане. В VIII—IX вв. спорили лишь о том, сотворен ли Коран во времени или существует извечно.

«Хадисы пророковы» (*ал-хадис ан-набави*), или «благородные хадисы» (*ал-хадис аш-шариф*), также имели особый статус в отношении авторства. Это — речение пророка Мухаммада, но чаще всего оно составляет одно целое с сопровождающим его рассказом. Так как всегда осознавалось, что по крайней мере некоторые хадисы подложны, то оставалось более или менее сильное сомнение в истинном авторстве Мухаммада по отношению к *матну*, а сопровождающий текст, разумеется, принадлежал передатчикам. Кроме того, отдельные речения наиболее почитаемых сподвижников Мухаммада вместе с сопровождающими их рассказами имели хождение наравне с «хадисами пророковыми».

Переводы ввели в арабскую письменность значительное количество имен иностранных авторов и имен тех, чьи высказывания или мнения цитировались в их сочинениях, а также в анонимных и апокрифических сочинениях. Подобные иностранные «авторы» мнений и высказываний проникли в арабские книги, по всей видимости, и через устные переводы, так как литературные и фольклорные памятники разных народов пересказывались по-арабски, а логографы их записы-

вали. В арабском переводе бытовали также разные версии священных книг христиан и иудеев. Надо заметить, что при переводе, устном и письменном, могли происходить и некоторые переосмысления: более категорическое, чем в оригинале, утверждение авторства, искажение имени, совмещение в одном имени нескольких авторов и тому подобные недоразумения; равным образом игнорировались или неполно учитывались метаморфозы авторства, происшедшие в той литературе, которая послужила источником заимствования. Что касается труда переводчика, безусловно творческого или сотворческого, то он либо несправедливо забывался вместе с именем создателя перевода, либо незаслуженно преувеличивался, когда имя переводчика подставлялось на место имени автора оригинала (такие случаи сравнительно редки).

С наличными текстовыми материалами (записями логографов, переводами и др.) арабские авторы обращались как с общим или ничейным достоянием, усердно черпая из них то, что считали для себя нужным или подходящим. Путем простой перестановки литературных материалов, новой их компоновки, систематизации было создано немало арабских книг. Метод компилирования получил широкое признание. Включение в свою книгу чужого сочинения, по частям или целиком, в тех же самых выражениях, никак не возбранялось, даже наоборот, по крайней мере в отдельных отраслях литературы, поощрялось и предписывалось. Добросовестные авторы при этом указывали свой источник и границы каждой цитаты, а менее аккуратные обходились без этого либо же старались затушевать заимствование. Составление всякого рода сокращений, выборок, извлечений, компендиев, сводов представляет развитие тех же компилятивных методов работы авторов.

Рано возник и стал популярен способ создания новых книг путем комментирования существующих. Часть переводных произведений уже в оригинале представляла собой комментарии. Первые арабские книги такого рода — комментарии на Коран. Комментировали также поэзию, хадисы, труды по богословию, логике, грамматике, риторике, просодии, медицине, математике. Одно и то же сочинение комментировалось многократно, причем первым комментатором иногда выступал сам автор. На комментарий могли написать новый комментарий, который также мог быть прокомментирован. Иерархия комментариев достигала порой четвертой и пятой ступеней, перемежаясь с другими приемами — сокращением и т. п. Если сложить вместе все виды обработок, переложений, ком-

ментариев и супракомментариев на иное популярное сочинение, получится разветвленное генеалогическое дерево, а их экземпляры могут занять целый книжный шкаф [1].

В одних отраслях письменности больше применялся метод комментирования, в других — компилирования (в исторических, биографических, географических трудах, в антологиях). Следует, видимо, оговорить, что указание на способ авторской работы далеко не всегда определяет ценность сочинения. В жанре комментариев был написан ряд глубоко содержательных трудов; многие компиляции представляют настоящие произведения искусства. Вдобавок компиляции зачастую ценны тем, что сохраняют отрывки более древних сочинений, это понимали уже в средние века.

Логографический метод создания книг отнюдь не ограничивается начальным этапом арабской письменности, а остается продуктивным всегда. Поэты не сочиняли свои стихи за рабочим столом с каламом в руке, лишь версифицированные сочинения и «ученые» вирши (лишенных поэтического дара грамматиков и др.) рождались в письменной форме. Столь же мало поэты занимались составлением собрания своих стихов, это было делом почитателей их таланта — образованных филологов. Лишь в сравнительно поздний период некоторые поэты заботились о составлении собственных диванов. Например, диван Абу Таммама составил Абу Бакр ас-Сули в алфавитном порядке и ʻАли б. Хамза ал-Исфахани — в тематическом [2]. А поэт Наср б. Ахмад б. Ма'мун ал-Хубзу'урзи из Басры сам расположил свои стихи в алфавитном порядке и подарил Абу Бакру ас-Сули [3]. Диваны Абу Нуваса и ал-Мутанабби имеют разные версии, так как их составили несколько разных лиц [4]. Стихи Ибн ар-Руми не были упорядочены, их передавал от него ал-Мусаййаби, по-

---

[1] В качестве примера можно назвать краткие учебные трактаты по арабской грамматике египтянина Ибн ал-Хаджиба (1174—1249) *аш-Шафийа* и *ал-Кафийа*. На последнюю было написано свыше полусотни комментариев авторами XIII—XIX вв., жившими в Северной Африке, Сирии, Турции, Иране, Средней Азии и Индии; особенно популярным стал комментарий поэта Джами (ум. в 1492 г.), составленный им для своего сына Дийа'аддина,— *ал-Фава'ид ад-Дийа'ийа*; число супракомментариев и глосс на эти комментарии превышает сотню. Многократно перерабатывали и комментировали *Минхадж ат-талибин* ан-Навави (1233—1278), шафиитского законоведа из Сирии, *Мифтах ал-ʻулум* среднеазиатского филолога ас-Саккаки (1160—1229) и краткое переложение третьей части этого труда, по риторике, выполненное ал-Казвини (ум. в 1338 г.) из Дамаска.

[2] Ибн ан-Надим, с. 165; Ибн Халликан, 1, с. 132.

[3] Ибн ан-Надим, с. 169.

[4] Там же, с. 160, 169; Ибн Халликан, 1, с. 135.

том Абу Бакр ас-Сули составил диван, расположив стихи Ибн ар-Руми в алфавитном порядке, а Абу-т-Тайййб ал-Варрак собрал имевшие хождение списки и сделал к ним добавление примерно в тысячу бейтов[5]. Диван Кушаджима охотно переписывал его подражатель поэт ас-Сари, вставляя в него стихи своих соперников, чтобы тем вернее опорочить их как плагиаторов и заодно больше заработать; свои стихи он собрал на 300 листах, потом делал к этому добавления; позднее один адиб перестроил его диван по алфавиту рифм[6]. К более позднему времени относятся такие сообщения: «У Абу-л-Джава'иза ал-Васити (ум. в 1068 г.) отменные стихи, но я не видел его дивана и не знаю, составлен ли»[7]; Ибн 'Иннин (ум. в 1233 г.) собиранием своих стихов не интересовался, этим занялся один дамаскинец, но составленный им маленький диван включает менее десятой части его стихов, да и среди них есть не принадлежащие ему[8]; ал-Бади' ал-Астарлаби (или ал-Истирлаби, ум. в 1140 г.) собрал свои стихи и составил их диван[9]; Ибн ат-Та'авизи (ум. в 1188 г.) собрал свой диван до того, как ослеп, и снабдил его изящным предисловием, потом делал к нему добавления[10].

Приведенные примеры относятся к диванам отдельных поэтов. Что же касается стихов разных поэтов, то их собирали очень многие образованные люди, иногда без намерения публиковать в виде книги. Составители антологий были собирателями стихов своих современников или передававшихся изустно стихов более ранних поэтов; страницы книг, естественно, служили для «жатвы», «снятия плодов» всяческих цитат, красноречивого и мудрого слова. В биографиях лиц, вовсе не известных в истории литературы, можно встретить упоминания об их деятельности по собиранию литературных материалов[11].

Устная словесность во все исторические периоды питала арабскую книжную письменность; кроме стихов записывали речи политических деятелей, религиозных лидеров, застольные (или компанейские) беседы знати[12], изречения аскетов

---

[5] Ибн ан-Надим, с. 165.
[6] Там же, с. 169; Ибн Халликан, 1, с. 201.
[7] Ибн Халликан, 1, с. 139.
[8] Там же, 2, с. 26.
[9] Там же, с. 185.
[10] Там же, с. 19.
[11] Например, катиб и кади Абу 'Амр 'Усман б. 'Абдаллах б. Ибрахим б. Мухаммад ат-Тарсуси (ум. в 1010-11 г.) был достойным адибом, собрал стихи многих своих современников (Йакут, Иршад, 5, с. 37).
[12] Яркий пример такого сочинения — *Нишвар ал-мухадара* ат-Танухи (ум. в 994 г.), см.: Brockelmann, GAL, SB I, с. 253.

и суфиев, рассказы очевидцев, воспоминания участников событий [13]. Письменная фиксация подобного материала допускала в той или иной мере литературную обработку и переосмысление; создавались мнимые или «образцовые» речи, послания, проповеди и т. п., расцвеченные пышными эпитетами и метафорами, сложными синтаксическими периодами, ритмом и рифмой. Так возникали авторы — литературные герои, обычно нетитульные [14]. Однако некоторые пласты устной словесности подвергались при записи лишь незначительной и малоискусной литературной обработке, например разные анекдоты, уличные диалоги и бытовые рассказы, как позднее, особенно в XVI—XVIII вв., сказочные циклы и так называемые народные романы. Для арабо-мусульманского средневековья вообще характерно совершенно иное соотношение индивидуальной литературной деятельности и фольклора, нежели в новое время, когда разрыв между ними резко увеличился всюду вследствие возрастания роли личностного в литературе и чистоты записи фольклора. Поэтому почти половину средневековой арабской литературы с некоторой натяжкой можно записать в «фольклор», если подходить к ее оценке с застывшими понятиями и придавать им универсальное значение, механически применять к минувшим эпохам современные критерии разделения литературы и фольклора [15].

Арабский язык обладает довольно развитой номенклатурой для обозначения видов и приемов авторской работы, для градации творческого вклада разных категорий лиц, принявших участие в производстве и воспроизводстве книжной письменности. Поэта называли не только древним словом *ша'ир* — «знающий», «ведун», но и *назим* — «нанизывающий», «слагатель», а также «тот, кто сказал (*ка'ил, кала*), создал (*анша'а*), исполнил, продекламировал, спел (*аншада*)»; переводчик — «тот, кто перевел (*накала, тарджама*), вывел (*ахраджа, истахраджа*), сделал (*'амила, сана'а*)». Ра-

[13] История арабских завоеваний у ат-Табари и его предшественников почти целиком построена на таких воспоминаниях.

[14] Например, ранние халифы, вазиры, аскеты.

[15] Неясность и слабая разработанность критериев, на основе которых разграничиваются для эпохи средневековья «литература», «фольклор» и «народная литература», позволяют иногда весьма вольно оперировать этими понятиями-терминами, в частности преувеличивать объем средневекового арабского фольклора за счет отнесения к нему произведений устной словесности, которые были письменно зафиксированы в разное время и при этом неизбежно подверглись в какой-то степени литературной обработке. На такого рода натяжках построены основные тезисы докторской диссертации В. В. Лебедева «Проблемы источниковедения средневекового арабского фольклора» (автореф.: Л., 1980).

бота автора письменного произведения обозначалась глаголами «написал» (*катаба*), «собрал, свел», «составил», «упорядочил» (*джама'а, аллафа, даввана, саннафа*), «сделал» и причастными формами от них (*катиб, джами', му'аллиф, мусанниф*); работа комментатора — глаголами *фассара, шараха, 'аллака, катаба шархан* (*хашийатан, та'ликан*) и причастными формами (*муфассир, шарих*); переработка сочинения, улучшение, сокращение, извлечение— глаголами *хаззаба, саххаха, ихтара, ихтасара*; и др. Авторов специальных трудов называли также терминами, указывающими на их специальность (*адиб, faких, табиб, нахви*, то есть «знаток адаба, фикха, медицины, грамматики», и др.). Авторство или литературную собственность обозначали часто обычными языковыми средствами выражения принадлежности — сопряженным состоянием, предлогом *ли-* и словом *сахиб*. Историческую последовательность появления перечисленных слов и терминов, частоту и дифференцированность их практического употребления может показать лишь контекстовый анализ большого материала.

Авторов, писавших по-арабски, повторим, было необычайно много[16]. Объясняется это не только обширными пространственными и хронологическими рамками существования арабской письменности и некоторыми особенностями ее становления, но главным образом социальными условиями функционирования идеологии, литературы и науки. Нужно указать по крайней мере три причины: существование установки на обладание знанием как важнейшей из ценностных ориентаций в системе средневековой арабо-мусульманской культуры[17]; то, что приобщение к книжной деятельности практически являлось существенным видом социальной стратификации; отсутствие формальных ограничений — кастовых и этнорасовых — на приобретение знания (последнее опиралось на теоретическое равенство всех мусульман перед богом, на концепцию единства исламской общины, где нет деления на мирян и духовенство).

Разнообразные стимулы побуждали очень многих стре-

---

[16] Например, Ибн ан-Надим (ум. в 995 г.) дает сведения о стихотворном наследии 325 поэтов (с. 159—170) и упоминает (с. 133) труд Ибн ал-Марзубани (ум. в 994 г.), заключавший имена более 5 тыс. (!) поэтов. Не полностью сохранившийся текст *Иршада* Йакута (ум. в 1229 г.) содержит биографии около 1040 адибов, большинство которых были известны и как авторы. Джалаладдин ас-Суйути (ум. в 1505 г.) смог назвать в своей *Бугйе* имена более 2 тыс. филологов.

[17] Значение и разные аспекты этой установки показаны на основе большого фактического материала в исследовании: Rosenthal, 1970 (рус. пер.: Роузентал, 1978).

миться к книжным и ученым занятиям, добиваться через их посредство изменения личного социального статуса, выдвижения из рядовой массы. Однако путь к образованию был долгим и тернистым, не каждому удавалось его пройти, даже при наличии благоприятных условий. Возможности всегда были ограничены, предложение интеллектуального труда превышало спрос, конкуренция была ощутимой и зачастую острой.

Нет сомнения в том, что создателями книг были люди, которые пользовались определенными экономическими и социальными привилегиями, получали образование, имели досуг и достаточное материальное обеспечение. По происхождению или реально занимаемому положению они входили в высший слой господствующего класса, либо находились на государственной службе и жили за счет жалованья, либо имели самостоятельный источник дохода в качестве землевладельцев, торговцев и ремесленников. Редко в сферу литературной и научной деятельности пробивались люди из городских низов; практически неизвестны случаи, когда авторами становились представители самой многочисленной категории населения — земледельцев; из среды арабских кочевников иногда выходили поэты. Особенность средневекового арабо-мусульманского общества заключалась в том, что те, кто получал доходы от земельной ренты, государственной службы, торговли и ремесла, в подавляющем большинстве сосредоточивались в городах (не в поместьях или замках) [18]; соответственно вся «феодальная интеллигенция» также находилась в городах, преимущественно в столицах государств и провинций (наместничеств), то есть в политико-административных центрах; она участвовала в присвоении, перераспределении и потреблении прибавочного продукта, извлекаемого главным образом из эксплуатации труда земледельцев.

Выдвинувшаяся при исламе арабская, по преимуществу курайшитская, знать дала немало авторов. Несколько халифов из династий Умаййадов и Аббасидов были поэтами, а ʻАбдаллах б. ал-Муʻтазз, лишь ненадолго ставший халифом, создал труд по теории поэтики и антологию «новой» арабской поэзии. Лица, вступавшие на литературное поприще, чаще обнаруживаются в боковых линиях династий. Например, мы находим нескольких авторов среди родичей испанских Умаййадов [19]. Отдаленным потомком Марвана II (744—750) был Абу-л-Фарадж ал-Исфахани (897—967), составитель *Китаб*

[18] Большаков, 1982, с. 156, 167, 185—187, 192, 201—202.
[19] Бойко, 1977, № 4, 17, 23, 54, 63.

ал-Агани[20]. Известную роль в передаче хадисов сыграли сыновья и внуки первых четырех халифов. Среди многочисленного потомства ʻАли б. Аби Талиба были авторы в самые различные эпохи[21], особенно знамениты шарифы ал-Муртада и ар-Ради на рубеже X—XI вв. В потомстве Абу Бакра были богословы и хадисоведы вплоть до нового времени[22]. Хашимитом, то есть отдаленным родственником пророка Мухаммада, был и аш-Шафиʻи. Из потомков ʻУсмана б. ʻАффана известен шафиитский факих XII в. в Дамаске[23]. К далекому потомству некоторых видных военачальников и государственных деятелей ранней поры ислама принадлежат: лексикограф VIII—IX вв. (предок — Зайд б. Сабит)[24], филолог X—XI вв. Нифтавайхи (предок — ал-Мухаллаб б. Аби Суфра)[25], кордовский грамматик XI в. (предок — Саʻд б. Аби Ваккас)[26], поэт XII в. (предок — Халид б. ал-Валид)[27], знаменитый теолог X в. ал-Ашʻари (предок — Абу Муса ал-Ашʻари[28]). «Философ арабов» ал-Кинди происходил из царского рода доисламской Аравии, к роду Лахмидов принадлежал шиитский историк Абу-л-Касим ал-Мунзир б. Мухаммад б. ал-Мунзир ал-Кабуси[29]; были авторы из Гассанидов и химйаритских аристократических родов.

К старой неарабской знати или духовенству (христианскому, зороастрийскому и др.) принадлежали по происхождению целые династии литераторов и врачей, как ас-Сули (потомок тюркского владетеля Джурджана Сул-такина), ас-Саби, ал-Бармаки, потомки Бухтишуʻ и многие другие. Феодальные роды, которые выдвинулись в IV/X и последующих веках, как арабского, так и иного этнического происхождения, также дали некоторых авторов; как правило, ими были представители боковых ветвей или потомства, и лишь в редких случаях это правители, сидевшие на троне (ал-Муʻизз б. Бадис, XI в., Ифрикия; Абу-л-Фида, XIV в., Хама). Особенно много авторов вышло из высшего слоя административно-управленческого аппарата мусульманских государств — вазиров, катибов, хаджибов и т. п.

---

[20] Йакут, Иршад, 5, с. 149; Ибн Халликан, 1, с. 334—335; Халидов, 1980, с. 6—7.
[21] См., например: Прозоров, 1980, № 11, 51, 70.
[22] В частности, Ибн ал-Джавзи, см.: Ибн Халликан, 1, с. 279—280.
[23] Ибн Халликан, 1, с. 467—471.
[24] Там же, с. 207—208.
[25] Там же, с. 11.
[26] Там же, с. 12.
[27] Там же, 2, с. 16—17.
[28] Там же, 1, с. 326—327.
[29] Прозоров, 1980, № 57.

6 Зак. 36

Из огромного количества юристов, богословов, традиционалистов, историографов и филологов большинство принадлежало к зажиточным горожанам-мусульманам; врачи и философы, специалисты по точным наукам и естествознанию происходили в основном из богатых горожан христианского и иудейского вероисповедания и в меньшей степени — из мусульман. Наиболее пеструю в социальном отношении группу являли собой поэты, поскольку любительское стихотворство было широко распространено. Профессиональные поэты также выходили из различной среды — от знати до городской богемы.

Мусульманские властители проявляли себя главным образом как покровители литературы, науки, богословия. Демонстрация великодушия и щедрости, покровительственный жест занимали исключительно важное место в системе социальных отношений и норм поведения на средневековом Востоке.

Почти при каждом халифе, султане, эмире состоял более или менее многочисленный штат поэтов, историографов, врачей, астрологов, предсказателей. Сложнее были взаимоотношения светских правителей с богословами, факихами, хадисоведами и суфиями, которые на словах без конца провозглашали свою непричастность к светской власти, неприятие ее, оппозиционность к ней; иногда они доказывали это на деле, иногда эта позиция оставалась чисто показной, но чаще они шли на компромиссы, принимали подачки правителей и знати, даже прямо служили им. Численность персонала, который находился на содержании и кормлении, значительность лиц, которые его составляли, являлись важными показателями могущества и авторитета государей; последние нередко переманивали друг у друга ученых и писателей, которые и сами были склонны искать сильных и щедрых покровителей. Вазиры, военачальники, наместники и другие крупные сановники подражали своим сюзеренам.

Систематических сведений о жалованьях и выплатах представителям интеллигентных профессий, регулярных или по торжественным случаям, не существует; есть лишь отрывочные данные, которые еще не собраны и не проанализированы. Ограничимся поэтому некоторыми примерами.

Чаще всего источники сообщают о случаях щедрого вознаграждения за блестящие стихи, как правило панегирики, но не будем на них останавливаться. Произведения, написанные по заказу, оплачивались и выгодными должностями, и постоянным жалованьем, и единовременными гонорарами.
 «Служба» авторов заключалась в том, что они обычно по-

священия свои сочинения покровителям, как полагали, увековечивая их имена.

Рассказывают, что исключительно благоприятные условия были созданы для работы переводчиков IX в. при дворе Аббасидов. Хунайну б. Исхаку халиф ал-Ма'мун заплатил якобы столько золота, сколько весили переведенные им сочинения. При следующем халифе, ал-Му'тасиме (833—842), он был назначен главой переводчиков и редактором переводов, и ему отвели три комнаты в халифском дворце в Самарре, куда доставили все, что ему было нужно [30]. Богатые меценаты, трое сыновей Мусы б. Шакира, тратили ежемесячно по 500 динаров на оплату переводчиков [31]. Ал-Ма'мун, для которого ал-Асма'и написал «Историю древних арабских царей», вознаградил его земельным наделом. Поручая ал-Фарра' составить труд о началах арабской грамматики, он же распорядился отвести для него помещение во дворце, назначил слуг, чтобы они оберегали его от всяких посторонних мыслей и забот [32]. Соответственно для ал-Ма'муна были написаны и ему посвящены многие труды ученых его «академии»: Сахла б. Харуна, Мухаммада б. Мусы ал-Хуваризми, Йуханны б. Масавайха, Джибрила б. Бухтишу', ал-Фарра' и др. Ряд авторов посвятил свои труды его предшественникам — ал-Мансуру, ал-Махди, Харуну ар-Рашиду. Практически каждому из Аббасидских халифов и впоследствии преподносились труды авторов.

Буид 'Адудаддавла (949—983) щедро одарил имамов, му'аззинов, ученых, чтецов Корана, назначил содержание факихам, хадисоведам, богословам, комментаторам Корана, грамматикам, поэтам, знатокам генеалогии, врачам, математикам и механикам [33]. Соответственно велико число трудов, написанных с посвящением 'Адудаддавле. Абу-л-Хасан Мухаммад б. 'Али б. Наср написал *Китаб ал-муфавада* для Буида Джалаладдавли [34].

По заказу Фатимида ал-'Азиза был составлен Ибн Йунусом большой *зидж* (астрономические таблицы), который был закончен уже при его преемнике ал-Хакиме (996—1021) и получил по нему название *аз-Зидж ал-Хакими* [35]. Вазир Фатимидов, «пронырливый ренегат» Ибн Киллис ежемесячно рас-

---

[30] Ибн Аби Усайби'а, 1, с. 196; Eche, 1967, с. 47.

[31] Ибн ан-Надим, с. 243; Ибн Аби Усайби'а, 1, с. 187.

[32] Ибн ал-Анбари, с. 81; Йакут, Иршад, 7, с. 277; Ибн Халликан, 2, с. 228.

[33] Ибн ал-Асир, VIII, с. 518.

[34] Ибн Халликан, 1, с. 305.

[35] Там же, с. 375.

ходовал на ученых, переписчиков и переплетчиков 1000 динаров[36].

На ал-Хакама II (961—976) в Кордове работала большая группа ученых, составивших для него ряд сочинений[37]. Для правившего от имени ослабевших андалусских Умаййадов ал-Мансура б. Аби 'Амира лексикограф Са'ид б. ал-Хасан б. 'Иса ар-Раба'и написал *Китаб ал-Фусус* и получил гонорар в 5000 динаров[38]. Ибн Калакис в 1168 г. на Сицилии написал для военачальника Абу-л-Касима б. ал-Хаджара *аз-Захр ал-басим фи авсаф Аби-л-Касим*[39]. Андалусец Ибн Дихйа (ум. в 1235 г.) заехал во время своих путешествий в Ирбил в 1207 г. и написал для его владетеля Музаффараддина *Китаб ат-танвир фи мавлид ас-сирадж ал-мунир*, затем прочитал его за шесть заседаний и получил гонорар в тысячу динаров[40]. Огромные суммы денег и земельные наделы получали врачи; наряду с поэтами и некоторыми филологами-адибами, воспитателями халифских детей, это была самая высокооплачиваемая категория феодальной интеллигенции, но зарабатывали они больше за медицинские услуги, чем за свои книги[41].

Подобные примеры можно легко умножить, так как сотни сочинений посвящены покровителям, хотя не всегда известна сумма вознаграждения автору. Но есть случаи прямо противоположные. Богомольный аскет Абу Галиб Таммам б. Галиб б. 'Умар ат-Таййани (ум. в 1025 г.), проживавший в Мурсии, написал лексикографический труд, краткий и богатый материалом. Когда кордовский эмир Абу-л-Джайш Муджахид б. 'Абдаллах ал-'Амири взял Мурсию, то послал Абу Галибу тысячу динаров с предложением вставить в предисловие посвящение: «Абу-л-Джайшу Муджахиду». Тот вернул динары, сказав: «Клянусь Аллахом, я не сделал бы этого, если бы ты предложил за это весь мир, и не допустил бы лжи. Ибо я написал книгу не для тебя лично, а для всех людей». Тот, кто передавал это известие, был восхищен «высоким устремлением мысли эмира и душевной чистотой автора»[42]. Знаменитый физик и математик Абу

---

[36] Мец, 1973, с. 152.

[37] Бойко, 1977, с. 76—81, 167—170. Ал-Хушани написал для него *Китаб ал-кудат*, Мутарриф б. 'Иса — историю Эльвиры, Ахмад б. Мухаммад б. Фарадж ал-Джаййани — географию Ифрикии и др.

[38] Ибн Халликан, 1, с. 229.

[39] Там же, 2, с. 158.

[40] Там же, 1, с. 381.

[41] О громадных состояниях, которыми владели врачи, есть сведения в ряде биографий у Ибн ал-Кифти и Ибн Аби Усайби'и.

[42] Ибн Халликан, 1, с. 97.

ʻАли ал-Хасан б. ал-Хасан Ибн ал-Хайсам ал-Басри (ум. около 1039 г.) поселился в Египте (Каире), где фатимидский халиф ал-Хаким отнесся к нему благосклонно. Однако, чтобы уклониться от служения властителю, Ибн ал-Хайсам притворился сумасшедшим, только после смерти того «обрел разум» и вел аскетический образ жизни; он много писал, копировал книги и преподавал [43].

Действительно, не всегда положение ученого-книжника связывалось с материальным благополучием и определенным местом в бюрократической иерархии. Под влиянием аскетических тенденций раннего ислама, а позднее — суфийских учений получило одобрение своеобразное сочетание низкого жизненного стандарта и высокого авторитета, по меньшей мере нравственного, для книжников. Такие люди могли себе позволить держаться независимо по отношению к власть имущим, состоять в своего рода «благочестивой оппозиции» и создавать свои труды в уединении. Особенно много таких сочинений, без гонораров и посвящений, было написано законоведами, традиционалистами, богословами, тогда как большинство книг по медицине, точным наукам, естествознанию, военному делу и другим прикладным дисциплинам, а также по официальной историографии создавалось при прямой поддержке властей и посвящено конкретным покровителям.

Взаимоотношения ученого и правителя не всегда строились на добровольных началах. Отмечены случаи прямого или косвенного принуждения [44], хотя сильным побуждением для ученого служили честолюбие, поиск лучших условий труда, элементарная нужда. Во все эпохи, даже самые благоприятные для литературы и науки, мы слышим жалобы на «скудность рынка науки», «малый спрос на товар знания» (именно в таких выражениях), низкую оценку подлинной учености и т. п. Как это часто бывает, посредственность легче приспосабливалась и преуспевала. Знаем мы и примеры того, как долго и порой тщетно добивались признания наиболее одаренные, как многие поэты и ученые ездили от одного двора к другому, снося оскорбления коллег и капризы меценатов.

Только в отдельных случаях известно, когда, как и при каких обстоятельствах создавались сочинения. Обобщения

---

[43] Ибн ал-Кифти, с. 167.

[44] Например, ʻАдудаддавла принудил главу клана сабиев в Багдаде Ибрахима б. Хилала написать историю Буидов *Китаб ат-Таджи*: сначала приглашал в Фарс, соблазняя посулами, а потом держал его под арестом до окончания книги (Ибн ал-Кифти, с. 75—76).

здесь едва ли уместны, но сгруппируем некоторые факты и наблюдения.

Некоторые сочинения создавались в годы учения и исканий юными еще авторами; обыкновенно это были обработки или сокращения каких-либо известных книг. Например, будущий вазир ал-Магриби (ум. в 1027 г.) сделал сокращение (*мухтасар*) *Ислах ал-мантик* Ибн ас-Сиккита, когда ему не было 17 лет[45]. Первой пробой пера для студентов медресе, заканчивавших курс обучения на законоведа-факиха, являлась запись лекций учителя-*мударриса* с самостоятельным подбором и решением спорных юридических вопросов, их *та'лика*[46]. Но все же писали в основном в зрелые годы, накопив много выписок, черновиков, жизненного и писательского опыта; либо писали на старости лет, уйдя на покой вынужденно или намеренно. Так, некоторые мударрисы завершали карьеру созданием главного труда своей жизни, посвященного основам (*усул*), то есть теории и методологии фикха[47].

Иные авторы накапливали заготовки в больших количествах и не успевали воплотить их в конкретный замысел, завершенное сочинение, или наряду с законченными имели неоконченные труды. Вот несколько примеров. У ал-Балазури (ум. в 892 г.) большой *Китаб ал-булдан* (в отличие от дошедшего до нас краткого *Футух ал-булдан*) остался неоконченным[48]; у 'Аллана аш-Шу'уби (VIII в.) неоконченное сочинение *ал-Хилйа* ко времени Ибн ан-Надима (писал в 987 г.) уже пропало[49]. Последний вообще указывает десятки неоконченных сочинений[50], как и Ибн Халликан[51] и другие авторы. Кроме ряда сочинений египетский филолог Ибн Бабашаз (ум. в 1077 г.) оставил кучу черновых набросков, когда жил уединенно в комнате (*гурфа*) при мечети 'Амра. «Если бы переписать их набело, получилось бы 15 томов»; они получили название *Та'лик ал-гурфа* («Записи комнаты») и использовались его учениками в нескольких поколениях[52]. От ал-Кади ал-Фадила (ум. в 1200 г.) остались черновики его *раса'ил* в томах и заметки на разрозненных листах; со-

[45] Ибн Халликан, I, с. 156.
[46] Makdisi, 1981, с. 118—122, 174—175.
[47] Там же, с. 126—127.
[48] Ибн ан-Надим, с. 113.
[49] Там же, с. 105.
[50] Там же, с. 35, 60, 61, 75, 79, 83, 114, 115, 129, 144, 149, 151, 173 и др. Сам *Фихрист* — труд незавершенный.
[51] Ибн Халликан, I, с. 252 об Ибн Друуставайхи; I, с. 267 — об Ибн ал-Хашшабе.
[52] Ибн Халликан, I, с. 235.

бранные вместе, они составили бы не меньше ста томов[53]. Лексикограф Ибн Манзур (ум. в 1311 г.) занимался выписками из историко-филологических сочинений и навыписывал якобы не менее 500 томов[54]. Многое из того, что написано ал-Фараби (ум. в 950 г.), было на листочках, а в тетрадях он писал редко, поэтому большинство его сочинений дошли в виде отдельных глав и заметок, а некоторые обнаруживаются неполными, разрозненными[55]. Философ ал-Балхи (ум. в 934 г.) много писал, но законченных сочинений не обнародовал[56]. Встречаем и указания на то, что незаконченное сочинение отца было завершено его сыном[57]. Труд Абу Са'ида ас-Сирафи *ал-Икна'* довел до конца его сын Йусуф (ум. в 995 г.)[58].

Мы не всегда знаем о том, сколько времени тратили авторы на свои книги. Если блестящие стихи и изящные послания рождались порой экспромтом, полемические трактаты писались в один присест, «диктовки» (*амали*) читались в несколько приемов, то обширные компиляции и тем более оригинальные сочинения создавались долгим, кропотливым трудом. Подолгу отделывал свои *ал-Макамат* ал-Харири[59]. Почти всю жизнь собирал материалы и писал *Китаб ал-Агани* Абу-л-Фарадж ал-Исфахани[60]. То же самое можно сказать про *Тафсир* и *Та'рих ар-русул ва-л-мулук* ат-Табари, *Та'рих Димашк* Ибн 'Асакира[61], *Му'джам ал-булдан* и *Иршад ал-ариб* Йакута и многие другие произведения.

Обычно сочинения пускали в обращение сразу по завершении. Публикацией являлось преподнесение покровителю, публичное прочтение (например, ученикам), разрешение снимать копию. Но некоторые авторы по разным соображениям придерживали свои сочинения до поры до времени. Как упоминалось, философ ал-Балхи своих сочинений не обнародовал. Есть предание про ал-Маварди (ум. в 1058 г.), будто бы он складывал все им написанное и завещал обнародовать

---

[53] Там же, с. 284.

[54] Brockelmann, GAL, II, с. 21, № 3.

[55] Ибн Халликан, 2, с. 77.

[56] Ибн ан-Надим, с. 299.

[57] Там же, с. 124, 143.

[58] Ибн Халликан, 2, с. 350.

[59] В течение десяти лет, примерно с 1101 по 1110 г., см.: Йакут, Иршад, 6, с. 168—169.

[60] Халидов, 1980, с. 9—10.

[61] «Сказал мне мой учитель Заки'аддин Абу Мухаммад 'Абдал'азим ал-Мунзири, достав один том этого *Та'риха*: „Думаю, не иначе как этот человек решил составить его в день осознания себя и начал собирать с той поры. А то бы жизни не хватило человеку собрать такую книгу“» (Ибн Халликан, 1, с. 335).

только после его смерти[62]. Йакут ал-Хамави сам говорит, что не хотел публиковать свой *Иршад ал-ариб*, чтобы им не воспользовались раньше времени любители сокращений и плагиата[63]. Порой автор не решался обнародовать свой труд, считая его незавершенным, и все время пополнял его. По идеологическим причинам авторы из экстремистских и гонимых сект, тайных организаций могли скрывать свои сочинения; они были доступны лишь узкому кругу лиц. На это обстоятельство, в частности, жаловался такой знаток книг, как Ибн ан-Надим[64]. Доступность сочинения зависела и от заказчика, который мог способствовать популярности преподнесенного ему сочинения или похоронить его в своем личном собрании[65]. Обнародование сочинения оказывалось иногда небезопасным для жизни автора[66].

Работали авторы по большей части в одиночку. Но очень многое зависело от наличия благоприятной атмосферы и соответствующей среды. В особенности же там, где складывались целые сообщества ученых и литераторов, работа была плодотворной благодаря как взаимному обмену информацией и взаимопомощи, так и стимулирующему действию соперничества и полемики. Можно отметить, что участие и сотрудничество ряда лиц являлось условием для появления сочинения и при первичной фиксации произведений устной словесности, и при выполнении переводов, и на аудиторных занятиях (см. гл. 4), и при создании стихов «на случай» (обмен стихотворными шутками, комплиментами, бранью), и при завершении сыном или учеником книги, начатой отцом или учителем, и при использовании писцов и помощников богатыми и влиятельными авторами[67], и когда сочинение вырастало из обмена письмами, из вопросов — ответов (так

---

[62] Ибн Халликан, I, с. 326.

[63] Йакут, Иршад, 1, с. 11—12.

[64] Ибн ан-Надим, с. 182, 236.

[65] О малодоступных частных собраниях и библиотеках, в которые поступали автографы, см. в гл. 8.

[66] Например, халиф ал-Мустанджид (1160—1170) отправил в заточение своего высокопоставленного чиновника Ибн Хамдуна, усмотрев намеки в рассказах, приводившихся в опубликованной им тогда *Тазкире*, и так и сгноил его в тюрьме. См.: Ибн Халликан, 1, с. 517.

[67] Ибн ал-Асир ал-Мубарак б. Мухаммад служил владетелям Мосула и в отставке стал писать сочинения по хадису, тафсиру, грамматике, канцелярскому искусству; когда он заболел, группа людей помогала ему делать выборки и писать. Йусуф б. ʻАбдалбарр (ум. в 1071 г.) имел помощников в создании сочинений. См.: Ибн Халликан, 1, с. 441; 2, с. 348. Можно думать, что о подобных безымянных помощниках источники сообщают не всегда.

было у философов, у врачей[68], у юристов, дававших фетвы).

В отдельных случаях создавались настоящие коллективные труды. Ярким примером является философская энциклопедия X в. *Раса'ил ихван ас-сафа'*. Ее составление начал 'Абдаллах б. Маймун ал-Каддах вместе со своими современниками, продолжили эту работу их последователи под эгидой ряда исмаилитских имамов. В числе лиц, которые придали *Раса'ил* окончательный вид в 960—980 гг., называются Абу Сулайман Мухаммад б. Ма'шар ал-Бусти ал-Макдиси, кади Абу-л-Хасан 'Али б. Харун аз-Занджани, Абу Ахмад ан-Нахраджури и ал-'Авфи; к ним добавляются катиб Зайд б. Рифа'а и Абу Мухаммад б. Аби Багл. Серия из 52 трактатов, созданная совместным трудом большой группы авторов в нескольких поколениях на протяжении IX и X вв., отличается замечательным внутренним единством (при едва заметных редких противоречиях), как система воззрений секты[69]. Другие примеры дают ранние основополагающие труды ханафитской, маликитской и шафиитской школ фикха. Так, один из главных трудов по маликитскому фикху, *ал-Мудаввана*, создавался факихами нескольких поколений. Начал его Асад б. ал-Фурат на основе материалов, записанных им в Египте у Ибн ал-Касима, продолжил Сахнун (ум. в 854 г.) с привлечением материалов египетского хадисоведа Ибн Вахба, заново упорядочил и изложил. Завершили *ал-Мудаввану* ученики Сахнуна[70]. Ряд других произведений знаменитых авторов также были доведены до конца их учениками и вошли в обращение в завершенном или полузавершенном виде, как *Китаб ал-'айн* ал-Халила, *ал-Хави* ар-Рази.

Специализация в отдельной отрасли знания была довольно развита, но все же многие ученые стремились к разносторонности, и им удавалось получить глубокие познания и писать профессионально в нескольких областях. Примерами могут служить: философ ал-Кинди (ум. около 874 г.), который писал также по логике, математике, медицине, этике и политике, геодезии, механике, минералогии, алхимии[71]; Абу Зайд ал-Балхи (ум. в 934 г.), «знаток всех наук, древних и новых», который писал сочинения по классификации знаний, философии, богословию, истории, филологии, математике, астроно-

---

[68] Например, врач Хибаталлах б. Малка Абу-л-Баракат писал ответы на вопросы больных с рекомендациями, те их переписывали, и из них выросло целое сочинение, которое вошло в обращение. См.: Ибн ал-Кифти, с. 345.

[69] EI, NE, II, с. 1098—1103 (Y. Marquet).

[70] Ибн Халликан, I, с. 292.

[71] Ибн ан-Надим, с. 255—261.

мии[72]; Абу Хатим Мухаммад б. Хиббан ал-Бусти (ум. в 965 г.), хадисовед, который знал медицину, астрологию и другие науки[73]; Абу-с-Салт Умайййа б. 'Абдал'азиз ал-Андалуси ад-Дани (ум. в 1134 г.), который составил антологию *ал-Хадика*, трактат об астролябии, компендий по астрономии, сочинение о простых лекарствах и книгу по логике, к тому же он сочинял стихи[74]. Разносторонними познаниями обладали Муса б. Йунус, которого видел Ибн Халликан в Мосуле в 1229 г.[75], составители энциклопедий из Египта и Сирии XIV—XVI вв., а также ряд авторов, о которых речь пойдет ниже.

Обращает на себя внимание обилие литературной продукции отдельных авторов. Несколько десятков сочинений у одного автора — рядовое явление. Есть авторы, у которых их было значительно больше.

На раннем этапе, естественно, большой объем давала деятельность логографов и хадисоведов по сбору и записи устных материалов. Если, например, Абу 'Убайда (ум. около 826 г.) смог написать около 200 филологических трудов, Абу 'Амр аш-Шайбани (ум. в 822 г.) составил диваны 80 с лишним племен, ас-Суккари (ум. в 888 г.) критически обработал диваны десятков поэтов и ряда племен, то это свидетельствует не только об их талантливости, обширных познаниях и работоспособности, но и о принципиальной выполнимости одним человеком таких грандиозных задач. Переводческая работа не приносила, кажется, столь значительных индивидуальных результатов, исключая Хунайна б. Исхака, у которого кроме свыше 150 переводных было еще около 100 собственных трудов. Авторы, которые могли опираться на достижения своих предшественников, свободно из них черпать, цитируя или пересказывая, конечно, создавали помногу собственных сочинений.

В отдельных жанрах можно проследить, как литературный материал накапливался от поколения к поколению, из века в век и воплощался в трудах возрастающего объема. Так обстояло со сводами хадисов, тафсирами, толковыми словарями, биографическими сборниками. Также и число сочинений, и количество написанного имели тенденцию к увеличению, особенно у хадисоведов, факихов, богословов, филологов, историков, энциклопедистов. Возьмем для примера данные о нескольких плодовитых авторах.

---

[72] Там же, с. 138.

[73] Йакут, Му'джам ал-булдан, I, с. 613—620.

[74] Ибн Халликан, 1, с. 80—81.

[75] Там же, 2, с. 132—133.

Основатель особого толка в законоведении и богословии Абу Сулайман Да'уд б. 'Али б. Да'уд б. Халаф ал-Исфахани (ум. в 884 г.) написал свыше 150 сочинений, из которых девять самых крупных насчитывали в совокупности 11 800 листов[76]. Шиитские авторы ал-'Аййаши (ум. в 932 г.) и ал-Джалуди (ум. в 944 г.)[77] написали каждый по 200 сочинений на довольно разнообразные темы. Из обширного наследия хадисоведа Абу Хатима ал-Бусти Йакут перечислил 40 «понравившихся» общим объемом в 349 *джуз'*. 45 филологических сочинений Ибн ал-Марзубани (ум. в 994 г.) занимали 33 980 листов[78]. Из трех десятков сочинений, которые написал ал-Амир ал-Мухтар 'Изз ал-Мулк Мухаммад б. 'Убайдаллах ал-Мусаббихи ал-Каррани ал-Мисри (ум. в 1029 г.), 13 занимали 30 700 листов[79]. Уделяя преимущественное внимание шафиитским факихам, Ибн Халликан в своем биографическом труде про каждого второго или третьего из них говорит, что у него много сочинений[80]. Например, Абу Бакр Ахмад б. ал-Хусайн ал-Хусравджирди (994—1066), много способствовавший успеху шафиитства в Нишапуре, первым собрал тексты аш-Шафи'и в десяти томах и написал в общей сложности около 1000 *джуз'*[81]; Абу-л-Махасин 'Абдалвахид б. Исма'ил б. Ахмад ар-Руйани (1025—1108) был способен, по его собственному заявлению, восстановить сочинения аш-Шафи'и на память, если бы они исчезли, и написал в ряду других *Бахр ал-мазхаб*, одно из самых обширных шафиитских сочинений[82]. Абу Мухаммад 'Али б. Ахмад б. Са'ид Ибн Хазм ал-Андалуси (ум. в 1064 г.), богослов и литератор, оставил после себя, по словам его сына, около 400 томов своих сочинений в автографе, который занимали почти 80 тыс. листов[83]. По названиям известно свыше 300 сочинений Ибн ал-Джавзи (ум. в 1201 г.), из которых сохранилось свыше половины, в их числе многотомная историческая хроника *ал-Мунтазам* и ряд мелких трактатов[84]. Литератор и историк Ибн Ахи-л-'Азиз Абу 'Абдаллах Мухаммад б. Мухаммад 'Имададдин ал-Катиб ал-Исфахани (ум. в

---

[76] Ибн ан-Надим, с. 216—217.
[77] Прозоров, 1980, № 64 и 67.
[78] Ибн ан-Надим, с. 132—134.
[79] Ибн Халликан, 1, с. 516.
[80] Там же, 1, с. 130, 145, 146, 171, 189, 215, 252, 255, 287, 298, 299, 303, 311, 312, 326, 335, 458, 460, 461, 463, 464, 474; 2, с. 125, 132, 348.
[81] Там же, 1, с. 20—21.
[82] Там же, с. 297—298.
[83] Ибн ал-Кифти, с. 232—233; Ибн Халликан, 1, с. 340—342.
[84] Алучи, 1965; Brockelmann, GAL, I, с. 500—508.

1201 г.) составил антологию в десяти томах с дополнением, *ал-Барк аш-шами* в семи томах, *ал-Фатх ал-кудси* в двух томах, большую историю династии Сельджукидов *Нусрат ал-фитра*, диван посланий, диван стихов в четырех томах и малый диван *дубайтов*[85]. Рекордсменом по объему написанного был, наверное, Джалаладдин ас-Суйути (ум. в 1505 г.), перу которого принадлежит свыше 600 сочинений, в том числе ряд многотомных; почти все они сохранились.

Снова надо вспомнить о приемах авторской работы и способах создания сочинений. Иные авторы освещали один и тот же предмет многократно, в разных сочинениях, на различных этапах жизни, иногда в одних и тех же выражениях, то есть повторяя самого себя текстуально; это прослеживается, например, в трудах такого плодовитого и одаренного автора, как Абу ʻАли Ибн Сина[86]. Одно и то же сочинение могло быть написано в нескольких вариантах (*нусха*, мн. ч. *нусах*). Так, в двух редакциях, малой и большой, были написаны *Китаб ал-кира'ат* Ибн Муджахида, *Маʻани-ш-шиʻр* Ибн ас-Сиккита, *Китаб ал-харадж* ал-Калвазани, *зидж* Мухаммада б. Мусы ал-Хуваризми[87]; в трех редакциях существовали *Китаб ан-навадир* Абу ʻАмра аш-Шайбани и ал-Киса'и[88]; ал-Вахиди (ум. в 1076 г.) написал три комментария на Коран — пространный (*ал-Басит*), средний (*ал-Васит*) и краткий (*ал-Ваджиз*)[89]. В разных версиях имелись *ал-Муватта'* Малика, *ал-Джамхара* Ибн Дурайда[90], *Китаб ал-масалик ва-л-мамалик* Ибн Хавкала[91] и др.

Удачные труды вызывали желание написать труд такого же плана и содержания на новом материале. Так, Абу ʻАбдаллах Харун б. ʻАли б. Йахйа б. Аби Мансур ал-Мунаджжим (ум. в 901 г.) оказался зачинателем серии антологий близких ему по времени поэтов. В отличие от тех, кто увлекался лишь доисламскими и раннеисламскими поэтами, он выбрал лучшие стихи 161 поэта, начиная от Башшара б. Бурда и кончая Мухаммадом б. ʻАбдалмаликом, и обнародовал антологию *ал-Бариʻ*. Подхватив его идею, ас-Саʻалиби (ум. в 1038 г.) составил четырехтомную антологию *Йатимат ад-дахр*, к которой сделал дополнение — *Татимма*. Его младший современник ал-Бахарзи (ум. в 1075 г.) про-

---

[85] Ибн Халликан, 2, с. 74—76.
[86] Халидов, 1981а, с. 54.
[87] Ибн ан-Надим, с. 35, 73, 131, 274.
[88] Там же, с. 83.
[89] Ибн Халликан, 1, с. 333.
[90] Ибн ан-Надим, с. 61.
[91] Крачковский, IV, с. 198—199.

должил серию своей антологией *Думйат ал-каср ва-'усрат ахл ал-'аср*, а вслед за ним ал-Хатири (ум. в 1172 г.) — *Зинат думйат ад-дахр*. Завершила эту серию десятитомная антология 'Имададдина ал-Исфахани *Харидат ал-каср ва-джаридат ал-' аср* с его же дополнением [92].

Пример серии трудов по ономастике: ад-Даракутни (ум. в 995 г.) написал *ал-Мухталиф ва-л-му'талиф* о различных и сходных именах собственных, 'Абдалгани б. Са'ид ал-Азди составил почти не отличавшееся от него, лишь иначе построенное сочинение *ал-Му'талиф ва-л-мухталиф* и другое в таком роде о нисбах — *Муштабих ан-нисба*. Абу Бакр ал-Хатиб ал-Багдади (ум. в 1070 г.) объединил их, дополнил и составил свой *ал-Му'таниф такмилат ал-мухталиф,* к которому Абу Наср Ибн Макула сделал дополнения и, в свою очередь, создал самостоятельное сочинение *ал-Икмал*. Этот «чрезвычайно полезный труд» был продолжен потом Ибн Нуктой [93]. Подобных «серий» в арабской письменности можно было бы указать еще по крайней мере несколько.

Все же чрезвычайно обильная продукция отдельных авторов вызывала порой удивление и даже недоверие. Так, по поводу упомянутого Ибн ал-Джавзи его биограф замечает: «В общем, книг у него больше, чем можно счесть, и своей рукой он переписал очень много. Люди впадают в преувеличение, говоря даже, что сложили количество исписанных им тетрадей и подсчитали прожитые им годы и, поделив число тетрадей на время его жизни, получили результат, что он писал девять тетрадей в день. Это слишком много, разум едва это приемлет» [94]. Преувеличения в сообщениях о числе сочинений и количестве их листов были, наверное, и на самом деле, особенно если приводятся круглые цифры. Подсчеты не всегда были арифметически точными.

Как во всякой средневековой литературе, некоторая часть арабских памятников анонимна. Естественно, при фиксации произведений устной словесности — и в начальный период, и впоследствии — определенный их процент оказался без авторов. На арабский язык были переведены и анонимные сочинения со среднеперсидского, индийского, греческого и сирийского [95]. В ходе дальнейшего развития арабской книжно-письменной литературы анонимные сочинения возникали либо по

---

[92] Ибн Халликан, 1, с. 203; 2, с. 75, 194.

[93] Там же, 1, с. 333—334.

[94] Там же, с. 279. Последние слова можно было бы повторить относительно данных о рукописном наследии Ибн Хазма (см. выше), сообщаемых со ссылкой на его сына.

[95] Перечень у Ибн ан-Надима, с. 313—318.

причинам историко-литературным (автор по каким-то соображениям считал нужным или был вынужден скрыть свое имя), либо по условиям бытования рукописной традиции (из-за механических повреждений рукописи или утери ее части установление имени автора оказывается затрудненным или невозможным уже для средневекового читателя)[96]. Проблема атрибуции анонимных рукописей, встающая перед современными арабистами (при каталогизации рукописей, при изучении творчества отдельных авторов и т. п.), во многих случаях решается успешно[97], хотя иногда остается неразрешимой[98].

Надо признать, что в целом анонимные сочинения малохарактерны для средневековой арабской литературы: в сравнении с авторскими они занимают скромное место.

Определенное значение имеет проблема сочинений, ложно приписанных тому или иному «автору»; в особенности она затрагивает некоторые книги раннего периода (VII—IX вв.), а также произведения малого жанра — хадисы, афоризмы, отдельные поэтические строки. Ряд сочинений был пущен в оборот под именем ʻАли и под именами других шиитских имамов, например Джаʻфара ас-Садика. В области оккультных «наук» и естествознания существует проблема сочинений под именами Халида б. Йазида[99] и Джабира б. Хаййана[100]. Мнение о том, что сочинения должны быть авторскими и притом под именами подлинных авторов, было настолько господствующим, что Ибн ан-Надим вообще не верил в существование ложного авторства и выдвинул своеобразную, хотя и на-

[96] Так, Ибн Халликан (I, с. 358) не смог установить имя египетского автора, который вел каждодневную запись о событиях. Он видел только один том его хроники-дневника.

[97] «Дамасский аноним» В. В. Бартольда оказался сочинением Ибн Тулуна, см.: Бартольд (1912), VI, с. 57, примеч. 188. Сошлюсь и на личный опыт: мне удалось установить имя автора биографического сочинения XII в. из Хорезма, представленного дефектной анонимной рукописью в собрании Института востоковедения АН СССР (Халидов, 1971).

[98] См., например, анонимную историю халифов в издании П. А. Грязневича 1960 и 1967 гг. (второе совместно с М. Б. Пиотровским). Не раскрыто имя автора (XII в.?) известного сочинения по истории халифов *Китаб ал-ʻуйун ва-л-хадаʼик*. Общее количество анонимных арабских рукописей, насколько мне известно, не подсчитывалось.

[99] Ибн ан-Надим (с. 354) видел рукописи сочинений Халида б. Йазида, но спор о том, представляют ли они псевдоэпиграфы, продолжается до сих пор, см.: Ullmann, 1978.

[100] Перечень многочисленных сочинений, имевших хождение под его именем, см. у Ибн ан-Надима (с. 355—358); о дискуссиях по этому вопросу: Brockelmann, GAL, SB I, с. 426—429; Sezgin, GAS, IV, с. 132—269.

ивную, аргументацию[101]. Все же ряд сочинений был создан и приписан другим авторам, в основном ранним и знаменитым, таким, как ал-Асма'и[102], ал-Вакиди[103], ал-Джахиз[104], Ибн Кутайба[105], Ибн Сина[106] и др.

Традиционализм господствовал в средневековой арабской литературе и науке, что не раз подчеркивалось выше. Однако вопрос о литературной собственности поднимался в разных аспектах и ставился порой остро. Обвинения в плагиате часты, но касаются главным образом поэзии. Теоретическое рассмотрение вопроса также ограничивалось областью поэзии: обсуждали разницу между подражанием и кражей, пытались установить ту грань, за которой использование традиционного сюжета или образа превращалось в простое заимствование, скрытое или явное, в присвоение чужого достижения[107]. Применительно к целым произведениям мы встречаем иногда обвинения в плагиате, сформулированные в таких же выражениях, как у теоретиков поэзии и поэтических заимствований, но не всегда ясно, что стоит за таким обвинением. Например, Ибн ан-Надим считал, что Ибн ал-Факих в своем *Китаб ал-булдан* «ободрал» (*салаха*) труд ал-Джайхани[108], и позорил Абу Бакра ас-Сули за то, что тот списал и присвоил чужое сочинение[109]. Дурной славой плагиатора пользовался астролог Абу-л-'Анбас ас-Саймари[110].

Авторы, писавшие на арабском языке, живя с сознанием ограниченности познавательных возможностей человеческого разума, уделяли наибольшее внимание репродуктивной стороне литературы и науки. Но в надежде на вознаграждение в мире ином, на признательность потомков, менее явно — на заработок и на славу в этом преходящем мире они проявляли подчас необычайное усердие и трудолюбие. Сочинения, оригинальные по форме и содержанию, умели ценить. Многие авторы гордились своими новаторскими достижениями, а не только накопленной эрудицией. Географ ал-Му-

[101] Как раз в связи с Джабиром б. Хаййаном, Ибн ан-Надим, с. 355: «Кто станет напрягать ум и тратить усилия на создание и переписку сочинения в 2000 листов и ставить имя [постороннего] автора, реального или вымышленного, тот проявит глупость».

[102] Grignaschi, 1969.

[103] Sezgin, GAS, I, с. 294—297.

[104] Pellat, 1956.

[105] Lecomte, 1965.

[106] Mahdavi, 1954.

[107] Grunebaum, 1944; Грюнебаум, 1981, с. 127—156; Куделин, 1983, с. 100—123.

[108] Ибн ан-Надим, с. 154.

[109] Там же, с. 151.

[110] Ибн ал-Кифти, с. 410.

каддаси (ум. в 995 г.), воздавая должное трудам своих предшественников, специально задался целью не повторять написанного ими и предпринял длительные путешествия, чтобы в его книгу вошел только свежий и проверенный материал [111]. Известен случай с лексикографом ал-Джавхари (ум. между 1002 и 1007 гг.), который, извещая об окончании половины своего словаря, кричал будто бы с крыши нишапурской мечети: «Эй вы, люди! Я сделал в своей жизни нечто такое, чего не удавалось еще никому» [112]. Йакут чрезвычайно дорожил новизной своего биографического словаря литераторов, его насыщенностью фактами и непохожестью на предшествующие аналогичные сочинения [113].

В конце своего труда, свода биографий знаменитых людей исламского мира, Ибн Халликан писал: «Кто из ученых прочтет эту книгу и увидит в ней промах, пусть не торопится осудить — сам я стремился к правде, как она мне представлялась. Но, как говорится, Аллах не пожелал, чтобы [безусловной] истиной было что-нибудь, кроме его книги. Это же — результат стараний и усилий того, чьи возможности малы, а человек способен выполнить лишь то, на что у него хватает сил. На всякого знающего найдется знаток» [114].

Об авторских муках, близких и понятных, наверное, мастеру слова всякого народа и любой эпохи, характерно такое высказывание: «Я заметил, что как только человек напишет что-нибудь в один прекрасный день, то назавтра непременно скажет: „Если бы вот это изменить, было бы лучше; если добавить эдак, то удостоилось бы похвалы; если переставить это вперед, было бы удачнее, а если опустить то, получилось бы красивее". Таков поучительнейший опыт, и он свидетельствует о том, что человеку свойственно несовершенство» [115].

Подобные высказывания, в которых сквозит высокое авторское самосознание, многочисленны, полны оттенков и заслуживают, видимо, самостоятельного литературоведческого исследования. Пока надо заметить, что арабская литература в отличие от древневосточных не была анонимной уже в устном бытовании у бедуинов, хотя традиционализм характерен для нее в сильной степени [116].

---

111 Мукаддаси, с. 1—10.

112 Йакут, Иршад, 2, с. 269; ср.: Мец, 1973, с. 161.

113 Йакут, Иршад, 1, с. 11—12.

114 Ибн Халликан, 2, с. 421.

115 Слова ал-Кади ал-Фадила ал-Байсани в письме к ʻИмададдину ал-Исфахани, см.: Хаджжи Халифа, 1, с. 42—43; Rosenthal, 1947, с. 67—68. Ср. также слова ас-Саʻалиби в эпиграфе к этой главе.

116 Ср. мнение о связи традиционализма древневосточных литератур с их анонимностью: Гринцер, 1971, с. 17.

Из собранных в этой главе материалов вырисовывается целый ряд разных типов авторства, свойственных памятникам средневековой арабской литературы[117]. При характеристике какого-либо сочинения недостаточно назвать его титульного автора, необходимо показать, в каком смысле и в какой мере он является автором, раскрыть других авторов, чей труд в том или ином объеме, в той или иной форме инкорпорирован в него, указать на его связи с предшествующими сочинениями аналогичного содержания и структуры, определить устные источники. Читатель и исследователь совершают путь, обратный по отношению к историческому развитию литературы. По рукописи, скажем, XVII в. он читает текст титульного автора, например, XV в., устанавливает его зависимость от предшественника (от непосредственного учителя или автора предыдущих столетий) и косвенную зависимость (по названию и композиции сочинения, манере изложения, сумме охваченных фактов или кругу высказанных мыслей) от ряда сочинений и группы авторов, скажем, X—XI вв. и упирается, наконец, в «истоки» — арабскую устную традицию, опыт раннеисламской общины, переводные памятники. Возникающие при этом затруднения и неясности оказываются лишь частично преодолимыми из-за выпадения промежуточных звеньев и недосказанности в тексте.

Многочисленность авторов, усугубляемая повторяемостью и многослойностью собственных имен в арабском языке и тенденцией к их сокращению в обиходном употреблении (об этом см. гл. 6), еще в средние века породила проблему их распознавания и идентификации. Случавшиеся иной раз ошибки в определении авторов и атрибуции сочинений закреплялись в рукописной традиции и вели к дальнейшей путанице. Эта проблема, осложненная подобными явлениями, остается актуальной в арабистике. При описании массового рукописного материала она иногда бывает неразрешимой; тем более важна как конкретная, так и теоретическая разработка проблем авторства в средневековой арабской книжной письменности.

---

[117] Привычное для нашего времени представление об индивидуальном литературном авторстве исследователи порой склонны переносить в прошлое и применять к рукописным литературам. Проблемы различия оттенков и видов авторства, личного и неличного литературного творчества у разных народов теперь широко обсуждаются в науке. см.: Стеблин-Каменский, 1971, с. 38—52; он же, 1972; он же, 1976, с. 82—83; Аверинцев, 1971, с. 207—229. В отношении арабской книжной письменности средних веков те же проблемы следует ставить шире, так как речь идет не только о художественной литературе.

Глава 4

ПЕРЕДАЧА ЗНАНИЯ И ДОКУМЕНТАЦИЯ ТЕКСТОВ

Если бы не было иснада, всякий говорил бы то, что ему хочется.

Абу Са'д ас-Сам'ани

Опасность преданиям исходит от их передатчиков.

Важная особенность средневековых арабских сочинений заключается в том, что они изобилуют ссылками на конкретных лиц. Очень часто сообщение о каком-либо факте или событии, высказывании или мнении подкрепляется указанием на то, что оно исходит от некоего человека — очевидца или слушателя, которого называли по имени или, реже, обозначали менее определенно. Надо иметь в виду, что такого рода ссылка на информанта отличается от ссылки на автора, реального или вымышленного. Объяснение этому явлению можно усмотреть в упоминавшихся выше обстоятельствах зарождения и дальнейшего пополнения арабской литературы: огромный ее пласт представляет собой запись произведений устной словесности. Подобный способ документировать записанный текст ссылкой на устного информатора нельзя еще считать чем-то специфическим. Параллели можно найти и в других древних и средневековых литературах. Разве что арабская литература отличается большей насыщенностью внутритекстовыми ссылками.

Настоящая специфика состоит в том, что каждая ссылка, как правило, многоступенчата: между автором данного письменного сочинения и первоисточником приводимого сообщения или текста выстраивается цепочка лиц, которые передавали это сообщение один другому как эстафету. Прежде всего такие ссылки характерны для определенного класса арабских текстов — хадисов. Обратимся к примерам.

«Он сказал: рассказал мне ал-Лайс, сказал: рассказал мне 'Акил: от Ибн Шихаба, сказал: „Дошло до меня, что посланник Аллаха — мир ему! — был самым щедрым из людей и щедрее всего он был в рамадане"»[1].

[1] Abbot, 1967, с. 166. Текст издан по папирусному фрагменту начала IX в. и идентифицирован как *Муснад* Ибн Шихаба аз-Зухри (ум. в 741 г.).

«Он сказал: рассказал нам Абу 'Абдаррахман, сказал: рассказал нам Хайва, сказал: сообщил мне Салим б. Гайлан, что он слышал, как Даррадж Абу-с-Самх рассказывал: от Абу-л-Хайсама: от Абу Са'ида, что он слышал, как пророк говорил: „Когда Аллах доволен рабом, воздает семикратно за то добро, которого тот не совершал, а когда гневается на раба, воздает семикратно за зло, которого тот не совершал". Он сказал: рассказал нам Ибн Вахб то же самое с тем же иснадом»[2].

Хадисы могут представлять собой рассказы о сподвижниках и современниках Мухаммада (*сахиб*, мн. ч. *сахаба* или *асхаб*), об авторитетных деятелях следующего поколения (*таби'*, мн. ч. *таби'ун*), о более поздних ученых (*'улама'*). Например:

«Сказал Ибн Исхак: от Абу Исхака ас-Саби'и: от 'Амра б. Маймуна ал-Авди, сказал: „Я был свидетелем [событий] дня, когда 'Умару был нанесен удар копьем"»[3].

«Рассказал нам Мухаммад б. 'Абдаллах ал-Ансари, сказал: рассказал нам Мухаммад б. 'Амр: от человека, которого он назвал по имени: от Ибн 'Аббаса, сказал: что он вышел навстречу Зайду б. Сабиту и взял поводья его [верхового животного]; тот сказал: „Так, о племянник посланника Аллаха!" Он (Ибн 'Аббас) сказал: „Именно так мы поступаем в отношении наших ученых и великих [мужей]"»[4].

Каждый хадис состоит из двух частей: собственно текста (*матн*) рассказа и предваряющей его «подпорки» (*иснад*), то есть перечня лиц, через которых рассказ передавался. По объему обычно иснад превосходит матн; в данном случае примеры взяты из очень ранних сочинений (VIII — начало IX в.), поэтому иснады кратки, складываются лишь из трех-пяти звеньев. Число звеньев в цепочке может доходить до десятка и более. Возьмем для примера фрагменты из труда автора VI/XII в. ас-Сам'ани:

«Рассказал нам Абу Са'д Мухаммад б. Ахмад б. Мухаммад б. ал-Халил ал-Хафиз в Навкане: рассказал нам Абу Наср 'Абдаллах б. ал-Хусайн б. Харун ал-Варрак: нам рассказали Абу Шуджа' 'Умар б. Мухаммад б. 'Абдаллах ал-

---

[2] Abbot, 1967, с. 237. Текст идентифицирован как сборник хадисов Асада б. Мусы (750—827).

[3] Abbot, 1957, с. 80. Текст издан по папирусному фрагменту, датируемому исследовательницей «не позднее последней четверти VIII в.», и идентифицирован как *Та'рих ал-хулафа'* Мухаммада б. Исхака (ум. в 767 г.).

[4] Abbot, 1967, с. 247. Текст идентифицирован как *Фада'ил ал-ансар* неизвестного автора, тематический сборник хадисов начала III/IX в. К этому же времени отнесен папирус, по которому фрагмент издан.

Имам в Аскалоне, Абу Бакр Ахмад б. Мухаммад б. Башшар ал-Фушанджи в Нишапуре и Абу Тахир Мухаммад б. Мухаммад б. ʻАбдаллах ас-Синджи в Мерве, сказали: рассказал нам Абу-л-Фадл ал-ʻАббас б. Ахмад б. Мухаммад аш-Шаккани, сказал: рассказал нам Абу Бакр Ахмад б. Мухаммад б. ал-Харис ат-Тамими: рассказал нам Абу Мухаммад ʻАбдаллах б. Мухаммад б. Джаʻфар ал-Хафиз: рассказал нам Ахмад б. Муса ал-Ансари: я слушал своего отца, сказавшего: я нашел в собственноручной записи своего отца: рассказал нам Асвад б. Салим: я слушал, как Абу ʻАбдаррахман аз-Захид Халид б. Мансур передавал слова ʻАбдаллаха б. ал-Хасана: „У посланника Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — было два платья, которые изготовляли у бану ан-наджжар; он захаживал за ними не раз, говоря: „Быстрее доставьте их нам, чтобы нам покрасоваться в них перед людьми“» [5].

«Сообщил нам Абу-л-Хусайн Мухаммад б. Камил б. Муджахид ал-ʻАскалани по иджазе, устно переданной в Дамаске: рассказал нам Абу Бакр Ахмад б. ʻАли б. Сабит ал-Багдади в своем письме из Сура: рассказал нам ʻАли б. Ахмад ар-Раззаз: рассказал нам Абу Бакр Ахмад б. ʻАбдаррахман ад-Даккак ал-Валилиллах: рассказал мне Абу ʻИса б. Катан ас-Симсар: рассказал нам ʻАбдалваххаб ал-Хаджаби, сказал: „Был я на маджлисе у одного передатчика хадисов, а рядом [находился] Йахйа б. Маʻин. Я записал страницу и хотел посыпать землей, и он мне сказал: „Не делай так, жучки набросятся“. Я процитировал хадис, передаваемый от пророка — да благословит его Аллах и да приветствует: „Посыпайте запись землей, ибо земля благословенна и приносит пользу при надобности“. Он (Йахйа) сказал: „Этот хадис не стоит и филса“» [6].

В «хадисной» форме передавались или оформлялись многие исторические сведения в сочинениях VIII—X вв.; такие сообщения с иснадом называли *хабар* (мн. ч. *ахбар*). Например:

«Сказал Мухаммад б. ʻА'из: сказал ал-Валид б. Муслим: от Йахйи б. Хамзы, сказал: сообщил мне Рашид б. Да'уд: от Шарахила б. Марсада: „Халид б. ал-Валид и отряд мусульман приступили к осаде Дамаска и осаждали его четыре месяца“» [7].

---

[5] Самʻани, Адаб ал-имла', с. 26.

[6] Там же, с. 173—174.

[7] Абу Зурʻа, с. 173—174 (№ 58); весь объемистый труд этого автора состоит из таких фрагментарных сообщений. Поэтому современный исследователь, подготовивший его критический текст, разбил его на 2330 параграфов.

«Рассказал нам Абу Зур'а, сказал: рассказал нам 'Абдаррахман б. Ибрахим, сказал: рассказал нам ал-Валид б. Муслим: „Иерусалим был взят в шестнадцатом году"»[8].

«Написал мне ас-Сари: от Шу'айба: от Сайфа: от ар-Раби'а б. ан-Ну'мана, Абу-л-Муджалида Джарада б. 'Амра, Абу 'Усмана Йазида б. Асида ал-Гассани и Абу Харисы Мухриза ал-'Абшами — все они [передавали] с иснадом — и от Мухаммада б. 'Абдаллаха, [передававшего] от Курайба, сказали: „Постиг людей в правление 'Умара — да будет доволен им Аллах! — такой год для Медины и ее окрестностей, что заволакивало [небо] пылью, когда дул ветер, словно пеплом, и назвали тот год „годом пепла"»[9].

Литературные тексты, поэтические и прозаические, также зачастую имеют иснады. Так, в старейшем сборнике избранных стихов и кратких биографических сведений о поэтах «новой», то есть позднеумаййадской и раннеаббасидской, эпохи (*мухдасун*) *Табакат аш-шу'ара'* 'Абдаллаха б. ал-Му'тазза (уб. в 908 г.) каждый рассказ вводится ссылками на непосредственных информаторов и передатчиков:

«Известия о Салихе б. 'Абдалкуддусе. Рассказал мне Мухаммад б. Йазид, сказал: рассказал мне ал-'Авфи, сказал: „Салиха б. 'Абдалкуддуса схватили как еретика и привели к ал-Махди, а когда тот поговорил с ним, поразился его образованности, знаниям и одаренности"»[10].

«Известия об Ибн Муназире. Рассказал мне Абу-л-Асвад Мухаммад б. ал-Фадл, сказал: рассказал мне Исхак б. 'Амр ал-'Адави, сказал: „Мухаммад б. Муназир был жителем Адена и перебрался в Басру, потому что в ней было много ученых и образованных людей"»[11].

«Известия об ал-Хариси. Имя его — 'Абдалмалик б. 'Абдаррахим. Рассказал нам Абу Малик ал-Ансари, сказал: рассказал мне Абу-л-Асвад, поэт, сказал: „Ал-Хариси был поэтом выдающимся, блестяще владевшим языком, одаренным, выражавшимся естественно. Стихи его не походили на стихи новых, городских поэтов, его стиль был подлинно бедуинским. Когда он продекламировал свою знаменитую удивительную касыду, все поэты признали его превосходство, преклонились перед ним. Он — из тех, чьи стихи переписывают золотом"»[12].

Не менее показательны примеры из известных литератур-

---

[8] Абу Зур'а, с. 176—177 (№ 66).
[9] Табари, I, с. 2573.
[10] Ибн ал-Му'тазз, Табакат, с. 89.
[11] Там же, с. 119.
[12] Там же, с. 275.

ных трудов IX—X вв. Абу-л-Фараджа ал-Исфахани и ал-Мубаррида:

«Сказал Ибн ал-А'раби, как это сообщил мне 'Али б. Сулайман ал-Ахфаш: от ас-Суккари: от Мухаммада б. Хабиба: от него (Ибн ал-А'раби) и от Хишама б. ал-Калби: от его отца: „Род 'Ади б. Зайда поселился в Хире по такой причине...“» [13].

«Сообщил мне ал-Хусайн б. Йахйа: от Хаммада б. Исхака: от его отца: от Абу 'Убайды, сказал: „Ал-Хутай'а оставался у курай'итов и восхвалял их до тех пор, пока не наступил дождливый год“» [14].

«Ал-Хутай'е принадлежит изящное завещание, которое по частям передают разные сказители. Я собрал те, что удалось, в одном месте и предпослал им иснады. Сообщил мне то завещание Мухаммад б. ал-'Аббас ал-Йазиди, сказал: рассказал нам Ахмад б. Йахйа Са'лаб, сказал: рассказал нам 'Уйайна б. ал-Минхал: от ал-Асма'и; сообщил мне его Ахмад б. 'Абдал'азиз ал-Джавхари, сказал: рассказал нам 'Умар б. Шабба; сообщил мне Ибрахим б. Аййуб: от Ибн Кутайбы; я переписал его из книги Мухаммада б. ал-Лайса: от Мухаммада б. 'Абдаллаха ал-'Абди: от ал-Хайсама б. 'Ади: от 'Абдаллаха б. 'Абдаррахмана: от его отца; сообщил мне ал-Хасан б. Йахйа: от Хаммада б. Исхака: от его отца: от Абу 'Убайды; сообщил мне Хашим б. Мухаммад ал-Хуза'и, сказал: рассказал нам Абу Гассан Дамаз: от Абу 'Убайды, сказали: „Когда ал-Хутай'а был при смерти, собрались к нему сородичи и сказали: „О Абу Мулайка, завещай!“» [15].

«Рассказал нам Абу Бакр Мухаммад б. 'Умар б. 'Абдал-'азиз, сказал: рассказал нам Абу 'Усман Са'ид б. Джабир, сказал: рассказал нам Абу-л-Хасан 'Али б. Сулайман ал-Ахфаш методом *кира'а*, сказал: „Эта книга была читана при мне Абу-л-'Аббасу Мухаммаду б. Йазиду ал-Мубарриду“» [16].

«Рассказал мне один из наших друзей: от ал-Асма'и: от ал-Му'тамира б. Сулаймана: от Абу Махзума: от Абу Шафкала, равийи ал-Фараздака» [17].

[13] Абу-л-Фарадж ал-Исфахани, Агани, 2, с. 97. Ср.: Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани, Книга песен, с. 30, где иснад сознательно опущен, чтобы облегчить восприятие русского перевода.

[14] Абу-л-Фарадж ал-Исфахани, Агани, 2, с. 191. Ср.: Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани, Книга песен, с. 76.

[15] Абу-л-Фарадж ал-Исфахани, Агани, 2, с. 195. Ср.: Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани, Книга песен, с. 80.

[16] Мубаррид, Камил, с. 2: с этого иснада начинается сохранившийся текст сочинения.

[17] Мубаррид, Камил, с. 70; *равийа* поэта — тот, кто знал наизусть и передавал его стихи.

Если мы оставим в стороне сами сообщения, содержание которых здесь нас не интересует, то схема иснадов сводится к следующему: А рассказывал со слов Б, который, в свою очередь, передавал слова В... о том, как что-то произошло или было сказано. Технические выражения и термины, переведенные нами буквально, как можно ближе к оригиналу, повторяются, хотя и слегка варьируются. «Он сказал» (или «сказал» — *кала*) вводит прямую речь автора или передатчика. «Рассказал мне» (*хаддасани*), «рассказал нам» (*хаддасана*), «сообщил мне» (*ахбарани*) и «сообщил нам» (*ахбарана*) обозначают акт передачи данного сообщения от одного лица к другому; оба глагола представляются равнозначными и взаимозаменяемыми, различия в местоимениях («мне», «нам») указывают, очевидно, был ли передатчик единственным получателем сообщения или одним из многих. Предлог «от» (*'ан*) также указывает на один из этапов передачи и способен, кажется, заменять оба возможных глагольных выражения.

Из самих иснадов не вполне ясно, в чем, собственно, состоял акт передачи текста сообщения, термин «передача» (*ривайа*) в них встречается редко. Совокупность свидетельств источников показывает, что в основе лежало устное обучение, разбор текста вслух. Знаток, выступая в роли учителя, рассказывает некое сообщение с необходимыми пояснениями, ученик слушает и запоминает. Затем ученик демонстрирует учителю, как он усвоил текст сообщения, воспроизводя его дословно. При этом учитель должен удостовериться, что ученик правильно понял смысл сообщения, точно запомнил его словесное выражение и отразил буквально, без искажений и перестановок. Учитель обязан также разъяснить, когда, как и от кого он сам узнал то, что он сообщает, а ученик обязан четко представлять себе путь, по которому данное сообщение попало к учителю.

Обычай проверять точность, полноту и неискаженность словесных произведений через их повторное воспроизведение вслух при передаче от одного лица к другому был распространен на раннем этапе развития арабской литературы. По всей видимости, он возник в устной сфере и восходит к бесписьменному обществу доисламской Аравии. Всякое предположение о постороннем влиянии отпадает, поскольку в других литературах подобная техника не засвидетельствована.

В те времена, когда устная передача была единственно возможной, существовали, очевидно, определенные нормы и правила, призванные обеспечить надежную сохранность социально значимой информации, предотвратить случайность и

произвол в ее передаче. Весьма вероятным представляется и то, что хранение и передача информации выделились в род занятий, стали предметом забот особой категории людей, пользовавшихся доверием и уважением в обществе. Сказители известны по упоминаниям по меньшей мере для Аравии VI — начала VII в., а более поздние сказители (*рави*, *ахбари*, *мухаддис*, *касс*) VII—VIII вв. были продолжателями их дела.

Параллели этому явлению надо искать, наверное, у народов, находившихся на сопоставимом уровне развития. Наблюдения этнографов над африканскими обществами, которые еще совсем недавно были бесписьменными, показали, что исторические предания в них тщательно оберегались, а компетентность профессиональных передатчиков строго контролировалась [18]. При этом приемы проверки и контроля четкости запоминания, полноты и неискаженности текстов при их передаче (буквальное воспроизведение учеником того, что он усвоил от учителя) очень схожи с теми, которые известны из арабской традиции. Картина вполне аналогична той, что представляется правдоподобной для древней Аравии.

С появлением и утверждением письменности форма документации сведений ссылкой на рассказ передатчика, то есть устного информатора, осталась в силе, как и терминология, но сам способ обучения модифицировался. Как знатоку, так и ученику разрешалось пользоваться записью. Хорошую память продолжали высоко ценить и ей доверяли, порой больше, чем письму. Есть много восторженных рассказов о людях с исключительной, феноменальной способностью запоминать обширные тексты с одного или двух прослушиваний, хранить их подолгу и в больших количествах [19]. На заучивании наизусть и развитии памяти настаивали и в раннюю эпоху, и позднее. Но письменная фиксация текстов находила признание, преодолевая недоверие. Достоинствам и недостаткам запоминания и записи посвящено множество высказываний в прозе и в стихах.

Итак, с определенного момента стало допустимым, чтобы знаток рассказывал не обязательно по памяти, а по записи; чтобы ученик слушал и записывал, а усвоенный текст воспроизводил по записи. Какое-то время запись служила, ви-

---

[18] Vansina, 1965.

[19] Недоверчивые ориенталисты не раз встречали на современном Востоке людей с хорошей памятью, экзаменовали их и удивлялись. См., например, воспоминания И. Ю. Крачковского 1908 г. о слепом от рождения школьном учителе из ливанской деревушки, который знал наизусть все имеющиеся у него арабские словари (в том числе 20-томный *Лисан ал-ʿараб*) и грамматики: Крачковский (1945), I, с. 32.

димо, лишь вспомогательным средством при преобладании устной передачи. Но постепенно акценты смещаются, роли меняются и запись выдвигается на первое место как средство хранения и передачи знания, а устное воспроизведение текста остается лишь орудием контроля.

Такой путь исторического развития кажется естественным, но не может считаться доказанным. Тому есть две причины. Во-первых, предания и сказания доисламской Аравии лишены иснадов, то есть цепочки их древних передатчиков были утрачены или письменно не зафиксированы[20]. Во-вторых, есть положительные свидетельства мусульманских писателей о том, что иснады вошли в употребление сравнительно поздно, как нововведение исламского времени, и притом исключительно в сфере передачи хадисов. «Об иснадах в начальную пору не спрашивали»; «иснад — украшение хадиса»; «передавать хадис без иснада — дело покровительствуемого (иноверца), ибо иснад в хадисе — благодеяние Аллаха общине Мухаммада»; «иснад — часть веры, оружие правоверного; если у него нет оружия, то чем он будет сражаться?»[21].

Аравийское происхождение иснада, с моей точки зрения, весьма вероятно; иначе его невозможно объяснить исторически. Широкое распространение устно-формульного метода творчества у древнеарабских поэтов и исполнителей («рапсодов»)[22] допускало и даже предполагало, очевидно, обычай ссылаться на лиц, через которых передавались поэтические произведения. Передатчики хадисов раннеисламского времени не изобрели иснады, не получили их как божий дар, а опирались на древний опыт, тем более что они же зачастую были хранителями и передатчиками древнеарабской словесности. Но вернемся к самой системе, ее функционированию и дальнейшему развитию.

Иснады в дошедших до нас сочинениях отражают сочетание устной и письменной передачи текстов, однако употребляемые в них технические выражения не позволяют отличить, как был осуществлен конкретный ее этап, если это специально не оговаривалось. Более подробные указания в иснадах и сочинения, посвященные регламентированию изучения хадисов, показывают, что различали восемь способов передачи: *кира'а, сама'*, *'ард, мукатаба, мунавала, иджаза, васийа* и *виджада.*

---

[20] Ср. выше: рассказ об 'Ади б. Зайде (VI в.) восходит лишь к VIII в., а рассказ про ал-Хутай'у (VI—VII вв.) — к Абу 'Убайде (начало IX в.).

[21] Сам'ани, Адаб ал-имла', с. 5—8.

[22] Дж. Монроу показал, что многие особенности древнеарабской поэзии объясняются ее устно-формульным характером, см.: Монроу (1972).

1. *Кира'а* — букв. «чтение», или «читка». Как технический термин, она означает не всякое чтение, а лишь определенный вид чтения: когда ученик читает перед учителем тот текст, который он намерен изучить. Запись этого текста он может изготовить заранее сам, взять на время у учителя или у третьего лица. Ученик должен был «озвучить» его (следует вспомнить, что особенности арабского письма делали это нелегкой задачей, см. гл. 1), показать правильное его понимание, задать учителю вопрос, если что-нибудь ему было неясно. Роль учителя состояла в том, чтобы следить за правильностью чтения, делать в нужных случаях поправки и замечания, отвечать на вопросы, комментировать текст и разъяснить, у кого и как он сам его изучил.

2. *Сама'* — букв. «слушание». Также особый вид слушания: когда ученик прослушивает изучаемый им текст в чтении другого лица, предпочтительнее — самого учителя. Вопросы и ответы, комментирование, справки о прежней передаче текста — все, как в первом способе.

Впрочем, эти два способа имеют много общего и зачастую соединялись в одно, если учитель обучал целую группу. Учитель мог читать или диктовать для всех сразу, ученики могли читать попеременно, знание «слушателя» полагалось проверить при его собственном чтении. Поэтому и в ссылках можно встретить вариации: «слушал в чтении такого-то» или «диктовку такого-то» и др. (ас-Сам'ани[23] выделяет «слушать диктовку» в отдельный, притом лучший, метод изучения хадисов). Оба способа считались самыми одобряемыми и надежными, в практике преобладали, ссылки на них встречаются в источниках чаще всего.

3. *'Ард* — «предъявление» полученного прежде сообщения авторитетному знатоку для одобрения (видимо, также для неодобрения и запрещения передавать). Предъявление только писаного текста, без устного разбора, осуждалось и все-таки практиковалось.

4. *Мукатаба* — букв. «взаимная переписка». Письменное обращение за информацией к авторитету и получение ее. Переписка между мусульманскими учеными, жившими порой в разных городах на значительном удалении, известна с VIII в.

5. *Мунавала* — «переход [рукописи] из рук в руки» без совместного прочтения. Это могло происходить вообще без тесного общения контрагентов, через третьи лица, с перерывом во времени.

---

[23] Сам'ани, Адаб ал-имла', с. 8.

6. *Иджаза* — букв. «разрешение». Какой-либо специфики не имеет и означает разрешение передавать материалы учителя независимо от их происхождения и способа получения учеником.

7. *Васийа* — букв. «завещание». Переход авторской рукописи по завещанию к другому лицу.

8. *Виджада* — «нахождение». Обнаружение рукописи автора после его смерти, обнаружение некоего сообщения в авторитетной рукописи.

Наконец, сюда можно добавить еще *накл* — обыкновенное копирование рукописи, целиком или частично, с ведома и дозволения владельца-учителя.

Все эти способы передачи выраженного в слове знания сложились в целую систему, которая прошла длительный период апробации и получила наиболее полное развитие в сфере хадисоведения[24], но применялась также в коранических дисциплинах, в историографии и филологии, совершенно не затронув переводных сочинений и трудов по «наукам древних». Сложившись в VII—IX вв., эта система непрерывно эволюционировала, в практической реализации была более разнообразной, чем ее можно представить в схематическом виде, и все этапы эволюции находили отражение в памятниках письменности, как в непосредственных ссылках, подобных приведенным выше, так и в биографических данных о тех людях, которые участвовали в передаче знания. Наиболее ощутимая перемена в отношении к иснадам произошла в историографии IX—X вв., когда в ней наметился переход к связному изложению событий. Сообщения, передававшиеся по разным цепочкам, сводили в один рассказ, иснады сокращали или вовсе опускали; переходя к современным событиям, обходились без иснадов. В дальнейшем иснады появляются только в цитатах из сочинений раннего этапа арабской историографии.

Более устойчиво система иснадов сохранялась в хадисоведении, хотя и здесь появляются сборники хадисов с сильно усеченными иснадами или совсем без них. Зато с XI в. она овладевает более широкой сферой общего образования как в медресе, так и вне специальных учебных заведений.

С новой модификацией этой системы мы и встречаемся в книжной традиции. Теперь рукописные труды по всей учебной программе прорабатывались описанным выше сочетанием уст-

---

[24] О передаче хадисов см.: Goldziher, 1890, с. 3—274; Abbott, 1957, с. 5—31; Abbott, 1967, с. 33—64; Sezgin, GAS, I, с. 53—60. Проблемы подделки иснадов, которая обсуждается в этих и многих других трудах, мы здесь не касаемся.

ной и письменной передачи, в том числе труды по логике, арифметике и некоторым иным отраслям знания, которые прямо восходят к переводам на арабский или развивались на их базе и никаких иснадов в тексте не содержат. В ходе занятий ученик изготовлял обычно новый список изучаемого сочинения, а после их завершения испрашивал и получал разрешение (*иджазу*) учителя на самостоятельную передачу (*ривайу*) текста сочинения с соответствующей ссылкой. После этого он мог на законных основаниях цитировать это сочинение устно и письменно, обучать по нему других. В его ссылке на учителя фигурировали те же знакомые слова «чтение», «слушание», «разрешение» или просто «от», но существенным было полученное им от учителя «право передавать» (*хакк ар-ривайа* или *ал-ривайа*).

При повторении актов обучения по определенной книге образовывалась цепочка ее передатчиков, связанных отношениями «учитель — ученик». С добавлением имен предшественников учителя и указаний о способах передачи от звена к звену получался иснад книги, по техническим выражениям почти неотличимый от ранних иснадов. В этом и заключена вся трудность понимания эволюции иснада: невозможно установить, кем было конкретное звено в цепочке — передатчиком, который пользовался или не пользовался записью, либо уже автором письменного сочинения. За годы своей педагогической деятельности учитель «передавал» одно сочинение ряду лиц или несколько сочинений одному или многим лицам; в свою очередь, и учащийся мог присоединиться к иснадной цепи передачи разных сочинений. Некоторые авторы выступали в роли первого преподавателя по написанной ими книге, способствуя тем размножению ее копий. Многие сочинения рождались в процессе преподавания, специально создавались для учеников (см. об этом в гл. 3).

«Искатель знания» (*талиб ал-ʻилм*) прорабатывал под руководством учителя одно сочинение за другим и на каждое получал иджазу, затем переходил к другому преподавателю или одновременно занимался у нескольких преподавателей. Бывало так, что он совершал учебное путешествие (*рихла*), после завершения образования в одном месте перебирался в другой город и проходил курс у новых преподавателей по новым сочинениям; иногда он дважды штудировал то же сочинение и получал возможность сравнить метод и глубину обучения у разных учителей. Практиковалось и взаимное обучение: меняясь ролями наставника и ученика, двое читали друг другу поочередно разные сочинения.

 Мерилом образованности и авторитета ученого служили

количество проработанных им книг и репутация его учителей. В учебных заведениях разного типа заменой программе практически служил набор изучаемых сочинений. Градация обучения и учености юридически не оформлялась и официально не закреплялась каким-либо обрядом, посвящением, дипломом. Но примечательно, что арабская формула обоснования «права передачи» послужила названием ученой степени бакалавр (от *би-хакк ал-ривайа*)[25] в западноевропейских университетах, испытавших на начальном этапе (XII в.) некоторое арабское влияние (через Испанию). В развитии учебных заведений высшего типа — медресе на мусульманском Востоке и колледжей в Европе — был прослежен целый ряд сходств и параллелей автором вышедшей недавно монографии: главным, часто единственным предметом преподавания была юриспруденция, впервые был выработан схоластический метод обучения в форме лекций и диспутов и т. д.[26]. Поскольку на Востоке развитие подобных учебных заведений началось столетием раньше, то и влияния шли оттуда, хотя конкретные их пути не всегда отчетливы.

Также с X в. свидетельство об имевшем место обучении по книге стало письменным документом. Оно записывалось либо на отдельном листке, либо непосредственно на экземпляре проработанной книги. Эти документы-свидетельства разнотипны: своего рода протоколы учебных заседаний (*маджлис*) по читке книг, иджазы по поводу конкретных сочинений, иджазы общего типа, которые служили фактически дипломом об образовании[27]. В последних речь может идти о передаче всего собрания сочинений одного автора, более или менее обширного круга сочинений по одной дисциплине или набора сочинений на разные темы. Документы могут быть краткими и стереотипными или пространными и изысканными. Их составление превратилось в предмет риторических упражнений, и порой их ценили за литературные достоинства. Собрание иджаз одного учащегося составляет иногда целый том, который начинает циркулировать как отдельная книга, чаще всего под названием «Перечень учителей» (*Фихрист, Барнамадж, Машйахат, Тасмийат ар-риджал, Му'джам, Сабат*) такого-то. Обычай составлять подобные перечни учителей, а заодно изученных дисциплин и сочинений восходит еще

---

[25] Ebied, Young, 1974.
[26] Makdisi, 1981 (особенно с. 281—291).
[27] Но отсутствие университетской корпорации и официально признаваемого диплома осталось характерной чертой мусульманской системы образования, отличающей ее от европейской.

к X в. и наиболее прочно закрепился в ал-Андалусе[28]. Эти перечни служили также своего рода справочником по истории соответствующей дисциплины и о работавших в ней людях. В таком качестве иджазы и перечни вовлекаются в повторный круговорот: на них ссылаются авторы, когда пишут о себе, их используют и цитируют в биографических справочниках. Редко какая биография мусульманского ученого обходится без упоминания о том, от кого и кому он передавал (это относится и к деятелям VII—X вв.), у кого и где учился, какие иджазы получил. Ограничимся несколькими примерами:

«Абу-л-Фадл ал-ʽАббас б. ал-Фарадж ар-Рийаши ал-Лугави ал-Басри был ученым, надежным передатчиком, знатоком „дней арабов“, широко осведомленным. Он передавал от ал-Асмаʽи и Абу ʽУбайды Маʽмара б. ал-Мусанны и других, а от него передавали Ибрахим ал-Харби, Ибн Аби-д-Дунйа и другие»[29].

«Абу Мухаммад ʽАбдаллах б. Муслим б. Кутайба ад-Динавари был достойным, надежным, жил в Багдаде и передавал там от Исхака б. Рахавайхи, Абу Исхака Ибрахима б. Суфйана б. Сулаймана б. Аби Бакра б. ʽАбдаррахмана б. Зийада б. Абихи аз-Зийади, Абу Хатима ас-Сиджистани и [ученых] того поколения. От него передавали его сын Ахмад и Ибн Дуруставайхи ал-Фариси. Он преподавал свои сочинения в Багдаде методом *кира'а* до самой своей кончины... Сын его Абу Джаʽфар Ахмад б. ʽАбдаллах был факихом и передавал от своего отца все сочиненные им книги»[30].

«Абу-л-Махасин Йусуф б. Рафиʽ б. Тамим б. ʽУтба б. Мухаммад б. ʽАттаб ал-Асади, известный как Ибн Шаддад, прозываемый Баха'аддином, учился у Дийа'аддина Абу Бакра Йахйи б. Саʽдуна б. Таммама б. Мухаммада ал-Азди ал-Куртуби... В одном из своих сочинений он говорит: „Я занимался у него на протяжении одиннадцати лет непрерывно методом *кира'а* и прочитал ему большинство передаваемых им книг по разночтениям [в тексте] Корана, по рецитации Корана, по передаче хадисов и их комментированию, по тафсиру. И он своей подписью заверил это и засвидетельствовал, что

[28] Бойко, 1977, с. 85. Многие перечни дошли до наших дней в рукописях и были изданы как ценные источники для современных исследований, см.: Ибн Хайр; Ахвани, 1955; Шаббух, 1959. Интересный образец представляет рукопись Восточного отдела библиотеки Ленинградского государственного университета Ms. Or. 901, содержащая том с иджазами Ибн Хаджара ал-ʽАскалани (ум. в 1448 г.), изготовленная при жизни автора, см.: Rosen, 1881a.

[29] Ибн Халликан, 1, с. 246.

[30] Там же, с. 251.

никто другой не читал ему столько, сколько прочитал я. Заверенный им перечень (*фихрист*) прочитанного ему составляет почти две тетради, и перечень всего передаваемого у меня есть — я передаю это от него. В этот перечень входят [*Сахих*] ал-Бухари и Муслима по нескольким линиям передачи, много книг по хадису, много книг по адабу и прочему. Последнее, что я передаю от него,— *ал-Гариб* Абу 'Убайда ал-Касима б. Саллама, прочитанный за несколько занятий, последнее из которых состоялось в последнюю трехдневку ша'бана 567 г. Далее в перечне: шейх Абу-л-Баракат 'Абдаллах б. ал-Хидр б. ал-Хусайн, известный как Ибн аш-Ширадджи, у которого я слушал часть *Тафсира* ас-Са'лаби, и он дал мне иджазу на передачу от него всего, что он передавал разными способами; он заверил это в перечне прослушанного мной собственноручной записью, датированной 5 джумада II 566 г.; шейх Маджддаддин Абу-л-Фадл 'Абдаллах б. Ахмад б. Мухаммад б. 'Абдалкахир ат-Туси, хатиб в Мосуле, у которого я слушал многое из прослушанного им самим, и он дал мне иджазу на передачу всего 26 раджаба 558 г.; кади Фахраддин Абу-р-Рида Са'ид б. 'Абдаллах б. ал-Касим аш-Шахразури, у которого я слушал *Муснад* аш-Шафи'и, *Муснад* Абу 'Аваны, *Муснад* Абу Йа'лы ал-Мавсили и *Сунан* Абу Да'уда,— он собственноручно заверил это в моем перечне; я слушал у него *ал-Джами'* Абу 'Исы ат-Тирмизи, и он дал мне иджазу на передачу того, что он сам передавал,— собственноручно он заверил это в шаввале 567 г.; хафиз Маджддаддин Абу Мухаммад 'Абдаллах б. Мухаммад б. 'Абдаллах б. 'Али ал-Ашири ас-Санхаджи дал мне иджазу на передачу всего, что он передавал разными способами, его запись о том в моем перечне датирована рамаданом 557 г., и потому перечень передававшегося им находится у меня; хафиз Сираджаддин Абу Бакр Мухаммад б. 'Али ал-Джаййани, которому я прочитал *Сахих* Муслима от начала до конца в Мосуле и *ал-Васит* ал-Вахиди, и он дал мне иджазу на передачу того, что он передает, в 559 г. Это — имена тех, кого я смог вспомнить. А слушал я многих, чьих *ривайа* нет при мне, когда я пишу эту книгу... и этих достаточно"»[31].

В другом месте, в биографии ат-Туртуши, Ибн Халликан ссылается на *Машйахат* «нашего шейха кади Баха'аддина б. Шаддада», который он раздобыл в Дамаске в 680 г.[32] и из которого, очевидно, взяты сведения, приведенные выше.

«Абу-т-Тахир Баракат б. Аби Исхак Ибрахим б. Аби-л-

---

[31] Там же, 2, с. 354—355.
[32] Там же, 1, с. 479.

Фадл Тахир б. Баракат б. Ибрахим б. 'Али б. Мухаммад б. Ахмад б. ал-'Аббас б. Хашим ал-Хушу'и ад-Димашки ал-Джайруни ал-Фурши ар-Раффа' ал-Анмати был обладателем ценных *сама'* и уникальных иджаз, ставшим связующим звеном между малыми и великими [учеными]. В конце своей жизни он был единственным, кто имел *сама'* и иджазу от Абу Мухаммада Хибаталлаха б. Ахмада б. ал-Акфани. Только он один имел иджазу от Абу Мухаммада ал-Қасима ал-Харири ал-Басри, автора *ал-Макамат*, полученную им из Басры в 512 г. ...Я встречался с несколькими учениками этого Абу Тахира и слушал у них, и они выдали мне иджазы. Сына его я встретил в Египте, он частенько навещал меня и дал мне иджазу на все, что он получил путем *сама'*; а свои иджазы он получил от родителя своего»[33].

«Абу-л-Вакт 'Абдалаввал б. 'Иса б. Шу'айб б. Исхак ас-Сиджизи передавал много по ценным иснадам, далеко протянувшимся. Я изучал *Сахих* ал-Бухари методом *сама'* в городе Ирбиле в один из месяцев 621 г. у достойного шейха Абу Джа'фара Мухаммада б. Хибаталлаха б. ал-Мукаррама б. 'Абдаллаха ас-Суфи по праву его *сама'* в багдадском медресе ан-Низамийа у упомянутого шейха Абу-л-Вакта в месяце раби' I 553 г. по праву его *сама'* у Абу-л-Хасана 'Абдаррахмана б. Мухаммада б. Музаффара ад-Да'уди в зу-л-ка'де 465 г. по праву его *сама'* у Абу Мухаммада 'Абдаллаха б. Ахмада б. Хаммуйи ас-Сарахси в сафаре 381 г. по праву его *сама'* у Абу 'Абдаллаха Мухаммада б. Аби Йусуфа б. Матара ал-Фарабри в 310 г. по праву его *сама'* от автора, хафиза Абу 'Абдаллаха Мухаммада б. Исма'ила ал-Бухари, дважды — в 248 и 252 гг.»[34].

«Абу-л-Хасан 'Али б. Ибрахим б. Са'ид б. Йусуф ал-Хуфи был знатоком арабского языка... У него учились многие и получили от него пользу. Я видел его подпись на многих книгах по адабу, которые были читаны ему. Для их владельцев он делал запись о *кира'а*, как это в обычае у наставников (*машайих*)»[35].

Обоснованность документов и литературных сведений об обучении по книге колеблется в широких пределах. Декларируемый принцип гласил: «от надежного к надежному, от справедливого к справедливому»[36]. Существовала шкала характеристики ранних передатчиков хадисов (и не только хадисов): надежный (верный), сомнительный, слабый, лгун

[33] Там же, с. 88.
[34] Там же, с. 306.
[35] Там же, с. 332.
[36] Сам'ани, Адаб ал-имла', с. 4.

(подделыватель). Писали специальные сочинения с изложением правил передачи. Например, ас-Сам'ани признавал только шесть способов передачи: знаток хадиса (*мухаддис*) рассказывает (видимо, устно) тебе; ты читаешь ему; ему читают, а ты слушаешь; ты предъявляешь ему и просишь у него иджазу на передачу; он пишет тебе и разрешает тебе передавать, а ты переписываешь из его письма (книги?) или из сверенной с оригиналом копии; он диктует себе, и ты пишешь под его диктовку, это самый правильный способ, ибо когда ты читаешь ему, он может быть невнимателен или совсем не слушать, а если он читает, ты можешь чем-нибудь отвлечься от слушания; так же может случиться, если ему кто-то читает, а присутствующие слушают. «Способы *'ард* и *китаба*,— продолжает ас-Сам'ани,— менее правильны, а иджазу многие вообще не признают. „Если иджазу признать действительной, то прекратятся путешествия [в поисках хадисов]",— говорил еще Шу'ба (IX в.). Когда передатчик хадиса тебе продиктовал и ты записал с его слов (*лафзихи*), то исключается какое бы то ни было нарушение [передачи], так как он знает, что диктует, а ты слушаешь и понимаешь, что пишешь» [37].

Далее ас-Сам'ани излагает много предписаний и правил, которым до́лжно следовать диктующему (*мумли*) и просителю диктовки (*мустамли*). Диктующему подобает привести в порядок себя, свою одежду и свои дела: начать с чистки зубов, затем подрезать ногти, если отросли, и усы, пригладить волосы на голове, надеть белые одежды, аккуратно повязать чалму, причесать бороду, употребить благовония, если есть у него, посмотреться в зеркало; идти на заседание (*маджлис*) степенно, удержать сидящих от приветствия вставанием, обращаться к слушателям мягко, назначенный срок не переносить; рассказывать хадисы только по своей записи, ибо память может изменить; призвать всех к молчанию и говорить таким голосом, чтобы присутствующие расслышали; объявить, у кого он слушал, доведя цепочку передатчиков до исходного звена; передавать хадисы только от надежных лиц, предпочтительно — знаменитые, не редкие, приемлемые для ума простых людей, полезные для фикха, побуждающие к благородным поступкам, добру, молитве и воздержанию; разъяснять редкие слова и темные выражения, о том, что непонятно самому, умолчать; не утомлять слушателя, не затягивать заседания («речью можно пресытиться, как едой»; «слушатель утомляется быстрее говорящего»; «если заседа-

[37] Там же, с. 10.

8 Зак. 36

ние затягивается, значит, в нем участвует шайтан»); завершать заседание следует занимательными рассказами и анекдотами, а затем — песнями и стихами.

То, что записано на заседании, полагалось прочитать повторно, чтобы все выверить, а ошибки исправить, ибо орудие письма (*калам*) может не повиноваться и допустить описки. Но повторять один и тот же хадис учителя́ не любили («тяжелее, чем таскать камни» — Малик).

Испрашивающий диктовку должен доводить диктуемое до сведения тех, кто в кружке (*халка*) оказался далеко; сесть повыше остальных или стоять, говорить звучно (как барабанщик в войске), быть бдительным и сообразительным (отрицательный пример: у Абу ʻУбайды был *мустамли* Кайсан, которого он характеризовал гротескно так: «Он слышит не то, что я произношу, говорит не то, что слышит, пишет не то, что говорит, читает не то, что пишет, запоминает не то, что читает»), хорошо и точно произносящим, имеющим опыт; он обязан призвать людей к молчанию, прочитать молитву, назвать полное имя шейха, буквально воспроизвести все, что он скажет, повторить слово, если слушатель попросит.

Искателю хадиса до́лжно отличаться во всем от поведения обычных людей, следовать сунне, приходить на заседание заблаговременно, одеваться не пышно, опрятно, сделать широкие рукава, чтобы класть туда записи, вести себя вежливо и скромно, быть предупредительным к учителю, оказывать ему почет, не очинять перед ним калам, не скалить зубы, не говорить громко, не дремать; выполнять предписания относительно орудий письма и чернил, писать красивым, ясным почерком, чтобы линии были толстыми; сверить в конце свою запись и т. п.[38].

Изложенные правила сформулированы применительно к передаче хадисов, но в принципе относятся ко всякой передаче текстов. На практике эти строгие предписания соблюдались, конечно, далеко не всегда. От этого зависела документация передачи: то со щепетильностью следили, чтобы иджазы точно отражали факты, то откровенно допускали, чтобы они частично и даже целиком были фиктивными, свидетельствуя о проникшей в систему обучения и книжной традиции взаимной снисходительности, может быть, и коррупции.

Самые ранние сохранившиеся документы об обучении по книге восходят к концу X в. Салахаддин ал-Мунаджжид[39] связывает их появление с рождением медресе, но в самих

[38] Там же, с. 25—174.

[39] Мунаджжид, 1955, с. 232—251 (там же в фотоиллюстрациях воспроизведены записи о *сама*ʻ из ряда старинных рукописей).

документах связь с учебными заведениями указывается не всегда. В каждом крупном собрании арабских рукописей обнаруживается некоторое количество таких документов[40]. Рукописное собрание Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР дает небольшой и потому легко обозримый материал, который, однако, показателен как для типов документов, так и для употребляемых в них формулировок; он дополнительно иллюстрирует изложенное выше.

В рукописи[41], происходящей из г. Эрзинджана (Турция), мы находим иджазу в конце сочинения *ал-Мугни фи усул ал-фикх* — «Исчерпывающий [труд] по основам фикха». Его автор ал-Хаббази состоял преподавателем медресе ал-Хатунийа в Дамаске и умер в 1292 г.[42]. Иджаза на л. 111а начинается как самостоятельный текст с обычных вводных формул басмалы, хамдалы, славословия шариату, пророку и его сподвижникам и далее гласит:

«А затем. Достойный ученый имам 'Ала'аддин 'Алибак б. Нураддин Хамза, проживающий в богохранимом Арзинджане — да будет он защищен от бедствия! — прочитал мне полностью основы фикха, называемые *ал-Мугни*, [труд] поистине исчерпывающий, в соответствии с его названием, принадлежащий ученому имаму, тонкому знатоку, славе общины, истины и веры, именуемому ал-Хаббази,— да упокоит его Аллах на прохладном ложе! Он прочитал его, изучая и добираясь до истины, исследуя и проникая в тонкости, обсуждая со мной досконально запутанные места, обговаривая в словопрении трудные отрывки, и просил иджазу на передачу этой книги. Испросив у Аллаха соизволения и помощи, я разрешил ему передавать эту книгу, ссылаясь на меня и соблюдая все требуемые условия. Я ожидаю от него, что он помянет меня в добрых молитвах. Писал эти строки бедный раб богатого Аллаха 'Али б. 'Умар ал-Арзинджани — да облегчит ему Аллах достижение целей и приведет его к хорошему концу! — 14 сафара 746 года по хиджре».

Этот документ можно считать типичным по формулировкам и сообщаемым данным. Он содержит имя получателя, дату выдачи (16/VI 1345 г.) и подпись выдавшего преподавателя-*мударриса*; имя автора и название изученного сочинения;

---

[40] Vajda, 1957; EI, NE, III, c. 1020—1021 (G. Vajda). Мне осталась недоступной публикация 30 записей XII—XIII вв. о «чтении» и «слушании» *Макамат* ал-Харири по интересной старинной рукописи из Каира (Дар ал-кутуб, адаб 105). См. рецензию Э. Вагнера: ZDMG, Bd 123, 1973, c. 406—407.

[41] С 949. Она поступила в составе Ванской коллекции в 1916 г.

[42] Brockelmann, GAL, I, c. 382, № 48, 1.

указание на место и способ обучения, а именно способ *кира'а*, сопровождавшийся диспутом между учителем и учеником (как известно, это характерно для последователей ханафитского мазхаба); требование к обладателю иджазы ссылаться на учителя и соблюдать прочие (не упоминаемые, но известные обоим) условия.

На трех страницах рукописи[43] *Китаб ал-ба'с ва-н-нушур*, эсхатологического сочинения Абу Бакра Ахмада б. 'Али ал-Байхаки ал-Хусравджирди (994—1066), помещены лаконичные записи о *сама'*, отдельные для каждой из четырех частей сочинения. Первую часть «целиком как есть слушали» (*сами' а-л-джуз'а куллаху 'ала-л-ваджх*) у шейха Абу 'Абдаллаха Мухаммада б. ал-Фадла ал-Фарави: читавший ее Абу Са'д 'Абдалкарим б. Мухаммад ас-Сам'ани, владелец рукописи Абу-л-Касим 'Али б. 'Абдаллах аш-Шафи'и ад-Димашки, шейхи Абу 'Абдаллах Мухаммад б. Аби-л-Вафа б. Аби-л-Хусайн ал-Мадини ал-Исфахани, Мухаммад б. Йалтакин б. Ахбар ал-Багдахи, Абу-л-Ма'али б. Ахмад б. Мухаммад ал-Исфахани, ал-Хусайн б. 'Али ал-Амули, удостоверивший имена (*мусбит ал-асами*) Махмуд б. Маймун б. 'Абдаллах ад-Дайуси. Заканчивается первая запись датой — джумада I 530 г., Нишапур, мечеть ал-Мутарриз.

Аналогичные записи повторяются относительно второй, третьей и четвертой частей сочинения; они имеют даты в пределах того же, 530 г., местом обучения остается та же нишапурская мечеть. Затем следуют записи об учебных заседаниях, состоявшихся в Дамаске в 548 и 552 гг. На этот раз учителем выступает лицо, которое фигурирует в первой записи как владелец рукописи, обучавшийся у ал-Фарави. Перед нами, однако, не та рукопись, по которой велось обучение, а ее копия, которую изготовил 'Иса б. Сулайман б. 'Абдаллах б. 'Абдалмалик ар-Ру'айни ал-Андалуси ал-Малики в зу-л-ка'де 579/феврале — марте 1184 г.; заодно он скопировал с протографа эти записи-документы. Следовательно, этот андалусец, придерживавшийся маликитского мазхаба, заполучил в свои руки (когда приезжал в Дамаск учиться?) книгу, которая принадлежала дамаскинцу шафиитского мазхаба Абу-л-Касиму 'Али б. 'Абдаллаху, который сначала учился по ней на родине автора в Нишапуре, а затем преподавал у себя в Дамаске. Примечательны данные о перемещениях людей и рукописных книг; среди упоминаемых лиц есть и знаменитый хадисовед ас-Сам'ани (он читал первую часть сочинения в Нишапуре), на труды которого мы неоднократно ссылаемся.

[43] Шифр — С 1040, л. 230б—231б.

В другой рукописи[44], приблизительно датируемой VII/XIII в., мы опять имеем дело со случаем, когда документ переписан с протографа; это — иджаза, помещенная на л. 1а «Истории Мекки» ал-Азраки(ум. в 858 г.); речь в ней идет о передаче способом *кира'а*. Здесь мы находим имя лица, писавшего иджазу,— Абу-л-Валид ал-Баджи (ум. в 1100-01 г.); имя его шейха, которому он книгу прочитал и от которого получил иджазу,— Абу-л-Хаджжадж Йусуф б. Футух. Далее следует перечень шести человек, через которых эта книга передавалась; последним из них значится автор. Таким образом, право передачи этой книги возводится через два с половиной столетия к самому автору. Подчеркивается, что каждый из них передавал книгу «по праву прочитавшего» (*би-хакк кира'атихи*). Абу-л-Валид утверждает, что получил иджазу не только на эту книгу, а на «все, что он (наставник) сочинял и передавал, на все, что он сам имел право передавать из переписанного и услышанного на соответствующих условиях». Заканчивается иджаза, не имеющая указания времени и места, словами шейха «я разрешил ему это» и словами получателя «я записал это»[45].

В одной из рукописей[46] находится иджаза, которая не связана с текстом, занимающим остальные ее страницы, а просто выписана откуда-то. Иджазу выдал Ахмад б. 'Абдалкадир ар-Рифа'и ал-Макки своему ученику Челеби б. 'Аджаму Мударрис-заде Кипрскому.

Строение этой иджазы таково: после вводных формул и обычных славословий следует специальное восхваление хадисоведения и иснада. Далее говорится об ученике, который проучился недолго и, пройдя лишь около 20 хадисов из одного сочинения ас-Сагани, просил разрешения передавать все (!), на что сам учитель имел иджазу. «Я согласился,— пишет последний,— стремясь продлить цепочку иснада, которая есть отличительная особенность этой славной общины». Затем он перечисляет своих учителей и приводит иснады «передаваемых» сочинений, восходящие через множество звеньев вплоть до их авторов: «Я передаю *Сахих* ал-Бухари от своего учителя шейха Ибрахима б. Хасана ал-Каврани аш-Шахразури, а он — от своего учителя Сафи'аддина Ахмада б. Мухаммада ал-Мукаддаси ад-Диджани ал-Мадани ал-Ансари ал-Кашаши... *Машарик ал-анвар* ас-Сагани — от шейха Ибрахима... от шафиитского муфтия Мекки Зайн ал-

[44] Шифр — В 607.

[45] Арабский текст иджазы приведен В. Р. Розеном в его каталоге: Rosen, 1881, с. 89.

[46] Шифр — В 1382, л. 113а—115б.

ʻАбидина ал-Макки, от его отца, от его деда... Высокий санад на *Сахих* ал-Бухари я добыл во время путешествия из Истанбула в город Тунис в 1090 году от Ахмада б. Хасана ат-Туниси ал-Малики...». Заканчивается иджаза указанием места и времени ее написания: остров Кипр, Тузла, 18 мухаррама 1115 г. [4 июня 1703 г.].

Довольно поздняя и ординарная рукопись XVIII в.[47] содержит обширные комментарии автора XI в. ас-Сарахси на сочинение Мухаммада аш-Шайбани (ум. в 804 г.) *ас-Сийар ал-кабир*. В конце тома (л. 698а) переписчик поместил иджазу, которую выдал имам Кадихан своему ученику ал-Хасири и записал собственноручно. Она была обнаружена в рукописи-автографе ал-Хасири, переписанной им в Бухаре на улице ад-Дихкан. Почерк Кадихана был, видимо, неразборчив, так как копиист читал его неуверенно и с ошибками.

Фахраддин ал-Хасан б. Мансур ал-Узджанди ал-Фаргани (ум. в 1196 г.), носивший почетное прозвание Кадихан («ханский судья»), происходил из г. Узгенда (или Узджанда, нынешнего Узгена в Киргизской ССР), который в течение короткого периода был столицей одной из ветвей династии Караханидов. Составленный им сборник судебных решений и правовых норм *Фатава Кадихан* был довольно популярен у законоведов ханафитского мазхаба. Махмуд б. Ахмад ал-Хасири (1151—1238) учился в Бухаре, Нишапуре и Халебе, стал преподавателем медресе ан-Нурийа в Дамаске. Очевидно, именно в Бухаре Кадихан преподавал, а ал-Хасири получил у него эту иджазу: «Говорит ал-Хасан... он (ал-Хасири) читал мне много книг, составленных учеными ислама и выдающимися людьми по установлению правил фикха и законам, различению дозволенного от запретного; а именно переданные Мухаммадом [аш-Шайбани] от Абу Йусуфа — Абу Ханифы *ал-Мабсут* и *ал-Джамиʻ ас-сагир* и составленные Мухаммадом *ал-Джамиʻ, ас-Сийар ал-кабир, аз-Зийадат*. И облегчил Аллах шейху Махмуду [ал-Хасири]... прочитать их все, крепко усвоить их... постичь подлинный смысл и достигнуть ступени, когда он может выносить судебные решения и преподавать (*ифтаʼ ва-дираса*). Он поднялся по лестнице благородства и главенства — да удержит Аллах при нем то, чем его одарил, и сделает ему убежищем рай. Я написал эти строки, надеясь, что он помянет меня доброй молитвой, ибо это — лучшее, что можно просить, и самое ценное, на что можно надеяться».

Из Афганистана времен Тимуридов происходит текст бу-

[47] Шифр — D 499.

дущей иджазы[48], который заготовил от своего имени претендент на нее Абу-л-Файд Мухаммад б. Мухаммад б. Марданшах ад-Даштпайади, прозываемый Фасихом ал-Фариси. После обычного введения он переходит к прославлению знания, особенно хадисоведения, и затем учителя по имени Абу Мухаммад б. Мухаммад б. 'Убайдаллах ал-Ка'ини ал-Бухари ал-Харави. Похвала учителю служит заодно целям автохарактеристики и самовозвеличения составителя. «Счастье мусульманам, особенно ученым, что существует такой [человек], как наш наставник, которого аттестовали письменно шейх ал-ислам Самаркандский, заставший его в расцвете жизни, Мухаммад б. Мухаммад ал-Джазари[49] и Мухаммад б. Джалал ал-'Абди ан-Найсабури ас-Самарканди; а высокую иджазу ему дал Мухаммад б. Мухаммад б. 'Али ал-Хавафи[50]. Он поселился в деревне Джагратан в 813 [1410-11] году и построил там медресе ал-Джалалийа и Дар ал-хадис ал-Джалалийа, стал величайшим знатоком, выпустил книги и „сороковки", назидательные послания и выборки (*ихтийарат*), сочинил по прочим наукам книги (*нусах ва-зубур*): *Кастамун ал-'улум, Лавами' ан-нахв*... „Книгу Шахруховых наставлений" в двух томах, которую он сочинил в дар библиотеке Шахруха, нынешнего султана... Я счастлив, что Аллах удостоил меня находиться постоянно при его превосходстве, сидеть у порога его совершенства; ради него я бросил друзей и страны и служу ему уже девять лет. Мне удалось за это время прочитать ему и послушать передаваемые им книги» (то есть проработать под его руководством ряд книг методом *кира'а* и *сама'*).

И дальше следует огромный список сочинений, которые были им проработаны, с уточнением, когда и где происходили занятия: Нишапур, раджаб 823/ [июль — август 1420] г.; пригород Герата, раджаб 822 г.; Нишапур, «возле могилы Муслима», джумада II 823 г.; Сабзавар, ша'бан 823 г.; Турбат ал-Джам, Мешхед, Бахарз, Байхак и др. «Теперь,— продолжает он,— я жду, когда он по щедрости и милости своей удостоит меня иджазой на все прочитанное и прослушанное и разрешит мне передавать все, что передавали два его учителя, ал-Кирмани и ал-Джазари»,— и перечисляет десятки сочинений по кораническим дисциплинам, хадису, грамматике и лексикографии, литературе, поэтике и стилистике. Кроме специальной иджазы на поименованное он надеется еще на

[48] Шифр — В 2158, л. 114б—121б.

[49] Он был уведен Тимуром из Бурсы в 1402 г. и жил в Самарканде, умер в 1429 г. в Ширазе. См.: Бартольд (1918), II, ч. 2, с. 66, 122 и примеч. 14.

[50] Он был первым мударрисом в медресе, основанном Улугбеком в Самарканде, и умер в 1441 г. См.: Бартольд (1918), II, ч. 2, с. 126.

общую иджазу по неназванным наукам, «чтобы я мог передавать от него всю совокупность по праву передачи». Сюда должно войти «все, что он получил посредством *кира'а, сама', мунавала, иджаза*, все, что он заучил наизусть, изобрел своим умом, сочинил и сочинит в будущем (!), и прочие (!) хроники, увещания, рассказы и повествования, речи, афоризмы, стихи, анекдоты, послания (*раса'ил*) вместе с их иснадами, восходящими к 675 (!) лицам, мужчинам и женщинам... Писал сие нижайший слуга шейха Абу-л-Файд... в зу-л-хиджже 828/ [октябре — ноябре 1425] г. в пригороде Герата».

Перечень сочинений, изученных египетским кади VIII/XIV в. Ибн Джама'ой,— вкупе с возводящими их к авторам иснадами — занимает 84 страницы по 35 строк мелким, убористым почерком в рукописи XIX в.[51]; он озаглавлен *Машйахат кади-л-кудат 'Изз ад-дин ибн Джама'а* и включает десятки названий трудов по хадису, фикху, тафсиру, богословию, истории, биографиям, филологии, а также названия некоторых поэтических произведений.

Свидетельством того, что эта традиция дожила почти до наших дней, служит рукопись[52], которая содержит собрание иджаз (числом 91), полученных 'Алимджаном ал-Баруди в конце XIX — начале XX в. в Медине, Казани, Уфе и других местах на право передачи широкого круга сочинений. Ряд отдельных иджаз, полученных среднеазиатскими, дагестанскими и поволжскими «искателями знаний» нового времени, находятся еще в пяти арабских рукописях данного ленинградского собрания[53].

Таким образом, мы можем констатировать, что описанная система передачи вербально выраженной информации отражена в арабских рукописях в виде: 1. Иснадов при хадисах и известиях по истории ранней исламской общины, преданиях по истории древней Аравии. По преимуществу эти хадисы, известия и предания вошли в состав сборников хадисов, трудов по хадисоведению, комментированию Корана и фикху, исторических, историко-биографических и историко-литературных сочинений VIII—X вв., а как цитаты с полными или усеченными иснадами — в состав более поздних книг. 2. «Хадисообразно» оформленных ссылок на труды предшественников. 3. Сведений о «передаче» знаний и конкретных сочинений в автобиографических и биографических известиях, которые встречаются в трудах различного характера,

[51] Шифр — С 2077, л. 1б—43а.

[52] Шифр — С 2042, л. 1—100а.

[53] Шифры — С 2302, D 332, В 4668, С 2178, С 1330. См.: Халидов, 1977.

строения, назначения. 4. Документов об обучении по книгам; чаще всего такие документы назывались *сама'* или *иджаза*, записывались на первых и последних страницах рукописей или на отдельных листах, иногда копировались писцами вместе с новым экземпляром книги. 5. Специальных сочинений — перечней изученных книг с соответствующей их «генеалогией». 6. Повторного литературного круговорота этих сведений и документов[54].

Их цитировали как источники фактов или как образцы красноречия, составляли из них сборники. Все это вместе стало существенным компонентом книжной продукции само по себе и косвенно стимулировало увеличение ее объема как за счет попутных примечаний о встречающихся в иснадах людях, так и за счет создания целых справочников о них.

В целом эта система стала важной отличительной чертой арабо-мусульманской книжной культуры, присущей только ей. Ее признаков нет в арабо-иудейских и арабо-христианских рукописях. В персидских, тюркских и прочих мусульманских рукописных книгах ее проявления крайне слабы, почти незаметны, если только речь не идет о прямых переводах с арабского. Однако следует еще раз подчеркнуть, что ее осваивали все мусульманские деятели, изучавшие арабские сочинения, и сами вносили в нее свою лепту.

Комплекс указанных материалов освещает мусульманскую традицию изнутри, позволяет проследить связи и отношения многих поколений учителей и учеников, выделить научные, литературные и богословские школы, узнать историю копирования отдельных сочинений на протяжении ряда столетий, а иногда и установить генеалогию конкретных рукописей.

---

[54] Термины, относящиеся к описанной системе передачи знаний, образованы от употребительных корней, сохраняющих и нетерминологическое значение. В литературных памятниках они могут встретиться в неожиданном контексте и ввести в заблуждение даже опытного арабиста. Например, И. Ю. Крачковский так переводит одно место из «Послания об ангелах» Абу-л-'Ала' ал-Ма'арри, где автор иронически писал о себе в самоуничижительном тоне: «И право подобного мне, чтобы его не спрашивали; а если его спросили, то вменяется ему лично не отвечать; а если он ответил, то обязательно для слышавшего не слушать его; и если он будет противиться прислушиваясь к нему, то постановлено не записывать того, что он говорит; если же он записал, то необходимо ему не смотреть на это; если он посмотрел, то ступил, как ступает слепая верблюдица» (Абу-л-'Ала', Мала'ика, с. 35—36). Мне представляется, что перевести следует так: «Человека в моем состоянии (автор был слеп и уже стар.— *А. Х.*) не подобает вопрошать о знании; если спросят, не дозволено ему отвечать; если ответит, слушатель должен не считать это за *сама'*; если он, напротив, сочтет это за *сама'*, то он обязан не записывать сказанного; и если он запишет, то запрещено к этому обращаться; если он обратится, то пойдет путем заблуждения, как слепая верблюдица».

Глава 5 ПЕРЕПИСЧИКИ И КНИГОТОРГОВЛЯ

Вирака — самое тяжелое ремесло.
Ибн Сара аш-Шантарини

Какие-либо способы механического размножения книг на Ближнем и Среднем Востоке, в отличие от Дальнего Востока, не были известны. Единственным средством поддержания письменной традиции была переписка книг от руки, и самую многочисленную категорию ее тружеников составляли переписчики; их можно разделить на две большие группы: профессиональные переписчики и те, кто переписывал книги по личному побуждению, из необходимости или из любительского интереса.

Ко второй категории переписчиков относятся прежде всего учащиеся. Сам процесс обучения, как мы видели, включал переписку учебной литературы почти как обязательное условие. Это послужило одной из причин обилия рукописей в арабо-мусульманском мире, так как учился грамоте и получал элементарное образование значительный процент городского населения, особенно мужской его части: все будущие чиновники [1] и все так называемое мусульманское духовенство, большинство торговцев и ремесленников, не говоря уже о высшей знати и будущих писателях и ученых.

Широко была распространена любительская переписка Корана: переписать один раз в жизни его текст считалось богоугодным делом и едва ли не обязанностью каждого верующего, если только он овладел грамотой. Да и грамоте учились по Корану и другим текстам, буквари были вообще неизвестны. Так, вазир Абу Шуджа' ар-Рузравари (ум. в 1095 г.) отличался хорошим почерком и, прежде чем выйти из своего дома, обычно переписывал что-нибудь из Корана [2]. С довольно раннего времени отмечается обычай дарить в мечеть своего города или квартала список Корана, выполненный собственноручно дарителем; есть известия о людях, ко-

[1] О многочисленности «чиновничьего сословия» уже в ранний период см., например: Мец, 1973, с. 75 и сл.

[2] Ибн Халликан, 2, с. 69—70.

торые делали это в своей жизни многократно. Например, Абу 'Амр аш-Шайбани (ум. в 822 г.), по рассказу его сына, собрал и составил диваны стихов 80 с лишним арабских племен; по случаю окончания и обнародования каждого дивана он переписывал экземпляр Корана и отдавал его в мечети Куфы — так он переписал более 80 экземпляров [3].

Перепиской книг для личного пользования занимались все добросовестные ученые и любители изящной литературы. Это было для них естественным продолжением практики ученических лет и неизбежной частью их работы. По рукописям мы знаем, что в таких случаях стереотипная формула в колофоне гласила: «переписал для себя» (*катабаху ли-нафсихи*) [4].

Биографические труды содержат сведения о разных лицах, которые прилагали большие усилия к приобретению книжных знаний, копируя при этом много сочинений. Обратимся к примерам. Абу Бакр Мухаммад б. Закарийа' ар-Рази (ум. в 925 г.) «постоянно занимался копированием, писал начерно или набело» [5]. Его современник из Ифрикии Мухаммад б. Бистам б. Раджа' ад-Дабби (ум. в 925 г.) переписал множество важных (*джалила*) книг, купил себе молодого раба, чтобы тот поддерживал огонь в светильнике, когда он копировал по ночам, и подкармливал его сахарным тростником, когда он начинал дремать [6]. Хамдун б. Муджахид ал-Калби (ум. в 933 г.) из Ифрикии говорил своему другу, что скопировал собственноручно 3500 книг (в условиях Северной Африки того времени имеются в виду пергаменные или кожаные тетради, насчитывавшие по 20—24 листа) [7]. Его соотечественник Ахмад б. Мухаммад ал-Касри (ум. в 934 г.) утверждал, что калам его не просыхал на протяжении сорока лет [8]. Про еще одного кайруанца, Абу-л-'Араба Мухаммада б. Ахмада ат-Тамими (ум. в 944-45 г.), несколько источников согласно свидетельствуют, что он переписал 4 тыс. книг [9]. 'Абдаллах б. Аби Хашим ат-Туджиби (ум. в 957-58 г.) сверял точно и копировал тщательно, обладал собранием книг в

---

[3] Ибн ан-Надим, с. 68; Ибн Халликан, 1, с. 65. Другие примеры дает Х. Рибера (Ribera, 1928, с. 199—200).

[4] Эта формула содержится в конце рукописей Ленинградского отделения ИВАН СССР В 1124 (Халидов, 1960, № 99), С 344 (Михайлова, 1965, № 39 и колофон на рис. 9).

[5] Ибн ал-Кифти, с. 273.

[6] Абдалваххаб, 1955, с. 81.

[7] Там же, с. 82.

[8] Там же.

[9] Там же, с. 82—83.

7 кинтаров, среди которых только две были переписаны не им самим, и в них он поэтому не любил заглядывать[10]. Абу 'Амр 'Усман б. 'Абдаллах б. Ибрахим б. Мухаммад ат-Тарсуси (ум. в 1010-11 г.) обладал совершенным почерком и писал быстро; Йакут видел много переписанных им книг по адабу и поэзии[11]. Абу-л-Хасан 'Али б. 'Абдаллах б. 'Абдалгаффар ас-Симсимани (ум. в 1024 г.) много переписывал своим превосходным и правильным почерком, большинство книг в его владении было переписано им собственноручно, их видел Абу Бакр ал-Хатиб ал-Багдади, правда уже испорченными при наводнении[12]. Мухаммад б. Футух ал-Хумайди (ум. в 1095 г.) много сочинял и переписывал книги, работая вечером и ночью, а когда бывало жарко, то сидя в воде[13]. 'Али б. Мухаммад ал-Фасихи ал-Астарабази (ум. в 1123 г.), преподаватель ан-Низамийи в Багдаде, переписал своим очень правильным почерком много книг по адабу[14]. 'Абдалджаббар б. Мухаммад ал-Магриби, переехавший в Египет в 1156 г., много переписал своей рукой, больше всего по адабу; «значительную часть того я видел,— говорит Ибн Халликан,— он обладал красивым — для магрибинцев — почерком и писал очень тщательно»[15]. Дамаскинец ал-Хасан б. Мухаммад б. Исма'ил ал-Калйуби (ум. в 1235 г.) утверждал, что он переписал своей рукой 2 тыс. томов[16]. Про известного историка и литератора Ибн ал-Фувати (1244—1323) сообщают, что он писал превосходным почерком по четыре куррасы (около 40 листов) в день, иногда — лежа на спине[17]. 'Аламаддин ал-Касим б. Мухаммад ал-Бирзали (ум. в 1328 г.) переписал красивым и правильным почерком очень большое число книг, многотомных и маленьких, и они заняли четыре шкафа[18]. Плодовитые авторы (см. гл. 3), коллекционеры книг (о них см. гл. 8) и библиотекари, конечно же, переписывали помногу на разных этапах жизни.

Любительская переписка не удовлетворяла всей потребности в книгах. Всегда находились люди, готовые переложить этот долгий и утомительный труд на других, как нахо-

---

[10] Там же, с. 83.
[11] Йакут, Иршад, 5, с. 37.
[12] Ибн Халликан, 1, с. 336.
[13] Eche, 1967, с. 195.
[14] Ибн Халликан, 1, с. 344.
[15] Там же, с. 303.
[16] Eche, 1967, с. 217. Если верить этой круглой цифре, он должен был переписывать в течение 40 лет по 50 томов, или по 10 тыс. листов, ежегодно, то есть около 30 листов в день, без выходных и праздников.
[17] Eche, 1967, с. 179—180.
[18] Там же, с. 241.

дились и те, кто был вынужден заниматься ремеслом переписчика ради заработка или услужения. Иерархическая структура средневекового общества превратила переписку книг в сферу применения подневольного и наемного труда. Всякий нижестоящий мог оказаться в роли переписчика книги для вышестоящего лица, но главным образом эта обязанность выпадала на долю разных категорий зависимых людей — рабов и вольноотпущенников, учащихся из бедных слоев и ученых, очутившихся в стесненных обстоятельствах.

Известия о первых переписчиках книг восходят ко времени Умаййадов. Позднее, при ал-Ма'муне, привилегированные переводчики и авторы обеспечивались переписчиками[19]. У историка ал-Вакиди было два невольника, которые корпели над копированием рукописей денно и нощно[20]. На философа ал-Кинди, знатного и богатого человека, работала группа переписчиков[21]. В библиотеке Ибн Футайса (ум. в 1012 г.) в Кордове постоянно работали шесть наемных переписчиков[22].

Ахмад б. Ханбал (ум. в 855 г.) в молодости прирабатывал перепиской[23]. В числе ученых, которые были вынуждены зарабатывать себе на жизнь перепиской книг, называют известного философа и теолога, христианина-монофизита Йахйу б. 'Ади (ум. в 974 г.) из Багдада; когда один знакомый поставил ему в упрек, что он постоянно сидит и копирует, он сказал: «Что же ты удивляешься моей терпеливости и усидчивости? Я сделал две копии *Тафсира* ат-Табари и доставил окрестным правителям (*мулук ал-атраф*), переписал бессчетное количество книг мутакаллимов. Клянусь, я пишу в сутки сто листов или немногим меньше»[24]. Литератор Абу Хаййан ат-Тавхиди (ум. в 1023 г.) с горечью пишет о том, что ему пришлось заниматься «злосчастным ремеслом» переписчика у Исма'ила б. 'Аббада ас-Сахиба[25]. «Писцовое дело — занятие жалкое, проклятое, жизнь моя им искалечена: пока живу, нет у меня еды, когда помру, не будет у меня савана», — говорил в своем двустишии Абу Хатим, 50 лет занимавшийся ремеслом писца в Нишапуре[26]. Абу Бакр Мухаммад б. ад-Даккак (ум. в 1096 г.), который должен был содержать перепиской мать, жену и дочь и в течение одного года семь раз

---

[19] Ибн ал-Кифти, с. 380; Eche, 1967, с. 23, 36, 47.
[20] Ибн ан-Надим, с. 98.
[21] Там же, с. 261.
[22] Бойко, 1977, с. 203.
[23] Abbott, 1967, с. 47.
[24] Ибн ан-Надим, с. 264; Ибн ал-Кифти, с. 361; Мец, 1973, с. 158.
[25] Йакут, Иршад, 5, с. 384, 393.
[26] Са'алиби, Йатима, 4, с. 442—443; ср.: Мец, 1973, с. 158.

переписал *Сахих* Муслима, рассказывал, как ему приснился однажды сон, будто он получил отпущение грехов во время Страшного суда, и, «когда я прошел врата рая и оказался внутри, я бросился на землю, растянулся на спине, закинул ногу на ногу и вскричал: „Ах! Вот теперь-то, клянусь Аллахом, я избавился от переписывания!“»[27].

Однако люди, настроенные аскетически, занимались копированием рукописей и ничуть не тяготились, а добровольно и подчеркнуто обеспечивали себя средствами к жизни «трудом рук своих». Аскет Малик б. Динар ал-Басри (ум. в 749 г.) добывал себе пропитание перепиской экземпляров Корана за плату[28]. Филолог и правовед Абу Са'ид ас-Сирафи (ум. в 978 г.) по утрам, прежде чем приступить к безвозмездно выполняемым судейским и преподавательским обязанностям, переписывал ежедневно десять листов и тем зарабатывал по десять дирхемов, обеспечивая себя средствами к жизни[29]. Переписчик из Нишапура Абу Джа'фар Мухаммад б. Салих б. Хани' (ум. в 951 г.) терпеливо сносил бедность и жил на то, что мог заработать трудом рук своих[30]. У Ибн ал-Хайсама (ум. ок. 1039 г.) был устойчивый (?*ка'ид*) почерк, предельно правильный; среди прочих занятий он за год изготовлял копии трех книг — *Уклидис, ал-Мутавасситат* и *ал-Маджисти*; когда он заканчивал, к нему приходили покупатели и платили 150 египетских динаров; это стало как бы обычаем, при котором не надо было торговаться и возобновлять разговор; на эти деньги они жил год, и так продолжалось до самой его смерти в Каире около 430 г.[31]. Каирец Абу-л-'Аббас Ахмад б. 'Абдаллах ал-Лахми ал-Фаси (1085—1164) переписал своей рукой много книг по адабу и иных книг, а почерк у него был красивый и аккуратный; люди стремились заполучить писанные им книги, считая их благословенными и совершенными; перепиской он и снискивал себе пропитание[32]. Аскет и автор нескольких сочинений Мунтахабаддин Абу-л-Футух Ас'ад б. Махмуд б. Халаф ал-Исфахани (1121—1203) снискивал себе пропитание лишь трудом рук своих; он переписывал книги и продавал, чтобы хватило прокормиться[33].

Из изложенного может сложиться впечатление, что со-

---

[27] Йакут, Иршад, 6, с. 337; ср.: Мец, 1973, с. 158.
[28] Ибн Халликан, 1, с. 440.
[29] Йакут, Иршад, 3, с. 87.
[30] Субки, 2, с. 164.
[31] Ибн ал-Кифти, с. 167.
[32] Ибн Халликан, 1, с. 54.
[33] Там же, с. 67. Ряд сходных примеров из источников подобрал Дж. Макдиси: Makdisi, 1981, с. 221—222.

циальный статус переписчика книг стоял крайне низко и оплата его труда была мизерной. Но это не совсем так. Есть основания думать, что труд переписчика считался высококвалифицированным и оплачивался на уровне мастеров художественных ремесел. Эмоционально окрашенное негативное отношение к роли переписчика вызвано скорее особо несчастливым стечением обстоятельств или обычной в средние века склонностью сетовать на судьбу. Только честолюбивые, верившие в свое высокое призвание и надеявшиеся на лучшую карьеру, считали участь переписчика книг невыносимо тяжелой. Названная выше плата 10 дирхемов за 10 листов представляется очень большой (вероятно, авторитетный ас-Сирафи имел богатых заказчиков), да и заработок в день велик, учитывая высокую покупательную стоимость тогдашних денег[34].

Есть много других примеров копирования рукописей для продажи и высоких заработков переписчиков. Абу Йа'куб Йусуф б. Йа'куб Ибн Хурразаз ан-Наджирами (ум. в 1031 г.) имел почерк некрасивый с виду, но переписывал сугубо грамотно, «как люди его круга», то есть филологи; египтяне наперебой стремились заполучить писанное им, так что диван Джарира в его исполнении стоил 10 динаров[35]. Абу-л-Фаварис ал-Хусайн б. 'Али Ибн ал-Хазин (ум. в 1109 г.) был уникумом своей эпохи в копировании книг, переписал больше, чем кто-либо, в том числе 500 списков книги божьей, четвертями и полные[36]. У Абу-л-Фадла Ахмада б. Мухаммада Ибн ал-Хазина ад-Динавари ал-Багдади (ум. в 1124 г.), поэта и катиба, был редкостный, уникальный в его время почерк, и он переписал много экземпляров *ал-Макамат* (очевидно, ал-Харири), которые теперь находятся на руках у людей[37]. Кади и философ из Нишапура Зайнаддин 'Умар б. Сахлан ас-Сави (ум. ок. 1145 г.) кормился трудом рук своих и зарабатывал перепиской книг; список *Китаб аш-Шифа'* Ибн Сины он продавал за 100 динаров[38]. Отец шафиитского факиха XII в. ал-Джувайни, носившего прозвание Имам

---

[34] Большаков, 1982, с. 196—197. Про того же Абу Са'ида ас-Сирафи рассказывают, будто он поручал своим ученикам изготовить копию какой-нибудь книги и, не глядя, подписывался, что она «читана ему», с целью повысить ее продажную цену, позволяя спекулировать на своем авторитете. Приведя рассказ, Йакут (Иршад, 3, с. 105) оговаривается, что эта некрасивая история противоречит другим известиям о безупречном нравственном облике ас-Сирафи.

[35] Ибн Халликан, 2, с. 351.

[36] Там же, 1, с. 162.

[37] Там же, с. 47.

[38] Байхаки, Татимма, с. 127.

ал-Харамайн, переписывал книги за плату, купил на заработанное невольницу и содержал ее[39]. Ибн ал-Кассар (ум. в 1180 г.) переписал своей рукой много книг по адабу и арабской поэзии, но в его письме встречаются ошибки, несмотря на его большую тщательность и старание; говорят, что он туго соображал и не так преуспел в грамматике, как в лексикографии; в письме он стремился к красоте, люди наперебой хотели получить писанное им и дорого платили, а он был корыстолюбив[40]. Абу ʻАли ал-Хасан б. Ибрахим Фахр-ал-куттаб ал-Джувайни ал-Багдади (ум. в 1188 г.) много писал и копировал книги, которые находятся на руках у людей; их приобретали за самую дорогую цену из-за красоты его почерка, теперь нет в Египте никого, кто бы так писал[41]. Перепиской книг по философии за плату занимался врач Абу-л-Хусайн Саʻид б. Хибаталлах б. ал-Муʼаммал ал-Хазири (ум. в 1195 г.)[42]. Аминаддин Йакут б. ʻАбдаллах ал-Мавсили ал-Малики (ум. в 1221 г.) переписывал много, и почерк его, несравненно красивый, «достиг горизонтов»; ему нравилось переписывать *ас-Сихах* ал-Джавхари в одном томе, «из множества экземпляров я видел несколько,— пишет Ибн Халликан,— и каждый продавался за 100 динаров»[43]. Поэт и составитель сборников Маджд-ал-Мулк Абу-л-Фадл Джаʻфар б. Мухаммад б. Мухтар ал-Афдали (1148—1225, Каир) обладал хорошим почерком и много переписал; из-за красоты и аккуратности его почерка люди стремились заполучить писанное им[44]. Литератор и историк ан-Нувайри (ум. в 1332 г.) восемь раз переписал *Сахих* ал-Бухари и продал копии по 1000 дирхемов[45].

Как показывают приведенные примеры, сообщения о чьей-либо переписческой деятельности включают обычно оценку качества письма и характеристику индивидуальных особенностей почерка. Качество письма оценивали, во-первых, прилагательными «красивый», «изящный», «хороший» (*хасан, малих, джаййид*) и их превосходными степенями (*фи нихайат ал-хусн, фи гайат ал-джуда* и т. п.)[46]; эти эстетические

---

[39] Ибн Халликан, 1, с. 288.
[40] Там же, с. 314.
[41] Там же, с. 144.
[42] Ибн ал-Кифти, с. 214.
[43] Ибн Халликан, 2, с. 207.
[44] Там же, 1, с. 113—114. Ибн Халликан пользовался его автографом.
[45] Пятая его копия, в восьми роскошных томах с датой Каир, 725/1325 г., находится теперь в Стамбуле (Кепрюлю, № 362), см.: Weisweiler, 1962, с. 150.
[46] См., например: Ибн ан-Надим, с. 73, 79, 82; Ибн Халликан, 1, с. 426, 460, 516; 2, с. 208, 256, 261.

категории передавали впечатление от внешнего вида, рисунка письма в целом и графического облика отдельных букв. Другой ряд оценочных суждений выражался словами «правильный», «правильность», «тщательность», «отделанность», «выверенность» письма, или почерка (*сахих, сиххат, дабт, иткан, тахкик ал-хатт*), иногда также развернутыми во фразы со значением превосходной степени [47]; в них письмо оценивалось с точки зрения надежной и грамотной передачи текста, соблюдения правил грамматики и орфографии, неискаженности смысла, отсутствия ошибок. Оба качества оттеняются лучше, когда они сочетаются в почерке одного лица [48] или противопоставляются в подробной характеристике чьего-либо письма [49]. Высокие достоинства почерка вызывали у людей желание приобрести исполненные им рукописи, определяли спрос на них и дорогую плату за них. Обобщенные, почти шаблонные характеристики и оценки почерка (многих сотен людей — авторов, писцов-чиновников, переписчиков книг) дополнялись иногда замечаниями об индивидуальной манере письма у того или иного лица [50]. В эпоху рукописного размножения книг требования к отчетливости и добротности письма вполне естественны, даже независимо от рыночной цены рукописей. С хорошего почерка в юности начиналась карьера у ряда известных лиц, по почерку судили о профессиональной пригодности при поступлении на самые различные чиновничьи должности.

---

[47] Ибн ан-Надим, с. 79, стк. 3—4 и 26—28, с. 81, стк. 1—3; Ибн Халликан, 1, с. 336, 344.

[48] Ибн ан-Надим, с. 79, стк. 21—23; с. 80, стк. 25—27; Ибн Халликан, 1, с. 54, 113, 519; 2, с. 142; Ибн Аби Усайби'а, 1, с. 259.

[49] Ибн ан-Надим, с. 80, стк. 15—17; Ибн Халликан, 1, с. 344: *ва-йака'у фи хаттихи-л-галату ма'а касрати дабтихи ва-хтиразихи ва-канат тарикатуху фи-л-хатти хасанатан ва-н-насу йатанафасуна фи хаттихи ва-йугалуна фихи* (об Ибн ал-Кассаре, см. выше). Интересно также замечание Йакута (Иршад, 1, с. 81) об Ахмаде б. Ахмаде б. Ахи аш-Шафи'и: ряд выдающихся ученых «гордились тем, что переписывали с его автографа, я сам видел его почерк, он не выглядит красиво, но [написанное им] отменно выверено».

[50] Ибн ал-Кифти (с. 245) говорит о виденном им десятитомном автографе «Физики» Абу-л-Касима 'Исы б. 'Али б. 'Исы б. Да'уда б. ал-Джарраха: «Почерк его отменно хорош, красив и отработан, очень похож на почерк Абу 'Али Ибн Муклы по силе, энергичности и манере» (*ва-хийа фи гайат ал-джуда ва-л-хусн ва-т-тахкик ва-кана ашбаха шай' би-хатт Аби 'Али Ибн Мукла фи-л-кувва ва-л-джарайан ва-т-тарика*). У него же мы находим (с. 244) такой отзыв об автографе Ибн Ридвана ал-Мисри: «Он писал посредственным почерком философов, прямыми, отчетливыми буквами». Йакут (Иршад, 6, с. 21) пишет об Ибн Аби Джараде: «Почерк его очень красив, совершенен по сочности, приятности и правильности».

Не лишены интереса упоминавшиеся данные о производительности труда у переписчиков книг; 40 листов в день надо признать очень большой нормой, а 100 листов — чем-то чрезвычайным, почти невероятным. В уста ал-Асма'и (ум. ок. 831 г.) вложены слова о том, что за один вечер он переписал 40 касыд ал-Хутай'и[51].

Переписка книг за вознаграждение, по сути, мало отличается от переписки на свободную продажу, для рынка. Однако на первых порах в исламской общине возникал вопрос о допустимости и законности продажи книг (вероятно, речь шла о священном тексте — списках Корана), лишь с увеличением количества книг это вошло в практику и получило санкцию законоведов. С VIII в. и далее торговля рукописями процветала и способствовала широкому их циркулированию на всей территории Халифата, как впоследствии — в странах распространения ислама.

Торговца рукописями и писчими материалами называли *варраком*[52]. Обычно это был грамотный человек, и при случае он переписывал за плату требуемый текст. Ранние упоминания связывают профессию варрака с перепиской экземпляров Корана по заказу или на продажу. В VIII—IX вв. известны варраки, которые были связаны с хадисоведами и действовали в Басре, Васите и Куфе[53]. Многие богословы и правоведы этого времени (аш-Шайбани, аш-Шафи'и, Йа'куб б. Шайба, Да'уд аз-Захири) прибегали к услугам варраков для изготовления копий нужных им сочинений, за что были осуждаемы более консервативными коллегами, которые придерживались обычая передавать устно или, на худой конец, переписывали тексты собственноручно.

Варрак был одновременно ремесленником и торговцем, сочетание этих двух видов деятельности было тогда обычным. Он сидел в своей лавке-мастерской (*дуккан, ханут*), где на полках находились выставленные на продажу рукописи, которые он продавал в оригинале или в копии.

Такие лавки-мастерские составляли целый торговый ряд на базарах Багдада, Дамаска, Халеба, Каира и других круп-

---

[51] Абу-л-Фарадж ал-Исфахани, Агани, 2, с. 174. Круглые цифры (40, 100) придают этим известиям оттенок приблизительности.

[52] В стихе ал-Хутай'и слово *варрак* употреблено в значении «владелец имущества (или серебра)» и образовано от *вирк* (Абу-л-Фарадж ал-Исфахани, Агани, 2, с. 160). *Варрак* как производное от *варак* стало употребляться, видимо, позднее; от него был образован и глагол *варрака — йуваррику*.

[53] Их имена и ссылки на источники: Abbott, 1939, с. 29; Abbott, 1957, с. 22—24; Abbott, 1967, с. 46—47.

ных городов. Из многочисленных сообщений о книготорговых рядах и лавках отметим лишь несколько. На книжном базаре Багдада IX в., по словам Ибн Русты, было больше 100 лавок варраков[54]. Знаменитым был книжный базар в Кордове X в., где немало женщин профессионально занимались перепиской книг и сбывали их через варраков, успешно конкурируя с мужчинами, так как работали тщательнее и за меньшую плату, чем они. Есть известие, что только в восточном предместье Кордовы было 170 переписчиц Корана почерком куфи; некоторые из них известны по именам[55]. В Севилье при Альмохадах (XII в.) процветал книжный рынок[56]. К XVI в. относятся известия о многочисленных лавках писцов в Марракеше и Фесе и о переписчиках книг, живших в горной области Хауз и поставлявших копии в Фес[57].

Упоминания о посещении лавок варраков попадаются в биографиях почти всех знаменитых поэтов, историков, филологов, законоведов и богословов, в особенности когда речь идет о багдадцах VIII—XIII вв.[58]. Благодаря такой избранной клиентуре лавка варрака превращалась в своеобразный городской клуб, место встречи представителей образованной элиты. Известен рассказ о том, что ал-Джахиз арендовал на вечер лавки варраков, чтобы иметь возможность читать в них книги[59]. Абу-л-Касим ал-Касри в дни ʻАдудаддавли (правил в 949—983 гг.) сидел в багдадском книжном ряду (*сук ал-варракин*) и составлял звездные таблицы[60]. Любопытен социально-идеологический контекст такого упоминания варраков: когда судили мистика ал-Халладжа, как еретика, он говорил в свою защиту, что кровь его проливать нельзя, так как у него есть книги по сунне (то есть правоверные), находящиеся у варраков[61].

Ради удовлетворения спроса на свой товар варрак был вынужден постоянно расширять запасы оригиналов. Источники их пополнения могли быть разными. Например, в погоне за книжными новинками он посещал бесплатные лекции крупных авторитетов и делал записи под их диктовку. Харак-

---

[54] Ибн Руста, с. 245.

[55] Ribera, 1928, с. 192, 198—199, 202—204. [56] Там же, с. 208.

[57] Лев Африканский, с. 76, 137, 222.

[58] Ибн Аби Тахир... стал сидеть на рынке варраков в Восточном Багдаде (Ибн ан-Надим, с. 146); слепой багдадец Хабши б. Мухаммад б. Шуʻайб аш-Шайбани (ум. в 1170 г.) 20 лет ежевечерне ходил без поводыря на книжный рынок недалеко от своего дома (Йакут, Иршад, 3, с. 3); о Басре и Куфе см.: Ибн ан-Надим, с. 58.

[59] Ибн ан-Надим, с. 116, 143.

[60] Ибн ал-Кифти, с. 429—430.

[61] Ибн Халликан, I, с. 147.

терно известие о том, как ал-Фарра' диктовал варракам свое новое сочинение *Ма'ани-л-Кур'ан*: они хотели монополизировать запись и продавать пять листов за дирхем, но покупатели возмутились. В ответ на возражение варраков, что им нужно соблюсти свою выгоду и заработать, автор пригрозил, что станет диктовать более широкой аудитории, притом с более полными комментариями; тогда варраки согласились переписывать по десять листов за дирхем[62]. С появлением общедоступных библиотек варрак стал их завсегдатаем. Например, в «Доме знания» Сабура в Багдаде (XI в.) была специальная служанка, обязанность которой состояла в выдаче книг переписчикам[63]. Варрак с особым удовольствием приобретал авторские экземпляры или иные авторитетные списки сочинений, которые он мог выгодно сбыть в оригинале или в копии. Корыстные цели, преследуемые в торговле рукописями, давали иногда повод для стремления придать им более древний или более авторитетный вид.

Варрак, таким образом, выступал то в роли распространителя известной и популярной книги, увеличивавшего ее «тираж», то принимал на себя функции первоиздателя некоторых сочинений.

Сообщения источников не всегда позволяют отличить, идет ли речь о переписчиках-книготорговцах или об иных категориях переписчиков. Термины, обозначающие переписчиков (*катиб, насих, нассах, варрак, хаттат, мухаррир*) и их работу (различные глаголы со значением «писать», «копировать»), употребляются зачастую непоследовательно, недифференцированно. Жестких сословно-корпоративных границ не существовало, в зависимости от ситуации социальные роли менялись. Варрак мог сочетать занятия книжной торговлей не только с перепиской книг, но и в отдельных случаях и с сочинительством, так как мы встречаем ряд авторов, носивших прозвище ал-Варрак, ан-Насих[64]. Х. Х. 'Абдалваххаб

---

[62] Якут, Иршад, 7, с. 277; Ибн Халликан, 2, с. 228. О египетском варраке-каллиграфе, который переписывал 50 листов за 1 динар: Ибн Халликан, 1, с. 516.

[63] Абу-л-'Ала', Гуфран, с. 73; Eche, 1967, с. 113.

[64] Например, сам автор *Фихриста* Ибн ан-Надим и ряд лиц, о которых он сообщает: ат-Тустари б. 'Али (с. 107), Абу-л-Фадл Ахмад б. Аби Тахир Тайфур (с. 146—147), Синди б. 'Али (с. 141) и др.; в более поздних источниках: поэт Махмуд б. ал-Хасан (Суйути, Бугйа, с. 345), Абу-л-Махасин б. Аби Наср б. ад-Даббас ан-Насих (Ибн Халликан, 1, с. 267). Однако мнение о том, что Абу Хатим ас-Сиджистани (ум. в 864 г.); известный багдадский филолог, в конце жизни отказался от ученой деятельности и занялся книжной торговлей (Brockelmann, GAL, I, с. 107), основано, видимо, на неудачной интерпретации текста в источнике.

пишет, что на один лишь период примерно в 30 лет из истории Ифрикии при династии Зиридов приходятся биографии не менее 20 адибов и ученых, носивших прозвище ал-Варрак[65]. Всего таких лиц можно насчитать многие сотни.

Были также написаны специальные сочинения о вираке, то есть ремесле варрака[66]; причем термин *вирака* толковали широко, понимая под ним работу переписчика книг за плату (состоявшего на службе у кого-либо или самостоятельного), изготовление и оформление рукописи, торговлю бумагой[67] и рукописями и даже искусство писца-чиновника[68]. О варраках ходило немало анекдотов[69]; об их ремесле, почерке, продукции нередко отзывались с пренебрежением, поскольку стремление к выгоде отрицательно влияло на качество их изделий, выше которых по надежности текста, безусловно, стояли рукописи, изготовленные под наблюдением ученых, авторские и авторизованные и просто сделанные «для себя». На практике оказывалось, что «любители» переписывали книги более профессионально, чем «профессионалы», а последние — нередко дилетантски, не вникая в содержание, торопливо и без должной тщательности. Но в адрес варраков раздавались и похвалы с признанием их общественно полезных функций[70]. Социальное положение варраков, как и прочих торговцев, можно считать средним, порой они держались с большим достоинством перед высокими чинами[71].

Варраки вели также посредническую торговлю. Но для

---

[65] Абдалвахха б, 1955, с. 87.

[66] Одно из самых ранних принадлежало Абу Зайду ал-Балхи (Ибн ан-Надим, с. 138).

[67] Поэтому В. В. Бартольд переводил слово *варрак* как «бумажный фабрикант» (Бартольд (1900), I, с. 60).

[68] Например, когда про ал-Хамида, ученика Са'лаба, пишут, что он был *хасан ал-вирака фи-д-дабт* (то есть «его *вирака* хороша по тщательности»), под *виракой* имеется в виду просто переписка, копирование. В стихах андалусского поэта Абу Мухаммада 'Абдаллаха б. Мухаммада б. Сара ал-Бакри ал-Андалуси аш-Шантарини (ум. в 1123 г.), который бедствовал, потом достиг положения писца у одного из правителей, но снова остался без должности, речь явно идет о занятии чиновника-канцеляриста (Ибн Халликан, 1, с. 264):

Вирака — самое тяжелое ремесло,
И листы, и плоды ее запретны.
Сравню ее мастера с мастером иглы,
Что одевает нагого, а тело ее остается нагим.

[69] Жена одного варрака, будучи с ним в ссоре, пожелала ему: «Да пошлет тебе Аллах во испытание калам скрипящий, нож ржавый, бумагу плохую, день пасмурный и светильник гаснущий!» (Сам'ани, Адаб ал-имла', с. 162).

[70] Так, передают одобрительное высказывание Ибн Ханбала об этом ремесле (Газали, Ихйа', 2, с. 69).

[71] Например, рассказ у Йакута: Иршад, 5, с. 67.

обозначения такого типа книготорговца, посредника и коммивояжера, существовали и другие термины — *даллал* и *симсар*; в поздних источниках появляется термин *кутуби*, равнозначный всем трем упомянутым. Книжный даллал обычно путешествовал со своим товаром и предлагал рукописи царствующим особам и прочим лицам с библиофильскими наклонностями. Последние и сами искали посредников, нанимали их с поручением доставить нужные произведения или рукописные собрания; так поступал умаййадский халиф из Кордовы ал-Хакам II (X в.), скупавший книги на Ближнем Востоке; Ибн Сина купил через посредника в Багдаде новинки философской литературы, но, когда книги прибыли в Исфахан, был крайне недоволен их содержанием и дороговизной [72]; Аргун ад-Давадар (ум. в 1330 г.) послал из Ирака 2 тыс. динаров в Каир, чтобы приобрести через посредника одну коллекцию [73]. Прозвище Даллал-ал-кутуб носил поэт и составитель антологии ал-Хатири (ум. в 1172 г.), который прозывался также ал-Варраком [74]. Знаменитый Йакут ал-Хамави (ум. в 1229 г.) занимался по отпущении на волю (до этого он был рабом) перепиской книг за плату, а потом стал ездить по Средней Азии и Ирану, торгуя и рукописями [75].

Об одном посреднике как бы мимоходом рассказывает Ибн Халликан: «У ал-Ваджиха Ибн Савры ал-Мисри, *даллала* по книгам, был в Каире прекрасный дом, и он сгорел». По этому поводу были сложены стихи в том смысле, что нечестно нажитое имущество гибнет — и поделом. Далее он продолжает: «Абу-л-Футух Насир б. ʻАли б. Халаф ал-Ансари, прозываемый Ибн Саврой, был посредником (*симсар*) по торговле книгами в Каире, очень удачливым. Дело он вел в дихлизе своего дома. По воскресеньям и средам у него собирались самые видные сановники и господа, которым он показывал предназначенные к продаже рукописи, и не расходились до окончания времени торговли. А когда умер ас-Силафи, он отправился в Александрию, чтобы продать его рукописное собрание» [76]. В этом рассказе нашло отражение, как образованная элита относилась к деятельности крупного

---

[72] Халидов, 1981а, с. 45—46 со ссылкой на *ал-Мубахасат* Ибн Сины, цитированный у Махдави (Mahdavi, 1954), с. 207—208.

[73] Eche, 1967, с. 279.

[74] Ибн Халликан, 1, с. 203—204; 2, с. 75.

[75] Там же, 2, с. 210.

[76] Ибн Халликан, 1, с. 63; ас-Силафи — известный faких. Через руки этого Ибн Савры прошла значительная часть книг из дворцовой библиотеки Фатимидов, когда ее остатки стали распродавать после взятия Каира Салахаддином в 1171 г.; он торговал ими несколько лет (Макризи, Хитат, 1, с. 409); умер Ибн Савра в Каире в 1210 г.

книготорговца-посредника: нравственно осуждала, но услугами пользовалась. При общем отношении к торговле как к занятию, достойному истинного мусульманина, полезному для общества и дающему законный доход, на перепродажу книг смотрели с подозрением, усматривая в ней что-то неэтичное.

Был еще один повод для недоверчивого отношения к книготорговцам. В ученой среде культивировали передачу текстов при личном общении учеников с учителем — путем их устной проработки (см. гл. 4). Тогда новые копии книг рождались из записи диктовок и лекций, под контролем авторитетов. Стихийный рынок обходил этот путь. Простое копирование, заказ, покупка и самостоятельное изучение письменных произведений стали отдельным каналом передачи текстов и книжных знаний, которым многие пользовались. Нередко встречаемые в источниках ссылки авторов типа «я прочитал в таком-то сочинении» (следует его название или имя автора, иногда упоминают и то и другое), «я прочитал [написанное] почерком такого-то» (следует имя автора или переписчика) свидетельствуют, очевидно, о достаточной распространенности такого обычая; предпочитали, конечно, ссылаться на авторитетных лиц и на надежные списки, зачастую авторские или авторизованные. В адрес тех, кто обходился преимущественно этим каналом, раздавались осуждение и обвинение в недостаточной компетентности, своего рода неортодоксальности, в нарушении этики. Сообщают, например, что Абу-л-Фарадж ал-Исфахани имел обыкновение ходить на книжный базар, где царило оживление и было полно книг; там он накупал добрую охапку рукописей, уносил их домой и из них-то и заимствовал все свои цитаты[77]. Ибн Сина купил на базаре в Бухаре комментарии ал-Фараби к «Метафизике» Аристотеля и изучил книгу самостоятельно[78]. Йакут по большей части сам занимался по книгам и не имел учителей. Вне ученой корпорации стоял Ибн ан-Надим[79]. Между тем все поименованные были выдающимися учеными, создавшими оригинальные труды. Так что отход от привычных путей приводил порой к нестандартным, отличным результатам.

Большинство рукописей, независимо от того, изготовлены ли они первоначально «для себя» или на продажу, в конечном счете становились товаром и претерпевали рыночное обращение, даже многократно. Источники сообщают немало трогательных историй о вынужденной продаже отдельных

[77] Хатиб, Та'рих Багдад, 11, с. 399; Мец, 1973, с. 164.
[78] Ибн ал-Кифти, с. 415—416.
[79] Полосин, 1978, с. 117.

экземпляров книг, которые были почему-либо особенно дороги их владельцам. Однако повторение ряда сюжетных деталей заставляет полагать, что некоторые такие истории носили литературный, вымышленный характер и моделировали скорее типичную ситуацию[80]. Более реалистичны рассказы о продаже конкретных рукописей ради покрытия расходов на совершение хаджжа[81]. Книжный рынок служил важным источником пополнения многих частных собраний и библиотек (о них см. гл. 8). В свою очередь, книги из этих собраний и библиотек зачастую по воле владельца или после его смерти снова попадали на рынок. Например, сын Ибн Йунуса ас-Садафи, составителя *аз-Зидж ал-Хакими*, унаследовал книги отца-астронома и продал их на базаре мыловаров на вес (ратлы)![82].

Следует заметить, что источники дают сведения о множестве людей, носивших прозвище ал-Варрак, о сотнях и тысячах людей, переписавших те или иные книги; каталоги арабских рукописей содержат не один десяток тысяч имен переписчиков, еще больше их находится в колофонах неописанных рукописей[83]. Какой-либо попытки составить сводный указатель переписчиков по каталогам и источникам не предпринималось. Нет и исследований об арабских переписчиках.

Сведения о стоимости рукописей в источниках не систематичны. Есть два ряда данных. Из сообщений общего характера мы узнаем о случаях затраты больших сумм и средств на приобретение книг; о том, что некое собрание было очень ценным или включало дорогие экземпляры; об оценке книжного собрания конкретной суммой денег, но без указания количества книг. Например, библиофил и лексикограф IX в. Абу 'Абдаррахман 'Абдаллах б. Мухаммад б. Хани' ал-Андалуси тратил огромные суммы на свою библиотеку, которая была продана впоследствии за 400 тыс. дирхемов[84]; книжное собрание кади Абу-л-Мутаррифа Ибн Футайса (ум. в 1012 г.)

---

[80] Ср. историю о продаже экземпляра *ал-Джамхары* Ибн Дурайда впавшим в нищету владельцем XI в., который изготовил его для себя и «20 лет дружил» с ним (Йакут, Иршад, 5, с. 82—84; Ибн Халликан, 1, с. 337).

[81] Так поступил один житель Каира в XV в.; один из томов проданной им тогда рукописи сохранился в Стамбуле (Weisweiler, 1962, с. 172, № 335).

[82] Ибн Халликан, 1, с. 375; видимо, продал как оберточную бумагу.

[83] Быть может, показательно, что собрание арабских рукописей Института востоковедения АН СССР (ок. 5000 томов, или ок. 10 700 единиц отдельных текстов) дает 1762 имени переписчиков.

[84] Азхари, Тахзиб, с. 23—24; Eche, 1967, с. 65.

в Кордове распродали после его смерти за 40 тыс. динаров[85]; библиотека при мавзолее 'Убайдаллаха в Багдаде, пострадавшая от наводнения в 1324 г., оценивалась в 10 тыс. динаров[86]; дамасский шейх ал-ислам Хибаталлах б. 'Абдаррахим ал-Баризи (ум. в 1337 г.) приобрел огромное количество книг общей стоимостью 100 тыс. дирхемов[87]; в Каире вакфную коллекцию ал-Малика ал-Ашрафа (ум. в 1376 г.), в десять вьюков, полную великолепных экземпляров, его сын продал за 600 динаров, хотя она стоила в десять раз дороже[88].

Другой ряд данных касается продажной цены отдельных сочинений, томов или листов и платы за переписку, в сущности не отличавшуюся от рыночной стоимости. Выше упоминалось, что листы книги ал-Фарра' (ум. в 822 г.) продавали 5 или 10 за дирхем, а позднее их покупали 5 за динар[89]; за словарь ал-Халила в Басре IX в. заплатили варраку 50 динаров[90]; *Китаб ал-Магази* стоил во второй половине IX в. от 10 до 20 динаров[91], в X в. за многотомную историю ат-Табари заплатили 100 динаров[92]; Абу Са'ид ас-Сирафи, как мы видели, продавал 10 листов за 10 дирхемов, а его книгу Абу 'Али ал-Фариси (ум. в 1000 г.) купил в Ахвазе за 2 тыс. дирхемов[93]; есть рассказы о том, что за списки *Китаб ал-Агани* Абу-л-Фараджа ал-Исфахани платили огромные суммы — 1000 динаров за авторский чистовик, 10 тыс. дирхемов за копию и 4 тыс. дирхемов за авторский черновик[94]; как рассказывал Йахйа б. 'Ади, комментарии Александра Афродисийского на весь *ас-Сама'* и *Китаб ал-Бурхан* (Аристотеля) он видел в наследстве Ибрахима б. 'Абдаллаха ан-Накила ан-Насрани («переводчика-несторианина») и обе были предложены ему за 120 динаров, но, пока он ходил за деньгами, их продали вместе с прочими книгами некоему хорасанцу за 3 тыс. динаров[95]; переписчик второй половины X в.

---

[85] Ибн Башкувал, № 683; Ribera, 1928, с. 195—196; Мец, 1973, с. 150.

[86] Eche, 1967, с. 184.

[87] Там же, с. 242.

[88] Макризи, Хитат, 2, с. 401—402; Eche, 1967, с. 258.

[89] Йакут, Иршад, 3, с. 87.

[90] Там же, 5, с. 150—165.

[91] Tritton, 1957, с. 195; Ashtor, 1969, с. 60.

[92] Йакут, Иршад, 7, с. 292; Brockelmann, GAL, SB I, с. 181.

[93] Мец, 1973, с. 149 (с намерением уничтожить книгу своего соперника!).

[94] Йакут, Иршад, 5, с. 150—151, 164; Маккари, 1, с. 250; Халидов 1980, с. 11.

[95] Ибн ан-Надим, с. 252—253.

заявлял. что продавал списки дивана ал-Мутанабби по 150—200 дирхемов[96]; диван Ибн ал-Хаджжаджа (ум. в 1001 г.) покупали в начале XI в. за 50 или 70 динаров, а фатимидский халиф заплатил за его сочинения 1000 динаров[97]; Йахйа б. Ахмад ал-Арзани (ум. в 1024 г.) ежедневно изготовлял по одной копии *Китаб ал-Фасих* Са'лаба и продавал по полдинара[98]; диван Джарира в копии ан-Наджирами (ум. в 1031 г.) стоил 10 динаров[99]; аш-Шариф ал-Муртада (ум. в 1044 г.) купил в Багдаде список *ал-Джамхары* Ибн Дурайда за 60 динаров[100]; вакфный экземпляр *ал-Бустан фи-р-рака'ик* Абу-л-Лайса ас-Самарканди, стоивший 10 динаров, был продан на багдадском аукционе в XII в. за 2 даника[101]; ал-Кади ал-Фадил (ум. в 1200 г.) купил в Каире для своего сына список *ал-Хамасы* [Абу Таммама] за 1 динар[102]; книги из мервских библиотек в начале XIII в. оценивались в среднем по динару каждая[103].

В исследовании Э. Аштора[104] данные о ценах на книги, извлеченные из многих нарративных и документальных источников, сведены в таблицы. Возьмем из них некоторые: к 1190 г. относится продажная цена шести томов *Китаб ал-Агани* Абу-л-Фараджа ал-Исфахани — 3 динара, *Манафи' ал-а'да'* Галена с комментариями Иоанна Филопона — полдинара и один кират, двух томов *Симар ас-ситта 'ашара* — по 2/3 динара каждый, *ал-Адвийат ал-муфрада* Ибн Самаджуна — 1 динар и 1 кират; в XII в. геометрия Евклида была продана за четверть динара, как и *ал-Мадхал ас-сагир* Абу Ма'шара ал-Балхи, а *ал-Амсила фи-л-мавалид* 'Али б. Исхака Ибн Кайсуна — за 1/6 динара; к 1223 г. относятся цены на: астрономическое сочинение Абу-р-Риды из Александрии — 19 дирхемов, том с сочинениями ал-Фараби — 20 дирхемов, *Куллийат* Ибн Рушда — 40 дирхемов, 4 экземпляра афоризмов Гиппократа с комментариями Галена — 30 дирхемов, 6 медицинских книг с афоризмами Гиппократа — 21 дирхем, 5 томов собрания медицинских трудов Гиппократа — 13 дир-

---

[96] Ashtor, 1969, с. 61.
[97] Са'алиби, Йатима, 2, с. 215; Джахшийари, Вузара', с. 430; Мец, 1973, с. 225; сюда входил, видимо, и авторский гонорар, так как поэт воспевал Фатимидов.
[98] Йакут, Иршад, 7, с. 292; Ибн Халликан, 1, с. 478; Eche, 1967, с. 108.
[99] Ибн Халликан, 2, с. 351.
[100] Там же, 1, с. 337; Brockelmann, GAL, SB I, с. 178.
[101] Eche, 1967, с. 182.
[102] Макризи, Хитат, 2, с. 367.
[103] Йакут, Му'джам ал-булдан, I, с. 6; IV, с. 509—510.
[104] Ashtor, 1969, с. 213—215.

хемов, 2 тома *ас-Сина'ат ас-сагира* вместе с *Такдимат ал-ма'рифа* Галена — 12 дирхемов, *ал-Майамир* Галена — 0,875 динара, *ал-'Ашар макалат фи-л-'айн* Хунайна — 3½ дирхема, *'Илал ва-л-а'рад* Галена — 12 дирхемов, его же сочинение о простых лекарствах — 18 дирхемов и *Такдимат ал-ма'рифа* — 4 дирхема, 2 книги Абу-р-Риды из Александрии о глазе — 8½ дирхема и его же комментарии к сочинению Ибн Зухра «О частностях» — 15 дирхемов, части *Иршад* — 43 дирхема; в первой четверти XIII в. за *ал-Кафи фи-т-тибб* заплатили 52 дирхема, в 1229 г. сочинение Галена *ас-Сина'ат ас-сагира* стоило 11 дирхемов.

В 1484 г. правитель Мекки купил только что появившиеся тогда комментарии Ибн Хаджара ал-'Аскалани *Фатх ал-бари* за 150 динаров ашрафи [105]. Около того же времени за копию этого же сочинения заплатили 300 динаров; по 100 динаров и дороже покупали тогда и другие книги [106] (Э. Аштор полагает, что бумага и книги в XV в. сильно подорожали). Рукопись *Табакат ал-фукаха'* Ибн Кади Шухбы, переписанная в 1442 г., при жизни автора, была куплена в 1558 г. за 400 дирхемов «старых» [107]. Из этих разрозненных данных, относящихся к разным эпохам и городам, трудно получить представление об обычной продажной цене книг на рынке. Многие из них говорят об отклонениях от нормы, о стоимости книг при чрезвычайных обстоятельствах или о цене особенно дорогих, редких, выдающихся экземпляров.

Поэтому попытки определить нормальную стоимость книг носят приблизительно-оценочный характер. По мнению А. Громана, золотой динар составлял среднюю цену на одну рукопись [108]. Йусуф ал-'Ушш полагает, что в среднем цена рядовой книги равнялась десяти дирхемам (то есть около половины динара), а тщательно выполненной — ста дирхемам [109]. Э. Аштор, ссылаясь и на других исследователей, считает, что средняя цена книги была полдинара, а научной книги — четверть динара [110]. Учитывая, что курс денежных единиц не отличался постоянством, следует принять, что цена средней рукописной книги колебалась в указанных пределах — от четверти динара до одного динара.

Удорожание рукописной книги происходило, когда сверх

---

[105] Ба Факих аш-Шихри, л. 4а.
[106] Ashtor, 1969, с. 366.
[107] Rosen, 1881, с. 157—158 (на основании записи покупателя на этом экземпляре, ныне Институт востоковедения АН СССР В 630).
[108] Grohmann, Arnold, 1929, с. 37.
[109] Eche, 1967, с. 65.
[110] Ashtor, 1969, с. 215.

обычных ценообразующих факторов действовали дополнительные: высокое качество материалов, из которых она изготовлена, мастерство и репутация писца, редкость сочинения, знаменитость автора и, наконец, тщеславная щедрость феодала или иное эмоциональное побуждение покупателя. Об упоминавшемся Абу-л-Мутаррифе Ибн Футайсе рассказывают, что, как только до него доходили хвалебные отзывы о какой-нибудь книге, он прилагал все усилия, чтобы ее приобрести, предлагая непомерно высокую цену [111]. Во времена халифа-библиофила ал-Мустансира (1226—1242) в Багдаде поднялись цены на книги [112]. Дороже ценились, естественно, хорошо сохранившиеся книги в переплетах; о библиофилах и скрягах рассказывают, что они прибегали иногда к уловкам, чтобы сбить цену на книги: отрывали переплеты, продырявливали листы, так или иначе придавали книгам нетоварный вид. Цена книги падала в обстановке, возникшей в результате военного поражения или социального бедствия, при экстренной или незаконной распродаже.

Переписка книг шла на убыль по мере роста числа типографий, но там, где осуществлялось литографированное издание памятников письменности (в Магрибе, Иране, Индии), переписчики изготавливали копии, с которых печатались литографии. Спрос на труд переписчиков одно время поддерживали арабисты и коллекционеры рукописей, по заказу которых они копировали оригиналы, не подлежавшие продаже. В отдельных уголках мусульманского мира, где печатная книга оставалась недоступной роскошью, вплоть до недавнего времени книги переписывали от руки.

Книготорговля легче приспосабливалась к новым условиям и долго сохраняла традиционные формы, несмотря на замену рукописного товара печатным.

---

111 Мец, 1973, с. 150.
112 Eche, 1967, с. 173.

Глава 6 СОЧИНЕНИЕ И РУКОПИСЬ

Законченное сочинение в средневековой арабской письменности складывается из обычных компонентов: название, авторское предисловие, основной текст, заключение (или концовка).

Строение основного текста зависит от темы сочинения, от установившихся в данной отрасли знания традиций, от включенных в него материалов и индивидуального подхода автора.

Выше уже шла речь о своеобразной композиции первой арабской книги — Корана, части которого были расположены не по содержанию, не в исторической последовательности их обнародования, а по объему текста. Такой же формальный принцип проводился при составлении некоторых поэтических диванов. Следует, очевидно, признать этот формальный подход естественным и практически удобным, когда текст словесного произведения извлекался из памяти и впервые записывался, когда из устной традиции он переходил в новую сферу бытования — письменную. Другой принцип объединения поэтического материала, также связанный с механизмом запоминания и воспроизведения по памяти, основан на рифме. А поскольку рифма арабского стиха определяется конечным согласным звуком последнего слова, то при записи стихотворений этот принцип превратился в рифменно-буквенный. Буквы и рифмы располагались в порядке алфавита. Такой способ упорядочения поэтического материала привился и нашел широкое применение.

Потенциальные возможности для организации языковых и литературных материалов, предоставляемые системой буквенных знаков — алфавитом, были осознаны на заре арабской книжно-письменной литературы и использованы при составлении языковых словарей, а позднее распространены на другие труды словарного типа. Правда, оказалось, что алфавитный принцип не столь прост и самоочевиден, как можно сперва подумать: он не обязывал к единственному варианту реализации. Приоритет рифменного порядка подсказал возможность отсчета корневых букв от конца слова, но был применен и отсчет букв от начала слова. Не единственным ока-

залось и продолжение счета: переходить ли к следующей букве по принятой системе, перескакивать от конца к началу или оставаться безразличными к дальнейшему соблюдению какого-либо порядка. Две буквы алфавита — *вав* и *йа'*, которые выражали либо согласный звук, либо долгий гласный, а также разнобой в написании *хамзы* вносили дополнительные колебания. К тому же общепринятый порядок букв арабского алфавита не всех удовлетворил, и была предпринята серьезная попытка его пересмотра на практике составления толкового словаря (см. гл. 2). Учет только корневых согласных и соответствующих им букв оказался недостаточным и практически неудобным при упорядочении имен собственных, терминов и географических названий, среди которых иногда преобладали иноязычные. По всем этим причинам мы наблюдаем много вариаций алфавитного принципа в словарях языковых, терминологических, географических, биографических, а также в алфавитно упорядоченных разделах трудов иного плана. Вариации возникали и потому, что избранный принцип не умели или не хотели проводить со всей последовательностью и строгостью, сбиваясь и порой сознательно отступая от него.

Следующий важнейший принцип композиции сочинений — тематический. Он был преобладающим в трудах по фикху, в антологиях и различных литературных сборниках, в научных трудах описательного характера, в некоторых сборниках хадисов. Если в сочинениях по медицине, ботанике, зоологии, минералогии тематическая рубрикация была явно унаследована от античной и эллинистической традиции, то в сочинениях лексикографических, грамматических, юридических и литературных можно предполагать самостоятельную разработку как самого принципа, так и конкретных предметно-тематических рубрик на арабском материале.

Хронологический порядок изложения представляется естественным для трудов исторических: анналов, монографий об отдельных событиях и личностях, биографических сводов (по поколениям, начиная с современников Мухаммада, и одновременно по разрядам — *табакат*), династийных хроник и др.

Пространственная (по климатам, областям, кварталам) и маршрутная последовательность изложения — особенность трудов географических и топографических.

Логический порядок изложения и приведения доказательств вошел в арабскую письменность вместе с переводами сочинений по философии и логике, геометрии и арифметике; впоследствии он нашел широкое применение в общей системе наук, в теологии, в теоретических разделах (*усул*) фикха,

хадисоведения, грамматики, космологии, этики и историографии.

В художественной литературе применялись рамочные и циклические конструкции, но для узкого круга памятников («Калила и Димна», «Тысяча и одна ночь», народные романы, макамы). Здесь преобладали сюжетно-повествовательная последовательность изложения, а также ассоциативно неупорядоченные, вольные построения.

Смешение различных композиционных приемов и структурных принципов встречается в трудах, относящихся к разным отраслям знания и литературным жанрам. В результате получались сочинения рыхлой структуры (даже если отдельные «блоки» текста были плотными), что позволяло разнообразить их типы, увеличивать или сокращать их объем, переставлять их части или вставлять новые материалы. Но многое зависело от метода работы и личных дарований автора, назначения его книги (специальная, справочная, популярная, учебная). Комментарии и супракомментарии, продолжения, выборки и сокращения следуют построению основных сочинений и не добавляют ничего принципиально нового к набору композиционных приемов, употребительных в средневековой арабской литературе. Однако при комментировании и переложении создавались новые вариации известных структур за счет разрывов и соединений исходного текста, наполнения промежутков, растягивания или уплотнения.

Текст большинства сочинений членится на отрезки, обычно в соответствии с принципом его строения. Эти отрезки обозначаются разными терминами, как и сами сочинения.

Основной термин для сочинения и рукописи — *китаб*. По значению и употреблению он универсален. Словом *китаб* называется не только книга любого формата, объема и назначения, но всякий писаный текст, будь то расписка, письмо или документ. Оно входит в название громадного числа арабских сочинений, и стоит в названии на первом месте. Нередко оно обозначает раздел или главу сочинения, особенно по лексикографии, фикху и хадису, а также предваряет их название. С определенным артиклем (*ал-Китаб*) оно применяется к Корану и фундаментальному труду Сибавайхи по арабской грамматике[1].

---

[1] По происхождению *китаб* — неарабское слово; заимствованное из родственного арамейского языка, оно в арабском успешно натурализовалось, было осмыслено как именная форма от корня КТБ, которому придало новое значение «писать». В свою очередь, от глагола с этим значением было образовано много нормальных дериватов: *катиб* — «писец, переписчик», «канцелярский служащий, секретарь», «писатель, автор»; *мак-*

Наряду с *китаб* в период становления арабской книги употреблялись в том же значении *сахифа* (мн. ч. *сухуф*), *мусхаф* (*масхаф, мисхаф*, мн. ч. *масахиф*), *курраса* (мн. ч. *карарис*), *дафтар* (мн. ч. *дафатир*) и *джуз'* (мн. ч. *аджза'*), но впоследствии утратили его и приобрели более узкие специальные значения. *Сахифа* («лист») относилась и к свиткам, позднее значит «страница» и «лист». Остальные четыре термина обозначали книгу-кодекс: слово *мусхаф* закрепилось в значении «список Корана (или его части)»; *курраса, дафтар* и *джуз'* обозначали «несколько сшитых листов», «тетрадь», «небольшую книгу» и сохранили эти значения, чаще всего как часть рукописной книги.

Синонимами слова *китаб* в значении «сочинение», «письменное произведение» выступают слова *та'лиф*, *му'аллаф*, *тасниф*, *мусаннаф*, *джам'*, *тахрир*, но употребляются они обычно только перед именем автора (составителя). Ряд других терминов, несущих идею «собирания» как способа создания книги, способны замещать слово *китаб*: *диван* (преимущественно относится к поэтическим сборникам), *джами'*, *маджму'*, *маджму'а*, *маджма'* (см. также гл. 3).

Термин *рисала* сохраняет свое первичное значение «письмо», «послание» и обозначает также литературные произведения эпистолярного жанра; он широко применяется к научным и богословским трудам небольшого объема в значении «трактат». Обозначения литературных жанров приложимы и к соответствующим сочинениям либо в собирательном смысле, либо в конкретном: *тафсир* — комментарии к Корану, реже к другим книгам; *касида* — стихотворение; *кисса*, *хикайа*, *ахбар, сира* — рассказ, повесть, предания, жизнеописание, народный роман; *зидж* — астрономические таблицы; *шарх, хашийа, та'лик* — комментарии, супракомментарии, глоссы; *мухтасар, мултакат, хуласа, зубда, талхис, мулаххас, мунтахаб, мухтар, муджтаба, мунтака, нубза, муктадаб* — сокращение, избранное, извлечение; *зайл, такмила, татимма, зийада* — продолжение, дополнение.

Здесь перечислены не все, но наиболее характерные термины, обозначающие сочинения определенного типа. Многие из них входят часто в название сочинения в качестве первого слова в нем, заменяя термин *китаб* (иногда *рисала*) или сочетаясь с ним. Часть этих терминов не вполне устоялась, их грамматическая форма варьируется; в частности, они употребляются иногда во множественном числе: *кисас, хикайат*,

---

таба — «библиотека», *мукатаба* — «переписка, обмен письмами, способ передачи текстов» и т. д.

сийар, макамат, таварих, хаваши, та'алик (*та' ликат*), *мултакатат.*

Структурные подразделения арабских сочинений получали названия: *китаб, сифр* — «книга», *джуз', кисм* — «часть», *баб* — «глава» (букв. «дверь»), *фасл* — «раздел», *макала* — «статья», *джилд, муджаллад* — «том»; встречаются и более редкие названия, специально придуманные для одного сочинения или применяемые к определенному кругу сочинений: *фанн* — «вид, род, отрасль знания» (в философских и библиографических трудах), *хикайа, макама, зикр, манзила* и др. Каждое структурное подразделение сочинения получает порядковый номер или самостоятельное название, либо же и то и другое вместе. Строгой иерархии подразделений не было, каждый автор мог по-своему их выбирать и варьировать, поразному соподчинять. Все же обычно «книги» и «тома» были более крупными единицами, остальные — меньшими, дробными.

Для каждой отрасли знания характерен свой набор терминов для обозначения структурных единиц сочинений и способов отмечать границы небольших отрезков текста. Коран делится на *суры* и *айаты*, тематические сочинения по хадису и фикху — на *китабы*; в анналах порядковый номер года служит разделителем повествовательного текста; в словарях каждой букве алфавита отводится по *китабу*, а вокабула (корень, термин, имя собственное, географическое название и т. п.) служит заглавием отдельной статьи или параграфа; сочинения, строящиеся по тематическому принципу, имеют тематические главы или части (*джуз', кисм, баб*, иногда — *фасл*); в полемических сочинениях и в комментариях к теоретическим трудам отрезки текста вводятся словами *ка̣̄ла* — «он сказал» и *ак̣ӯлу* — «я утверждаю, скажу». Наибольшее разнообразие в названиях структурных подразделений дают литературные антологии и сборники. Пример изысканного построения представляет антология Ибн 'Абдраббихи (IX в., ал-Андалус) «Единственное ожерелье» (*ал-'Икд ал-фарид*), 25 глав которой попарно носят названия драгоценных камней и симметрично расположены по отношению к центральной, 13-й главе.

Сочинение начинается с неизменной формулы «во имя Аллаха, милостивого, милосердного» (*би-сми-ллахи-р-рахман-ир-рахими* или *би-исм Аллах ал-рахман ал-рахим*), которая получила сокращенное наименование *басмала.* Затем идет прославление Аллаха и его посланника Мухаммада; этот обязательный элемент сочинения также имеет сокращенное наименование по первым словам — *хамдала*; каждый автор

10 Зак. 36

изобретательно варьировал хамдалу, вплетая сюда порой хвалу исламу и исламской общине, арабскому языку и той отрасли знания, которой посвящено данное сочинение. Далее следует формула «а затем» (*ва-ба'ду*), с которой начинается собственно введение к данному сочинению[2]. Иногда хамдала предельно кратка и даже просто отсутствует, а басмала в таком случае кажется идущей от писца.

Во введении (термины для его обозначения — *мукаддима, мукаддама, хутба, дибаджа, тарджама, фатиха, мудхал, мадхал*) большинства индивидуально-авторских произведений объясняются те побуждения, которые двигали автором при создании настоящего труда: стремление к распространению полезных знаний, неудовлетворенность существующими сочинениями, желание их расширить, продолжить, опровергнуть, просьба неких друзей, учеников или конкретного лица (обычно мецената-покровителя). Лицо, которому труд посвящен или которому предполагалось его преподнести, называют обычно по имени либо описывают при помощи иносказаний и намеков, но в обоих случаях превозносят[3]. Здесь же может быть вставлено более или менее пространное рассуждение о пользе знания (зачастую как продолжение мысли, начатой в хамдале), в особенности избранной автором области знания. После этого, как правило, автор приводит название сочинения (по формуле: *ва-саммайтуху* — «и я назвал его»),

[2] Поэтому, когда хотят охарактеризовать сочинение по его началу, приводят два отрывка: первые слова из хамдалы и первые слова после *ва-ба'ду* (вариант: *ва-'амма ба'ду*).

[3] Авторские вступления пишутся изысканным слогом и порой трудны для истолкования. Курьезным можно назвать случай с П. Г. Булгаковым, осуществившим научное издание арабского оригинала и комментированного русского перевода «Геодезии» (*Тахдид...*) ал-Бируни, который писал во вступлении, что считает своим долгом представить почтенному лицу (*аш-шайх*, имя не названо) «все, что познал,— будет ли это открытием или прибавлением [к тому, что уже известно]», и далее восхвалил его как обладателя «нравственного величия и особого превосходства, относительного и абсолютного» (Бируни, Геодезия, текст, с. 22). Вместо *аш-шайх* (так у М. ат-Танджи, допустившего, впрочем, много ошибок в других местах своей публикации того же памятника) П. Г. Булгаков предложил явно надуманное чтение *аш-шабах*, что вынудило его совершить насилие над грамматикой и исказить смысл целого отрывка в переводе: «Когда умам есть в помощи нужда, а душам в поисках поддержки есть потребность, то должно мне [здесь] изложить все, что на ум приходит из открытий новых в [сей] отрасли иль восполнений *неясного*[3], чтобы облеклось *оно*, изведав сей [мой труд], в одежды [подлинно] прекрасного и обрело при благосклонности своей к нему красоты вечности и постоянства.— Ведь *оно* овладевает величием нравов и взимает отличия[4] заслуг[5] и в относительном, и в абсолюте[6]». Примечания переводчика под № 3, 4, 5, 6 не делают этот перевод сколько-нибудь вразумительным (см.: Бируни, Геодезия, с. 81 и 273).

его деление (иногда с перечнем частей, глав) и свое имя. Случается, что автор объясняет тут же, как он работал над своим сочинением, как собирал материалы, когда окончил свой труд[4]. Если он пишет на разработанную тему, то обозревает предшествующие труды, критически их оценивая, указывая на их достоинства и недостатки, а также на особые преимущества своего сочинения. Если автор пишет комментарии (продолжение, извлечение и т. п.), то он прославляет комментируемый труд, оговаривая, почему последний нуждается в комментариях (продолжении, сокращении, переложении и т. п.).

Разумеется, введения к сочинениям очень различны — то настолько сжаты, что в них отсутствуют многие из перечисленных элементов (ценных для современных исследователей своими фактическими данными и мотивировкой), то растянуты за счет риторических упражнений или обильных рассуждений. Уже давно было замечено при сравнении филологических сочинений двух авторов IX в.: «*Адаб ал-катиб* — предисловие без книги, а *Ислах ал-мантик* — книга без предисловия», хотя приводящий это высказывание Ибн Халликан[5] оговаривается, что длинное предисловие не мешает *Адаб ал-катиб* быть ценным сочинением.

Иные введения разрастаются в самостоятельные сочинения и получают хождение под названием *Мукаддима*. В жанре «введения» было написано несколько книг; самые знаменитые из них — *Мукаддимат ал-адаб* аз-Замахшари (ум. в 1144 г.), труд по сравнительной лексикологии арабского, персидского и тюркского языков, и *Мукаддима* ʻАбдаррахмана Ибн Халдуна (ум. в 1405 г.) к его труду по всеобщей истории, в которой изложена целая теория закономерностей исторического развития человеческой цивилизации.

Авторские концовки к сочинениям в подавляющем большинстве случаев состоят из одной-двух фраз, вроде «а Аллах лучше знает», «на том кончилось» и т. п., с добавлением благочестивых выражений. Изредка можно встретить дату, еще реже — место окончания труда. Совсем единичны концовки с извинением перед читателем за возможные ошибки, как у цитированного выше (гл. 3) Ибн Халликана.

Название — важнейший индивидуализирующий элемент сочинения, которое по нему и опознают. Подавляющее большинство арабских сочинений вводится перечисленными выше

---

[4] Например, обстоятельное введение ал-Маккари к его *Нафх ат-тиб*, с автобиографическими данными и литературными цитатами, заняло в издании 80 страниц.

[5] Ибн Халликан, I, с. 251.

словами-терминами. Из-за частой употребительности они нуждаются в конкретизации. Для этого бывает достаточно одного дополнительного слова, например: *Китаб ал-Муватта', Китаб ал-Хайаван, Китаб ал-Харадж, Китаб ал-Фасих, Китаб ал-Ма'ариф, Китаб ал-Агани, Рисалат ал-Гуфран.* Таким дополнительным словом может быть имя автора: *Диван* Джарир, *Муснад* Ибн Ханбал; имя лица, которому сочинение посвящено (в форме нисбы): *аз-Зидж ал-Хакими, ал-Канун ал-Мас'уди, Китаб ал-Фахри, ал-Фава'ид ад-Дийа'ийа*; название страны или города: *Та'рих Димашк*; обозначение жанра: *Китаб ат-тафсир, Китаб ат-та'рих, Китаб ас-сунан, Китаб ал-адаб, Китаб ан-навадир, Китаб ат-табакат, Китаб ал-кира'ат, Китаб ал-фада'ил* и т. п. Чаще названия более развернуты и длинны.

Название может прямо указывать на отрасль знания, тему, жанр, сюжет или композицию сочинения; это видно уже из некоторых приведенных примеров. Название может выражать намерение или притязание автора широко (исчерпывающе) охватить предмет, изложить его ясно (точно), подробно или сжато; раскрыть тайны (глубины) знания (истины), достичь предела (совершенства), дать читателю полезное (необходимое, ценное) пособие (руководство, наставление, поучение); сообщить лучшее (отборное, высшее), упорядоченное знание; пробудить ум (чувства, внимание, сердце, душу) ищущего знание, утолить его жажду (голод), избавить его от невежества (темноты, заблуждения), принести ему свет, радость, утешение, дружбу, помощь, спасение и т. п. Набор слов и выражений, передающих эти идеи в названиях, достаточно обширен благодаря развитой синонимии, метафорам и эпитетам, но все же обозрим [6]. Есть штампы, шаблоны,

[6] Часто встречаются в названиях слова: *'илм, и'лам, та'риф, ма'рифа, хикам, хака'ик, тахкик, тасхих, кашф, изхар, таджрид, байан, табйин, тибйан, ибана, тасрих, инба', бахс, фатх, футух, мифтах, мафатих, сирр, асрар, идах, тавдих, табсир, табсира, ишара, ишарат, тазкира, изкар, тахзир, такриб, тартиб, маратиб, мухит, бахр, нахр, 'уйун, манхал, нахдж, тарик, тарика, турук, масалик, хади, хидайа, гайа, нихайа, мунтаха, кафи, кифайа, иктифа', хави, булуг, булга, бугйа, шамил, камил, маталиб, шифа', шафи, вафи, мунйа, мукни', найл, нур, анвар, танвир, дав', дийа', лум'а, лума', лавами', машарик, сирадж, мисбах, масабих, мишкат, шамс, кавкаб, кавакиб, наджм, нуджум, матла', матали', тавали', шихаб, бахджа, ибтихадж, курра, сулва, сулван, нузха, равд, равда, бустан, хада'ик, захр, азхар, райхана, симар, самарат, нафха, нафахат, нусра, тайсир, ис'аф, гайс, зад, 'удда, 'умда, сайф, суйуф, тираз, 'амал, тадбир, сийаса, тухфа, итхаф, сила, мавахиб, минха, минах, хадийа, базл, файд, гурра, гурар, шараф, лата'иф, фара'ид, асна, абкар, нафа'ис, махасин, канз, захира, хизана, джавхар, джавахир, дурр, дурра, дурар, ла'али, наср, назм, 'икд, 'укуд, килада, кала'ид, зина, тазйин, асас, лубб, лубаб, 'айн, 'унван, канун, васила, натиджа, ната'идж.*

повторяющиеся или сходные названия, которые различают только по именам авторов; названия изящные и поэтичные[7], пышные и трескуче многословные. Излюбленным типом названий стали рифмованные, иногда и ритмизованные, с соразмерными словами и созвучными окончаниями, с синтаксическими повторами[8].

Во всем практическом разнообразии книжных названий трудно усмотреть какие-то закономерности, многое здесь зависело от господствующих идей и ценностей, от преходящей моды, от установившихся традиций, от воображения и вкуса автора. Наблюдаются и случаи прямого заимствования понравившихся названий; говорят, например, что шафиитский факих Абу Исхак аш-Ширази (ум. в 1027 г.) заимствовал названия сочинений у филолога Ибн Джинни (ум. в 1002 г.) *ал-Мухаззаб, ат-Танбих, ат-Табсир* и др.[9], а ал-Газали (ум. в 1111 г.) — у ал-Вахиди (ум. в 1076 г.) *ал-Басит*, *ал-Васит*, *ал-Ваджиз*[10]. Многосоставными становились названия комментариев, супракомментариев, сокращений и продолжений, поскольку они должны были учесть также название и имя автора основного сочинения; такие названия употреблялись во многих вариантах. Однако излишне пространные названия были непрактичны, в обиходе их сокращали, сводя порой к одному характерному слову или к односложному элементу имени автора,— так получались своеобразные «ребусы».

Указанные явления породили проблему опознания и идентификации названий сочинений (равно как и их текстов). Не зря в XVII в. Катиб Челеби Хаджжи Халифа написал библиографический труд с характерным заглавием «Устранение сомнений относительно названий книг и наук» (*Кашф аз-зунун ʻан асами-л-кутуб ва-л-фунун*). В каталогах арабских рукописей, исследованиях и справочниках по арабской письменности конкретные решения и разработки этой проблемы занимают много места.

Такая же проблема существует и в отношении имен авторов; здесь положение осложняется еще более неодинаковостью «авторства» — наличием авторов дописьменной эпохи, устных передатчиков и информаторов разных эпох, авторов переводных сочинений и самих переводчиков (см. гл. 3), а также обнаруживаемых в книгах имен переписчиков, офор-

---

[7] «Как умирают влюбленные», «Благоухание неувядающей ветви ал-Андалуса» и т. п.

[8] См., например, длинные названия поздних хадрамаутских и йеменских сочинений: Халидов, 1979, с. 186—201.

[9] Ибн Халликан, 1, с. 313.

[10] Там же, с. 333.

мителей, заказчиков и владельцев, не говоря уже о героях и персонажах сочинений.

Кроме обилия лиц и имен приходится считаться с тем, что арабское имя многослойно, а в обиходе сокращается, притом не единообразно.

У каждого человека есть имя собственное — *исм* (или *'алам*), данное родителями и чаще всего односоставное, хотя в поздние эпохи, особенно у мусульман неарабского происхождения, бывают имена двусоставные; смена имени — явление редкое, встречающееся при переходе из одной религии в другую. Взрослый человек получает *кунйу* — имя по ребенку, реальному первенцу или ожидаемому (а то и как прозвище или просто потому, что так принято); у мужчины *кунйа* представляет сочетание *исм* с Абу (Аби в косвенном падеже), у женщины — с Умм. Следующий элемент имени человека — *нисба* (четко выделяемая благодаря морфологическому показателю, окончанию *-и*), по месту рождения или проживания, вроде ал-Багдади («Багдадский», «багдадец»), или по племени (роду, семье), вроде ал-Азди; но она может иметь и иное происхождение: быть личным или унаследованным прозвищем по профессии (ас-Са'алиби), по принадлежности к мазхабу (ал-Малики, ал-Ханафи) или суфийскому братству (ал-Кадири, ан-Накшбанди), по случайному поводу или признаку; один человек мог получить несколько разных *нисб*. Сверх того, человек может носить *лакаб* — прозвище, оскорбительное или почетное (как титул), личное или семейное, и также не одно[11]; по форме *лакаб* разнообразен, иногда уподоблен *кунйе* или *нисбе*, нередко двусоставен. В позднее средневековье персидские и тюркские авторы, писавшие по-арабски, имели часто *тахаллус* — литературный псевдоним. Надо еще учитывать, что авторы самого различного этнического происхождения могли носить имена и прозвища на своем родном языке, что почетные прозвища имели тенденцию превратиться со временем в употребительные личные имена, что в разные эпохи возникали свои моды на имена и локальные особенности в наборе имен.

Когда речь идет о человеке, достигшем положения и известности (например, об авторе), то при упоминании его называют по полному имени, с перечислением всех компонентов. Но этого мало, непременно добавляется, чей он сын — *ибн* (или дочь — *бинт*), причем имя отца также может быть сопровождено *кунйей* и *лакабом*; перечень имен предков,

[11] О «страсти к титулам» и прозваниям в X—XI вв. пишет А. Мец (1973, с. 86, 123—124); позднее эта страсть расцвела еще более пышно и затронула многих авторов.

перемежаемых словом *ибн*, иногда продолжают до десятка и более, вплоть до эпонима рода-племени с присовокуплением генеалогии последнего, также состоящей из цепочки имен собственных. Но в быту, при ссылке или ином беглом упоминании человека называли кратко. Таким употребительным именем человека могла стать *кунйа* (в ней присутствует почтительный оттенок), *исм, нисба* или сочетание двух (реже трех) компонентов. Сокращения полного имени разнотипны, порой у популярного лица их бывает несколько [12].

Арабская антропонимика, усложненная иностранными наслоениями, путаница имен и их искажение на письме — все это не посторонний сюжет для рукописной книги, а непременный атрибут ее содержания (не только потому, что имена людей занимают в рукописях много места и служат часто опознавательным признаком). Вопрос об именах собственных со всеми их компонентами интересовал еще ранних генеалогов-передатчиков, впоследствии — всех хадисоведов, филологов, историков, биографов. Как уже указывалось, было немало специальных сочинений по ономастике; вынуждена уделять ей внимание и арабистика, особенно в связи с изучением рукописей и установлением авторов, необходимостью различать людей со схожими или одинаковыми именами.

Кроме сокращений имен собственных (иногда до инициалов) и названий сочинений употреблялись и технические сокращения. Конец цитаты обозначали аббревиатурой *х*, то есть «кончилось» (*интаха*), ссылку на передатчика — *на* (*ахбарана*) или *сана* (*хаддасана*); существовали аббревиатуры для часто встречающихся выражений, благочестивых формул и т. п. В математических текстах применялась буквенная символика. Числа писали цифрами или буквами (сохранившими древнесемитские числовые значения), но нередко, для большей надежности,— словами. При передаче иностранных терминов и имен вводились особые буквенные знаки для звуков других языков [13]. Техническая терминология и техниче-

---

[12] Типичные краткие имена: просто *исм* — Масавайх, Муслим, с добавлением «сын» и *исм* отца — Хунайн б. Исхак, предка — Усама б. Мункиз или *нисбы* — Суфйан ас-Саври; «сын» в сочетании с *исм* отца — Ибн Джубайр, предка — Ибн Хамдун, их *нисбы* — Ибн ал-Марзубани, *лакаба* — Ибн ʽАрабшах, *кунйи* — Ибн Аби Усайбиʽа; просто *кунйа* — Абу Ханифа, в сочетании с *исм* — Абу Йусуф Йаʽкуб; *нисба* — ал-Мадаʼини; *лакаб* — Зу-р-Румма, Абу Нувас, ал-Мубаррид; двух-трехсоставные сочетания — Абу-л-ʽАлаʼ ал-Маʽарри, ал-Хатиб ал-Багдади, Саʽдаддин ат-Тафтазани.

[13] Например, у ал-Бируни, для санскритских: Sachau, 1887, с. XXII—XXVII; Халидов, Эрман, 1963, с. 41—44.

ское оформление текстов различались, конечно, в зависимости от отрасли знания.

Соотношение между сочинением и рукописью-кодексом бывает в основном трех типов: сочинение и рукопись совпадают; рукопись содержит часть сочинения, то есть представляет один из двух (и более) его томов; сочинение входит в состав рукописи наряду с другими текстами, полными и фрагментарными.

В первом случае рукопись складывается из всех тех текстовых элементов, какие есть в сочинении, и сверх того содержит лишь то, что добавил переписчик.

Совпадение сочинения и рукописи надо признать ведущей тенденцией. К этому стремились, вероятно, и авторы, судя по тому, что не менее половины арабских кодексов включают текст одного сочинения целиком. Например, диван поэта чаще всего умещался в одном томе, как свидетельствуют рукописи[14], каталоги рукописей[15] и сообщения источников[16]. Так же обстоит дело со многими сочинениями разной тематики.

Средневековая арабская письменность богата и объемистыми произведениями, которые занимали сотни листов и даже более тысячи; их было трудно уместить в одном томе. Деление на «тома» могло исходить от авторов, и тогда том представлял структурный элемент сочинения; в таком случае сочинение старались переписывать, оформлять и переплетать потомно. Так же поступали, если иное структурное подразделение сочинения (половина, раздел, часть, глава) совпадало с томом. Многотомными были больше исторические, биографические и филологические труды, антологии и энциклопедии, своды хадисов, тафсиры и порой диваны одного поэта[17].

[14] Например, в собрании ЛО ИВАН СССР есть однотомные диваны Джарира (С 6, 203 л., с лакунами), Абу Таммама (С 9, 148 л. и В 17, 161 л.), ал-Мутанабби (С 11, 229 л.; С 12, 181 л.; С 771, 181 л.; В 1102, 142 л.; В 1103, 144 л.), Ибн Хани' ал-Андалуси (С 33, 135 л.), Ибн Хафаджи (В 68, 75 л.), Ибн Кузмана (В 86, 74 л.) и др.

[15] Pertsch, 4, № 2229 и 2241 (диваны ал-Мутанабби и Ибн Хаййуса); Rieu, 1894, № 1075 (диван ал-Баха' Зухайра); и др.

[16] Объем стихотворного наследия поэтов Ибн ан-Надим (с. 159—170) оценивает профессионально и указывает в листах *сулаймани* по 20 строк на странице; у большинства поэтов стихи занимали до 100 листов, у некоторых — 150—200 листов, то есть один том большего или меньшего размера. Свидетельства других авторов не столь определенны; диваны учтенных Ибн Халликаном поэтов представляли по преимуществу однотомники.

[17] Так, по Ибн ан-Надиму (с. 168—170), диваны нескольких поэтов X в. составляли 300, 400 или 500 листов; Ибн Халликан также указывает диваны в два (1, с. 361: Мухаззибаддина 'Али б. Са'да ал-Мавсили, ум. в 1148 г.), три (1, с. 297: 'Абдассамада б. Мансура б. ал-Хасана б. Бабака, ум. в 1019 г.), четыре (2, с. 149: Михйара ад-Дайлами, ум. в 1037 г.) и даже десять томов (1, с. 155: Ибн ал-Хаджжаджа, ум. в 1001 г.).

Однако уместить или не уместить сочинение в одном томе зависело не только от воли автора, но и от переписчиков-оформителей и переплетчиков рукописей. Например, Коран умещали обычно в одном томе, но есть экземпляры двухтомные, а то и «четвертные», то есть четырехтомные, «в одну десятую» — десятитомные, тридцатитомные — с делением текста на равные части (*джуз'*); это вызывалось практической целесообразностью, так как очень часто читали, переписывали, заучивали наизусть и декламировали по долям — *хизб* (половина *джуз'а*, или $^1/_{60}$ Корана). Экземпляры *Сихах* ал-Джавхари встречаются в четырех томах, но уже цитировалось известие о том, что один переписчик начала XIII в. предпочитал переписывать его в одном томе. Такие различия в конкретном исполнении нередки, одно и то же сочинение мы находим в отдельном томе, в двух томах [18], в составе толстого сборника. Тем более крупное сочинение могли по-разному делить на тома, не считаясь с его структурными частями [19].

Надо заметить, что когда мы имеем возможность судить об объеме упоминаемых в источниках сочинений только по числу томов, «книг», частей, глав и т. п., то получаем о них весьма нечеткое представление. Во-первых, термины *китаб* и др. многозначны, во-вторых, их размеры колеблются в значительных пределах. Между тем эти данные очень важны для количественной характеристики сочинений, совокупной литературной продукции авторов и целых рукописных собраний (см. гл. 8). Указание объема сочинений в листах более удовлетворительно, но слишком часто оно выражается в «круглых» цифрах, видимо приблизительных. Уточнение размера листа и числа строк существенно корректирует данные в листах, но такие уточнения чрезвычайно редки.

Если том включает текст не одного, а двух и более сочинений, то варианты многочисленны, но здесь самостоятельное значение приобретает книга-кодекс, вошедшие в нее законченные произведения и фрагменты занимают в ней подчиненное положение. Целостность такому однотомному сбор-

---

[18] Например, комментарии ал-Вахиди к дивану ал-Мутанабби имеются в ЛО ИВАН СССР в трех списках, из которых два представляют однотомники (С 13, 282 л. и С 766, 324 л.), а один — двухтомник (В 19, 330 и 230 л.).

[19] Антология Абу Са'ида Мансура б. ал-Хусайна ал-Аби (ум. в 1030 г.) *Наср ад-дурр* состояла из семи разделов (*фасл*), каждый из которых начинался самостоятельным вступлением (*хутба*). В рукописи она могла занимать четыре, пять или семь томов, которые называли иногда частями (джуз'); список ЛО ИВАН СССР под шифром С 679 представляет дефектные тома 2 и 6 семитомного экземпляра. См.: Халидов, 1960, с. 33—37; он же, 1960а.

нику может придавать подбор сочинений одного или различных авторов, близких или далеких по тематике, только на арабском языке или в сочетании с текстами на других языках. Возможные сочетания по языку: арабо-греко-копто-сирийские в христианских рукописях; арабо-еврейские, арабо-испанские, арабо-персо-тюркские; сравнительно редки и относятся к недавнему времени сочетания в одной рукописи текстов на арабском и урду, малайском, берберском, языках народов Дагестана, белорусском и т. д. Иноязычные тексты могут представлять собой перевод или комментарии к основному сочинению на арабском, самостоятельное сочинение, всяческие записи. Нередко подобные сборники имели практическое назначение и являлись повседневным пособием врача, юриста, богослова, учителя или учащегося. Иногда это просто черновые заготовки: беспорядочные выписки, где тексты перемежаются с незаполненными страницами.

Конволюты (механическое соединение в одном переплете текстов разного времени и происхождения) в целом малохарактерны для средневековой арабской книги. Тем более — сочетание рукописных текстов с печатными или копирование текстов с печатных изданий. Объясняется это поздним развитием книгопечатания на арабском языке, привязанностью к рукописной традиции. Отдельные случаи относятся лишь к XIX и XX вв.

Сочинения и рукописи соотносятся между собой не только количественно: текст такой-то протяженности (объема) занимает столько-то страниц, тетрадей, томов. Более важно их качественное соотношение, понять которое помогают данные о работе авторов (гл. 3) и переписчиков (гл. 5), об условиях передачи текстов (гл. 4), об истории и характерных чертах всей письменной традиции (гл. 2), об особенностях арабского языка и письма (гл. 1). Роль последних столь велика, что стóит специально остановиться на них еще раз.

Консонантный арабский алфавит нуждается в диакритических точках (при 13 из 28 букв) для обозначения различий между графически сходными буквами и в ряде дополнительных надстрочных и подстрочных значков для передачи кратких гласных и некоторых орфографических условностей. Поскольку арабское письмо в основном связно, 22 буквы кроме независимой алфавитной формы приобрели по 3 позиционных варианта, остальные 6 букв и двухбуквенное сращение *лам-алиф* — по одному. Последняя группа, допуская соединение только с впередистоящей буквой, нарушает общее правило связности слов и разрывает их на части, каждая из
 которых состоит из нескольких соединенных лигатурами букв

или отдельной буквы. Промежутки между несвязанными частями одного слова и между разными словами практически могут совпадать, создавая лишнее затруднение для читателя. Возможны также необычные лигатуры и разрывы между буквами, запрещенные правилами переносы части слова и т. п.

При последовательном отражении кратких гласных на письме значки для них надо ставить при каждой букве, и тогда они вместе с другими дополнительными значками образуют почти сплошной ряд над строкой и более редкий — под нею. Естественно, все точки и значки пишутся с отрывом орудия письма от писчей поверхности, отдельным движением руки, и соответственно становятся источником возможных ошибок и искажений. Арабское письмо с полным набором точек и значков выглядит как многоярусная громоздкая конструкция, требует внимания к деталям и при записи, и при чтении, создает впечатление перегруженности и избыточности; зато оно обеспечивает верное чтение текста независимо от понимания смысла. Такое письмо применяли сравнительно редко, в особых случаях: в парадных экземплярах сочинений, в большинстве списков Корана, в учебных пособиях либо же в отдельных словах, предложениях, цитатах.

Обычно значительную часть огласовки и дополнительных значков сознательно опускали; так же, хотя и реже, поступали с диакритическими точками. Пропорционально числу пропущенных значков и точек возрастает количество омографов, возможности разного прочтения и истолкования текста. Но каких-либо строгих правил проставления и опущения их не было выработано, все зависело от воли и чувства меры пишущего, иной раз — от моды и стилей письма. Порой «слепое» письмо служило средством хвастливой демонстрации необычайной «учености» и искушенности в языке. Формальные ухищрения некоторых стихотворцев-книжников основывались на этих особенностях арабского письма.

Большинство же рукописных книг по насыщенности точками и значками колеблется в значительных пределах. И лишь изредка дело доходит до того, что на письме остается один только графический каркас согласных букв и лигатур.

В силу указанных обстоятельств чтение арабских текстов включает элемент дешифровки. Уже арабские филологи ясно понимали несовершенство арабской графической системы и создали своеобразную терминологию, при помощи которой можно было описать, есть при букве точка и знак гласного или нет. Они прибегали к этой терминологии всякий раз, когда им надо было предупредить ошибки, которые могли

быть допущены при переписывании текста, побуквенно указать на точное написание того или иного слова: в грамматических трудах, словарях и в пояснениях, вставляемых по ходу изложения в самые разные тексты. Такие предосторожности были спасительны, но не могли соблюдаться всегда.

Европейские арабисты, исходя из опыта латинского и возникших на его базе алфавитов, по-разному оценивают арабскую систему письма — то восхищаются его экономичностью, то отзываются весьма скептически. Например: «Арабское письмо — рудиментарный инструмент. Фиксированные с его помощью тексты представляют много неясностей для чтения и допускают различные расшифровки»[20]. «Арабский текст содержит только семьдесят пять процентов смысла, а остальные двадцать пять процентов должны быть восполнены самим читателем. Следовательно, можно знать значение каждого слова в предложении и понимать синтаксическую конструкцию, но все же колебаться между двумя абсолютно противоположными толкованиями... Кроме того, следует учитывать естественные лексикографические трудности и текстологические ошибки, проистекающие от невежества или невнимательности переписчика, которым арабские памятники ввиду особенностей своего письма подвержены еще больше, чем рукописные памятники других литератур»[21].

Изложенное помогает лучше прояснить роль переписчика, который был важным лицом в рукописной традиции, полноправным ее участником; каждый акт копирования мог стать значительным этапом в судьбе произведения, если на эту копию опиралась дальнейшая передача его текста или если она сохранялась до времени его критического издания.

Профессиональные навыки переписчика, его грамотность и общая культура, условия его работы и ответственность, с которой он к ней подходил, определяли многое: выбор оригинала и его верную оценку, использование нескольких рукописей для сверки, темп и тщательность переписки, проникновение в смысл текста, повторное контрольное прочтение (иногда с участием и помощью других лиц), как итог — качество изготовленной им копии. Он мог ухудшить, даже обесценить текст сочинения[22], мог и улучшить, четко переписав набело неразборчивый черновик или скоропись, подправив ориги-

---

[20] Blachère, 1952, с. 64.

[21] Гибб, 1960, с. 16—17.

[22] Способность «тупого» переписчика «стереть» (МСХ) текст вместо того, чтобы его скопировать (НСХ), отмечали ат-Тавхиди (Йакут, Иршад, 5, с. 384), ал-Бируни (Фармакогнозия, с. 139; Крачковский, IV, с. 255) и другие видные авторы.

нал[23]. Так как активное вмешательство переписчика давало прямо противоположные результаты, то порой буквальное копирование непонятного текста было лучше, чем недостаточно квалифицированное «исправление», хотя трудно ожидать от него полной нейтральности к тексту.

Необходимо учесть также, что современные исследователи, как и средневековые критики переписчиков, исходят из представления о некоем идеальном тексте, который непременно должен был когда-то существовать (и который текстолог «восстанавливает»). Но такое представление порой иллюзорно, ибо сам авторский текст по разным причинам мог быть далеко не совершенным: основанным на недостаточно надежных источниках, не отделанным стилистически и композиционно, просто незавершенным, писанным малоразборчивой скорописью, без диакритики и огласовки, с подлинными или мнимыми языковыми ошибками, с отступлениями от литературной нормы и т. п. Профессиональные переписчики, обслуживавшие авторов, в роли которых иногда выступали их ученики или поклонники, давали обычно наиболее надежную копию сочинения; они превращали авторский черновик (*мусвадда, тасвид*) в беловик (*табйид, мубйадда, байад*), то есть выполняли ту работу, которая в эпоху типографий стала функцией наборщиков и корректоров. Иногда эту работу делали сами авторы или же вычитывали и правили беловик[24].

Помимо копирования и оформления рукописи (об этом см. также гл. 7) переписчик добавлял свою собственную концовку в виде колофона. Самые подробные колофоны содержат следующие сведения: какое сочинение переписано и с какого оригинала, когда, где, кем и по чьей просьбе (поручению); хвалу Аллаху, его пророку Мухаммаду и его роду, благословение всем мусульманам. Сведения о протографе порой очень обстоятельны, о самом сочинении сообщаются название и имя автора. Свое имя переписчик дает, как правило, развернуто, а имя просителя (заказчика) сопровождает лестными словами в его адрес. Дата переписки содержит указание на число, месяц, день недели и год по хиджре, все — словами, цифрами пишут редко. В качестве места переписки называют город, квартал, медресе или иное учреждение с именем его владельца (основателя)[25]. Бывают,

[23] Йакут, Иршад, 5, с. 420: о своем современнике, который ревностно занимался правкой рукописей и переносил в свою копию лишь то, что постиг сердцем и душой.

[24] Примером может служить рукопись Института востоковедения АН СССР С 651, содержащая *Факихат ал-хулафа'* Ибн ʻАрабшаха с авторской пометой о ее вычитке.

[25] Для примера приведем колофон рукописи *Тахафут ал-фаласифа*

конечно, аккуратно написанные колофоны, но чаще именно здесь переписчик переходит на скоропись и записывает даты, имена и географические названия немыслимыми закорючками, без диакритики и огласовки, превращая колофон в головоломку и снижая его информативную ценность. Наконец, колофон может быть лишен любого из перечисленных элементов, содержать минимум данных или сведен к нулю. В последнем случае после текста сочинения нередко ставится т м, то есть «кончилось» (*тамма*), повторенное иногда трижды, подряд или треугольником. Некоторые колофоны представляют буквальную копию колофона оригинала, с которого копирован список (тогда возникает проблема установления его подлинной даты).

Добавления, вносимые переписчиком в рукопись сверх текста сочинения, титула и колофона, меньше всего поддаются обобщенной характеристике. Таковыми могут быть: поправки описок и ошибок или восполнение пропусков, замеченных по ходу работы или при повторном сличении рукописи с оригиналом (иногда и с другой копией); записываются они между строк или выносятся на поля, заверяются словом «верно» (*сахха*, с х). Далее переписчик нумерует (к сожалению, не всегда) листы (но не страницы) или тетради, ставит «хранителей» (*хафиз*) порядка листов; последний помещается в левом нижнем углу оборотной стороны листа и состоит из одного-двух слов, с которых начинается следующая страница. На полях рукописей Корана переписчик размечает иногда отрезки для ритуального чтения — *джуз'* и *хизб*. Наконец, также переписчиком может быть сделана запись о прочтении сочинения по данной рукописи под руководством наставника. Оглавление сочинения выносится иногда переписчиком на первые или последние страницы рукописи.

Отдельный том сочинения может быть снабжен самостоятельным колофоном, но чаще конец тома и начало следующего обозначаются краткой пояснительной фразой.

Дополнительные, посторонние записи, которые могут появиться на оставшихся свободными местах рукописной книги — на полях, на титульной странице, на форзацных листах, на внутренней стороне крышки переплета и даже между стро-

---

ал-Газали (В 2167 в собрании Института востоковедения АН СССР): «Окончена сия книга с помощью Аллаха и благой его поддержкой утром во вторник двадцать пятого раби' первого пятьсот пятьдесят пятого года в крепости Санваджирд из селений Сарахса в доме шейха ра'иса Джамаладдина Мухаммада б. Ахмада б. Халида — да приветствует его Аллах! — рукой Абу-л-Хасана 'Али б. Насира ал-Хусайни». Дата соответствует 5 апреля 1160 г. См.: Крачковский (1925), с. 466 и Крачковский (1925а).

ками основного текста,— не поддаются предсказанию. После изготовления переписчиком рукопись попадает в разные руки, в частные коллекции и общественные библиотеки, и тот или иной читатель может внести в нее пометы и записи самого различного содержания: факты и даты (приобретения, прочтения либо не связанные с рукописью), понравившиеся выражения и мысли, фрагменты текстов, молитвы, заклинания, сообщения о событиях семейной жизни, родословиях, необычных явлениях погоды, стихийных бедствиях и т. п.

Существенно, что те данные, которые заносились в колофоны и на свободные места рукописей, с очень раннего периода начинают совершать повторный круговорот, включаться в состав текста при копировании, в новые сочинения, буквально или в обработанном виде. Например, уже Ибн ан-Надим (ум. в 995 г.) использовал записи иджаз как источник: «Сын Бабавайха ʻАли б. ал-Хусайна б. Мусы ал-Кумми, Абу Джаʻфар Мухаммад, писал на обороте тетради: „Я дал иджазу такому-то на передачу сочинений ʻАли б. ал-Хусайна, а их двести сочинений, и моих сочинений, коих восемнадцать"»[26]. На обороте тетради (*джузʼ*), писанной старым почерком, он нашел имена 15 комментаторов философских трудов ал-Кинди[27].

Как сообщает Ибн Халликан, ал-ʻИмад ал-Исфахани писал в *ал-Хариде*: «Ал-Кади ал-Фадил дал мне *Китаб ал-Хадика*, в конце которого было написано, что составитель умер в мухарраме 546 г.»[28]. Он сам неоднократно ссылается на подобные биографические и автобиографические заметки, обнаруженные им на обороте (*захир*) рукописей[29]. Иногда он цитирует стихи из приписок, найденные им самим[30] или другими[31]. Собранное из приписок давало повод для составления целых самостоятельных сочинений. Разумеется, все дополнительные записи и пометы дают современным исследователям материал по истории конкретной рукописи и тщательно фиксируются в наиболее подробных каталогах.

Таким образом, за долгую историю арабской письменной традиции сочинения и рукописи существовали в неразрывном единстве и во взаимообусловленности, пути их влияния друг на друга многократно перекрещивались.

---

[26] Ибн ан-Надим, с. 196.

[27] Там же, с. 255.

[28] Ибн Халликан (1, с. 80), в свою очередь использовавший это сообщение из колофона, указывает, что дата на самом деле относится к сыну составителя.

[29] Ибн Халликан, 1, с. 156, 267, 420; 2, с. 76.

[30] Там же, 1, с. 303; 2, с. 221.

[31] Там же, 1, с. 337.

Глава 7

МАТЕРИАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ АРАБСКОЙ РУКОПИСИ И ЕЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В этой книге я собрал столько превосходных мудрых речений в прозе и стихах, столько увлекательных редкостных известий арабов и неарабов! Перечитываю ее, и она волнует мои чувства. Сполна выразить свою любовь я б смог, лишь одев ее в переплет из собственной кожи и поместив в ларец из собственных костей.

Йакут б. ʻАбдаллах ал-Хамави

Основное внимание в этой работе направлено на филологическое исследование средневековых рукописей, на некоторые историко-литературные и социокультурные аспекты рукописной традиции. Но нельзя упускать из виду другой путь — изучение рукописей с точки зрения художественно-эстетической и производственной, отнесясь к ним как к предмету искусства и продукту ремесленного труда. Такой подход представляет немаловажный научный интерес, потому что приносит знание о рукописях в их вещественной реальности, во всем богатстве их деталей и разнообразии локально-исторических особенностей. Это — совершенно самостоятельная и притом многоплановая задача, решением которой занимаются обычно искусствоведы и историки материальной культуры; она не могла быть поставлена здесь в полном объеме и освещена с должной обстоятельностью, поэтому затрагивается лишь в той мере, в какой небходимо для лучшего раскрытия главной темы исследования.

Действительно, чтобы поддерживать письменную традицию, нужны не только благоприятные политические и экономические условия, не только социальная потребность в духовном производстве и достижение определенного уровня его развития, но и соответствующая материальная база, в особенности если речь идет о письменности большого объема и о стабильном ее поддержании в течение длительного периода. Под материальной базой рукописной литературы (в широком

смысле этого слова) мы имеем в виду то, на чем пишут, и то, чем пишут,— природное сырье, которое идет на писчие материалы, письменные принадлежности и переплеты, орудия труда и технические приемы, с помощью которых они изготовляются.

Обратимся сначала к писчим материалам и письменным принадлежностям; от их количества, качества и цены, даже от затрачиваемого на них сырья зависят в известной мере габариты и внешний вид рукописных книг, возможности размножения их экземпляров и замысла и исполнения многотомных трудов.

Для записи текстов на арабском языке в зависимости от места и времени употреблялись разные материалы, но основными, для текстов значительной длины, были папирус, пергамен и бумага. Эти писчие материалы были издавна известны народам Востока и освоены арабами еще в доисламскую эпоху или в ранний период их истории при исламе.

Определенную роль в истории арабской письменности сыграл в качестве писчего материала пергамен, который упоминается уже в древней поэзии. Для записи отдельных частей Корана его употребляли в эпоху становления ислама. Изготовляли его из тщательно и особым способом выделанных овечьих, козьих и телячьих кож, иногда из газельих и др. Несмотря на относительную редкость и дороговизну, пергамен довольно широко применялся в первые века хиджры. Больше, чем в других местах, пергамен и кожи были распространены в Северной Африке, где до сих пор встречаются полные экземпляры Корана и сотни листов литературных текстов, писанных на этих материалах в разные эпохи. Было известно, что текст с пергамена можно смыть или соскоблить и употребить последний повторно, для новой записи. Однако арабские палимпсесты с остатками иноязычных древних текстов чрезвычайно редки. Сохранившиеся арабские пергамены еще не подсчитаны (в пределах одной-двух тысяч?), они представлены во многих собраниях арабских рукописей, в каждом из них — лишь единицами или несколькими десятками листов. Датированные арабские тексты на пергамене умещаются в хронологических пределах от 168/784 до 498/1105 г.[1].

Египетский, или нильский, папирус был, можно полагать, известен в Аравии еще до ислама и служил основным писчим материалом для произведений арабской литературы в течение первых двух веков хиджры. Он сосуществовал с при-

[1] Grohmann, 1954, с. 71—72, 247; он же, 1967, с. 111.

11 Зак. 36

возной китайской и восточнотуркестанской бумагой, пергаменом и прочими писчими материалами и занимал господствующее положение до конца VIII в., в начале IX в. соперничал с самаркандской бумагой, а затем был оттеснен на второе место, хотя и продолжал употребляться до конца X в., в Египте — по меньшей мере до 1087 г.[2].

Общее число сохранившихся, известных науке арабских папирусов А. Громан, лучший их знаток, определяет в 16 тыс.[3]. Они представляют главным образом отдельные листы или их обрывки, реже — пачки из нескольких листов, свитки или небольшие кодексы. Почти все сохранившиеся тексты на папирусе происходят из Египта, а в других странах (Аравия, Ирак, Сирия), где он несомненно применялся, папирусы погибли.

На папирусах писали в основном документы и письма. Известия о записи литературных текстов малочисленны, и действительно, их дошло до нас немного. Среди них есть только одна книга на ста с лишним листах — «Сборник хадисов» (*Джами' фи-л-хадис*) 'Абдаллаха б. Вахба б. Муслима (743—813)[4]. Тем не менее изучение литературных арабских текстов на папирусе, пусть немногих и фрагментарных, представляет громадный научный интерес, так как они позволяют заглянуть в раннюю историю письменности, критически проверить данные, которые содержатся в позднейших произведениях и рукописях. Правда, прочтение, понимание и идентификация полустертых отрывочных текстов на папирусе сопряжено с большими трудностями, преодоление которых требует самоотверженных усилий[5].

Когда говорят о литературных произведениях, то обычно не упоминают о материале, на котором они записаны, а немногие случайные или косвенные сведения об этом неоднозначны, так как одни и те же термины последовательно применялись к папирусу, пергамену и бумаге (об их названиях см. ниже) и способны ввести в заблуждение читателя или поставить его перед выбором, допуская несколько толкований.

Изготавливали папирус[6] и продавали в рулонах (до 14,5 м), которые по мере надобности нарезали на листы. От-

[2] Grohmann, 1967, с. 73.

[3] Там же, с. 66.

[4] Издан Ж. Давид-Вейлем в 1939—1941 гг. (Ибн Вахб).

[5] См. серию публикаций и исследований А. Громана и особенно Н. Эббот (Abbott, 1957, 1967, 1972).

[6] Рабочий процесс срезания полосок стебля и их скрепления изучен, проверен экспериментально и описан многими. См.: Grohmann, 1967, с. 75—79 со ссылками на источники и исследования.

дельные листы могли сшивать или склеивать в тетради. Традиционное для Египта производство папируса было продолжено при арабах в специальных мастерских; есть известие об основании такой мастерской в Самарре в 836 г., для которой сырье (то есть растение папирус) выращивали, вероятно, на месте. Указания на цены папирусных рулонов колеблются в пределах от $^1/_{32}$ до 1,5 динара, что свидетельствует об изрядной его дороговизне[7]; но производили и потребляли его в достаточно больших количествах.

Импортная китайская бумага была известна в сасанидском Иране с конца VI в. В первые века хиджры она употреблялась и в Халифате наряду с пергаменом и папирусом. Ибн ан-Надим различал книги на китайской бумаге (*варак ас-син, варак сини*) и упоминал их отдельно[8]. Но только производство собственной бумаги обеспечило государство прекрасным писчим материалом в таких количествах, которые покрывали бы все потребности.

О появлении производства бумаги в Аббасидском халифате ас-Са'алиби (ум. в 1038 г.) пишет следующее: «Самарканд известен бумагой *кагид*, которая вытеснила из употребления египетский папирус и кожи, на которых писали древние, потому что она красивее, приятнее, мягче, удобнее. А изготовляется она только там и в Китае (ас-Сине). Автор „Книги путей и государств" (ал-Джайхани?) рассказал, что человек, который стал изготовлять *кагид*, попал в Самарканд из Китая в числе пленных, захваченных Зийадом б. Салихом. А потом ее производство увеличилось и стало обычным, так что стала она предметом торговли для жителей Самарканда, и распространились ее польза и выгода от нее на весь свет»[9]. Упоминаемое здесь событие — знаменитое Таласское сражение между военными отрядами арабского наместника в Самарканде и танского Китая — произошло в июле 751 г.[10]. Арабское войско во главе с Зийадом б. Салихом выиграло битву и захватило около 20 тыс. пленных, которые были доставлены в Самарканд. Впрочем, бумажных дел мастера из Восточного Туркестана могли осесть в этом городе и до названного события, других подтверждений того, что они были пленниками, нет. Во всяком случае, важный производственный секрет был выведан и перенят, последствия этого для культурной истории Ближнего Востока и Европы были громадными: отсюда пошла смена писчего материала, охватив-

---

[7] Grohmann, 1954, с. 63—71; он же, 1967, с. 93.
[8] Ибн ан-Надим, с. 21, 40, 41.
[9] Са'алиби, Лата'иф, с. 126.
[10] Большаков, 1980, с. 132.

шая Средиземноморье, началась эпоха бумаги, продолжающаяся до сих пор. Ее распространение к западу шло постепенно; в течение двух веков производство бумаги и торговля ею оставались монополией Самарканда, ее называли «самаркандской» или «хорасанской», а ее сорта — по именам наместников в этом крае [11]; тогда она и употреблялась больше в восточной части Халифата, а в западной части еще пользовались папирусом [12]. Только во второй половине X в. бумажные мельницы возникли в Дамаске, Табарийе, Хаме, Тарабулусе (Сирия) и, быть может, в Багдаде. В XI—XIII вв. существовали бумажные мастерские в Тебризе, Каире, Фувве (Египет), Хативе (или Шатибе, ал-Андалус) [13].

Освоение нового производства совпало по времени с началом расцвета арабской литературы и науки. Есть прямая связь и, весьма вероятно, зависимость между двумя явлениями: массовым производством относительно дешевого высококачественного писчего материала и массовым производством рукописных книг, между техническим новшеством и успехами в развитии литературы и науки. Только бумага, универсальный и удобный в обращении писчий материал, открыла возможности создания рукописных произведений большого объема и сложной структуры, многотомных и во множестве экземпляров.

Для выделки бумаги по китайско-самаркандскому способу, описание которого сохранилось в трактате XI в., происходящем из Северной Африки и приписываемом зиридскому султану ал-Му'иззу б. Бадису (правил в 1016—1061 гг.) или его сыну Тамиму (ум. в 1108 г.) [14], требовались в качестве основного сырья льняное или конопляное тряпье, известь и пшеничный крахмал, а также несложный набор орудий: мельница или ступа, чан и рама (форма). Этот способ изготовления не претерпел, очевидно, заметных изменений в течение многих веков [15]. В разные цвета бумагу окрашивали в уже готовом виде.

На самаркандской, или «восточной», бумаге написаны все

---

[11] *Сулаймани, джа'фари, талхи, тахири, нухи, фир'авни* (Ибн ан-Надим, с. 21); название *фир'авни* отражает, видимо, противопоставление папирусу (Grohmann, 1967, с. 99).

[12] Са'алиби, Лата'иф, с. 97, со ссылкой на ал-Джахиза.

[13] Grohmann, 1954, с. 72—80; он же, 1967, с. 98—101; ср.: Мец, 1973, с. 372.

[14] Endress, 1982, с. 276, примеч. 19.

[15] Предположение о том, что в Китае бумагу изготовляли только из растительного сырья, а тряпичную изобрели впервые мусульмане (Karabaçek, 1887, с. 29; Мец, 1973, с. 372), теперь оставлено (Grohmann, 1967, с. 99, 101).

известные нам арабские рукописные книги IX—XIV вв., за исключением тех немногих, что на папирусе и пергамене. С конца XIV и особенно с XV в. появляются арабские рукописи на бумаге европейского производства [16]: вначале на венецианской, а потом на бумаге разного происхождения. Восточная бумага постепенно сдает позиции, ее качество ухудшается, очевидно, вследствие упадка ремесла и торговли.

Арабская терминология, касающаяся писчих материалов, чаще всего иноязычного происхождения. Растение папирус называли *барди* (*абарди*) и *хус*, готовое для письма изделие — «тростниковый лист» (*варак ал-касаб*), «лист», «свиток» или «рулон» (*киртас*, с кратким или долгим *а* и разными вариантами первой гласной), «грамота», «письмо», «кусок папирусного свитка» (*тумар*). Термины *варак* и *киртас* применяли также к пергамену и бумаге, хотя имелись и специальные обозначения; для пергамена *рикк* (*ракк*) и *джилд*, а для бумаги — согдийское (заимствованное из китайского и фонетически преобразованное) *кагид* (*кагиз*), иногда — *тумар*. Многозначность терминов зачастую приводит к путанице, когда дело касается периода сосуществования разных писчих материалов, и устранить ее можно только путем анализа контекста.

Помимо писчего материала для создания рукописных книг и документов нужны письменные принадлежности, среди которых первое место занимает *калам* (из греч.) — тростниковая палочка с вырезом на одном конце и расщепленным острием. Иногда его называют *мизбар*, что значит «орудие письма». Такое же орудие из камыша называлось *йара*ʻ.

Каламу воздавалась всяческая хвала. В одной из старейших сур Корана (XCVI, 4) говорилось, что Аллах научил человека с помощью калама; считали, что калам — одна из первых созданных богом вещей и что им пользовались древние пророки. Калам называли «вторым языком» (букв. «одним из двух языков»), «врачом письма», «светочем ислама», сравнивали с мечом. Писцы и каллиграфы особо превозносили калам, утверждая, что от него зависят почерк и качество письма на одну четверть, треть, половину или даже целиком. Качеству калама придавалось большое значение, и оно зависело от умелого выбора тростника (по толщине, твердости, месту произрастания), от выдержки, хранения, обработки. Тростниковый калам должен был соответствовать выработанным стандартам и отвечать индивидуальным

---

[16] Ее упоминает уже египтянин ас-Сахави (ум. в 1245 г.) (Grohmann, 1967, с. 101).

особенностям определенного типа (стиля) письма и личным вкусам пишущего. Поэтому очинка калама требовала искусности и считалась делом профессиональной чести, а иногда и секретом писца.

Кроме калама в качестве орудия письма использовали плоскую дощечку (палочку), птичье перо, пальмовые веточки (для крупных букв).

Другой важной принадлежностью писца была чернильница — *дават*. Собственно, это был целый чернильный прибор, род пенала или продолговатого ящичка с крышкой, в котором помещались чернила и калам. Повествуя о том, как халиф или эмир раннего периода ислама желал продиктовать или написать свое распоряжение, арабские источники употребляют выражение *да'а би-киртас ва-дават*, то есть «велел подать лист папируса (пергамена, бумаги) и ящичек с чернилами и каламом»[17]. Позднее этот простой письменный прибор обогатился рядом других принадлежностей.

С большой тщательностью должны были изготовляться и чернила, к качеству которых предъявлялись высокие требования; особо подчеркивали их густой черный цвет и блеск. Существовали разные сорта чернил, называвшиеся по месту происхождения или производства (по стране, городу), и сохранилось множество рецептов их изготовления, но все они объединяются в два вида, или группы: железистые ореховые чернила, которые со временем, взаимодействуя с бумагой, меняют иссиня-черный цвет на красновато-коричневый, и чернила из сажи типа туши, устойчиво сохраняющие густой черный цвет. Есть и два разных арабских слова для их обозначения: *хибр* и *мидад*.

Умели приготовлять, хотя реже применяли, цветные чернила: красные, желтые, синие, фиолетовые разных оттенков. Применяемые при этом виды сырья и способы окрашивания были те же, что применялись для окрашивания жидкостей с глубокой древности, с эпохи эллинизма или античности, даже с шумеро-вавилонского времени.

Таким образом, изготовление писчих материалов и письменных принадлежностей требовало множества разнообразных веществ и материалов, встречающихся в природе или предварительно обработанных, и участия ремесленников разных специальностей. В этом арабы и другие народы Халифата явились преемниками древневосточных и средиземноморских цивилизаций, воспользовались опытом ряда предшест-

[17] Например, в рассказе о том, как Халид б. ал-Валид в марте 635 г. выдал грамоту жителям Дамаска, употреблено это выражение (Б а л а з у р и, с. 121; G r o h m a n n, 1967, с. 70).

вующих поколений, аккумулировали, развили и поддерживали его на высоком уровне в течение многих веков.

Средневековый арабский кодекс, рукопись на бумаге, выглядит в большинстве случаев скромно и непритязательно, лишь переплет у него порой роскошен. По размеру он мало отличается от нынешних печатных книг, отражая, видимо, некую норму, диктуемую практическим удобством. Форматы рукописей укладываются обычно в пределах от 18 до 35 см в высоту и от 13 до 25 см в ширину, но есть в небольшом количестве рукописи миниатюрные и крупноформатные. Редко встречаются форматы, у которых ширина превышает высоту.

Поля у рукописей широкие, от 4—5 до 10—11 см; рукописи с узкими полями редки, как нечасты и случаи, когда строки вылезают на поля. Текст на странице укладывается в прямоугольную рамку, строки ровные и прямые, одинаково отстоят друг от друга, так как переписчик, особенно профессиональный, заранее все вымерял и расчерчивал. Рамка может быть образована самим текстом или вычерчена из одной, двух и более линий, одинаковой или разной толщины, черными, цветными или золотыми чернилами в разных сочетаниях. Бывают рукописи, у которых страницы расчерчены более сложно, когда разные части или виды текста (подзаголовки, стихи в столбец) заключены каждая в особую рамку. Чаще такие случаи относятся к поздним рукописям (XVI—XIX вв.) на арабском языке, происходящим не из арабских стран и отражающим стиль работы персидских, индийских, турецких, среднеазиатских писцов.

Старинные арабские рукописи, как и более поздние книги повседневного обихода, учебные и религиозные, просты и строги по внешнему оформлению: ровные прямоугольники текста на фоне белой (потемневшей или пожелтевшей) бумаги — и более ничего. Заголовки и подзаголовки выделяются более крупным почерком, надчеркиванием, цветными чернилами (обычно красными) либо комбинацией этих элементов. Наряду с заголовками в сочинениях разного содержания выделяются стихотворная или кораническая цитата, вокабула — в словарях, имя собственное или географическое название — в биографических и географических трудах алфавитного построения, комментируемый текст — в комментариях, дата — в хрониках, буквенные символы — в математических текстах и т. п.

Арабская рукописная книга не знает таких элементов, как заглавная буква, красная строка и деление на абзацы. Титул и имя автора помещаются на отдельной, первой странице

или перед текстом, иногда пишутся владельцем или библиотекарем на переплете, на обрезе книги; чаще так пишут только титул, без имени автора.

Название части, раздела, главы или иной структурной единицы сочинения выделяется обычно более крупным почерком и пишется на отдельной строке, иногда — на отдельной странице; оно может использоваться как повод или средство орнаментации рукописи, писано цветными чернилами, с особым старанием, изяществом или ухищрением, заключено в рамку, которая, в свою очередь, может орнаментироваться дополнительно.

Знаки препинания в арабском письме применяются крайне мало и редко. Таковыми служат кружочки, овалы, сердечки, треугольники, звездочки, с точкой в центре или без нее. Пишутся они по одному, по два или по три, ставятся в конце книги, раздела, главы, отрезка текста. Поскольку понятие «предложение» не было выработано в арабской филологии, то его не знали и писцы. Поэтому знаками препинания отделялись смысловые синтагмы, на которые сплошной текст членился нередко весьма произвольно. Только там, где текст по характеру самого сочинения имел четкое членение на определенные параграфы (статьи, отрезки), знаки препинания употреблялись последовательно и регулярно. Таковы, например, полустишия (*мисра'*), которые разделяются просто свободным промежутком или одним из названных знаков, чаще — звездочкой. Знаки препинания и разделения используют нередко как орнаментальный элемент и пишут их цветными чернилами, золотом и т. п.

Старейший способ количественного исчисления объема арабской рукописи — тетрадями (*курраса*, *джуз'*, *дафтар*, *муджаллад*) по 10, иногда 8 или 12 листов, иначе говоря, по 5, 4, 6 парных листов; порядковый номер куррасы пишется в начале, в левом верхнем углу первой страницы. Полистная нумерация встречается реже и позднее, постраничная — явление совсем новое. Очень часто рукописи лишены какой-либо пагинации, а если в ней не проставлены и хафизы-кустоды, то установить правильный порядок рассыпавшихся листов или выпадение одного или нескольких листов весьма проблематично, требуется сравнение разных экземпляров сочинения.

Главным украшением арабской рукописной книги считалось само письмо, качеству выполнения которого придавали большое значение. Существующее разнообразие книжных почерков проявляется преимущественно в начертании букв и лигатур, их величине и форме, толщине линий, взаимораспол о-

жении букв, слов и строк. Конечно, густота проставленных диакритических точек и прочих орфографических знаков, их положение строго над и под буквой или со смещением в сторону, их расстояние от вязи корпусов также влияют на рисунок письма в целом и на облик разных почерков. Почерки различаются по эпохам, регионам, сфере употребления, стилям; немаловажными дифференцирующими факторами были писчий материал и индивидуальная манера писца. Одни различия накладываются на другие, и общая картина оказывается довольно сложной, плохо проясненной исследованиями датированных рукописей.

Еще в арабских надписях VI в. были заложены потенциальные возможности для возникновения двух типов письма — монументального и курсивного. В первом преобладают прямые линии, загибаемые под углом, во втором — закругленные линии и плавные повороты. Действительно, в ранних мусульманских надписях и в списках Корана обнаруживается монументальный стиль, а в документах того же времени — курсивный, который возобладал в рукописной практике. Монументальное письмо дало целую группу почерков, которые по установившейся традиции называли *куфи* (по г. Куфа), хотя складывались они не только в Южном Ираке (Куфе и Басре), но и в Хиджазе (Мекке и Медине) [18].

Округлые курсивные почерки, фиксируемые в датированных папирусах начиная с 22/643 г., классифицируются прежде всего по функциональному признаку. Согласно *Фихристу* [19], еще во время Умаййадов (661—750) писец и каллиграф Кутба (ум. в 771 г.) «изобрел» четыре главных канцелярских почерка: «величественный» (*ал-джалил*), «большой лист» (*ат-тумар ал-кабир*), «тяжелая половина» (*ан-нисф ас-сакил*) и «большая треть» (*ас-сулус ал-кабир*). Из них развилось более 20 почерков.

Существовала прямая зависимость между размерами листов, на которых записывали текст, и величиной и формами букв: чем значительнее повод или тема, тем больше выбирали размер листа, тем шире был кончик калама, крупнее почерк; в более крупных почерках линии букв и лигатур были пожирнее, их загибы и повороты — угловатее, в мелких — тоньше и округлее. Отношение прямых (вертикальных) линий к изогнутым послужило основанием для поименования почерков «одна треть» и «две трети» (*сулус, сулусайн*). Эти зави-

---

[18] Н. Эббот предложила свои идентификации некоторых из этих почерков на примере ранних списков Корана на пергамене и папирусе: Abbott, 1939, с. 19—33.

[19] Ибн ан-Надим, с. 7.

симости не следует абсолютизировать, их надо рассматривать скорее как некую тенденцию.

Кроме обратно пропорционального соотношения размера и округлости букв как принципа формирования и классификации почерков были прослежены два дополнительных правила: в более крупных почерках вертикали *алифа* и *лама* имеют колючкообразный отросток (*тарвис*) у вершины справа, в мелких — пишутся без него, а в средних — по выбору писца; в крупных почерках «головки» (или «петли») у букв *'айн, джим, фа', мим* и т. п. пишутся открыто, в мелких закрыто, в средних допускается выбор.

«Не следует думать,— справедливо пишет Н. Эббот,— будто разработка этих принципов была делом одного человека, одного поколения или даже века или что, однажды сформулированные, эти правила стали жесткими и следование им было постоянным и общепринятым»[20].

Арабская традиция, однако, различает множество самостоятельных почерков, связывает нововведения и реформы в письме с именами выдающихся каллиграфов, объявляя их изобретателями тех или иных почерков, хотя они, очевидно, только пытались установить твердые правила начертаний и упорядочить почерки, которые уже существовали и становились все разнообразнее. Кроме упоминавшегося Кутбы в арабской каллиграфии прославились Исхак ибн Хаммад — изобретатель почерка *джалил*; братья Ибрахим и Йусуф ас-Сиджизи (ум. в 815 и 825 гг.) и их ученик ал-Ахвал, который классифицировал почерки, поставив на первое место «тяжелые»; ар-Рихани (ум. в 834 г.), изобретший почерк *рихани*; братья Ибн Мукла изобрели *насхи* и др., Ибн ал-Бавваб (ум. в 1022 г.) — *рихани* и *мухаккак*, Мухаммад ибн Хазин (IX—X вв.) — *рика'* и *тавки'*, Йакут ал-Муста'сими (1221—1298) — *йакути*, Ибн ас-Са'иг (ум. в 1441 г.) — *рика'* и др. Как видим, «изобретение» одного и того же почерка приписывали разным лицам, жившим в разное время. Подлинный вклад каждого из них в развитие арабского письма оставался неясным и затушеванным комплиментами в их адрес. Так было и в отношении Абу 'Али Мухаммада Ибн Муклы, образцы почерка которого до нас не дошли, хотя описания ал-Калкашанди и другого автора XV в. проливали свет на его роль. Только открытие и изучение текста трактата Ибн Муклы, сохранившегося в двух поздних списках[21], поставило все на

---

[20] Abbott, 1939, с. 33.

[21] В Тунисе (известно только о его существовании) и в Каире (л. 19а—23б в сборной рукописи 1107/1696 г. в Дар ал-кутуб, сина'а № 14; фотовоспроизведение двух страниц: Grohmann, 1967, с. 16).

свои места. Напомним лишь несколько фактов из жизни этого характерного государственного деятеля X в., которая была описана рядом биографов.

Абу 'Али Мухаммад б. 'Али б. ал-Хасан Ибн Мукла (886—940) был, по-видимому, самым выдающимся арабским каллиграфом. Во время своей бурной, но переменчивой служебной карьеры при трех халифах он несколько раз достигал должности вазира, разбогател, как тогда водилось, на присвоении доходов казны, участвовал в дворцовых интригах и переворотах. После очередного падения в 936 г. его заставили вернуть в казну миллион динаров, конфисковали почти все его имущество и владения. Даже от такого удара он оправился при поддержке могущественного клана сановников, к которому принадлежал, но в 938 г. его снова изобличили в интригах и отрезали ему правую руку — чтобы не писал ложных доносов. После этого, говорят, он стал писать столь же искусно, как прежде,— то ли левой рукой, то ли привязывая калам к обрубку правой. Вскоре он еще раз потерпел поражение в закулисной борьбе с военачальником халифа; тогда Ибн Мукле отрезали язык и бросили в темницу, где он умер в полной изоляции и ужасных мучениях от жажды и голода [22].

Ибн Мукла был реформатором арабской каллиграфии и ввел «пропорциональное письмо» (*хатт мансуб*), сущность которого состояла в том, чтобы длину линий, образующих каждую букву, измерять с помощью определенного числа ромбовидных точек, поставленных вершина к вершине. Такая точка со сторонами, равными ширине линии в данном почерке, образуется от разового ровного нажима острием тростникового калама на бумагу. За исходную принимается длина первой и ключевой буквы арабского алфавита — *алифа*. Все остальные буквы или их части по форме приводятся в соответствие с геометрическими фигурами, а по величине соотносятся с длиной *алифа*, которая для каждого почерка берется постоянной (в пределах от пяти до десяти ромбовидных точек). Тогда оказывается, что у *ба'* вертикальная и горизонтальная линии в сумме равны длине *алифа*, *ра'* и *нун* образуют части окружности с диаметром в один *алиф* и т. д. Система Ибн Муклы нашла много подражателей и продолжателей, ее влияние ощущается во всех поздних школах каллиграфии вплоть до наших дней.

Схематизированные и пропорциональные буквы характер-

[22] Мискавайх, I, с. 183, 185—187, 203—205, 261—264, 292—295, 309—310, 320—337, 386—393; Ибн Халликан, 2, с. 61—62; Abbott, 1939a; Grohmann, 1967, с. 13—18.

ны для многих видов письма, особенно тех, где курсивность имела подчиненное значение или вовсе не имела значения (квадратное еврейское письмо, сабейское письмо). Труднее было добиться пропорциональности в арабском письме, где ведущим является принцип связности и вытекающей отсюда позиционной вариативности букв. Поэтому теория Ибн Муклы осталась идеалом, который могли воплотить и регулярно повторять лишь специфически одаренные люди вроде него самого и других видных каллиграфов; ее не мог блюсти простой грамотный человек и рядовой переписчик. Правила были сложны, отклонения малозаметны и неконтролируемы.

Развитие арабской каллиграфии на этом не остановилось. Уже в следующем столетии Ибн ал-Бавваб придал пропорциональному письму элементы изящества и элегантности[23]. Говорят, что Мубарак б. ал-Мубарак превзошел Ибн ал-Бавваба в красоте букв. Многих других называли ведущим или единственным каллиграфом своей эпохи, затмившим славу предшественников, и т. п. Однако теперь ясно, что они были не более чем хорошими мастерами письма, создателями местных школ каллиграфии и ничего принципиально нового, в отличие от Ибн Муклы, не внесли.

Не вполне ясен генезис *насхи* — самого популярного почерка рукописных книг. По-видимому, он упоминается впервые под названием «почерк переписчиков» (*калам ан-нуссах*; или *ан-нассах*? — «многопишущего»), и притом в весьма нелестном контексте. Он выделился как отдельный стиль письма уже в конце VIII в. и получил распространение к концу следующего. *Насхи*, или *насх*, возник как ясный, открытый, округлый почерк, испытал влияние реформы Ибн Муклы и становился изящнее, в особенности когда стал употребляться в переписке Корана и лицевых списков других сочинений. В мамлюкский период *насхи* и *сулус*, часто сочетаемые в одних и тех же рукописях, достигли совершенства, которое потом не было превзойдено.

В дальнейшем возникали новые модификации канцелярских и книжных почерков, которые в каждую эпоху и в каждом регионе приобретали особые черты.

Почерки Северной Африки и Испании образуют особую группу магрибских, то есть западных. Они сформировались на базе *куфи* и сохранили его архаичные черты. Постепенно здесь также возобладала тенденция к округлому курсиву, который, однако, не был затронут реформой Ибн Муклы и потому избежал геометризации и пропорционализации форм.

---

[23] Образцы его каллиграфического искусства сохранились, но еще больше подделок под него (Rice, 1955).

К индивидуальному мастерству в письме предъявлялись высокие требования, но это относилось скорее к профессиональным переписчикам, особенно к чиновникам канцелярий. В ученой среде существовала и другая точка зрения, согласно которой излишнее усердие в отделке письма и погоня за изяществом почерка отвлекают человека науки от истинной его цели — стремления к познанию. «Если у человека скверный почерк, значит, ему повезло»,— говорил один славившийся мудростью вазир: он не будет тратить на письмо времени, нужного для запоминания и размышления [24]. При этом указывается, что у ученых, как правило, почерк плохой, а люди с хорошим почерком уже тем счастливы и наукой себя не утруждают. Но «скверный почерк не составляет счастья сам по себе»,— вдумчиво замечает багдадский судья XI в. ал-Маварди: важно, чтобы ученому ничто не мешало в его работе [25].

История арабских почерков протекала, очевидно, в постоянных столкновениях этих двух установок и отвечающих им двух реальных тенденций. С одной стороны, стремились установить твердые правила начертания букв в соответствии с идеалом красивого, упорядоченного, канонизированного письма; с другой стороны, защищали право каждого писать как пишется, пусть не изящно, лишь бы разборчиво и без ошибок.

Понятие красоты, во всяком случае применительно к письму, видимо, относительно. Многое зависит от привычки, от внушения. В арабской культуре прославление собственного письма, превознесение его эстетических достоинств стало своего рода предрассудком, привычным сознанием, поддерживаемым из поколения в поколение, таким же символом самоутверждения, как и прославление арабского языка, ислама, арабской поэзии, арабской науки и т. п. Достаточно вспомнить, что красоту возлюбленной, прелести ее форм, изгибов тела и движений уподобляли в поэтических описаниях отдельным буквам алфавита. Впрочем, и в самом деле в переписку произведений, в отделку почерка вкладывали усердный, кропотливый труд сотни и тысячи людей на протяжении стольких поколений; в письме преследовали не только утилитарные цели — искали духовное, гармонию.

Вот почему лучшие арабские рукописи радуют глаз, производят впечатление не только аккуратным и тщательным исполнением, но и особой гармонией линий, симметрией всех

[24] Маварди, *Адаб*, л. 74б.
[25] Там же.

элементов письма. К художественному эффекту памятников арабского письма не остались равнодушны многие их исследователи. «По художественному содержанию, богатству форм, силе эстетического воздействия», считает один из них, арабское письмо «принадлежит к числу самых совершенных, какие только создали человеческая рука и человеческая способность к письму... Гениальная игра линий, великолепие их рисунка, напоминающего распустившийся цветок, впечатляющий их вид... не с чем сопоставить в письме какого-либо другого народа» [26].

В орнаментовке арабской рукописи важную роль играет *'унван* в ее начале, выполняемый в красках в половину, треть или четверть страницы; цвета преобладают синий, красный, золотой и зеленый; форма 'унвана — в виде купола, овального или полукруглого, либо прямоугольника. Поле 'унвана делится линиями и дугами на части, которые по-разному закрашиваются или оставляются белыми; снабжается также симметрично расположенными геометрическими или растительными узорами в разных сочетаниях; оно обрамляется с четырех, с трех (без верхней) или только с нижней стороны. Изредка 'унван делается в развернутый лист, то есть располагается над двумя страницами, либо же одинаковый 'унван повторяется над первой и второй страницами. Совсем единичны случаи, когда 'унван появляется в середине рукописи в начале глав или предваряет разные сочинения, если рукопись представляет сборник. Наконец, 'унван может стоять в начале каждого тома большого сочинения. Обычно 'унван не имеет надписей, но иногда в него помещается название сочинения.

В роскошных заказных экземплярах помимо 'унвана может появиться своеобразный экслибрис — украшенная миниатюрой, цветными рамками и орнаментом первая страница, на которую вписано имя заказчика и владельца, а иногда и имя мастера-переписчика с добавлением благопожеланий, названия сочинения и имени автора. На другой странице ему может противолежать украшенная страница без надписей.

Чаще других и роскошнее украшали рукописи Корана. На долю иллюстрированных приходится небольшой процент арабских рукописных книг. Как бы ни объясняли нам историки, почему в арабо-мусульманском мире не было принято изображать живые существа, почему там не знали скульптуры и слабое развитие получила живопись: влиянием ли иконоборческих движений в христианском мире (Византии и во-

[26] Grohmann, 1971, с. 3—4.

сточных церквах), борьбой против антропоморфизма в монотеистическом исламе или же общей для средневековья антихудожественной тенденцией, распространенной почти повсеместно[27],— факт остается фактом: запрет практически действовал эффективно. Колебания характерны только для раннего периода (VIII—IX вв.), о чем свидетельствуют файюмские находки в Египте; в другие эпохи живопись, в том числе книжная миниатюра, скорее исключение, чем правило.

Иллюстрациями снабжался крайне ограниченный круг сочинений. Можно назвать «Макамы» (*Макамат*) ал-Харири, «Книгу песен» (*Китаб ал-Агани*) Абу-л-Фараджа ал-Исфахани, ботанико-медицинские разделы некоторых научных трудов, сборники сказок, басен и притч, как «Калила и Димна» и «Басни Лукмана», труды по военному делу мамлюкской эпохи из Египта. Рисунки «лубочного» типа и оформление в красках появляются в некоторых популярных арабских сочинениях, переписываемых в XVII—XIX вв., особенно в Иране, Индии и Средней Азии.

Чертежи, схемы, карты, таблицы, как изображения абстрактные, не наталкивались на прямой запрет, поэтому в научных книгах мы встречаем их довольно регулярно, хотя известно, что в богословских кругах их избегали, осуждали и препятствовали их распространению. И здесь сказывалась общая отсталость живописи и рисования. Арабская картография значительно уступала в точности практическим описаниям географами и путешественниками земной поверхности, маршрутов торговых путей, топографий городов и селений, взаиморасположения гор, рек, равнин, озер, морей, пустынь и т. д. Звездные карты ал-Баттани и ʽАбдаррахмана ас-Суфи весьма обстоятельны и точны, а схематические изображения знаков зодиака примитивны. Геометрические чертежи делали очень искусно, но даже не все математические труды иллюстрировались ими в достаточной мере; практические расчеты многих замечательных архитектурных и инженерных сооружений никогда не попадали на страницы книг.

Связь между миром материальной культуры, искусства и ремесла, с одной стороны, и письменностью — с другой, выражалась в том, что в литературных произведениях памятники материальной культуры называются, иногда с эпитетом, но редко описываются сколько-нибудь подробно. Обратное влияние письменности на произведения материальной культуры выражалось в использовании письма для надписей и графических мотивов — как средства орнаментации.

[27] Большаков, 1969.

Наглядные схемы и таблицы просты в исполнении. Иногда встречается расположение материала в столбец, а столбцы заключаются в рамки и снабжаются заглавием. Пояснения к ним даются в тексте (не в сносках). В поздних рукописях появляются схематические оглавления сочинений, в рамке или без нее, расположенные до начала сочинения или в конце, после текста.

С переплетом и переплетным делом арабы познакомились одновременно с первыми рукописными книгами. Как на прямой источник заимствования опыта указывают на соседнюю Африку. Ранняя арабская книга обнаруживает сходство с коптской, которая, в свою очередь, испытала сильное влияние античного кодекса в формате, переплете и орнаментовке крышки переплета. Термин *мусхаф* и известия арабских авторов ведут в Абиссинию, с которой исламская община ранней поры состояла в близком контакте. Рассказывают, что еще при жизни Мухаммада листы Корана хранили между двумя деревянными дощечками (*лавхани* или *даффани*)[28]. К записям Корана применили эфиопское слово *масхаф*, которое закрепилось в арабском языке (с изменением первой гласной) как термин, по преимуществу обозначающий список Корана[29].

Переплет называется *джилд* (букв. «кожа»), переплетная работа — *таджлид* (то есть «обтягивание кожей») и *тасфир* (больше в Магрибе). «Переплетенная книга» — *муджаллад*, как и слово *джилд*, приобрела значение «том».

Выделка кож в скотоводческой Аравии была развита, очевидно, издревле, поэтому арабы быстро и легко освоили переплетное мастерство. Дубильнями и выделанными кожами особенно славились города Южной Аравии. Как сообщает знаменитый географ и путешественник ал-Мукаддаси, там ценили искусно сделанные переплеты и дорого платили за них; будучи переплетных дел мастером, он зарабатывал по два динара за переплет; в частности, он выполнил заказ эмира Адена[30]. Отличные переплеты изготовляли в Таифе: Абу-л-Касим ал-Хусайн б. Мухаммад ар-Рагиб ал-Исфахани (ум. в 1108 г.) упоминает книгу из куфийского пергамена в таифском переплете[31].

За пределами Аравии хорошими сортами кож славились Египет, Магриб, ал-Андалус; пожалуй, даже трудно назвать

[28] Слова *лавх* и *дафф* обозначали впоследствии крышку переплета, независимо от материала, из которого они сделаны.
[29] Grohmann, Arnold, 1929, с. 35.
[30] Мукаддаси, с. 100.
[31] Рагиб ал-Исфахани, 1, с. 70.

провинцию Халифата, где не было бы налажено кожевенное производство, которое и обеспечивало переплетчиков основным материалом. Переплетенные книги стоили дорого[32], и переплетчики относились к процветающей категории ремесленников. Их заказчиками были люди богатые и знатные, владельцы рукописных собраний. У одного из них (Багдад, X в.) тематически расставленные книги были снабжены переплетами разного цвета, чтобы слуга (безграмотный, очевидно) мог отыскать и принести нужную.

Имена мастеров-переплетчиков редко встречаются в источниках или на самих переплетах; но были люди с фамильным прозвищем Переплетчик (ас-Саххаф). Только автор *Фихриста* специально перечисляет переплетчиков IX—X вв.: Ибн Аби-л-Хариш, работавший в библиотеке ал-Ма'муна, Шафат ал-Микрад ал-ʿУджайфи, Абу ʿИса Ширан, Диммйаа ал-Аʿсар б. ал-Хаджжам и др.[33]. В иных случаях о переплетчиках говорят мимоходом, обычно без упоминания их имен[34].

От ранних веков переплетов сохранилось еще меньше, чем самих рукописей. Предназначенные украшать и защищать рукописи, переплеты в первую очередь подвергались повреждениям и износу, гибли также вместе с рукописями и библиотеками. У большинства книг переплеты не синхронны самой рукописи, что связано и с технической особенностью восточной книги: переплет имеет плоский корешок, а крышки одинаковы по размеру с листами; соединение корешка с тетрадями рукописи было недостаточно прочным, поэтому переплеты довольно скоро расшатывались и отрывались, их приходилось заменять новыми[35].

Древнейшие арабские переплеты, которые дошли до наших дней, относятся к IX—X вв. По происхождению они связаны с Египтом и Магрибом. Недавно было высказано (Д. Джеймсом) мнение, что на арабо-мусульманском Востоке сложились две великие традиции переплетного искусства — египетская и иранская, которые благополучно переместились в Османскую Турцию и нашли там продолжение[36].

---

[32] Отмечен случай, когда один неумеренный коллекционер XII в. заранее отрывал переплеты у рукописей, чтобы купить их подешевле (Eche, 1967, с. 250).

[33] Ибн ан-Надим, с. 10.

[34] Например, в связи с тем, что они работали на правителей, заботившихся о своих библиотеках (см. гл. 8).

[35] Казиев, 1977, с. 27.

[36] BSOAS, vol. 45, 1982, 2. с. 360—361 — рецензия Г. Фехервари на две работы Д. Джеймса 1980 и 1981 гг., которые пока недоступны в Ленинграде.

12 Зак. 36

Магриб не был принят во внимание, вероятно, потому, что косвенная датировка происходящих оттуда переплетов остается спорной. Старейший переплет, датированный 292/905 г., хранится в коллекции Честера Битти в Дублине и был показан на выставке 1980 г. в Лондоне; он сделан из коричневой кожи и имеет украшения, тисненные тупым инструментом[37]. Знаменитый деревянный переплет, приблизительно датируемый IX или X в., находится в Берлине, он был опубликован и исследован Ф. Зарре[38]; этот роскошный переплет Корана большого формата (49,3×67 см) изготовлен из ливанского кедра, инкрустирован слоновой костью и кусочками разноцветного дерева. Вообще же деревянные крышки переплета для арабских рукописей малохарактерны, обычно они имели либо мягкий кожаный переплет, либо жесткий кожаный переплет на картонной основе из прессованного папируса или бумаги. Такой переплет, в который одет старейший экземпляр Корана на бумаге, датирован 361/972 г. и хранится также у Честера Битти. В значительном количестве сохранились переплеты из Египта мамлюкской эпохи (XIII—XIV вв.), и по ним в основном изучают художественные особенности арабских переплетов.

Отличительная черта мусульманского переплета — продолжение левой крышки в виде клапана, состоящего из двух частей: прямоугольной, соответствующей по длине и ширине обрезу книги, и пятисторонней, которая входит под правую переднюю крышку. Клапан защищает наружные края листов и способствует лучшей сохранности книги в закрытом состоянии. По материалу и декоративному убранству клапан почти полностью совпадает с крышкой переплета; клапаны в большем количестве и лучшем состоянии, чем остальные части переплета, сохранились до наших дней и сослужили хорошую службу при исследовании переплетов. Попадаются, правда, и рукописи с поврежденным или утраченным клапаном.

Помимо переплета некоторые рукописи снабжаются картонным футляром (*сандук*), иногда обтягиваемым кожей, целиком или по краям. Есть рассказ о совсем необычном переплете и специальной передвижной подставке, которые были изготовлены для крупноформатного парадного Корана из Кордовы X в., следы которого потерялись в Тлемсене XIII в.[39]. Арабо-христианские рукописи, особенно пергаменные, зачастую имеют переплет с застежками, костяными или деревян-

---

[37] Там же.

[38] Sarre, 1923.

[39] Маккари, I, с. 398 и сл.; Dessus Lamare, 1938.

ными, и соответствующими кожаными петлями для них; и в этом отношении они ближе стоят к византийской традиции.

В упоминавшемся сочинении XI в. из Северной Африки (см. с. 164) и двух более поздних трактатах сохранилось описание инструментария и приемов работы переплетчика (наряду с описанием некоторых технологических процессов дубления и окрашивания кожи, производства клея, чернил и писчих материалов)[40]. Подчеркивается, что инструменты должны были изготовляться из добротных материалов, быть подходящих форм и размеров, удобными в работе и т. п.

Внешний вид переплета зависел прежде всего от качества кожи и ее окраски. В цветовой гамме кожаных переплетов преобладают коричневые и красные тона разных оттенков, реже встречаются светлые, желтые, зеленые, черные. Переплеты с гладкой поверхностью, без всяких украшений, даже у непритязательных обиходных рукописных книг весьма редки. Обычно же переплет арабской рукописи был ремесленным изделием высокого качества и художественного достоинства[41].

Почти у каждого переплета обе крышки и клапан обрамляются по краям — просто линиями и полосками, штемпельным тиснением, иногда дважды и трижды. Огражденное рамкой поле может быть орнаментировано: по всей поверхности; только посредине и по углам; так, что на фоне орнаментированной поверхности проступает центральный орнамент. Во всех случаях большое значение имели деление обрамленного поля на геометрические фигуры (звезды, ромбы, круги, миндалины, всевозможные многоугольники), их выбор, сочетания и связи, умение их выделить на фоне, подчеркнуть их детали, добиться симметрии в расположении фигур и образуемых ими участков поля, наконец, заполнение этих участков (штемпельным тиснением, золотыми и слепыми точками, золотыми кружочками).

Поверхность клапана по своей орнаментовке выглядит как половина крышки или же ее суженный вариант. Несколько фигур встречается только на клапанах: два эксцентрических круга; часть большого ромба с глубокими зубчатыми изгибами и уступами вдоль сторон; звезда из двух треугольников; квадрат, образуемый заштрихованным плетеным узором.

Ту часть переплета, которая соединяет левую крышку с клапаном и закрывает обрез книги, также редко оставляли без украшения. Иногда эту часть обрамляли линиями и снаб-

---

[40] Levey, 1962; 'Умдат ал-куттаб.
[41] Weisweiler, 1962; Халидов, 1982а, с. 302—305.

жали небольшим орнаментом в центре. В других случаях ее делили на участки поперечными полосками или же орнаментировали сплошь по вертикали. Внутреннюю сторону крышки обычно заклеивали бумагой, иногда также обтягивали кожей, на которую наносили тисненый узор. Совсем редко ее орнаментировали, и, конечно же, скромнее, чем снаружи.

Значение переплетного дела в жизни и культуре средневекового арабского общества определяется той ролью, которую в ней играла рукописная книга, ибо переплетов было ненамного меньше, чем рукописей. К тому же переплет — важнейший показатель художественных вкусов, мастерства и таланта арабских ремесленников и художников; соответственно переплеты представляют благодарный объект для исследования.

В переплетном искусстве, как и во всей технике и материальных элементах производства рукописной книги, явно и отчетливо прослеживается, что арабы восприняли достижения древних цивилизаций и соседних народов, соединили разные традиции, приумножили их и поддерживали на высоком уровне в течение длительного периода [42].

---

[42] Техническая зависимость европейского книжного переплета от восточного (в частности, от арабо-мусульманского) признается неоспоримой (Sarre, 1923, с. 9), что и послужило важным стимулом для изучения истории переплетного дела на Арабском Востоке в ряде монографий западных ученых (библиографию см.: Gratzl, Creswell, Ettinghausen, 1956; дополнения: Endress, 1982, с. 277—278, 308—310). К сожалению, переплеты арабских рукописей в ленинградских и других собраниях нашей страны еще не изучались искусствоведами; лишь в одной монографии, где нашли освещение локальные материалы из Азербайджана, некоторое внимание уделено и переплетам (см.: Казиев, 1977).

Глава 8

СОБРАНИЯ РУКОПИСЕЙ И БИБЛИОТЕКИ

Они сожгли бумагу, но не сожгли того, что содержится на бумаге — нет, в сердце моем!

Оно — со мной, куда бы я ни держал путь и где бы ни остановился, и будет похоронено в моей могиле.

Отстаньте от меня, сжигатели пергамена и бумаги! Покажите свои знания, пусть люди увидят, кто из нас знает.

А не можете — вернитесь снова в библиотеки!

Ибн Хазм ал-Андалуси

Появление и рост собраний арабских рукописей непосредственно связаны с развитием самой книжной письменности и увеличением количества экземпляров отдельных сочинений. У грамотных последователей Мухаммада были отдельные листы с записями Корана, только считанные лица обладали полным его экземпляром. Среди представителей второго и следующих поколений мусульман были, очевидно, люди, имевшие уже небольшие собрания свитков, листов, тетрадей и многотетрадных кодексов. Упоминания о таких собраниях в более поздних источниках показывают, что их обладатели — первые литераторы и ученые исламской общины — помещали их во всякие емкости, увязки и упаковки: сумки, узелки, пачки, коробки, ларцы, сундучки, ящики, корзины, глиняные сосуды, котомки и переметные мешки (или сумы) [1]. Поэтому такие частные «библиотеки» могли носить с собой или, путешествуя, возить на верховых животных.

В сообщениях о личных рукописных собраниях ученых позднеумайййадского и раннеаббасидского периодов (20—70-е годы VIII в.) нередко говорится уже о нескольких ящи-

[1] Слова, обозначающие емкости, в которых владельцы раннего периода хранили свои книги, отличались большим разнообразием. Н. Эббот подобрала из источников 27 таких слов: *дастаджа, джавалик, джираб, димама, зибл, идбара* (*дибара*), *'идл, катифа, кавсара, киматр, кис, куффа, мудара, намат, ризма, сафат, сундук, суннара, суфн, табак, табут, таллис, хакиба, харита, хубб, хузма, хурдж* (Abbott, 1967, с. 43).

ках, сундуках или верблюжьих вьюках с рукописями, а в одном случае — даже о целой комнате, полной почти до потолка (у филолога из Басры Абу 'Амра б. ал-'Ала', жившего в 687—771 гг.)[2].

Большими возможностями для сбора книг обладала арабская знать — руководители общины и государства. Однако сведения о библиотеках халифов из династии Умаййадов очень смутны. Упоминания в источниках о «Доме мудрости» Му'авийи (661—680), помещавшемся якобы в его «Зеленом дворце» (ал-Хадра'), носят, по-видимому, легендарный характер, хотя какое-то собрание рукописей у него могло уже быть. Неизвестно, что представляла собой «библиотека» его внука Халида б. Йазида[3]. Есть известия о библиотеке при ал-Валиде I (705—715)[4] и более поздних халифах. После падения династии Умаййадов (750 г.) следы их придворной библиотеки теряются, до нас не дошли даже копии текстов с прямыми ссылками на протографы из нее.

К столь же ранней эпохе относится образование книжных собраний при мечетях; судя по всему, эти собрания состояли вначале только из списков Корана. Еще в середине VII в. самые первые копии сводной редакции Корана, разосланные при халифе 'Усмане (уб. в 656 г.) в главные города, были помещены в соборных мечетях Мекки, Куфы, Басры и Дамаска. Но авторитетные толкователи закона поднимали вопрос о том, дозволительно ли вообще хранить рукописи в мечетях, и ответ был дан положительный именно со ссылкой на распоряжение 'Усмана как на прецедент.

Важнейший этап в истории сложения арабских библиотек связан с Багдадом, прежде всего с библиотекой аббасидских халифов, просуществовавшей свыше двух столетий. Книжное собрание при дворе Аббасидов начало складываться при втором халифе, ал-Мансуре (754—775), и, постепенно пополняясь, перешло по наследству к ал-Ма'муну (813—833), при котором оно стало базой «Дома мудрости». Цифровые данные о количестве находившихся в той библиотеке рукописей неизвестны.

После перемещения резиденции халифа в Самарру при ал-Му'тасиме (833—842) в Багдаде от «Дома мудрости» ос-

---

[2] Йакут, Иршад, 4, с. 217; Ибн Халликан, 1, с. 386; Аввад К., 1948, с. 191.

[3] Йусуф ал-'Ушш считает сведения о «Доме мудрости» Му'авийи и «библиотеке» Халида заслуживающими доверия: Eche, 1967, с. 11—13.

[4] Во всяком случае, при нем было лицо, которое ведало списками Корана (*сахиб ал-масахиф*) или рукописями вообще,— Са'д. См.: Ибн ан-Надим, с. 6; Сам'ани, Ансаб, л. 531б; Eche, 1967, с. 18.

талась лишь библиотека, которую с этого времени предпочитают называть «Сокровищницей (или библиотекой) ал-Ма'муна» (*хизанат ал-Ма'мун*). Сохранились известия о том, что в IX и X вв. ею или отдельными списками из нее пользовались несколько ученых, в том числе Ибн ан-Надим[5]. После X в. источники перестают ее упоминать. Некоторое количество книг из нее довелось увидеть Ибн Аби Усайби'е, который писал в Халебе и окончил в 1245 г. свой труд по истории медицины с биографиями врачей[6].

Организованная при прямой поддержке властей и финансируемая за счет государственной казны, библиотека аббасидских халифов дала могучий стимул к возникновению других арабских библиотек и развитию книжного дела, стала прообразом всех последующих дворцовых и публичных библиотек, создаваемых мусульманскими правителями, феодалами, учеными.

В IX в. были основаны в Багдаде и других городах еще несколько библиотек, носивших название «дом мудрости». Поэтому автор специального труда по истории средневековых арабских библиотек Йусуф ал-'Ушш выделяет целую эпоху «домов мудрости». Тогда у многих филологов, историков, законоведов-теологов, философов, астрономов и врачей образуются значительные рукописные собрания. Надо заметить, что практически каждый, кто проявил себя в арабской литературе и науке разных периодов как автор (переводчик, комментатор), безусловно обладал хотя бы минимальным собранием рукописей; это априорное, но необходимое допущение нередко подтверждается косвенными свидетельствами источников; есть и достаточное количество прямых упоминаний, полный свод которых позволит написать историю десятков тысяч личных рукописно-книжных собраний. Мы находим много сообщений о ранних хадисоведах VIII—IX вв., которые привозили из путешествий «в поисках знания» целый верблюжий вьюк или несколько вьюков (тюков, мешков и т. п.) записей (или книг). Владельцами книг были, конечно, не только авторы. Это было столь обычным, что с некоторым недоумением отмечалось обнаружение малого количества книг (всего один киматр) в доме такого образованного поэта, как Абу Нувас, после его смерти (между 813 и 815 гг.)[7].

В VIII и особенно в IX в. книги стали широко расходиться из центральных областей Халифата (Ирак, Сирия, Аравия, Египет) в более отдаленные провинции, следствием

---

[5] Ибн ан-Надим, с. 19.
[6] Ибн Аби Усайби'а, I, с. 187.
[7] Ибн Халликан, I, с. 135.

чего явилось возникновение собраний арабских рукописей в городах Ирана, Средней Азии, Закавказья, Северной Африки и Испании.

К концу IX в. «дома мудрости» угасают, и далее простирается тысячелетняя эпоха вакфных библиотек. Причина рождения нового типа библиотеки лежит в постепенном утверждении особой формы феодальной собственности — вакфной. В вакф полагалось обращать недвижимость, но эта форма собственности после некоторых колебаний была распространена на некоторые виды движимого имущества, в том числе на книги. Изменился статус библиотеки, если раньше она была частной собственностью государя или феодала, то теперь приобрела вид неотчуждаемой собственности, переданной на «вечное» пользование исламской общине.

В то же время сохраняются и увеличиваются рукописно-книжные собрания в частном владении. Особенно возрастает число библиотек, принадлежавших лично правителю (халифу, султану, эмиру); их можно назвать дворцовыми (по месту хранения) или династийными, поскольку они переходили по наследству. В столицах почти всех государств, образовавшихся путем отделения от Халифата, мы обнаруживаем более или менее крупные библиотеки. С усилением феодальной раздробленности это стало обычным даже для небольших арабских удельных владений с недолговечными династиями, как и для мусульманских государств с неарабским населением. Всякий султан или эмир, притязавший на политическое значение в качестве просвещенного государя, заводил библиотеку в своем дворце или хотя бы приумножал библиотеку своего предшественника. Нередко это отражало личные наклонности того или иного правителя, но почти всегда служило идейно-политическим актом, направленным на поднятие своего престижа. Сходные побуждения руководили действиями крупных сановников и богачей, собиравших библиотеки.

Между библиотеками вакфной, частной и дворцовой не было непереходимой границы. Вакф учреждался правителем и частными лицами, книги из их собраний составляли фонд вакфной библиотеки, которая и после пополнялась новыми пожертвованиями. В свою очередь, вакфные библиотеки не оставались навечно неотчуждаемой собственностью, как это декларировалось. Завоеватель рассматривал и вакфную собственность как военный трофей; воля лица, завещавшего книги в вакф, зачастую нарушалась уже представителями следующего поколения; отмечены случаи, когда сам учредитель вакфа при жизни отменял свое распоряжение и распро-

давал вакфные книги. Вот почему вакфные собрания снова попадали в частные руки, перекочевывали из одного города в другой, пускались в продажу и перепродажу, помещались во дворец победителя как его личная библиотека или обращались в новый вакф, но уже от лица другого учредителя. И все-таки вакфные библиотеки были самыми крупными и богатыми, менее подвержены превратностям судьбы, лучше ограждались от конфискации и разграбления, чем частные и дворцовые.

При общей стабильности социально-экономических отношений, при малой изменчивости форм культурной жизни, видов и жанров литературной продукции, постоянном сохранении рукописной традиции книги и библиотеки часто меняют местонахождение и владельцев, отражая изменение политических условий, взлет и падение служебных карьер, победы и поражения в феодальных междоусобицах, приход новых завоевателей.

В X—XI вв. было учреждено несколько библиотек, названных «домом знания» *(дар ал-ʿилм)*; Йусуф ал-ʿУшш выделил их в особый тип, отличавшийся от более поздних вакфных библиотек[8]. «Дом знания» существовал как самостоятельное учреждение и помещался в отдельном здании; в нем работали ученые и велось преподавание. Примечательно то обстоятельство, что постоянные читатели, особенно приезжие и небогатые, не только имели к своим услугам книги, но и обеспечивались письменными принадлежностями и бумагой, даже находили ночлег и материальную поддержку.

Со второй половины XI в. «дома знания» исчезают (если только не доживают свой век старые), уступая место библиотекам, состоящим при вакфных учреждениях — мечетях, медресе, больницах, мавзолеях. Остаются, конечно, частные и дворцовые библиотеки; наряду с крупными существует множество мелких. В целом не будет, очевидно, ошибкой или преувеличением сказать, что вся территория, на которой были распространены арабский язык и ислам, с XI в. и далее была покрыта сетью больших и малых вакфных библиотек; в них находились если не исключительно, то по большей части книги на арабском языке.

Выше (гл. 4) уже был затронут вопрос о характере мусульманского образования, тесно связанного с книгой: помимо овладения грамотой оно состояло в совместном с учителем чтении, разборе, толковании, заучивании наизусть сочинений. Обучение могло происходить где угодно: внутри лю-

---

[8] Eche, 1967, с. 67—161.

бого помещения, во дворе, у порога дома, на площади, на рынке. Но излюбленным местом обучения всегда была мечеть. Действительно, если учесть архитектуру мечети (четырехугольные здания с обращенными во внутреннюю сторону галереями и заборы ограждали прямоугольный двор) и особенности климата на Арабском Востоке и большей части мусульманского мира (почти круглый год можно вести занятия на открытом воздухе), справедливо будет признать, что мечеть была тем общественным зданием, которое могло использоваться для всяких сходов, собраний в часы, свободные от молитвы. Поэтому мечеть и стала почти повсеместно начальной школой; крупные мечети при наличии достаточного количества преподавателей и книг становились местом, где проводилось обучение на более высокой ступени.

Нередко учащиеся таких медресе селились в ближайшей гостинице — *хане*. Комплекс из мечети и хана, объявленных принадлежащими исламской общине на условиях вакфа, предшествовал появлению вакфной, то есть содержащейся за счет пожертвований, высшей школы — медресе (*мадраса*), учащиеся которого обеспечивались жильем и довольствием в самом здании школы[9]. «Дома знания», ранний тип вакфных библиотек в отдельных зданиях, в которых постоянно работавшие ученые устраивали свои *халака* (*халка*) и *маджлисы*, то есть вели преподавание принятым на арабо-мусульманском Востоке способом, также были учреждениями, предшествовавшими рождению медресе.

Первые в мусульманском мире медресе возникли в городах Мавераннахра и Хорасана. В. В. Бартольд в ряде своих работ указывал, что образцом для среднеазиатских медресе послужила буддийская вихара[10]. Самое раннее известие относится к «медресе Фарджека» в Бухаре, здание которого сгорело во время пожара 937 г. Всего же Наджи Ма'руфу удалось собрать из источников сведения о 33 медресе, учрежденных главным образом в Нишапуре, а также в Бухаре, Газне и Бушендже до первого багдадского медресе[11].

Вероятно, когда созрела идея устройства вакфных медресе, прежние учреждения разного типа послужили готовой базой. Но именно багдадское медресе, созданное Низам ал-Мулком, могущественным вазиром при Сельджукидах, и названное по его имени ан-Низамийа, стало тем образцом, на

---

[9] Makdisi, 1981, с. 27—32, 171—187.

[10] Бартольд (1916), II, ч. 2, с. 431—432; он же (1918а), VI, с. 112; он же (1930), VI, с. 621.

[11] Наджи Ма'руф, 1973, с. 67—68.

который равнялись арабские медресе конца XI и более поздних веков.

Ан-Низамийа была построена в 1064—1066 гг., специальное здание при ней было отведено для «дома книг» (*дар ал-кутуб*), то есть для библиотеки. Медресе с библиотеками Низам ал-Мулк основал в ряде крупных городов Сельджукской империи в 70—90-х годах XI в. (Балх, Нишапур, Герат, Исфахан, Басра, Мерв, Амуль, Мосул, Джазират Ибн ʻУмар); медресе такого типа распространились со временем по всему арабо-мусульманскому Востоку.

Появление библиотек при суфийских обителях и мавзолеях также чаще всего обязано тому обстоятельству, что в них велось обучение молодых или взрослых учеников, что они составляли единый комплекс с медресе или же с медресе и мечетью одновременно. Библиотека просто как хранилище книг, которое посещали читатели, вообще было редким, почти исключительным явлением.

Книги христианских общин Ближнего Востока, перешедших на арабский язык, скапливались и хранились главным образом в монастырях, укрепленные стены которых служили им подчас хорошей защитой. Для монастырей характерно постоянство местонахождения в сочетании с преемственностью книжной традиции. Поэтому, несмотря на то что монастыри также подвергались стихийным бедствиям, военным захватам и разорениям, арабо-христианские рукописи представлены очень ранними сохранившимися образцами. Собрания арабо-христианских рукописей находились также в церквах, административных зданиях патриаршеств и в частном владении у представителей духовенства.

Местом сосредоточения арабо-еврейских и арабо-самаритянских рукописей служили генизы при синагогах и частные собрания еврейских и самаритянских ученых, преимущественно из священнослужителей.

Переходя к обзору конкретных библиотек и частных собраний, надо заметить, что логично было бы следовать при этом историко-хронологическому принципу, однако пришлось бы очень разбрасываться: слишком обширен ареал распространения арабской рукописной книги и слишком велик подлежащий рассмотрению исторический период. Будем придерживаться поэтому современной политической карты, стараясь не упускать при этом из виду исторической канвы сложения, перемещений и исчезновения частных собраний и библиотек разного типа в локальных пределах. Разумеется, здесь мы можем коснуться лишь ограниченного числа известных и характерных коллекций, поскольку материал, до-

ставляемый источниками, необозрим, хотя далеко не весь выявлен и раскрыт.

Начнем с Ирака и его столицы Багдада, который задавал тон в решающий период развития арабской культуры. Далее рассмотрим данные по крупным регионам, охватывающим в большинстве случаев несколько современных государств, в такой последовательности: сиро-палестинский регион (средневековые аш-Шам и Филастин, иногда просто аш-Шам), включающий современные Сирию, Ливан, Палестину вместе с Израилем, Иорданию; страны Аравийского полуострова; Египет; Северная Африка; страны Африки южнее Сахары; Испания, Португалия и Италия; Турция и Балканские страны; Иран и Афганистан; СССР; Индия, Пакистан и Бангладеш; Индонезия, Китай и страны бассейна Индийского океана. О равномерном освещении всех эпох и регионов не может быть и речи. По каждой стране (по каждому региону) основное внимание будет уделено средневековью, но несколько заключительных предложений или абзацев посвятим современным хранилищам арабских рукописей. Особенно слабо изучен период позднего средневековья, когда вместе с разрушением традиционного уклада жизни на арабо-мусульманском Востоке произошли новые резкие перемещения рукописных собраний. Поэтому изложение данных по ряду стран будет перескакивать от средних веков к современности. По некоторым странам и регионам сведениями мы не располагаем или же наличные материалы, крайне скудные и недифференцированные, относятся к библиотекам, сложившимся в недавнее время и содержащим книги арабской графики не только на арабском языке и не только рукописные.

Ирак

Вскоре после основания Багдада (762 г.) в новой столице появились частные собрания, так как в нее стали переселяться деятели арабской литературы и науки из Медины, Дамаска, Басры, Куфы и других городов, привозя с собой имевшиеся у них книги. В качестве собирателей книг можно было бы назвать многих багдадцев конца VIII — начала IX в., особенно тех, кто был связан с переводами на арабский (Хунайн б. Исхак, сыновья Мусы б. Шакира и др.), со становлением науки и философии (ал-Кинди и др.), хадисоведения, историографии, фикха, художественной литературы, филологии. Сообщают, например, что после смерти ал-Вакиди

(823 г.) осталось 600 ящиков (*киматр*) записей и книг[12], причем каждый ящик переносили два человека; они перешли к четырем лицам, в том числе к его ученику Мухаммаду б. Са'ду, у которого было значительное книжное собрание[13]. Про Абу 'Убайду (ум. ок. 826 г.) говорили, что «диван арабов находится у него дома»[14],— вероятно, у него было много книг. У Йахйи б. Ма'ина (ум. в 848 г.) было 114 ларцов и 4 больших глиняных сосуда с рукописями (видимо, еще папирусными свитками), у его современника Бишра б. ал-Хариса — 18 ларцов и корзин[15]. Для перевозки книг Ахмада б. Ханбала (ум. в 855 г.) понадобилось двенадцать с половиной верблюжьих вьюков[16].

Кроме халифской библиотеки, о которой речь шла выше, «дом мудрости» в Багдаде середины IX в. принадлежал Абу-л-Хасану 'Али б. Йахйе (ум. в 888 г.), придворному ал-Мутаваккила (847—861), известному как адиб, поэт и певец. В своем пригородном дворце этот широко образованный сановник (его отец, перс-зороастриец, был астрономом джундишапурской школы, принял ислам и активно действовал при ал-Ма'муне) устроил библиотеку, в которой ученые могли поселяться и вести занятия, получая необходимое содержание и располагая книгами. В частности, по пути из Хорасана в Мекку собиратель хадисов Абу Ма'шар ал-Балхи остановился в Багдаде, узнал про эту библиотеку и остался в ней изучать науку о звездах до конца своих дней, забыв думать про хаджж и ислам[17]; впоследствии он приобрел известность как астроном и астролог. Известно, что 'Али б. Йахйа пополнил свою библиотеку книгами хадисоведа и историка 'Умара б. Шаббы (ум. в 876 г.), купив их у его сына Абу Тахира[18].

Тот же 'Али б. Йахйа оказался устроителем второго «дома мудрости» — на этот раз по пожеланию и на средства ал-Фатха б. Хакана (ум. в 861 г.), знаменитого вазира. 'Али б. Йахйа передал часть своих книг, которые ал-Фатх б. Хакан приумножил заказанными им копиями, и в его багдадском доме образовалась библиотека, «богаче и лучше которой не видели». Частыми гостями этого дома были славившиеся красноречием бедуины, грамматики из Басры и Куфы. Одаренный потомок тюркских царей ал-Фатх б. Хакан по-

---

[12] Ибн ан-Надим, с. 98.
[13] Ибн Халликан, 1, с. 507.
[14] Ибн ан-Надим, с. 53.
[15] Ибн Халликан, 2, с. 215; Abbott, 1967, с. 47, 51.
[16] Там же.
[17] Йакут, Иршад, 5, с. 467; Мец, 1973, с. 150; Крачковский, IV, с. 73; Eche, 1967, с. 58.
[18] Ибн ан-Надим, с. 112.

кровительствовал писателям и считался, согласно цитированному у Ибн ан-Надима источнику, одним из трех самых больших книголюбов того времени [19].

Ко второй половине IX в. относится ряд известий о книжных собраниях Ирака. Образованный кади Абу Хассан ал-Хасан б. ʻУсман аз-Зийади (ум. в 858 г.) сам писал книги, и по его заказу делали книги, и была у него большая библиотека [20]. Упоминается книжное собрание у вазира Мухаммада б. ʻАбдалмалика Ибн аз-Зайята (ум. в 847 г.) [21]. Книголюбом, обладавшим крупным собранием, был Абу Хатим ас-Сиджистани (ум. в 864 г.) [22]. Абу-л-ʻАббас Джаʻфар б. Ахмад ал-Марвази, «автор сочинений по всем наукам», который первым написал книгу «о путях и государствах» (правда, не окончил), умер в ал-Ахвазе, его «очень ценные» рукописи были доставлены в Багдад и проданы в Так ал-Харрани в 274/887-88 г. [23]. Отметим также упоминание библиотеки халифа ал-Муʻтадида (892—902) [24].

Далее с «собирателем книг» ал-Хасаном б. Мусой ан-Навбахти (ум. после 912 г.), который собственноручно переписывал книги и был автором около 40 сочинений, мы переходим в X в.; по-видимому, он унаследовал книги всего рода ан-Навбахти, члены которого активно действовали в течение предыдущего столетия [25].

Характерные примеры библиотек, носивших название «дом знания», дают также иракские города X—XI вв. Первой по времени была библиотека в Мосуле, которую основал Абу-л-Касим Джаʻфар б. Мухаммад б. Хамдан ал-Мавсили аш-Шаххам (854—934), вероятно, еще в конце IX в., так как позднее он жил в Багдаде. В этом «доме знания», всегда и для всех открытом, нуждающимся гостям давали еду и бумагу, если они изучали адаб; хозяин постоянно был окружен желающими его послушать, читал им стихи и свои сочине-

---

[19] Писатель ал-Джахиз, «какая бы книга ни попадала ему в руки, прочитывал ее до конца и даже снимал на ночь лавки книготорговцев, чтобы просматривать [книги]», ал-Фатх б. Хакан «являлся в присутствие ал-Мутаваккила и, как только тот отвлекался каким-нибудь делом, доставал книгу из своего рукава или туфли и читал, пока ал-Мутаваккил не обращался к нему», а судья Исмаʻил б. Исхак, когда бы к нему ни пришли, «смотрел в книгу, листал книги или рылся в них» (см.: Ибн ан-Надим, с. 116, 143; Мец, 1973, с. 149; Eche, 1967, с. 59—60).

[20] Ибн ан-Надим, с. 110.

[21] Ибн Халликан, 1, с. 385.

[22] Сирафи, с. 94; Ибн ан-Надим, с. 58.

[23] Ибн ан-Надим, с. 150.

[24] Там же, с. 61.

[25] Там же, с. 177; Прозоров, 1973, с. 63—66.

ния[26]. Собирателем книг, который щедро делился с учащимися своими знаниями и разрешал им пользоваться своей библиотекой, был другой мосулец, знаток математики ʻАли б. Ахмад ал-ʻИмрани (ум. в 955 г.)[27].

Обладателем одного из крупнейших в Куфе собраний книг прослыл Абу-л-ʻАббас Ахмад б. Мухаммад б. Саʻид ал-Хамдани по прозвищу Ибн ʻУкда (863—944), унаследовавший от отца любовь к собиранию книг[28].

В Басре X в. действовала библиотека, основанная катибом Абу ʻАли Ибн Сиваром; ее посетил географ ал-Мукаддаси, от ее владельца получал информацию Ибн ан-Надим; по сообщению первого, в ней выдавались пособия всем тем, кто усердно занимался чтением и переводом сочинений, и там постоянно находился один шейх для преподавания калама согласно учению муʻтазилитов[29]. Многие авторы (Ибн ал-Джавзи, Ибн ал-Асир)считают ее первой вакфной библиотекой в исламе. Современные исследователи идентифицируют ее с одной из двух библиотек, сгоревших во время бедуинского набега на город в 483/1090 г.[30].

В Багдаде хаджиб Мухаммад б. Наср (ум. в 924 г.) оставил после себя книг на сумму более 2 тыс. динаров[31]. Собирателем рукописей был и Ибрахим б. Мухаммад б. Саʻдан б. ал-Мубарак[32]. У Абу Бакра Мухаммада б. Йахйи ас-Сули (ум. в 946 г.) была комната, полная книг, которые он рассортировал и снабдил переплетами разного цвета[33]. К числу крупных собирателей книг принадлежит Абу-л-Хасан ʻАли б. Мухаммад б. аз-Зубайр ал-Асади Ибн ал-Куфи (868—960), правдивый передатчик и ученый; его библиотека включала ценнейшие рукописи, которые он расставил тематически, его автографы считались гарантией надежности и использовались известными авторами X—XIII вв.[34]. В 967 г. у сына Муʻиззаддавли, пытавшегося поднять мятеж, конфисковали в Басре 15 тыс. переплетенных книг, не считая

---

[26] Ибн ан-Надим, с. 149; Йакут, Иршад, 2, с. 419—429; Eche, 1967, с. 98—99.

[27] Ибн ал-Кифти, с. 233; Eche, 1967, с. 137—138.

[28] Прозоров, 1980, № 68; по явно преувеличенным сообщениям шиитских историографов, для перевозки его книг потребовалось 600 верблюжьих вьюков.

[29] Мукаддаси (писал в 985 г.), с. 413; Ибн ан-Надим (987 г.), с. 139; Eche, 1967, с. 100—102.

[30] Ибн ал-Асир, X, с. 122; Eche, 1967, с. 101.

[31] Ариб, с. 121, со ссылкой на ас-Сули; Мец, 1973, с. 150.

[32] Ибн ан-Надим, с. 79; ссылки на его автографы: с. 88, 94.

[33] Там же, с. 150; Ибн Халликан, 1, с. 510.

[34] Ибн ан-Надим, с. 79; Хатиб, Та'рих Багдад, 12, с. 81; Йакут, Иршад, 5, с. 326—328; Махфуз, 1961.

разрозненных листов и книжек без переплета[35]. Одним из образованных адибов и собирателей ценных книг был Абу Са'ид Вахб б. Ибрахим б. Тазад, с которым встречался Ибн ан-Надим[36]. Известный писатель и филолог Абу 'Абдаллах Мухаммад б. 'Имран б. Муса ал-Марзубани (ум. в 994 г.) держал в своем доме 50 постелей для тех гостей, которые интересовались наукой и оставались у него ночевать; а к нему многие приходили, чтобы изучать книги способом *сама'* и *кира'а*[37].

В Багдаде был знаменит «дом знания» Сабура б. Ардашира, бывшего катиба, а затем вазира Баха'аддавли. В 993 г. этот богатый сановник купил дом в густонаселенном районе города, оплоте шиитов ал-Кархе, отремонтировал его и велел доставить туда лучшие книги, скопированные прославленными каллиграфами и учеными. Их насчитывалось, говорят, 10 400 томов, и был составлен их каталог, снабженный предисловием Сабура. Фонд библиотеки рос и благодаря добровольным приношениям авторов. В частности, Джибра'ил б. 'Убайдаллах б. Бухтишу' (ум. в 1005 г.) подарил свой справочник по медицине (*ал-Куннаш*) в пяти томах[38].

После смерти основателя, спустя некоторое время, управление этой библиотекой перешло к аш-Шарифу ал-Муртада (ум. в 1044 г.) — главе шиитов-имамитов и библиофилу. Сохранились также имена ряда ученых-хранителей и других служителей библиотеки, штат которой состоял из совета попечителей (три человека), управляющего, его помощника, служанки и, быть может, нескольких переписчиков. Она была основана как вакфное учреждение, поддерживаемое на доходы с недвижимости и ткацкой мастерской, завещанных основателем. Гостеприимством ее пользовался во время своего пребывания в Багдаде, куда он приезжал учиться в 1008-09 г., Абу-л-'Ала' ал-Ма'арри; он тепло вспоминал о ней впоследствии, переписывался с ее служителями. В этой библиотеке происходили диспуты ученых, а также велось преподавание, вследствие чего некоторые источники называют ее первым медресе. Известны и имена библиотекарей (*хазин*): филолог Абу Ахмад 'Абдассалам б. ал-Хусайн б. Мухаммад ал-Басри (940—1014), Абу Мансур Мухаммад б. 'Али б. Ис-

---

[35] Мискавайх, II, с. 246—247; Ибн ал-Асир, VIII, с. 431; Мец, 1973, с. 150 (цифра искажена — 17 тыс.).

[36] Ибн ан-Надим, с. 131.

[37] Ибн ан-Надим, с. 132—134; Ибн ал-Джавзи, Мунтазам, 7, с. 177; Eche, 1967, с. 138.

[38] Ибн Аби Усайби'а, I, с. 146; Mackensen, 1932, с. 288—293; Eche, 1967, с. 102—117.

хак б. Йусуф (ум. в 1023 или 1027 г.) и Абу Мансур Мухаммад б. Ахмад б. Тахир б. Хамд. Библиотека погибла от пожара 451/1059 г., вспыхнувшего во время очередной схватки багдадских суннитов и шиитов. Есть известие о том, что ал-Кундури, вазир сельджукского султана Тугрила, распорядился разогнать толпу, которая принялась грабить горящий «дом знания», а сам выбрал лучшие книги и отправил на свою родину в Хорасан. Какие-либо книги, сохранившиеся из той библиотеки, неизвестны.

Сообщение о «доме знания» в Багдаде, учрежденном якобы аш-Шарифом ар-Ради (ум. в 1016 г.) в пользу своих учеников, восходит к немногим источникам и содержит хронологическую неувязку, а потому представляется сомнительным[39]. Недолго просуществовал «дом знания» (или «дом книг»), который основал в 1060 г. Абу-л-Хасан Мухаммад б. Хилал ас-Саби по прозвищу Гарс ан-Ни'ма, намереваясь заменить сгоревшую библиотеку Сабура. Количество книг, помещенных в этой библиотеке, оценивается источниками поразному: то ли 400, то ли 1000; современный исследователь полагает, что исходное сообщение должно было гласить «тысяча томов четырехсот произведений (книг)»[40]; библиотекарем ее был Ибн ал-Аксаси ал-'Алави[41]. Однако вскоре Гарс ан-Ни'ма отказался от своего честолюбивого замысла, уволил в 1066 г. библиотекаря, стер знаки вакфа на книгах и распродал их[42].

Отметим известие о частном собрании факиха ал-Байкани (ум. в 1033 г.): для перевозки его книг при переезде понадобились 63 корзины и 2 ящика[43].

Крупнейшей библиотекой Багдада XI в., как говорилось выше, стала библиотека при ан-Низамийе, хотя о числе книг в ней в момент основания в 1066 г. или позднее сведений не сохранилось. Оно должно было возрасти до очень значительного, так как в вакф ей передавали книги сам Низам ал-Мулк, ряд халифов, султанов, крупных чиновников и землевладельцев, а также ученых, например факих Абу Джа'фар Мухаммад б. 'Али ал-Азди ат-Табари (ум. в 1124 г.).

---

[39] Eche, 1967, с. 124—126; ср.: Мец, 1973, с. 152.

[40] Аввад М., 1964, с. 24.

[41] По-видимому, Абу Мухаммад Йахйа, см.: Аввад К., 1948, с. 239; Грязневич, 1967, с. 17 и примеч. 56.

[42] В свое оправдание он говорил, что после основания ан-Низамийи его библиотека стала ненужной и что вырученные деньги он раздал как милостыню. Согласно другому известию, распродажу книг начал еще недобросовестный библиотекарь (см.: Аввад М., 1964, с. 24—25; Eche, 1967, с. 138—141).

[43] Мец, 1973, с. 150—151.

13 Зак. 36

Хранителями ан-Низамийи в Багдаде служили за долгий период ее существования многие известные ученые: Абу Йусуф Йа'куб б. Сулайман б. Да'уд ал-Исфара'ини (ум. в 1095 г.), Абу Закарийа' Йахйа б. 'Али б. Мухаммад аш-Шайбани ал-Хатиб ат-Тибризи (ум. в 1109 г.), Абу-л-Музаффар Мухаммад б. Ахмад ал-Абиварди (ум. в 1162 г.), Акрамаддин Абу Сухайл. В 510/1116-17 г. здание ан-Низамийи пострадало от пожара, но книги были спасены ее учащимися. В 589/1193 г. для библиотеки было выстроено новое здание халифом ан-Насиром (1180—1225), и ее стали называть ан-Насирийа; ее фонды продолжали пополняться за счет новых пожертвований, сюда передали свои книжные собрания историк Ибн ан-Наджжар (ум. в 1245 г.), автор биографического труда, хадисовед и поэт Ибн ас-Са'и (ум. в 1275 г.), а хранителями служили ряд других ученых[44]. Библиотека пережила разгром Багдада во время взятия его Хулагу-ханом в 1258 г., хотя, наверное, потерпела ущерб. Неизвестно также, когда произошло окончательное разорение библиотеки, но в современных рукописных собраниях попадаются отдельные тома, выполненные в медресе ан-Низамийе Багдадской и, видимо, находившиеся в ее библиотеке[45].

Одновременно и в противовес шафиитской ан-Низамийе было основано в 1066 г. ханафитское медресе возле воздвигнутого тогда же мавзолея Абу Ханифы. Врач Йахйа б. 'Иса б. Джазла незадолго до своей смерти (ум. в 1099 г.) отдал сюда в вакф свое книжное собрание. Среди книг, переданных в вакф этому же мавзолею, фигурировал *Тафсир* 'Абдассалама б. Мухаммада б. Йусуфа ал-Казвини (ум. в 1095 г.), главы му'тазилитов того времени, в 300 или 700 томах, а его собрание, говорят, превышало 40 тыс. томов; он только из Египта (скупив в основном в страшно голодный год) привез в Багдад книг на десяти верблюдах, в том числе *Тафсир* ат-Табари в 40 томах и тафсиры ряда му'тазилитских авторов; он подарил Низам ал-Мулку четыре редчайших письменных произведения, одно из которых, десятитомный экземпляр *Гариб ал-хадис* Ибрахима ал-Харби почерком Абу 'Амра б. Хаййавайхи, вазир отдал в вакф багдадской библиотеке (вероятно, при медресе ан-Низамийа)[46]. В этот комплекс (мавзолей — медресе — библиотека) поступили и книги аз-

---

[44] Mackensen, 1932, с. 293—297; Eche, 1967, с. 166—172.

[45] Например, в собрании ЛО ИВАН СССР рукопись *ал-Алфаз ал-китабийа* 'Абдаррахмана б. 'Исы ал-Хамадани, шифр — А 199, дата — 479/1086-87 г., и последний лист другой рукописи с колофоном, шифр — С 1601, дата — 590/1193-94 г.

 [46] Субки, 3, с. 230; ср.: Мец, 1973, с. 151.

Замахшари[47], а Сибт б. ал-Джавзи (ум. в 1256 г.) обнаружил здесь большинство сочинений ал-Джахиза. Надзор над книгами осуществлял один из преподавателей медресе[48]. Позднее из-за шиитско-суннитского соперничества это учреждение не раз разрушали и восстанавливали.

Ал-Хатиб ал-Багдади (ум. в 1070 г.) оставил в вакф «на пользование мусульманам» все свои сочинения и собрание книг, передав их Абу-л-Фадлу б. Хайруну (ум. в 1095 г.), который выдавал их читателям под залог; они перешли к детям владельца, но сгорели в его доме[49].

Хадисовед, адиб и факих Мухаммад б. Футух ал-Хумайди (ум. в 1095 г.) переписывал много книг и отдал свое собрание в вакф[50].

Абу-л-Фарадж Мухаммад б. 'Убайдаллах б. ал-Хасан ал-Басри, известный как Ибн Аби-л-Бака' (ум. в 1105 г.), верховный кади Басры и широко образованный филолог, построил «дом знания», прекрасно его отделал и передал в него 12 тыс. томов в вакф[51]. По всей видимости, это та библиотека, которую описал ал-Харири (ум. в 1122 г.) в своих *ал-Макамат*[52] и которую изображают на миниатюрах, иллюстрирующих это произведение[53].

Библиотеку в Басре основал также вазир Абу Мансур б. Шахмардан; в ней находились очень ценные книги[54]. Обе эти библиотеки, как и упоминавшаяся выше библиотека Ибн Сивара X в., были сожжены и разорены в 1090 г., когда бедуины овладели городом и свирепо разграбили его богатства.

В XII в. в Багдаде был основан ряд вакфных фондов и библиотек.

Абу-л-Хасан Мунтахаб б. 'Абдаллах ад-Дарими ал-Мустазхири (ум. в 1115 г.) учредил в пользу хадисоведов вакф из некоторого количества рукописей, среди которых был экземпляр *Муснада* Ахмада б. Ханбала[55].

Медресе ал-Джилийа построил ханбалитский факих Абу

[47] Вероятно, он учредил вакф во время посещения Багдада, а основное его собрание должно было остаться в Гургандже, где он умер в 1144 г.

[48] Eche, 1967, с. 192—194.

[49] Там же, с. 195.

[50] Там же.

[51] Там же, с. 128—129.

[52] «Пришел я в ее (Басры) дом книги — место, где собираются образованные и встречаются местные и чужаки» (Харири, Макамат, I, с. 26—27).

[53] Например, в рукописи ЛО ИВАН СССР, С 23, л. 76.

[54] Eche, 1967, с. 143.

[55] Ибн ал-Джавзи, Мунтазам, 9, с. 183; Eche, 1967, с. 196.

Са'д ал-Мубарак б. 'Али ал-Мухаррами в квартале Баб ал-Аздж и передал туда свое богатое собрание книг. Свое название медресе получило по имени известного суфия 'Абдалкадира Гилянского (ум. в 1165 г.), который был учеником основателя, расширил здание медресе и жил в нем. Туда же поступили собрания хадисоведа и адиба Абу-л-Фадла Мухаммада б. Насира ас-Сулами (ум. в 1155 г.) и Абу-л-Хасана 'Али б. 'Асакира ал-Бата'ихи (ум. в 1176 г.), знатока хадисов и грамматики [56].

Время постройки рибата ал-Ма'мунийа и библиотеки при нем неизвестно. Сообщают, что в ней находились два многотомных сочинения ханбалитского факиха и теолога Ибн 'Акила (ум. в 1119 г.), с чьим именем связывают начало так называемого суннитского возрождения. Их купил на средства, вырученные от продажи части своего имущества, и отдал в вакф 'Абдаллах б. Мубарак Ибн ан-Наббал (ум. в 1133 г.), а Сибт б. ал-Джавзи видел около 70 томов одного из сочинений в ал-Ма'мунийе. В это же хранилище была помещена часть собрания филолога и хадисоведа 'Абдаллаха б. Ахмада б. ал-Хашшаба (ум. в 1171 г.), который переписал много сочинений и еще больше приобрел; когда умирал какой-либо ученый, он спешил купить оставшиеся от него книги; рассказывают, что он как-то купил за один день книг на 500 динаров, продав часть своего дома. Книги он завещал в вакф, но бóльшая их часть была распродана, лишь десятая часть пошла в ал-Ма'мунийу [57]. С этой библиотекой связано известие о том, что ее хранитель смыл текст крамольного, с его точки зрения, сочинения Абу-л-'Ала' ал-Ма'арри, так как автор имитировал в нем стиль Корана [58].

В 557/1161 г. в квартале Баб ал-Басра начал строить медресе вазир 'Авнаддин Йахйа б. Хубайра б. Мухаммад; потом он передал туда в вакф часть своего книжного собрания. После его смерти вазир-преемник преследовал его детей и сторонников, а его книги были проданы с аукциона [59].

Врач-христианин ал-Аджалл Муваффак ал-Мулк Аминаддавла Абу-л-Хасан Хибаталлах б. Аби-л-'Ала' Са'ид б. Ибрахим Ибн ат-Тилмиз (ум. в 1165 г.) оставил после себя огромное состояние и собрание книг, «бесподобных по качеству»; все это унаследовал его сын, врач, а когда он был убит, книги перевезли на 12 верблюдах в дом ал-Маджда б. ас-Сахиба [60].

[56] Eche, 1967, с. 180—181.
[57] Там же, с. 186—188.
[58] Йакут, Иршад, 6, с. 235; Eche, 1967, с. 188—189.
[59] Eche, 1967, с. 181—182.
[60] Ибн Аби Усайби'а, 1, с. 264.

Грамматик Абу Мухаммад Са'ид б. ал-Мубарак Ибн ад-Даххан ал-Багдади (1101—1174) всю жизнь собирал книги; однако они пришли в негодность, пропитавшись влагой и вонью соседней дубильни, когда его дом в Багдаде залило при наводнении; в таком состоянии книги были доставлены в Мосул, куда хозяин переселился; он обильно опрыскал их ладаном, который ударил ему в голову и повредил зрение[61].

В рибат аш-Шунизи, что находился в Западном Багдаде, отдал в вакф свое собрание книг суфи Абу Хамид Ахмад б. Мухаммад б. Ахмад ал-Исфахани ал-Балхи (был жив в 1174 г.); в этом рибате он и поселился[62].

Шариф Абу-л-Хасан 'Али б. Ахмад аз-Зайди (ум. в 1180 г.) получил однажды в дар по тысяче динаров от вазира и халифа и купил на них дом на улице Динар ас-Сагир, где построил мечеть. На оставшиеся деньги он купил книг и отдал их в вакф мечети; к этому он добавил много переписанных и приобретенных им книг. В мечеть аз-Зайди поступило от историка Ибн ал-Асира завещанное книжное собрание знаменитого библиофила, путешественника и географа Йакута ал-Хамави (ум. в 1229 г.). Сюда же отдал в вакф свое собрание хадисовед Джа'фар б. ал-Ас'ад б. Аби-л-Касим ал-Хаййат (ум. в 1234 г.), который и сам переписал много сочинений. Хранителем этой библиотеки, как и ряда других в Багдаде того времени, был 'Афифаддин 'Абдал'азиз б. Дулаф ан-Насих (ум. в 1239 г.)[63].

Медресе ал-Фахрийа в квартале (или районе) ал-Ма'мунийа, возле 'Акд ал-Мустана', основал адиб Фахраззаман Абу-л-Фадл Мас'уд б. 'Али Ибн ас-Саваби (ум. в 1182 г.) и поместил в нем книги «по всем отраслям науки»[64].

Много книг «по наукам древних» приобрел 'Абдассалам б. 'Абдалкадир б. Аби Салих б. Джангидуст б. Аби 'Абдаллах ал-Джили ал-Багдади ар-Рукн. Однажды в правление халифа ан-Насира (1180—1225) на площади ар-Рахба в Багдаде устроили публичное сожжение философских книг, в том числе из собрания упомянутого 'Абдассалама, которого посадили в тюрьму, откуда он вышел в 1193 г. и прожил еще долго. Погромную речь произносил ханбалитский факих 'Убайдаллах Ибн ал-Маристанийа (о нем см. ниже). Наблюдавший за происходящим Йусуф ас-Сабти ал-Исра'или

---

[61] Ибн Халликан, 1, с. 204.
[62] Eche, 1967, с. 189.
[63] Йакут, Му'джам ал-булдан, I, с. 209; II, с. 518; Ибн ал-Асир, XI, с. 305; Ибн Халликан, 2, с. 214; Eche, 1967, с. 185—186.
[64] Eche, 1967, с. 182.

свидетельствует, что жгли астрономическое сочинение Ибн ал-Хайсама *Китаб ал-хай'а* вместе с глобусом[65].

Рибат ал-Харим ат-Тахири принадлежит к многочисленным постройкам халифа ан-Насира; его начали возводить в 1194 г. на западном берегу Тигра, потом доставили туда много прекрасных рукописей[66]. Глава этого рибата Фахраддин Абу Са'д ал-Мубарак б. Йахйа б. ал-Мухаррами ал-Багдади (ум. в 1246 г.) собственноручно копировал экземпляры Корана и отдавал их в вакф мавзолеям города[67].

Хранителем библиотеки рибата аз-Завзани был назначен в 1195 г. 'Али б. Ахмад б. Аби-л-Хасан[68].

Ибн ал-Джавзи (ум. в 1201 г.) сообщает, что в Сур ал-Халавийин находилась богатая библиотека в 12 тыс. томов[69].

Сам Ибн ал-Джавзи основал медресе ал-Джавзийа в квартале Дарб Динар и передал туда в вакф наряду с другими книгами рукописи своих трудов[70]; как известно, это был необычайно плодовитый автор, историк и факих.

Упоминавшийся выше ханбалитский факих 'Убайдаллах б. 'Али б. Наср, известный как Ибн ал-Маристанийа (1146—1202), изучал адаб, медицину, логику, философию, переписал своей рукой много книг и приобрел авторитетные списки (*усул*) ряда сочинений. В квартале Дарб аш-Шакирийа он основал вакфную библиотеку, назвал ее запоздало и претенциозно «домом знания». Однако, когда был смещен его покровитель вазир, его обвинили в нечестности на посту распорядителя вакфных фондов больницы ал-'Адуди, схватили и продержали некоторое время вместе с умалишенными (отсюда его прозвище), а его библиотеку вместе с книгами и принадлежавшим ему имуществом распродали. Позднее он снова достиг благополучия и собрал большое количество книг[71].

Рибат ал-Марзубанийа (или ал-Мустаджадд) начали строить в 1202 г.; косвенное известие о библиотеке заключается лишь в том, что библиотекарем в ней был Фахраддин Сулайман б. Ахмад, поселившийся в Багдаде в 1248 г.[72].

Рибат ал-Хатуни, состоявший из медресе и мавзолея, был

---

[65] Ибн ал-Кифти, с. 228—229.

[66] Eche, 1967, с. 189—190. Библиотекой заведовал позднее упомянутый выше 'Афифаддин.

[67] Eche, 1967, с. 195.

[68] Там же, с. 189.

[69] Там же, с. 197.

[70] Там же, с. 182—183.

[71] Там же, с. 129—130.

 [72] Там же, с. 189.

воздвигнут халифом ан-Насиром в честь своей матери Зумурруд Хатун (ум. в 1202 г.); он же поручил Мубашширу б. Ахмаду ар-Рази выбрать книги из его дворцовой библиотеки и поместить в вакф в рибате ал-Хатуни ас-Салджуки. Его подразумевал, очевидно, Йакут, когда писал, что видел в «сельджукском вакфе» 30 томов неполного экземпляра *Китаб ад-дувал фи-т-та'рих* Абу-л-Хасана 'Али б. 'Исы ар-Раб'и [73].

Вазир Абу-л-Музаффар 'Али б. 'Али б. Рузбахар ал-Багдади (ум. в 1204 г.), скопировавший много сочинений своей рукой, отдал свое собрание книг в вакф машхаду Мусы б. Джа'фара с условием не выдавать заимообразно читателям. Ибн ан-Наджжар сообщает, что видел в этом машхаде полный Коран, писанный рукой ал-Малика ал-Му'аззама 'Али б. Ахмада ан-Насира (ум. в 1215 г.). Машхад находился на Корейшитском кладбище и называется теперь ал-Казимийа [74].

Врач Абу-л-Хайр Масихи б. Аби-л-Бака' б. Ибрахим ан-Насрани ан-Нили Ибн ал-'Аттар (ум. в 1212 г.), который, по словам Ибн ал-Кифти (ум. в 1248 г.), «в наше время... возлежит на халифских коврах», собрал столь много книг по философии и связанным с ней наукам, что их не счесть. Он был известен как книголюб и скряга; про него рассказывали, что когда в его руки попадала рукопись и он боялся ее дороговизны, то дырявил ее, чтобы понизить цену, и покупал. Но его сын, также врач, оказался непутевым, растратил имущество отца, и «пропали его сокровища» [75].

Медресе при гробнице (*машхад*) 'Убайдаллаха было построено халифом ан-Насиром, который велел доставить туда экземпляры Корана и ценные каллиграфические рукописи. Его разрушило наводнение 1324 г., при котором пострадали и книги, оценивавшиеся в 2 тыс. динаров [76].

Рибат ал-Ахлатийа, библиотекарем в котором был 'Иззаддин Ахмад б. Мухаммад, построен по распоряжению того же халифа, как и гробница (*турба*) 'Авна и Му'ина [77]; он же отдал в вакф 500 томов в память о своем вольноотпущеннике Абу-л-Йумне Наджахе б. 'Абдаллахе ал-Хабаши (ум. в 1218 г.) [78].

---

[73] Ибн ал-Кифти, с. 269; Eche, 1967, с. 190. Хранением библиотеки ведал упомянутый 'Афифаддин.
[74] Eche, 1967, с. 194.
[75] Ибн ал-Кифти, с. 332—333.
[76] Eche, 1967, с. 184.
[77] Там же, с. 190—191 и 194.
[78] Там же, с. 196—197.

Ал-Хасан б. Мухаммад б. Аби Са'ид ал-Катиб (ум. в 1218 г.), последний представитель семьи литераторов Бану Хамдан, отдал значительную часть своего книжного собрания в вакф [79].

На западном берегу Тигра, напротив рибата ал-Бистами, в 1228 г. было начато строительство мечети ал-Мустаджадд, известной как ал-Камарийа; в библиотеку при ней поместили много книг [80].

Пышное медресе с библиотекой, видимо призванное затмить славу ан-Низамийи и возвысить значение халифа, было воздвигнуто по соседству с Дар ал-Хилафа по приказу ал-Мустансира (1226—1242). По завершении строительства в 1233 г. было устроено торжественное открытие, и в библиотеку своей ал-Мустансирийи он передал богатую коллекцию, составившую 160 верблюжьих вьюков. Здесь были автографы Ибн Муклы и Ибн ал-Бавваба, ценные книги по различным наукам; общее количество рукописей в ал-Мустансирийе один поздний автор оценивает в 80 тыс. томов. «Равных этой библиотеке,— пишет историк XIV в. аз-Захаби,— не было» [81]. Халиф велел 'Афифаддину 'Абдал'азизу б. Дулафу и его сыну Ахмаду, своему личному библиотекарю, привести книги в порядок и расположить их тематически, а Шамсаддина 'Али б. ал-Кутуби назначил заведующим, однако при посещении библиотеки в 1242 г. обнаружил, что в ней царит беспорядок. Слава ал-Мустансирийи была велика, и гости Багдада — как ученые, так и могущественные правители — считали своим долгом посетить ее. Ее фонды продолжали пополняться добровольными приношениями и пожертвованиями в вакф. Есть сведения о некоторых хранившихся здесь замечательных и редких экземплярах рукописей. Библиотека уцелела даже после разгрома Багдада в 1258 г., и в 1296 г. ее посетил Газан-хан. Библиотекарями ал-Мустансирийи работали Ибн ас-Са'и, Йакут ал-Муста'сими (ум. в 1298 г.) и, наконец, Ибн ал-Фувати (ум. в 1323 г.), в трудах которого сохранились сведения по истории самой библиотеки [82].

Многими ценными книгами владели Шарафаддин Абу-л-Баракат ал-Мубарак б. Ахмад ал-Ирбили (ум. в 1239 г.) и багдадец Ахмад б. Джа'фар б. Ахмад б. ад-Дубайси, умерший в том же году [83].

---

[79] Там же.
[80] Там же, с. 186.
[81] Захаби, Дувал ал-ислам, 2, с. 136.
[82] Mackensen, 1932, с. 297—299; Eche, 1967, с. 172—180.
[83] Ибн Халликан, 1, с. 444; 'Абдал'азиз ал-Мани' в рецензии на страницах «Маджаллат Ма'хад ал-махтутат», 26, 1982, с. 822.

Эмир Абу-л-Музаффар Баткин б. 'Абдаллах ар-Руми ан-Насири (ум. в 1242 г.) восстановил сгоревшую мечеть Басры и поместил в ней книги[84]. О нем сообщают, что он построил два рибата, поместил в одном из них книжное собрание и учредил вакфы книг в разных медресе[85]; по-видимому, это известие также следует отнести к Басре.

Медресе в квартале Шари' Ибн Ризкаллах в Западном Багдаде было основано матерью халифа ал-Муста'сима (1242—1258). Об этом свидетельствуют вакфные записи на двух разрозненных томах, что сохранились от многотомного экземпляра комментария Абу-л-Хасана ал-Маварди *ал-'Уйун ва-н-нукат*[86]. О привычке этого слабовольного халифа, последнего Аббасида, проводить время в своей библиотеке пишет младший его современник[87]. Му'аййададдин Мухаммад б. Ахмад ал-'Алками (ум. в 1258 г.), широко образованный вазир того же халифа, приобрел много ценных сочинений; названия ряда из них приводятся в элегии Ибн Аби-л-Хадида на его смерть. В числе подарков, присланных вазиру Бадраддином Лу'лу', владетелем Мосула, были книги. В 1246 г. он устроил торжественное открытие библиотеки в своей резиденции. По словам его сына, передаваемым Ибн ат-Тиктакой, в ней находилось 10 тыс. томов прекрасных рукописей. Он покровительствовал авторам, которые посвящали ему свои труды; например, ас-Сагани составил для него большой словарь арабского языка *ал-'Убаб*, а Ибн Аби-л-Хадид — комментарии к *Нахдж ал-балага* в 20 томах[88].

В 1251 г. 'Иззаддин ал-Хусайн б. Мухаммад ан-Наййар открыл рибат, который он воздвиг по соседству со своим домом, поселил в нем суфиев, которых обеспечивал за свой счет, и основал ценную библиотеку; управлять ею должен был старший из живущих в рибате[89].

Большое собрание книг было у слепого ханбалитского факиха Зайнаддина 'Али б. Ахмада ал-Амиди (ум. в 1313 г.), бывшего преподавателя ал-Мустансирийи; он прекрасно ориентировался в своих книгах, сразу находил нужную на ощупь, узнавал число строк и определял места, писанные красными чернилами или иным почерком[90].

Медресе ал-Баширийа известно по упоминаниям в связи с

[84] Eche, 1967, с. 200.
[85] Там же, с. 191, сообщение отнесено к Багдаду.
[86] Там же, с. 183.
[87] Ибн ат-Тиктака, с. 383.
[88] Там же, с. 388—389; Eche, 1967, с. 198—199 (цифра, выражающая число рукописей в библиотеке, у него искажена: 7 тыс. томов).
[89] Eche, 1967, с. 191.
[90] Сафади, Накт, с. 206—208; Meyerhof, 1929, с. 289—290.

тем, что его библиотекарь Фахраддин Ибрахим б. Хасан Ибн ал-Бавваб ал-Катиб переписал много сочинений и закончил в 1314 г. составление каталога его библиотеки[91].

Мухаммад б. Мухаммад б. Харис (ум. в 1322 г.), факих и лексикограф, отдал в вакф рукописей на тысячу динаров, а Шамсаддин Мухаммад б. Да'уд ал-Мавсили (ум. в 1327 г.) учредил вакфы в Багдаде и Дамаске из своего собрания книг[92].

Медресе ал-Мас'удийа основал хваджа Мас'уд б. Садид-аддавла Мансур (ум. в 1383 г.) по образцу ал-Мустансирийи для четырех мазхабов, придав ему многочисленные вакфные фонды. Его библиотека состояла по большей части из книг, писанных его рукой красивым почерком[93].

Большинство сведений о частных собраниях и библиотеках Ирака относится к домонгольскому периоду. Взятие Багдада войсками Хулагу в 1258 г. описано историками очень скупо, без подробностей о судьбе библиотек города. Ибн Халдун (ум. в 1405 г.), который мог располагать данными лишь из вторых рук, замечает: «Татары овладели халифскими дворцами и хранившимися в них сокровищами, неописуемыми и неисчислимыми. Все научные книги, находившиеся в их библиотеках, были сброшены в Тигр. Это были книги, которые не с чем даже сравнить»[94].

Однако какая-то часть багдадских библиотек и книг уцелела (см. ниже, о библиотеках Ирана). Возможно, что многое было разграблено и вывезено. О рукописной традиции и библиотеках Ирака XIV—XIX вв. (при ильханах, туркменских династиях, иранских Сефевидах, турецких наместниках) мы знаем совсем мало, может быть, еще и потому, что по этому периоду не проводилось обстоятельных исследований по источникам. Впрочем, основа благосостояния страны — ирригационная система пришла в упадок, а главный центр культурной жизни — Багдад несколько раз подвергался страшным разрушениям (в 1401 г. Тимуром, в 1621 г. шахом 'Аббасом, в 1638 г. султаном Мурадом IV, в 1831 г. и др.); в результате этих событий и ряда стихийных бедствий население города уменьшилось до 50 тыс., многие семьи и роды целиком вымерли, продолжать культурные традиции стало почти некому[95]. В апреле 1802 г. ваххабиты захватили

---

[91] Eche, 1967, с. 184.
[92] Там же, с. 197.
[93] Там же, с. 184.
[94] Ибн Халдун, 'Ибар, 3, с. 537.
[95] О бедствиях Ирака этого времени см.: Сетон Ллойд, 1972, с. 184—204.

и разграбили Кербелу, увезя среди прочего и ценные книги[96].

Неудивительно поэтому, что в современном Ираке нет ничего похожего на те фантастически богатые собрания арабских рукописей, о которых сообщают средневековые источники, тогда как рукописи иракского происхождения обнаруживаются почти во всех современных хранилищах. Учет и описание находящихся в стране рукописей начаты совсем недавно. В конце XIX в. на территории Ирака (в составе Османской империи) были зафиксированы в 47 библиотеках Багдада, Киркука, Мосула и Сулеймании 9133 рукописи. В 20-е годы были опубликованы два каталога, начиная с 50-х годов стали выходить труды ряда иракских ученых с описаниями рукописей; с 1972 г. издается печатный орган, специально посвященный изучению письменного наследия, «ал-Маврид».

Ныне наиболее значительные хранилища рукописей находятся в Багдаде, Мосуле, Басре и Неджефе. Самые крупные в столице — Объединенная библиотека вакфов, в которую поступили рукописи ряда мечетей, медресе и частных лиц (весь фонд — свыше 7 тыс. единиц), и библиотека Управления иракских древностей (бывшая Иракского музея). Последняя стремится взять на учет рукописи по стране и по возможности их приобрести (не затрагивая вакфных и университетских собраний), ее фонд возрос благодаря новым поступлениям до 23 тыс. томов[97]. Общее число арабских рукописей в стране можно оценить примерно в 40 тыс. томов[98].

Сирия, Ливан, Иордания, Палестина, Израиль

Сиро-палестинский регион — одна из главных областей развития арабской письменности от ее возникновения до наших дней. Дамаск, Иерусалим, Халеб, Химс, Хама, Бейрут, Триполи, Набулус, Аскалон, Хайфа и другие города этого региона были важными центрами непрерывной рукописной традиции (не только мусульманской, но и христианской, а также арабо-еврейской и арабо-самаритянской); здесь было много библиофилов и библиотек, отсюда арабские рукописи расходились во все концы мира; ныне рукописи сиро-па-

---

[96] Васильев, 1967, с. 144—147.
[97] Накшбанди, 1976, с. 64.
[98] Аввад К., 1948; Махфуз, 1958; БАР, с. 109—124, 329—332 (по подсчетам на 1974 г. дана цифра в 30 тыс. томов).

лестинского происхождения обнаруживаются всюду, в каждом крупном хранилище.

Помимо бесследно исчезнувшей библиотеки Умаййадов конца VII — начала VIII в. значительным местом хранения книг в Дамаске была знаменитая Умаййадская (или Дамасская) мечеть. Ранняя история ее библиотеки остается неизвестной, так как во время большого пожара 1068 г. погибли, очевидно, все книги и документы, что были собраны и хранились в этой мечети. Сохранился только фрагмент ($^{1}/_{30}$ часть) полного экземпляра Корана на пергамене с вакфной записью от июля 911 г. о его поступлении сюда от некоего 'Абдалмун'има б. Ахмада[99]. Мечеть постепенно восстанавливалась, и в нее начали отдавать в вакф книжные собрания. Одним из первых, вероятно, устроил библиотеку в мечети после пожара Ахмад б. 'Али б. ал-Фадл б. ал-Фурат (ум. в 1100 г.)[100]. Его примеру последовали грамматик Абу-л-Хасан 'Али б. Тахир б. Джа'фар ас-Сулами (1039—1106)[101] и Абу-л-Ма'али 'Абдаллах б. 'Абдалкарим Ибн ат-Тавил (ум. в 1120 г.), устроивший вакф своих книг в западном углу (*завийа*). От более раннего вакфа в эту *завийу* дошла одна рукопись 1068 г.[102].

Косвенным свидетельством значительности библиотеки у эмира Сайфаддавли ал-Хамдани (945—967) в Халебе служит сообщение о том, что библиотекарями у него были два брата-поэта ал-Халиди, Абу Бакр Мухаммад и Абу 'Усман Са'ид. О другой халебской библиотеке X—XI вв. упоминают только в связи с ее уничтожением: хранением книг в ней ведал шиит Абу-л-Хасан Сабит б. Аслам б. 'Абдалваххаб ал-Халаби, которого исмаилиты увели в Египет и казнили в 1067 г. как нерадивого сторонника или даже противника их пропаганды (*да'ва*); библиотеку, в которой было 10 тыс. томов, отданных в вакф Сайфаддавлой и другими, они подожгли[103].

Другая библиотека XI в. находилась в соборной мечети Халеба. При жизни Абу-л-'Ала' (ум. в 1057 г.) вспыхнула распря между шиитами и суннитами, во время которой была разграблена эта библиотека. Потом ее восстановили, вакф книг учреждали в ней Абу-н-Наджм Хибаталлах б. Бади', вазир Ридвана (1095—1113), и др. Управлял библиотекой

---

[99] Теперь находится в Дамасском музее (Eche, 1967, с. 136—137).
[100] Eche, 1967, с. 202.
[101] Суйути, Бугйа, с. 339; Eche, 1967, с. 202—203.
[102] Eche, 1967, с. 203.
[103] Аввад К., 1951, с. 25; Eche, 1967, с. 130, 131.

поэт и ученый Мухаммад б. Мухаммад б. Наср Ибн ал-Кайсарани (1084—1153) [104].

Весьма неопределенны сведения о «доме знания» в Иерусалиме, устроенном в здании бывшей греческой церкви св. Анны. Крестоносцы, овладев городом в 1098 г., восстановили церковь, уничтожив, по-видимому, «дом знания» [105].

Факих Абу-л-Фатх Наср б. Ибрахим ал-Макдиси (ум. в 1096 г.) отдал Иерусалиму в вакф свое собрание, в котором Ибн ал-Кифти (ум. в 1248 г.) нашел одно переведенное с греческого сочинение [106]. Место хранения этого собрания называлось ан-Насрийа (по имени владельца), потом — ал-Газалийа.

В Триполи (Тарабулусе) XI в. отмечают и вакфные библиотеки (в связи с биографией побывавшего здесь Абу-л-ʻАла'), и «дом знания», который основал в 473/1080 г. Абу-л-Хасан ʻАли б. Мухаммад б. Ахмад Джалал ал-Мулк из местной династии ʻАммаридов. Передаваемый Ибн ал-Фуратом восторженный рассказ о библиофильских стараниях ʻАммаридов по приобретению и размножению сочинений подрывается явно преувеличенными цифровыми данными о количестве работавших здесь переписчиков (180) и хранившихся книг (3 млн.). Даже свыше 100 тыс. томов (по ан-Нувайри) для библиотеки такого городка кажется слишком много. Известно, что одним из ее хранителей был литератор ал-Хусайн б. Бишр б. ʻАли ат-Тарабулуси, управлением ею в одно время ведал кади Абу-л-Фадл б. Аби Дух. Эта богатая библиотека перестала существовать после взятия города крестоносцами в 1109 г. [107].

Сверх этих не очень обильных сведений об общественных библиотеках региона по начало XII в. следует иметь в виду наличие частных книжных собраний у факихов и хадисоведов (аз-Зухри, ал-Авзаʻи и др.), у филологов и литераторов (например, из окружения Сайфаддавли), у врачей и представителей знати. К XI в. восходит, видимо, появление библиотеки у друзов. Росли собрания книг на арабском языке у христиан и иудеев. С середины XII в. в регионе обозначился период суннитского «возрождения», сопровождавшегося строительством медресе, мечетей, суфийских обителей, гробниц (мавзолеев); почти все они имели книжные собрания,

---

[104] Есhе, 1967, с. 132—134.

[105] Там же, с. 121—124.

[106] Ибн ал-Кифти, с. 15; Eche, 1967, с. 248—249.

[107] Eche, 1967, с. 117—121; Ибн Халликан, 2, с. 128. Легенда гласит, что крестоносцы подожгли библиотеку, когда какой-то священник им подсказал, что в ней хранятся лишь списки Корана.

как правило вакфные. Информация о них собрана Йусуфом ал-ʻУшшом. Сведем ее здесь кратко, дополнив данными о некоторых частных коллекциях.

Ряд библиотек был основан при Нураддине Махмуде б. Занги (1118—1174), о котором сообщают, что он много читал, имел хороший почерк, приобретал и переписывал книги. В Халебе он устроил в 543/1148-49 г. медресе ан-Нурийа при мечети, которая еще в 1123 г. была переделана из церкви; там он поместил много книг. В ее библиотеку поступили собрания факиха Абу Бакра б. Ахмада аз-Захира (ум. в 1158 г.), хадисоведов Абу Бакра Мухаммада б. Шурайха ар-Руʻайни (ум. в 1167 г.) и Ахмада б. Махмуда б. Ибрахима б. ал-Джавхари (ум. в 1245 г.), коллекционера книг и каллиграфа. Во времена Ибн Шаддада (ум. в 1285 г.) библиотека уже не существовала[108]. В Дамаске Нураддин построил *дар ал-хадис*, также названный ан-Нурийа, куда отдал книги и назначил библиотекарей. Сохранились три фрагмента Корана с вакфными записями из той библиотеки. Сюда поступили собрания Шамсаддина Абу Саʻда ʻАбдаллаха б. Ахмада б. ал-Хулванийи (ум. в 1276 г.) и некоторых других[109]. Он же отдал книги в построенную им больницу ан-Нури, они были помещены в двух нишах напротив входа в зал, где врачи учились и проводили консилиумы[110]. Нураддин начал строить медресе в Дамаске, которое завершил ал-Малик ал-ʻАдил, и оно названо поэтому ал-ʻАдилийа. В него поступило собрание Кутбаддина Масʻуда б. Мухаммада ан-Найсабури (ум. в 1182 г.)[111].

Небольшая библиотека существовала в Дамаске во времена Ибн ʻАсакира (ум. в 1175 г.) в мечети на Дарб ал-Маданийин[112].

У Усамы б. Муршида (ум. в 1188 г.) из рода владевших Шейзаром Мункизитов было книжное собрание в 4 тыс. томов, которое попало в руки крестоносцев и было уничтожено; об утрате этих книг Усама сильно сокрушался[113].

При Салахаддине и его потомках происходит перемещение книг, строительство новых и пополнение старых библиотек. Когда Салахаддин пришел в Халеб (1183 г.), по его разрешению Мухаммад б. ʻАбдаррахман ал-Масʻуди (1128—1188)

---

[108] Eche, 1967, с. 242—243; Elisséeff, 1967, III, с. 751—779, 914—935. Медресе существует до сих пор и называется ал-Халлавийа.

[109] Eche, 1967, с. 211—214.

[110] Там же, с. 235—236; Elisséeff, 1967, III, с. 838—843.

[111] Eche, 1967, с. 209.

[112] Там же, с. 208.

[113] Усама, Книга назидания, с. 82; Крачковский (1945), I, с. 73.

выбрал в соборной мечети вакфные книги, беспрепятственно овладел ими и сложил в переметный мешок. Свою богатую коллекцию, полную драгоценных редких экземпляров, он отдал потом в вакф дамасской библиотеке аш-Шумайсатийа [114]. Изгнав крестоносцев из Иерусалима в 1187 г., Салахаддин устроил медресе для шафиитов, вероятно с библиотекой, в помещении церкви, где прежде был «дом знания» [115].

Замечательной коллекцией владел врач-христианин из Дамаска Муваффакаддин Абу Наср Ас'ад б. Аби-л-Фатх Илйас б. Джирджис ал-Матран (ум. в 1191 г.). Ибн Аби Усайби'а писал о нем: «У Муваффакаддина Ибн ал-Матрана был высокий помысел в приобретении книг, так что ко времени его смерти в библиотеке находилось медицинских и других книг свыше 10 тыс. томов, не считая тех, которые были скопированы по его заказу. Он очень заботился о копировании книг и выверке (*тахрир*) их. У него служили три переписчика, которые всегда переписывали для него книги, а он платил им деньгами и натурой; в их числе — Джамаладдин, известный как Ибн Джамала, писавший пропорциональным почерком. Ибн ал-Матран и сам переписал много книг, и я видел несколько, они совершенны по красоте и правильности почерка и по *и'рабу*. Он много читал книг, посвящая этому бо́льшую часть своего времени. Большинство книг, которые у него были, выверены им и отредактированы, о чем он на них написал. Его забота о книгах и страсть к ним доходили до того, что многие малые сочинения и разрозненные статьи по медицине, которые существуют соединенными в одном томе, были скопированы по его заказу по отдельности в маленькие тетради размером в $^1/_{16}$ багдадского листа в удобочитаемом виде; некоторые он переписал так собственноручно. У него скопилось этих книжек множество томов. Он постоянно носил в рукаве том, который читал в султанском дворце или где бы ни оказался. А после его смерти все его книги были проданы, так как он не оставил сына. Мне рассказал врач 'Имран ал-Исра'или, что, когда состоялась распродажа книг Ибн ал-Матрана, были выставлены эти маленькие книжки многими тысячами и большинство их было писано почерком Ибн Джамали и что ал-Кади ал-Фадил потребовал, чтобы ему [их] показали. Ему доставили всю библиотеку, а также книжки, как были; он посмотрел их и вернул обратно. Цена на аукционе достигла трех тысяч дирхемов, и врач 'Имран купил бо́льшую часть. Как он мне ска-

---

[114] Ибн Халликан, I, с. 520; Eche, 1967, с. 134.
[115] Eche, 1967, с. 123—124.

зал, с наследниками была достигнута договоренность, что каждую книжку будут продавать за дирхем, и врачи покупали их на штуки по этой цене»[116].

Умайййадская мечеть в XII—XIII вв. стала обрастать пристройками и превратилась в большой архитектурный комплекс, в разных углах которого было устроено около десятка отдельных библиотек.

Ал-Кади ал-Ашраф Ахмад б. 'Абдаррахим б. 'Али ал-Байсани (ум. в 1245 г.), сын знаменитого библиофила ал-Кади ал-Фадила (см. ниже, Египет) и сам собиратель книг, поместил коллекцию в максуре, построенной его отцом на северной стороне, и она стала называться «библиотекой ал-Фадилийа»; хадисовед Таки'аддин 'Абдаррахман б. Аби-л-Фахм ал-Йалдани (ум. в 1257 г.) отдал сюда большинство своих книг и писанных им сборников[117].

В той же стороне построил гробницу (*турба*) ал-Малик ал-Ашраф Аййубид (1182—1237) и поместил в ней много прекрасных книг; этой библиотекой ал-Ашрафийа пользовался Ибн Халликан, существовала она и позднее; ею управлял верховный кади Садраддин б. ал-Адами (ум. в 1416 г.)[118].

Шарафаддин Мухаммад б. 'Урва ал-Мавсили (ум. в 1223 г.) поместил свою библиотеку в перестроенное им складское помещение мечети, которое стали называть «*машхад* (или *максура*) Ибн 'Урвы». Сюда отдал в вакф книги геометр Абу-л-Фадл Мухаммад б. 'Абдалкарим ал-Хариси (ум. в 1202 г.) и добавил автограф своего сокращения *Китаб ал-Агани* Абу-л-Фараджа ал-Исфахани в 10 небольших томах. Ибн Фадлаллах ал-'Умари (ум. в 1348 г.) застал в этом машхаде много шкафов с вакфными книгами[119].

В главном зале мечети, в *хараме* кружка ханбалитов, было два шкафа с книгами. У ал-Малика ал-Мухассина Ахмада б. Салахаддина была комнатка по соседству с ал-Фадилийей, и в нее поступила коллекция хадисоведа Таки'аддина Абу Тахира Исма'ила б. 'Абдаллаха ал-Анмати (ум. в 1221 г.), который приобрел и сам переписал значительное количество книг[120].

---

116 «Я скажу, что Ибн ал-Матран был мужественным и великодушным, давал своим ученикам книги и хорошо с ними обращался»,— добавляет автор этого рассказа Ибн Аби Усайби'а (2, с. 178—179); см. также: Meyerhof, 1929, с. 289.

117 Ибн Халликан, 1, с. 286; Eche, 1967, с. 203—204.

118 Ибн Халликан видел в ней диван поэта XI—XII вв. Абу-с-Са'адата Ас'ада б. Йахйи ас-Сулами ас-Синджари в одном большом томе (1, с. 69) и диван Ибн ас-Сакара ал-Васити (2, с. 14); Eche, 1967, с. 204.

119 Ибн Аби Усайби'а, 2, с. 191; Eche, 1967, с. 204—205.

120 Eche, 1967, с. 205.

Максура в северо-восточном углу стала местом хранения ценной коллекции шейха Таджаддина Зайда б. ал-Хасана ал-Кинди (ум. в 1216 г.), которую передал в вакф его вольноотпущенник. О хорошем подборе книг в ней пишут разные авторы, в том числе Йакут, однако приобрел он их незаконным путем: сопровождая в Египет 'Иззаддина Фаррухшаха, племянника Салахаддина, он забрал из тамошних библиотек все самое ценное и вернулся в Дамаск, где и обосновался[121]. Составленный бывшим владельцем каталог, который видел Абу Шама, насчитывал 761 том, из них 123 — «по наукам древних», как медицина и др. Часть этой коллекции вскоре рассеялась, многие книги были распроданы, но Ибн Фадлаллах ал-'Умари видел в этой максуре какую-то библиотеку, а в восточном углу, в машхаде Абу Бакра,— несколько шкафов с вакфными книгами[122]. Мухаммад б. 'Умар б. 'Абдалкарим аш-Шафи'и (ум. в 1245 г.) завещал целый шкаф книг, которые были помещены напротив *михраб ас-сахаба*[123].

Различные коллекции, разбросанные по обширной территории мечети, были объединены в «машхаде Ибн 'Урвы» при ал-Малике ал-Му'аззаме (ум. в 1258 г.); перемещали их и после. В следующем веке учредил здесь вакф книг ал-Хасан б. Мухаммад б. Исма'ил Ибн ат-Таххан (ум. в 1346 г.). Итого, различные поступления в Умаййадскую мечеть составили более 20 шкафов, или более 5 тыс. томов.

При большой ханаке аш-Шумайсатийа в Дамаске сложилась библиотека с богатыми книжными фондами. В нее поступили: коллекция Мухаммада б. 'Абдаррахмана ал-Мас'уди ал-Банджднхи, часть которой, как сказано выше, была взята из мечети Халеба; коллекция суфия Сафи'аддина Махмуда б. Мухаммада ал-Урмави ал-Карафи, включавшая черновик его обработки словаря ал-Азхари *Тахзиб ат-Тахзиб* в пяти томах; книжки ал-'Ала' Салахаддина Абу Са'ида Халила ал-Кайкалди (ум. в 1359 г.). В этой библиотеке находились списки ряда многотомных сочинений, например, *ат-Тазкира ал-киндийа* примерно в 50 томах. Известны и имена нескольких библиотекарей; последним был 'Али б. Сайф б. 'Али ал-Абйари (ум. в 1411 г.), литератор и филолог, собравший хорошую коллекцию, которая была разграблена при Тимуре[124].

Медресе в Халебе основал ал-Малик аз-Захир Аййубид для Абу-л-Хасана 'Али б. Аби Бакра ал-Харави (ум. в

[121] Йакут, Иршад, 1, с. 223; Ибн Халликан, 1, с. 196.
[122] Eche, 1967, с. 206—208.
[123] Там же, с. 207—208.
[124] Суйути, Бугйа, с. 228; Eche, 1967, с. 236—239.

14 Зак. 36

1214 г.); в нем были комнаты для книг; туда отдал в вакф большую коллекцию фундаментальных сочинений брат основателя[125].

Шафиитское медресе ал-Ашрафийа основал ал-Малик ал-Ашраф Аййубид в купленном им доме в Дамаске и велел доставить туда много ценных книг. Ас-Субки приводит сведения о хранившихся здесь книгах и цитирует сам вакфный документ, представляющий немалый интерес: управляющему (*назир*) предписывалось тратить вакфные средства на реставрацию, переплетание, сверку и улучшение книг, на выдачу писчих материалов и подставок для книг тем, кто в зале копирует сочинения по хадису и тафсиру, записывает под диктовку тексты и иджазы не корысти ради, а стремясь к знаниям, на покупку книг и наем переписчиков. В это медресе поступили собрания Ибн ас-Салаха б. ʻАбдаррахмана (ум. в 1245 г.), Мухйиддина ан-Навави (ум. в 1277 г.), накупавшего книг на все свое жалованье, Аминаддина Ахмада б. ʻАбдаллаха ал-Аштари (ум. в 1282 г.), аш-Шихаба б. Музхира Мухаммада б. ʻАбдалхалиса ал-Ансари (ум. в 1291 г.). Медресе пострадало в 1299 г. при учиненном Хулагу разгроме Дамаска, но его восстановил вскоре шейх Зайнаддин ал-Фаруки. После этого сюда отдали в вакф книги богослов-шафиит ал-Урмави (ум. в 1315 г.), Джалаладдин Мухаммад б. ʻАбдаррахман ал-ʻИджли (ум. в 1338 г.), Сафи'аддин Джавхар аз-Захири ат-Тифлиси. Известны имена ряда библиотекарей, например Абу ʻАли ал-Хасан б. Мухаммад б. Исмаʻил ал-Калйуби (ум. в 1235 г.), который переписал своей рукой 2 тыс. томов, и др.[126].

Одной из самых богатых в Дамаске стала библиотека при медресе ад-Дийа'ийа, которое основал Дийа'аддин Мухаммад б. ʻАбдалвахид ал-Макдиси (ум. в 1245 г.) у подножия Касийуна. Этот хадисовед сам переписал много книг и приобрел большое количество рукописей и все отдал в вакф своему специализированному по хадисоведению медресе. Сюда поместили книжные собрания: ʻАбдалгани б. ʻАбдалвахид ал-Макдиси (ум. в 1203 г.), Муваффакаддин ʻАбдаллах б. Мухаммад б. Кудама ал-Макдиси (ум. в 1223 г.), Баха'аддин ʻАбдаррахман б. Ибрахим ал-Макдиси (ум. в 1226 г.), ʻИззаддин ʻУмар б. Мухаммад б. Мансур Ибн ал-Хаджиб (ум. в 1232 г.), Ахмад б. ʻИса б. Кудама (ум. в 1245 г.), Шамсаддин Мухаммад б. ʻАбдалмунʻим б. Хамил (ум. в 1272 г.), Шамсаддин Мухаммад б. ʻАбдалхади ал-Макдиси

---

[125] Eche, 1967, с. 243—244.

[126] Субки, 3, с. 76, 115; Eche, 1967, с. 214—217.

(ум. в 1276 г.), 'Али б. Мас'уд б. Нафис б. 'Абдаллах ал-Мавсили в 1269 г. В 1299 г. ад-Дийа'ийа пострадала, но выжила, о ней хорошо заботились потомственные библиотекари из рода Бану-л-Мухибб; ее распадение началось после разгрома, учиненного Дамаску Тимуром в 1400 г., причем растаскивали книги весьма почтенные люди, как Ибн Хаджар, унесший несколько вьюков, и др.; кади Насираддин Ибн Зурайк (ум. в 1494 г.) выбрал самое ценное, что оставалось. Усилиями Мухаммада б. Тулуна и библиотекаря Мусы ал-Кинани ал-Ханбали в XVI в. кое-что удалось вернуть; позднее библиотеку переместили в медресе ал-'Умарийа и слили с его библиотекой. Наконец, отсюда книги поступили в 1879 г. в аз-Захирийу, где теперь и хранятся. Йусуф ал-'Ушш выявил 50 томов и 486 брошюр, уцелевших из бывшей ад-Дийа'ийи, по которым установил имена десятков людей, отдавших книги в вакф этой библиотеке[127].

Особый интерес представляет известие о том, что глава врачей (*шайх ал-атибба'*) ал-Мухаззаб 'Абдаррахман б. 'Али ад-Дахвар (ум. в 1230 г.) превратил свой дом в Дамаске в медицинское медресе в 1224 г. Собрание более ста книг по медицине и другим наукам, в том числе им самим переписанных, он отдал в вакф медресе, чтобы ими пользовались врачи[128]. У потомственного врача-иудея из Дамаска Авхададдина 'Имрана б. Садаки (ум. в 1239 г.) скопилось книг, медицинских и прочих, столько, сколько едва ли было у кого другого[129].

Кроме того, в Дамаске XIII в. отмечены вакфные библиотеки и книжные собрания: в ханафитском медресе Шибладдавли Кафура б. 'Абдаллаха ал-Хусами (ум. в 1226 г.)[130]; в шафиитском медресе торговца Ибн Равахи (ум. в 1226 г.), куда поступило собрание Бурханаддина ас-Сувайди (ум. в 1258 г.); в мавзолее у Касийуна, который построил ал-Маджд ал-Бахнаси, вазир ал-Малика ал-Ашрафа, и в который завещал свои книги; Зайнаддина Мухаммада б. Мухаммада ал-Куфани (ум. после 1242 г.); в шафиитском медресе Наджмаддина Абу Мухаммада 'Абдаллаха б. Аби Мухаммада ал-Бадра'и (1197—1257), библиотекой которого заведовал позднее Джамаладдин Мухаммад б. 'Али б. Салих ал-Мисри (ум. в

---

[127] Е с h е, 1967, с. 217—235.
[128] Там же, с. 236.
[129] Ибн Аби Усайби'а, 2, с. 213; как говорилось выше, он приобрел книги Ибн ал-Матрана.
[130] В аз-Захирийе сохранился 11-й том *Хилйат ал-авлийа'* Абу Ну'айма ал-Исфахани, датированная 621/1224 г. переписки в этом медресе (E c h e, 1967, с. 209).

1301 г.); хадисоведа Абу Исхака Ибрахима б. 'Иса б. Йусуфа ал-Муради ал-Андалуси (ум. в 1268 г.), поручившего заботу о своем ценном собрании Ибн ас-Са'игу 'Ала'аддину Мухаммаду б. 'Абдалкадиру б. 'Абдалхалику[131]; торговца и историка Абу Бакра Махфуза б. Ма'тука Ибн ал-Бузури, поместившего свои книги в мавзолее у подножия Касийуна[132].

В Халебе XIII в. также были книжные собрания: в медресе ас-Султанийа; в медресе Шарафаддина 'Абдаррахмана ал-'Аджами (ум. в 1259 г.)[133] и др.[134]. Султану Халеба завещал свою библиотеку, куда входили и его собственные сочинения, ал-Кади ал-Акрам Джамаладдин Абу-л-Хасан 'Али б. Йусуф б. Ибрахим б. 'Абдалвахид аш-Шайбани ал-Кифти (1172—1248)[135].

В Иерусалиме ал-Малик ал-Му'аззам (ум. в 1258 г.) устроил *завийу* в ан-Насрийе (см. выше) и учредил вакф из коллекции, включавшей *Ислах ал-мантик* Ибн ас-Сиккита, а Муджираддин ал-Ханбали (ум. в 1520 г.) видел там брошюру, переписанную Ибн ал-Хашшабом (ум. в 1171 г.), с вакфной датой 616/1214 г.[136].

К XIV в. относятся сведения о книжных собраниях в Дамаске: хадисоведа 'Имададдина Абу-л-Ма'али Мухаммада б. 'Али ан-Набулуси ад-Димашки (ум. в 1311 г.); торговца Шамсаддина Мухаммада б. Да'уда б. Мухаммада ал-Мавсили (ум. в 1327 г.); хадисоведа и историка 'Аламаддина ал-Касима б. Мухаммада ал-Бирзали аш-Шафи'и (ум. в 1328 г.); факиха Шихабаддина Да'уда б. Сулаймана ал-Курани (ум. в 1333 г.) в медресе ас-Сайфийа, которое основал Сайфаддин б. Биктимир (ум. в 1226 г.); шайх ал-ислама Хибаталлаха б. 'Абдаррахима ал-Баризи аш-Шафи'и (ум. в 1337 г.), чьи книги оценивались в 100 тыс. дирхемов; в медресе ал-Джавзийа; законоведа, филолога и библиофила Мухаммада б. Аби Бакра б. Каййима ал-Джавзийи (ум. в 1350 г.); Хамзы б. Мусы б. Шайхассаламы (ум. в 1367 г.) в построенном им мавзолее в квартале Салихийа; шафиита Ибрахима б. 'Исы

---

131 Eche, 1967, с. 210, 239, 241.

132 Там же, с. 239—240. Библиотека Ибн ал-Бузури упоминается среди разграбленных в 1299 г. (там же, с. 229), тем не менее несколько рукописей из нее сохранилось в аз-Захирийе.

133 Eche, 1967, с. 244—245. Существовал свиток с перечнем его книг, который исчез в 1259 г. при вторжении монголов в город.

134 Например, Ибн ал-'Адим (ум. в 1261 г.) отмечал вакфный экземпляр *Китаб ал-бада'и'* в семи томах, переписанный Шамсаддином Наджа б. Са'дом в XII в. (Eche, 1967, с. 245).

135 См.: Lippert, 1903, с. 10—11.

136 Eche, 1967, с. 249.

ал-Халаби (ум. в 1384 г.); в медресе ан-Насирийа и в мавзолее хваджи Абу Бакра б. ал-'Айни[137].

Шарафаддин 'Али б. Мухаммад ал-Йунини был убит в библиотеке Баальбека в 1301 г., а в 1317 г. наводнение в этом городе достигло мечети, где погубило много книг по хадису и экземпляры Корана[138].

Историк и правитель г. Хама Абу-л-Фида (1273—1331) построил в этом городе мечеть и поместил в ней «несравненную» коллекцию книг по всем наукам. Он приложил большие усилия, чтобы собрать ее из всех стран; она насчитывала 7 тыс. томов. На смертном одре он раздал еще много книг и часть передал в вакф. Ко времени его же правления относится известие о строительстве в Хама в 1324 г. ханаки, куда он послал книг в подарок[139].

В Халебе XIV в. эмир Салахаддин Йусуф ад-Давадар ан-Насири превратил в 1336 г. свой дом в медресе для четырех мазхабов и поместил там ценную коллекцию; в 1365 г. Мангли Буга построил мечеть, названную по его имени, и учредил там вакф ценных книг; есть известие о коллекции в медресе при мечети ас-Саффахийа (построил и учредил вакф из книг Абу-л-'Аббас Ахмад Сибт б. ас-Саффах ал-Ашраф, а его сын распродал книги)[140].

Наконец, два сообщения о Ма'арре: несколько сочинений Абу-л-'Ала' переписал его внучатый племянник Мунафир б. Зайд б. 'Абдалвахид ал-Ма'арри и учредил из них вакф в этом городе; Ибрахим б. 'Иса б. 'Абдассалам (ум. в 1338 г.) отдал свою коллекцию в *завийу* и другие места в Ма'арре[141].

Ныне в Сирии рукописи сосредоточены главным образом в двух библиотеках: аз-Захирийе в Дамаске, насчитывающей около 11 тыс. томов, и аш-Шарафийе (или Библиотеке вакфов) в Халебе, где находится 5560 томов. Кроме того, в этих и остальных городах САР есть ряд частных коллекций. Христианско-арабские рукописи хранятся в нескольких монастырях и Маронитской библиотеке. Общее число арабских рукописей в стране достигает, вероятно, 20 тыс.

Основные хранилища рукописей Ливанской Республики находятся в столице — Бейруте: Ливанская библиотека (около 1000 арабских рукописей и документов), библиотека Университета св. Иосифа (1382 ед. по опубликованному каталогу) и библиотека Американского университета (982 ед. в

---

137 Там же, с. 210—211, 240—242.
138 Там же, с. 248.
139 Там же.
140 Там же, с. 246—247.
141 Там же, с. 247.

1955 г.). Собрания многих разбросанных по стране учреждений, монастырей и частных владельцев охватывает четырехтомный каталог Ж. Насраллаха (вышел в 1958—1970 гг., в томах 1—3 описана 1331 ед.). Всего в стране хранится свыше 5500 арабских рукописей (примерно половина из них христианские, число друзских неизвестно).

Печатные сведения об арабских рукописях в Иорданском Хашимитском Королевстве крайне скудны; описаны 337 рукописей, в основном христианских.

Почти нет данных об арабских рукописях, сохраняющихся на территории Израиля, или они недоступны [142].

Страны Аравийского полуострова (Королевство Саудовская Аравия, Кувейт, Катар, Бахрейн, Оман, Объединенные Арабские Эмираты, Йеменская Арабская Республика, Народная Демократическая Республика Йемен)

На родине арабской литературы и ислама Мекка и Медина были основными центрами, где скапливались рукописи: в них подолгу жили и работали ученые и поэты, на склоне лет поселялись удалившиеся от дел паломники, коротавшие дни перепиской книг; сюда, в Запретную мечеть в архитектурном комплексе ал-Ка'ба в Мекке и Мечеть пророка в Медине, государственные деятели и частные лица разных стран и эпох отправляли в числе пожертвований, обычно в форме вакфа, и рукописи, притом не только копии Корана, но и другие сочинения. Однако эти города не смогли сберечь своих сокровищ. Во время гражданских войн первых веков хиджры и карматских набегов IX в. Мекка и Медина не раз претерпевали разгромы, пожары и разорения; при этом гибли библиотеки и рукописи. Борьба мусульманских властителей за обладание этими престижными центрами и набеги жаждавших добычи окрестных бедуинских племен также приводили к периодическим их разорениям. Отмечена гибель рукописей и от случайного обстоятельства: в 1237 г. от пламени оброненной свечи вспыхнул пожар в мединской библиотеке, и она полностью сгорела [143].

Другим очагом мусульманской книжной учености на по-

[142] Подробнее см.: БАР, с. 93, 107—109, 179—185, 215—220, 329, 334, 336—337.

[143] Grohmann, Arnold, 1929, с. 38.

луострове стали города Йемена, но неизвестно в точности, с какого именно времени. В VIII—IX вв. сюда приезжали собиратели хадисов аш-Шафи'и, Ма'мар б. Рашид, Ибн Ханбал и др., но они записывали изустное предание путем расспросов. Традиция переписки книг приобрела, видимо, устойчивый характер с распространением шафиитства в IX в. Деятельность ал-Хамдани в X в. обозначила зарождение местной историографии и географического описания Аравии, проникновение зайдитов — появление богословских дисциплин. Исмаилитская пропаганда в XI в. имела следствием доставку исмаилитских сочинений из Египта в XI—XII вв., укрепление позиций суннитства после Аййубидского завоевания в конце XII в.— приток суннитских рукописей из Сирии и Египта. Еще в X в. ал-Мукаддаси [144] отмечал добротное качество кож в Са'де и любовь йеменцев к переплетенным книгам. Крупные средневековые библиотеки в Йемене не отмечены, хотя в Забиде и Сане работали известные авторы, несомненно опиравшиеся на письменные источники; сведения о небольших рукописных собраниях прошлого еще не извлечены из источников. К примеру, вакфная библиотека в Таизе была основана в 1489 г. и с того времени сохраняет авторский автограф сочинения ар-Рими (ум. в 1487 г.) по фикху и, может быть, другие рукописи [145].

В новое время ваххабитское движение XVIII—XIX вв. способствовало уменьшению числа рукописей в Аравии, поскольку оно сопровождалось сознательным уничтожением «еретических» сочинений, в том числе и в тех районах Йемена и Хадрамаута, которые ваххабитам удалось захватить. Некоторое количество рукописей из Аравии вывезли, очевидно, турецкие и египетские наместники и чиновники, поскольку они обнаруживаются теперь в Стамбуле и Каире.

Современное состояние рукописных собраний в странах Аравийского полуострова не может быть описано со всей полнотой и ясностью из-за недостаточности опубликованных материалов.

В Саудовской Аравии рукописи хранятся в Эр-Рияде, Джидде, Мекке, Бурайде, ал-Ахса', Шакра' и 'Анайзе. Крупнейшие собрания находятся в библиотеке Эр-Риядского университета (ок. 3000), в библиотеке Запретной мечети в Мекке (ок. 3000), в библиотеке 'Арифа Хикмата (ок. 4000 арабских рукописей) и Публичной библиотеке (3800) в Медине, а также в ряде других публичных библиотек и частных кол-

---

[144] Мукаддаси, с. 87, 100.
[145] Маврид, 1976, с. 101.

лекций. Общее количество рукописей в стране можно приблизительно оценить в 18—20 тыс.[146].

Каталогизация рукописей в Йеменской Арабской Республике, по существу, еще не начиналась. В 1925 г. был издан перечень книг, находившихся в главной мечети г. Саны, которая служила одновременно государственной библиотекой. В 1955 г. Саййид Фу'ад описал в своей статье[147] 4 общественные библиотеки в Сане и библиотеки городов Таиз, Забид, Джибла, Ибб и Хус, а также перечислил 16 частных собраний в разных городах. По данным на 1976 г., количество рукописей в названной столичной библиотеке можно оценить в 7200 томов, общее их число должно превышать 10 тыс.[148].

Единственная публикация по Катару содержит аннотированный список 375 арабских рукописей в Катарской библиотеке[149]. Появились краткие сообщения о том, что в Кувейте находится 247 рукописей[150], в Бахрейне — около двух десятков[151], в Омане — ряд собраний ибадитских рукописей[152].

Рукописные собрания НДРЙ автору этих строк удалось обследовать на месте в апреле — мае 1974 г. при поездке вместе с П. А. Грязневичем. Точнее говоря, из шести мухафаз, на которые делится страна, была обследована самая богатая рукописями пятая мухафаза, приблизительно совпадающая с исторической областью Хадрамаут. Экспедиционные наблюдения и записи, откорректированные при изучении имеющихся публикаций, позволяют сказать, что рукописи хранятся в вакфных и частных библиотеках Тарима, Мукаллы и ряда других городов и в общей сложности объединяют около 4 тыс. томов. В других мухафазах республики и в столице Адене, несомненно, обнаружится еще некоторое количество рукописей. По происхождению и месту переписки эти рукописи делятся на две группы: хадрамаутские и доставленные извне. Местные составляют большинство, среди них лишь немногие восходят к XVI—XVII вв., остальные относятся к XVIII—XX вв.; среди привозных есть рукописи XIII и XIV вв., несколько десятков датируются XV в., остальные — более поздние. Самая интересная часть этих коллекций содержит произведения локальной историко-биографической, этико-за-

---

[146] Там же, с. 46—51; БАР, с. 209—214, 336.
[147] Фу'ад Саййид, 1955.
[148] Маврид, 1976, с. 100—105; БАР, с. 174—178, 334.
[149] Сакар и ал-А'зами, 1963—1964; БАР, с. 179.
[150] Маврид, 1976, с. 73—74.
[151] Там же, с. 36—38.
[152] БАР, с. 335, № 1615.

коноведческой и поэтической литературы, почти неизвестной за пределами Хадрамаута[153].

Несмотря на то что Аравийский полуостров был малодоступен для европейцев, вывоз рукописей оттуда в конце XIX и начале XX в. был довольно значительным. К. Ландберг, Э. Глазер, Адриаансе, Дж. Капротти, Ч. Ансальди и Э. Росси доставили в Европу, главным образом в Италию и Нидерланды, свыше 2 тыс. рукописей[154].

Египет

Политико-административная деятельность и культурная жизнь этой страны были сосредоточены при арабах в Фустате — Каире, где находились в основном и библиотеки. Упоминания первых частных книжных собраний здесь связаны с именами хадисоведов и факихов VIII—IX вв. ʻАбдаллаха б. Лахиʻи (ум. в 790 г.), ал-Лайса б. Саʻда (ум. в 791 г.), ʻАбдаллаха б. Вахба (ум. в 812 г.), Ашхаба б. ʻАбдалʻазиза (ум. в 819 г.), Мухаммада б. Идриса аш-Шафиʻи (ум. в 820 г.), их учеников и последователей[155]. Местом скопления книг общественного пользования служили вначале мечети; есть сведения о том, что Ахмад б. Тулун (правил в 868—884 гг.) передавал экземпляры Корана в мечети Каира, как это делали позднее некоторые фатимидские халифы[156].

Исмаилитские пропагандисты и правители собрали много книг еще в Северной Африке и доставили их, вероятно, в Каир. Во всяком случае, уже у фатимидского халифа ал-ʻАзиза (975—996) была большая библиотека; ведал ею литератор аш-Шабушти (ум. в 998 г.), который также развлекал своего патрона чтением книг[157]. С библиотеками Багдада и

---

[153] Sergeant, 1950; он же, 1962; Халидов, 1979; БАР, с. 195—196, 335.

[154] БАР, с. 163, 168—169, 171—172, 174—175, 198.

[155] Abbott, 1967, с. 50, 54, 62, 125, 127—128, 163—164, 168, 176—177, 220 и др.; Бойко, 1983, № 18 (с. 88 и примеч. 14 и 15 на с. 92), 20, 24.

[156] Ибн Халликан, 2, с. 127; Аввад К., 1951, с. 14—17; Eche, 1967, с. 137, 263.

[157] Должность его обозначалась персидским словом *дафтархан* (Ибн Халликан, 1, с. 338), а должность библиотекаря — *хаззан ад-дафатир* (Макризи, Хитат, 1, с. 408). Количество книг в этой библиотеке определяют разными цифрами, очевидно преувеличенными: 120 тыс., 160, 200 и даже 601 тыс. томов, в том числе 20 (или даже 1200!) списков *Таʼрих ар-русул ва-л-мулук* ат-Табари (и среди них автограф), 30 списков *Китаб ал-ʻАйн* ал-Халила (и среди них автограф), 100 списков *ал-Джамхары* Ибн Дурайда (Макризи, Хитат, 1, с. 408—409; Мец, 1973, с. 149; новое специальное исследование информации об этой библиотеке: Khoury, 1981).

Ирака был призван соперничать «Дом знания (или мудрости)» Фатимидов, основанный ал-Хакимом и торжественно открытый в апреле 1005 г. Для этой библиотеки было выстроено специальное здание, богато отделанное и обставленное. Туда доставили в большом количестве великолепные книги по различным отраслям знания, в том числе писанные лучшими каллиграфами пропорциональным письмом. Библиотека была открыта для всех желающих, ее посещали, чтобы читать и переписывать книги. Приезжим выдавали бумагу, чернила и каламы, постоянно работавшим ученым разных специальностей — жалованье от халифа; среди последних называют двух суннитов: учителя чтения Корана ʻАли б. Сулаймана ал-Антаки и филолога Джанаду б. Мухаммада ал-Харави. Оба они были казнены в 1009 г.; с ними встречался здесь Абу Мухаммад ʻАбдалгани б. Саʻид ал-Азди (ум. в 1018 г.), но он скрылся и избежал их участи[158]. Этот «Дом знания» описывают или упоминают многие авторы, но количество книг не приводят: вероятно, оно было очень велико. Впрочем, на содержание библиотеки ежегодно тратилась довольно скромная сумма — 257 динаров[159]. В 1068 г. библиотека подверглась разорению, и много книг было сожжено. Вначале библиотека носила, как полагает Йусуф ал-ʻУшш, характер суннитского учреждения, в 1119 г. после волнений в городе и разграбления части библиотеки она была закрыта, а в 1123 г. открыта снова (но уже как центр исмаилитской пропаганды) и просуществовала до 1171 г., то есть до ликвидации Фатимидского халифата Салахаддином[160].

К фатимидскому Египту относятся известия о ряде частных собраний, порой очень значительных. Абу-л-Футух Барджаван, занимавший высшие административные посты при ал-ʻАзизе и в начале правления ал-Хакима (996—1021), был

---

[158] Ибн Халликан, I, с. 305.

[159] Бартольд (1918б), VI, с. 172; он же (1930), VI, с. 622; Eche, 1967, с. 85—86. Указание на количество книг в библиотеке Фатимидов, если только речь идет о ней (это представляется очень вероятным), содержится в рассказе каирца Ибн ас-Санбади, мастера по изготовлению астролябий и других научных инструментов (Ибн ал-Кифти сам видел его «прекрасно сделанные и точные инструменты»): в 435/1033-34 г. вазир Абу-л-Касим ʻАли б. Ахмад ал-Джурджани «решил осмотреть хранилище книг в Каире, [проверить], составлен ли их каталог и починены ли обветшавшие переплеты, и поручил кади Абу ʻАбдаллаху ал-Кудаʻи и Ибн Халафу ал-Варраку подготовить это. Присутствовал весь двор, присутствовал и я, желая посмотреть то, что связано с моим ремеслом. И я увидел, в частности, из книг по астрономии, математике и философии 6500 книжек». Цифра вполне реальная, позволяющая судить и об остальной части библиотеки. См.: Ибн ал-Кифти, с. 440.

[160] Eche, 1967, с. 74—97.

убит в 1000 г. и оставил громадное имущество, среди которого были и книги «неисчислимые»[161]. Книжное собрание Ибн Йунуса (ум. в 1009 г.), известного астронома, было распродано его сыном[162]. Поэт Абу-л-Хасан ʻАли б. Мухаммад ат-Тихами (уб. в 1025 г.) прибыл в Египет, имея с собой много книг от владетеля ар-Рамлы[163]. Бал-Музаффар Наср б. Махмуд б. ал-Муʻарриф, философ, врач и поэт, ученик Ибн ал-ʻАйнзарби (ум. в 1153 г.), «переписал своей рукой очень много книг по алхимии, а также много книг по медицине и философии. Его высокий помысел был направлен на приобретение и чтение книг. Рассказал мне шейх Садидаддин ал-Мантики о нем, что в его доме был большой кабинет (*маджлис*), полный книг на устроенных там полках, и что Бал-Музаффар бо́льшую часть своего времени проводил в том кабинете, занимаясь книгами, чтением и перепиской». Далее Ибн Аби Усайбиʻа отмечает его удивительную привычку делать записи «на оборотах тысяч принадлежавших ему книг по каждой науке» и ставить свое имя; многие из них он видел[164].

Эмир ал-Мубашшир б. Фатик (вторая половина XI в.), автор «славных сочинений по логике и другим разделам философии, хорошо известных среди мудрецов, много переписывал, я встречал ряд сочинений древних, писанных его рукой. И приобрел ал-Мубашшир б. Фатик очень большое количество книг; у многих из них изменился цвет бумаги оттого, что они побывали в воде. Шейх Садидаддин ал-Мантики рассказал мне в Каире: эмир Ибн Фатик страстно стремился к овладению знаниями, и у него были хранилища книг. Едва он слезал с коня, как шел к книгам и не расставался с ними; у него не было других привычек, кроме как читать и писать, и он считал это самым важным для себя... Когда он умер, его жена поднялась в книгохранилища вместе со служанками, а у нее на сердце была обида на эти книги, потому что они отвлекали его от нее. Она стала оплакивать его, и в то же время она и служанки побросали книги в большой пруд посреди двора. Потом книги вытащили из пруда, но большинство их успело намокнуть. Вот причина того, что многие книги ал-Мубашшира б. Фатика находятся в таком состоянии»[165].

Во второй половине XI в. из Египта в Багдад вывез кни-

[161] Ибн Халликан, 1, с. 88.
[162] Там же, с. 375.
[163] Там же, с. 358.
[164] Ибн Аби Усайбиʻа, 2, с. 108; Meyerhof, 1929, с. 288—289.
[165] Ибн Аби Усайбиʻа, 2, с. 99; Meyerhof, 1929, с. 286—287.

ги на 10 верблюдах Абу Йусуф ʻАбдассалам б. Мухаммад ал-Казвини (см. выше, Ирак)[166]. К рубежу XI—XII вв. относится сообщение о собрании Афра'има Ибн аз-Заффана, врача-иудея: «Его высокий помысел был направлен на приобретение книг и заказывание копий, так что у него стало много кладовок с книгами по медицине, и не только по ней. У него всегда были переписчики, которые писали, получая от него плату, в их числе Мухаммад б. Саʻид б. Хишам ал-Хаджари, известный как Ибн Милсака. Я встречал ряд книг, писанных его почерком для Афра'има: они имели автограф последнего. Отец мне рассказал, что какой-то человек из Ирака приехал в Египет купить книг и забрать с собой; он встретился с Афра'имом, и они договорились, что Афра'им продаст 10 тыс. томов из своих книг. А было это в дни правления ал-Афдала[167], сына Амир-ал-джуйуша. Услыхав об этом, он выразил желание, чтобы книги остались в Египте и не переместились в другое место. Он послал от себя Афра'иму всю сумму, о которой договорились Афра'им и иракец, и книги были доставлены в библиотеку ал-Афдала. На них были написаны его почетные титулы (*алкаб*), поэтому я встречал много книг по медицине и других, на которых есть имя Афра'има и титулы ал-Афдала. После смерти Афра'има осталось больше 20 тыс. томов книг и много денег и имущества»[168].

Есть сообщение о вакфных книгах мечети области (*сагр*) Александрия, которыми ведал в XI в. литератор Абу ʻАбдаллах Мухаммад б. ал-Хасан б. Зурара ат-Та'и[169]. Столь же малоопределенны сведения о «библиотеке Аристотеля» в Александрии, в которую был посажен Умаййа б. ʻАбдалʻазиз б. Аби-с-Салт ад-Дани (ум. в 1134 г.), литератор и ученый, арестованный за то, что обещал поднять затонувшее в бухте судно, но не сумел. Там он занялся изучением книг по философии и медицине, и его посещал ученик Абу ʻАбдаллах аш-Шами, к рассказу которого восходят сообщения источников[170].

При Аййубидах и Мамлюках в XII—XIV вв. в Каире было основано около 25 вакфных библиотек (и только одна в другом городе), из которых самыми крупными и знаменитыми были ал-Фадилийа, ал-Махмудийа, ал-Ашрафийа и библиотека при больнице ал-Мансури.

Ал-Кади ал-Фадил Абу ʻАли ʻАбдаррахим б. ʻАли б. Му-

---

166 Субки, 3, с. 230.
167 Всесильный вазир Фатимидов в 1095—1121 гг.
168 Ибн Аби Усайбиʻа, 2, с. 105; Meyerhof, 1929, с. 288.
169 Суйути, Бугйа, с. 33; Eche, 1967, с. 264.
170 Eche, 1967, с. 141—142.

хаммад ал-Лахми ал-Байсани ал-'Аскалани (1135—1200), известный писатель и библиофил, будучи вазиром Салахаддина, воспользовался его победами для обогащения своего книжного собрания. Он присвоил лучшую часть книг из библиотеки Фатимидов и участвовал в распродаже остальной части [171], увез 70 ослиных вьюков книг из богатой библиотеки Амида в 1183 г. Он скупал много книг через торговых посредников по всему мусульманскому миру, на него работали переписчики и переплетчики. Он стремился подобрать лучший экземпляр всякого сочинения, а некоторые сочинения имел в нескольких экземплярах. Количество книг в его собрании источники определяют разными цифрами: 100, 180 или 200 тыс.; Ибн ас-Са'и дает минимальную цифру — 30 тыс., а ас-Сафади — 1 млн.; Йусуф ал-'Ушш считает приемлемой оценку «свыше 50 тыс.» [172]. Всю свою громадную коллекцию или ее часть он передал в вакф основанному им в 1184 г. медресе, названному по его имени ал-Фадилийа. Эта богатейшая библиотека, изобиловавшая ценными и редкими книгами [173], просуществовала недолго и ко времени ал-Макризи (1361—1442) уже исчезла, так как в голодный 1251 год ученики продавали том за кусок хлеба, остальные книги были расхищены [174]. Часть собрания попала, очевидно, через его сына в ал-Фадилийу в Дамаске (см. выше).

Во дворце правителя Египта ал-Малика ал-'Азиза Аййубида было книжное собрание, которое после его смерти (1198 г.) отдали в вакф [175].

К XIII в. относятся сведения о наличии коллекций и библиотек в Каире: в медресе ас-Сахибийа, которое основал ас-Сахиб Сафи'аддин 'Абдаллах б. 'Али б. Шакир (ум. в 1225 г.) [176]; в *дар ал-хадис*, основанном в 1224 г. ал-Маликом ал-Камилом, библиотекарем ал-Камилийи был знаток хадисов и грамматики Мухаммад б. Ибрахим б. 'Инан ал-Майдуми (ум. в 1284 г.) [177]; в медресе ас-Сабахийа ал-Баха'ийа, которое основал в 1256 г. вазир ас-Сахиб Баха'аддин

[171] Согласно другой версии, он отобрал лучшие книги, оторвал у них переплеты, чтобы придать им неприглядный вид, и купил их по дешевке (Eche, 1967, с. 250).

[172] Eche, 1967, с. 251.

[173] В их числе называют многотомный словарь Абу 'Абдаллаха Мухаммада б. Джа'фара ал-Каззаза (ум. в 1021 г.), тафсир Абу Бакра Мухаммада б. 'Али ал-Удфави (ум. в 998 г.) *ал-Истигна'* в 120 томах, экземпляр Корана, писанный якобы халифом 'Усманом (644—656), он был куплен за 30 тыс. динаров и помещен в специальном михрабе.

[174] Eche, 1967, с. 249—254.

[175] Там же, с. 262.

[176] Там же, с. 254.

[177] Суйути, Бугйа, с. 5, 360; Eche, 1967, с. 254—255.

ʻАли б. Мухаммад б. Салим б. Ханна; в медресе аз-Захирийа, построенном в 1263 г. и названном по имени правившего тогда аз-Захира Байбарса; при ал-Макризи его библиотекарем был Мухаммад б. Мухаммад ал-Джаммал (ум. в 1472 г.); у Рашидаддина Йахйи б. ʻАли ан-Набулуси (ум. в 1263 г.), отдавшего часть своих книг в вакф; у Зайнаддина Мухаммада б. Ахмада ал-Анбуради ас-Суфи аш-Шафиʻи (ум. в 1268 г.), отдавшего свое собрание в вакф; при больнице ал-Мансури с медресе, которые построил ал-Мансур Қала'ун (ум. в 1290 г.) и назначил жалованье библиотекарю 40 дирхемов ежемесячно. Эта библиотека содержала много книг по разным отраслям знания, ей отдал в вакф свой дом и свои книги работавший здесь знаменитый врач Ибн ан-Нафис ʻАла'аддин ʻАли б. Аби-л-Харам (ум. в 1389 г.), в том числе *аш-Шамил фи-т-тибб* в 300 томах, из которых 80 он определенно довел до конца. По сообщению ал-Макризи, большинство его книг разошлось по частным собраниям. Позднее (XVIII в.) оставшиеся книги и документы сгорели при пожаре. Наконец, в медресе ал-Манкутимирийа, которое построил в 1296 г. Сафи'аддин Манкутимир ал-Хусами, и ал-Хиджазийа, учрежденном Хвандататар, дочерью ан-Насира б. Қала'уна и женой эмира Биктимира ал-Хиджази[178].

Ибн ал-Қифти (ум. в 1248 г.) видел в Қифте *Китаб ал-ʻУдда ли-тул ал-мудда* кайруанского врача X в. Ибн ал-Джаззара в 20 томах[179].

В XIV в. отмечены египетские библиотеки и коллекции (все в Қаире, за одним исключением): в *рибат-ал-асаре*, который построил ас-Сахиб Таджаддин Мухаммад б. Фахраддин Мухаммад (ум. в 1307 г.); в г. Кус (Верхний Египет) был целый шкаф с сочинениями факиха Сулаймана б. ʻАбдалкави ат-Туфи (ум. в 1316 г.); в медресе ат-Тайбарсийа, которое построил эмир ʻАла'аддин Тайбарс ал-Хазнадари (ум. в 1319 г.); в ханаке ал-Биктимирийа, построенной в 1325 г. эмиром Биктимиром ас-Саки, все ее имущество и книги рассеялись в голодный 1403 год; в медресе ал-Баширийа, которое построил в пригороде Қаира евнух Саʻдаддин Башир ал-Джамадар ан-Насири в 1359 г.; в медресе ал-Лукаланийа, которое основал литератор и чиновник ал-Хусайн б. Мухаммад ал-Лукалани (ум. в 1360 г.); в вакфном медресе, учрежденном в 1366 г. Сайфаддином Илджи (Илчи), управляющим больницей ал-Мансури; в медресе ас-Субайкийа, которое построил эмир Субайкаддин Мискал (ум. в

---

178 Eche, 1967, с. 255—256, 260—263.

179 Ибн Аби Усайбиʻа, 2, с. 38.

1374 г.); в медресе ал-Ашрафийа, которое построил ал-Малик ал-Ашраф Ша'бан б. Хусайн б. Мухаммад б. Кала'ун (ум. в 1376 г.). Это вакфное собрание, для перевозки которого потребовалось 10 вьюков, включало автографы знаменитых иракских каллиграфов Ибн ал-Бавваба и Йакута ал-Муста'сими. Сын основателя ал-Малик ас-Салих продал все книги за 600 динаров эмиру Джамаладдину ал-Устадару Йусуфу, который поместил их в 1408 г. в своем медресе, но в следующем году был казнен ал-Маликом ан-Насиром. Часть книг последний вернул в медресе как вакф от своего имени, часть забрал во дворец. В ханаке ас-Салахийа, где библиотекарем был Джамаладдин 'Абдаллах б. 'Али б. Ахмад ал-Ансари Ибн Хадида (ум. в 1381 г.); в мечети ал-Хатири, которую основал в 1386 г. эмир 'Иззаддин Айдимир ал-Хатири[180]; в медресе, которое построил в 1394 г. Джамаладдин Махмуд б. 'Али ал-Устадар (ум. в 1396 г.). Источники называют его то ал-Махмудийа, то ал-Джамалийа[181], но говорят об одной необычайно богатой библиотеке, которую сумел собрать этот ловкий делец. Он купил, в частности, ценнейшую коллекцию Ибн Джама'и (ум. в 1388 г.). Книгами этой библиотеки пользовался, наверное, ал-Макризи, он считал ее лучшей в Египте и Сирии[182].

К началу XV в. относятся данные о книжных собраниях в Каире в ханаке аш-Шайхутийа, библиотекаря которой, широко образованного шейха Са'да б. Халила б. Сулаймана ар-Руми ал-Марзубани, убили разбойники в 1411 г.; в медресе ал-'Усманийа, которое построил ал-Малик ал-Ашраф Абу-л-Махасин Йусуф ал-'Усмани; ал-Калкашанди (ум. в 1418 г.) посвятил этому медресе свой труд об арабских племенах; в медресе ал-Маликийа, основанном Сайфаддином ал-Маликом ал-Джукандаром, коллекцию которого ал-Макризи считал очень ценной[183].

При мамлюкских династиях возвысилось значение ал-Азхара, комплекса из медресе, мечети и библиотеки, до положения общемусульманского богословского университета. О библиотеках с рукописями у псевдоаббасидских халифов в Каи-

[180] Eche, 1967, с. 256, 260—265.

[181] Поэтому Йусуф ал-'Ушш отнес данные источников к библиотекам двух разных медресе, основанных этим лицом (Eche, 1967, с. 257—258 и 259—260).

[182] Из этой библиотеки до наших дней дошли 29-й том от 30-томного экземпляра *Нихайат ал-араб* ан-Нувайри, хранящийся в Национальной библиотеке в Париже (шифр — ar. 1579), и последний том *Таджариб ал-умам* Мискавайха, хранящийся в библиотеке Айасофйа в Стамбуле и изданный факсимильно (GMS, vol. VII, 6. Leyden — London, 1917).

[183] Eche, 1967, с. 262, 260, 258.

ре пишет Халил аз-Захири[184]. В 1475 г. была основана библиотека в Дамьетте. Все новые и новые книжные собрания и библиотеки XIII—XV вв. питали интенсивную литературную деятельность, которая выдвинула Египет (вместе с Сирией) на ведущие позиции. Действительно от этого периода до нас дошло много прекрасных рукописей.

После поражения Кансуха ал-Гури от османского султана Селима в 1517 г. положение в стране мало изменилось. Но постепенно стал происходить отток рукописей в Стамбул. Сведения о библиотеках XVI—XVIII вв. малоизвестны.

Большинство современных библиотек Египта, имеющих рукописные фонды, основаны в XIX—XX вв. Самая крупная — Дар ал-кутуб — возникла в 1870 г. благодаря стараниям известного просветителя ʻАли Мубарака и вобрала в себя множество коллекций. На 1954 г. в ней насчитывалось 38 583 тома рукописей. Второе по величине хранилище находится при ал-Азхаре, в нем около 24 тыс. рукописей. В библиотеку Каирского университета в 1928 г. поступило 5 тыс. рукописей. Свыше 600 христианских рукописей находится в Коптском музее и библиотеке Патриаршества. Рукописные собрания за пределами столицы находятся в городах: Александрия (в Муниципальной библиотеке — свыше 4 тыс.), Дамьетта (в Музее религии — 3325), Танта (свыше 1500 в мечети ал-Ахмадийа и 292 в Муниципальной библиотеке), Заказик (233), Мансура (341), Сохаг (1043), Шибин ал-Кум (199); в монастыре св. Екатерины на Синае около 700 христианских. Итого свыше 80 тыс.[185].

Арабские страны Северной Африки: Марокко, Алжир, Тунис, Ливия

Древнейшими в регионе являются библиотеки соборных мечетей Кайруана в Тунисе и Феса в Марокко (мечеть ал-Каравийин); обе основаны в IX в. и насчитывают одиннадцать столетий своей истории, но их фонды, к сожалению, не оставались нетронутыми, поскольку не раз подвергались разорению. Тем не менее в них сохранилось небольшое количество рукописей и документов, относящихся к IX—XI вв. Дошла до нас и опись Кайруанской библиотеки от XIII в.[186].

[184] Бартольд (1912), VI, с. 41.
[185] См.: БАР, с. 80—92, 328—329.
[186] Шаббух, 1956.

Эти два города и Константина в Алжире издавна были центрами арабской книжной учености, но сведения о старинных собраниях еще не извлечены из источников полностью. Отметим лишь ценную статью Хасана Хусни ʻАбдалваххаба, где он привел некоторые данные о дворцовых библиотеках Аглабидов, ранних Фатимидов и Зиридов, о частных собраниях ученых, о переписчиках[187].

Аглабид Ибрахим II (875—902) учредил «Дом мудрости» в основанной им резиденции Раккаде, куда привлек ученых из других центров и где собрал библиотеку, видимо немалую. Первые Фатимиды Ифрикии также были ревностными собирателями рукописных книг, они захватили сокровищницы Аглабидов, в том числе книжные; их библиотека находилась сначала в ал-Махдии, а затем в ал-Мансурии, она была перемещена впоследствии в Фустат (см. выше, Египет). Еще в 865 г. после смерти книголюба Абу-л-Фадла Ахмада ат-Тамими осталась библиотека, которую продали за 1200 динаров. У ʻИсы б. Мискина (ум. в 903 г.) была комната, полная книг. Значительными собраниями рукописных книг обладали библиофилы и авторы X в., которые сами помногу переписывали: Мухаммад б. Бистам б. Раджаʼ ад-Дабби, Хамдун б. Муджахид ал-Калби, Ахмад б. Мухаммад ал-Касри, Абу-л-ʻАраб Мухаммад б. Ахмад ат-Тамими, ʻАбдаллах б. Аби Хашим б. Масрур ат-Туджиби и др.[188]. В библиотеке Старой мечети Кайруана сохранились рукописи, на которых есть записи и пометы некоторых из названных лиц: переписческие, владельческие, вакфные. Самой богатой из частных была библиотека потомственных врачей Бану-л-Джаззар; от последнего представителя этого рода, Абу Джаʻфара Ахмада (ум. в 980 г.), осталось книг весом в 20 или 25 кинтаров (около 800 или 1000 кг)[189].

«Золотым» для расцвета культуры Ифрикии, как считает Х. Х. ʻАбдалваххаб, был и период правления Зиридов, среди которых в качестве покровителя ученых и собирателя библиотеки выделялся ал-Муʻизз б. Бадис (1016—1062), на которого работали многие переписчики, золотильщики, художники, переплетчики (о специальном сочинении по книжному делу, составленном для этого правителя или его сына и им приписанном, см. в гл. 7). Сообщается, что он подарил нищенствующему благочестивому ученому Абу Бакру ʻАтику ас-Суси ценные книги, которые были торжественно доставлены ему на 20 вьючных животных; тот передал их в вакф,

[187] Абдалваххаб, 1955.
[188] Там же.
[189] Ибн Аби Усайбиʻа, 2, с. 38; Meyerhof, 1929, с. 289.

15 Зак. 36

чтобы ими пользовались «искатели знания», и часть этих книг дошла до наших дней в библиотеке соборной мечети Кайруана [190].

В страны Северо-Западной Африки привозили арабские рукописи из Египта и других стран Ближнего Востока. Многие ученые и литераторы этого региона были связаны с ал-Андалусом, учились там или происходили оттуда, приобретали там книги. Североафриканские правители также доставляли иногда целые библиотеки из ал-Андалуса в свои резиденции. В XIV—XV вв. и позднее в странах Магриба осело немало мусульман, изгнанных или вынужденных эмигрировать из ал-Андалуса; некоторые из них обладали рукописными собраниями.

Информация о библиотеках Марокко, Алжира и Туниса позднесредневекового периода еще не собрана. Кое-какие сведения для начала XVI в. дает Лев Африканский, труд которого недавно вышел в русском переводе: о заброшенной дворцовой библиотеке и об опустевших книжных лавках в Марракеше, о разорении медресе («коллегии для студентов») в районе горы Бени Йарзу области Риф, где были найдены книги ценой в 4 тыс. дукатов, о писцах в Фесе и в районе горы Местаза области Хауз, о книгах по магии и алхимии у богатого «отшельника» в городе Батха королевства Тлемсен, о 3 тыс. книг, которые купил в Хативе и привез в г. Алжир один «благородный человек» [191].

Ныне в Марокко наблюдается тенденция к централизации рукописных собраний страны и сосредоточению их в Публичной библиотеке столицы — Рабата. По словам ее директора, к 1972 г. в ней насчитывалось около 10 тыс. томов, включающих до 25 тыс. списков сочинений; с тех пор ее фонды возросли за счет притока частных собраний, которых раньше было много в Фесе, Мекнесе, Танжере, Сале, Рабате, Марракеше. Ценное собрание рукописей находится в Королевской библиотеке. Рукописи хранятся в двух библиотеках и одном частном собрании Тетуана, в училище (*куллийа*) Ибн Йусуфа в Марракеше, в библиотеке г. Мекнеса, а также в завиях и мечетях Уэззана, Тамгрута, Тангималта, Тазы, Загоры и др. Общее число арабских рукописей в Марокко можно оценить приблизительно в 35 тыс., из них в каталогах и обзорных статьях отражено свыше половины [192].

Более решительно проведена централизация рукописных собраний в современном Тунисе по решению правительства

[190] Абдалваххаб, 1955, с. 87.
[191] Лев Африканский, с. 76, 80, 137, 199, 222, 237, 241.
[192] Маврид, 1976, с. 96—99; БАР, с. 187—194, 334—335.

от 1967 г. В Национальную библиотеку в г. Тунисе были переданы 2300 рукописей Кайруанской мечети, 5130 из ал-ʽАбдалийи, 6434 из ал-Ахмадийи (обе библиотеки существовали прежде при комплексе из мечети и богословского университета аз-Зайтунийа; ал-ʽАбдалийа была основана в XVI в., ал-Ахмадийа вобрала в себя рукописи преподавателей аз-Зайтунийи и пожертвования Хафсидов, но неоднократно подвергалась разорениям); 564 из мечети ʽУкба в Кайруане, 158 из библиотеки Общества ал-Халдунийа, 637 из Публичной библиотеки Кайруана, 1372 из Сфакса, 951 из собрания Хасана Хусни ʽАбдалваххаба и др. Позднее поступили, видимо, и другие собрания. Всего в Национальной библиотеке около 25 тыс. томов арабских рукописей, а с учетом частных коллекций их количество в стране может достигать 28—30 тыс.[193].

Дело сбора, учета и хранения рукописей в Алжире поставлено не вполне удовлетворительно, поэтому в стране осталось всего около 5 тыс. томов. Бо́льшая их часть находится ныне в Национальной библиотеке в столице Эль-Джазаире, остальные — в частных собраниях[194].

В Ливии традиции мусульманской учености были слабо развиты, поэтому и количество арабских рукописей в ней невелико. В Центральной библиотеке университета в Бенгази находится около 3 тыс. арабских рукописей, в Библиотеке вакфов в г. Триполи — около 500[195], на юге страны в песках было обнаружено недавно около 75 рукописей; по времени переписки они относятся преимущественно к XVIII—XX вв.

Страны Африки южнее Сахары

Продвижение ислама и арабского языка в глубь Африканского континента имеет более чем тысячелетнюю историю, но не оставило следов в виде рукописных собраний (быть может, из-за климатических условий). Сведения об арабских рукописях в этом регионе восходят не далее XIX в., нечетки и неполны. Незначительное их количество хранится ныне в Мавритании, Гане, Нигерии (160 в Ибаданском университете и понемногу в городах Джос, Сокото, Кано и Кадуна), Сенегале и Сомали. Довольно крупная коллекция находится в Хартумском университете в Судане — около 3000 (по осторожной оценке побывавшей там ленинградской арабистки

[193] Маврид, 1976, с. 39; БАР, с. 262—265, 339—340.
[194] БАР, с. 27—31, 326.
[195] Маврид, 1976, с. 75; БАР, с. 186, 334.

О. Б. Фроловой, несколько сот). Поступления из этого региона в иностранные хранилища также невелики (известно поступление из Нигера во Францию)[196].

Испания, Португалия, Италия

На Пиренейском полуострове в период арабо-мусульманского владычества (VIII—XV вв.) мы обнаруживаем множество частных, дворцовых и вакфных библиотек, страстных любителей и собирателей книг. Существует мнение, восходящее к испано-арабским источникам, что в привязанности к знаниям и книгам андалусцы превосходили жителей других стран[197]. Кратковременное господство мусульман в Сицилии и на других островах Средиземного моря (IX—XII вв.) сопровождалось возникновением столь же недолговечных очагов арабской книжности.

Среди тех более ста лиц, которые, как теперь уточнено[198], проявили себя в области историографии с VIII по первую треть XI в., многие обладали значительными книжными собраниями. Если к ним добавить литераторов, филологов, богословов, факихов, врачей и философов этого и последующего периодов, то одних лишь авторов, владевших рукописями, наберется несколько тысяч. Литераторы и ученые ал-Андалуса VIII—X вв. были либо выходцами с Ближнего Востока и из Северной Африки, либо андалусцами, которые совершали путешествие на Восток в поисках знания и привозили также книги. Более поздние деятели литературы и науки были связаны цепочкой непрерывной традиции с родоначальниками книжной учености в ал-Андалусе; многие из них и сами совершали поездку на Восток ради учебы или паломничества, иногда оставались там до конца жизни. Из других мусульманских стран в ал-Андалус также приезжали поэты и *‘улама’* в поисках удачи и щедрых покровителей, нередко захватив с собой и книги. Между европейской и афро-азиатской частями арабо-мусульманского мира происходил непрекращавшийся обмен людьми и книжной продукцией.

Средоточием культурной жизни и местом скопления книг стала вначале Кордова, столица андалусских Умаййадов (756—1031). Самой крупной здесь была, видимо, халифская библиотека, которая сложилась главным образом при ‘Абд-

---

[196] См.: Маврид, 1976, с. 52—54; БАР, с. 186, 196—198, 214—215, 338.
[197] Маккари, 1, с. 136; Ribera, 1928.
[198] Бойко, 1977.

аррахмане III (912—961) и ал-Хакаме II (961—976). Уже 'Абдаррахман прославился любовью к книгам и собрал их в большом количестве. Его дети, ал-Хакам и Мухаммад, пристрастились к собиранию книг и соревновались друг с другом, поощряли науки и литературу, покровительствовали ученым. После смерти отца и брата ал-Хакаму удалось объединить все три библиотеки в одну, собрание которой он значительно приумножил.

У ал-Хакама работали лучшие переплетчики, художники-миниатюристы и переписчики[199], а сличением и правкой текста рукописей занималась группа ученых, получавших высокое жалованье,— Мухаммад б. Йахйа б. 'Абдассалам ан-Нахви ар-Рабахи, Мухаммад б. ал-Хусайн ал-Фихри, Мухаммад б. Ма'мар ал-Джаййани и др. Должность заведующего библиотекой считалась очень важной при дворе. Ради пополнения своей библиотеки халиф нес большие расходы, через посредников и торговцев приобретал книги на Востоке (в Фустате, Багдаде и др.), особенно по маликитскому фикху и по литературе. Говорят, что он заплатил Абу-л-Фараджу ал-Исфахани 1000 динаров за авторскую копию его *Китаб ал-Агани*[200]. Зная библиофильские наклонности халифа, подданные добивались его благосклонности, преподнося ему в дар редкие рукописи или собственные сочинения[201]. Согласно известию, восходящему к заведовавшему библиотекой Талиду, книг в ней насчитывалось около 400 тыс. томов, их каталог с одними лишь названиями диванов (сочинений? сборников?) занимал 44 тетради по 20 листов каждая[202], и редко какая книга, по любой отрасли знания, не была прочитана или просмотрена ал-Хакамом и не содержала бы его заметок о родословной и дате рождения автора. Когда библиотека разрослась и здание стало для нее тесным, ее перевели в другое; на перемещение книг потребовалось шесть месяцев[203].

Но уже при следующем халифе, Хишаме II (976—1009),

[199] Например, варрак-сицилиец 'Аббас б. 'Амр б. Харун, который переписал много книг для будущего халифа (Ибн ал-Фаради, № 884), Зуфар ал-Багдади, Йусуф ал-Баллути, переписчицы Лубна и Фатима, дочь Закарийа' (Ribera, 1928, с. 192 и араб. пер., 1958, с. 87).

[200] Мугриб, 1, с. 181; Маккари, 1, с. 250.

[201] Например, один кордовский епископ подарил ему календарь христианских праздников, который сохранился и был издан.

[202] Х. Рибера полагал, что в этом известии нет преувеличения (Ribera, 1928, с. 193), но обратим внимание на неувязку: если допустить, что названия занимали по строчке, то на каждой странице каталога должно было уместиться 227 строк. Мне кажется, что цифра приемлема лишь при десятикратном сокращении, то есть: «около 40 тыс. томов».

[203] Маккари, 1, с. 249—250, 256; Ribera, 1928, с. 191—194.

библиотеку его отца ал-Хакама II разорил Мухаммад Ибн Аби 'Амир ал-Мансур (ум. в 1002 г.), который фактически правил страной; многие книги были уничтожены, часть их попала в другие библиотеки. Правда, в окружении ал-Мансура находились ученые, адибы, поэты-панегиристы и историографы, которые посвящали и преподносили ему свои сочинения; у него была своя большая библиотека, которой заведовал Абу-л-Валид Мухаммад б. Ма'мар ал-Лугави [204], большой знаток книг и почерков.

О Хишаме сообщают, что он собрал большую библиотеку, которую купил у него следующий халиф — Сулайман (правил в 1009 и 1013—1016 гг.) [205].

Среди частных собраний в г. Кордове X—XII вв. было несколько особо выдающихся. Библиофил Мухаммад б. Хазм (ум. в 895 г.) [206], знаток адаба и историк-хронист, вместе с отцом и сестрой содержал школу для простого народа, где они втроем вели преподавание. То немногое, что он мог скопить, он тратил на приобретение книг, а свободные часы посвящал переписке книг, взятых на время у друзей. Свою небольшую, но хорошо подобранную библиотеку он сохранял в образцовом порядке и, став одним из самых начитанных людей Кордовы, составил несколько сводов по литературе и истории, критиковал и исправлял чужие труды.

Абу Мухаммад Қасим б. Са'дан б. Ибрахим б. 'Абдалварис (ум. в 958 г.) [207], обладая каллиграфическим почерком, до конца своей жизни занимался перепиской и сверкой сочинений других авторов; свое книжное собрание он оставил в вакф учащимся, книги хранились в доме Мухаммада б. Мухаммада Ибн Аби Далима.

Как страстный книголюб прославился Абу-л-Мутарриф 'Абдаррахман б. Мухаммад б. 'Иса б. Футайс (ум. в 1012 г.) [208], кордовский правовед и традиционалист. Рассказывают, что он был владельцем крупнейшего в ал-Андалусе собрания ценных книг по различным отраслям знания. Для своей библиотеки он построил специальное здание, с богатой отделкой и убранством. В ней постоянно работали шесть переписчиков. Библиотекарем у него был литератор Абу 'Абдаллах Мухаммад б. 'Иса ал-Хадрами, которому было по-

---

[204] Бойко, 1977, № 45.

[205] Ribera, 1928, с. 207 (араб. пер., 1959, с. 76).

[206] Ибн ал-Аббар, № 312; Ribera, 1928, с. 197; Бойко, 1977, с. 31, 63—64.

[207] Ribera, 1928, с. 196; Бойко, 1977, № 59.

[208] Ибн Башкувал, № 679; Дабби, № 976; Ribera, 1928, с. 195—196; Бойко, 1977, № 94.

ручено составить каталог и переписывать наиболее важные книги. Обладатель большого состояния, Ибн Футайс шел на любые траты, чтобы заполучить хорошую рукопись, предлагая за нее двойную или тройную цену. Если ему не удавалось ее купить, то он действовал через посредника, а при новой неудаче выпрашивал ее для снятия копии или сверки с имеющимся у него экземпляром. Но если сам завладевал оригиналом или авторской копией, то не одалживал никому, в крайнем случае, если просили настойчиво, приказывал снять копию и выдать ее. Стоимость собранных им книг выяснилась лишь после его смерти, когда наследники выручили за них 40 тыс. динаров, устроив аукцион в квартальной мечети и распродавая в течение целого года.

Автор известной «Истории ученых ал-Андалуса» (*Та'рих 'улама' ал-Андалус*) и ряда других трудов, знаток литературы, фикха и хадисов Абу-л-Валид 'Абдаллах б. Мухаммад ал-Азди Ибн ал-Фаради (962—1013) «был усердным собирателем книг и собрал их больше, чем кто-либо из великих людей страны»[209].

Абу-л-Қасим Салама б. Са'ид ал-Ансари (ум. в 1016 г.) из Эсихи, живший в Кордове, усердно собирал книги на Востоке и доставил 18 вьюков с книгами по разным наукам, потратив большую сумму денег[210].

Мухаммад б. Йахйа Ибн ал-Мавсул ал-Гафики (ум. в 1042 г.) любовно и тщательно собирал книги с детства, изучил почерки переписчиков, и к нему обращались, чтобы узнать их имена; книги он предпочитал всем удовольствиям и собрал их столько, сколько не было ни у кого, кроме халифа ал-Хакама II. У него были автографы выдающихся ученых и каллиграфов. Наследники продали книги по дорогой цене, получая за лист по четверти мискаля[211].

Кордовец Абу Хафс 'Умар б. 'Убайдаллах аз-Зухли аз-Захрави (971—1062) приготовил в своем доме 8 переметных мешков с книгами для перевозки в другое место; их забрали бесчинствовавшие во время междоусобиц в городе берберы[212].

Кроме них владельцами больших книжных собраний в Кордове были: блестяще образованная, популярная среди

---

[209] Ибн Башкувал, № 572 (цитирует Ибн Хаййана); Бойко, 1977, № 96.

[210] Ибн Башкувал, № 513; Ribera, 1928, с. 207 (араб. пер., 1959, с. 76).

[211] Ибн ал-Аббар, № 427; Ribera, 1928, с. 206—207 (араб. пер., 1959, с. 75).

[212] Ибн Башкувал, № 862; Ribera, 1928, с. 207 (араб. пер., 1959, с. 77); Бойко, 1977, с. 108.

знати поэтесса 'А'иша (ум. в 1010 г.)[213]; историк Ахмад ар-Рази и его сын 'Иса (X — начало XI в.)[214]; Абу-л-Валид Хишам б. 'Абдаррахман Ибн ас-Сабуни (ум. в 1032 г.)[215]; знаменитый литератор и богослов Абу Мухаммад 'Али б. Ахмад Ибн Хазм (ум. в 1064 г.)[216]; Абу Бакр Мухаммад б. 'Абдаллах Ибн Закван (ум. в 1102 г.)[217]; широко образованный хадисовед и филолог Абу 'Али ал-Хусайн б. Мухаммад ал-Джайийани ал-Гассани (ум. в 1105 г.)[218]; Абу 'Абдаллах Мухаммад б. 'Авн ал-Ма'афири (ум. в 1118 г.)[219]; вазир Абу 'Абдаллах Джа'фар б. Мухаммад б. Макки ал-Кайси ал-Лугави (ум. в 1140 г.)[220]; Абу Исхак Ибрахим б. 'Убайдаллах ан-Навала[221] и многие другие.

В различных городах ал-Андалуса, главным образом в эпоху удельных правителей (*мулук ат-тава'иф*)[222] XI в., были свои библиотеки, преимущественно частные и дворцовые.

Севилья была вторым по значению книжным центром Арабской Испании. Одной из лучших в стране считалась библиотека Аббадидов (1023—1091). В частности, Шарафаддавла Мухаммад б. ал-Му'тамид (1069—1091) коллекционировал рукописи, любил переписывать диваны стихов, обладал красивым почерком[223]. Абу Марван ал-Баджи (ум. в 1010 г.) отдал свое книжное собрание ученику, ставшему затем хатибом соборной мечети города, Ибн ал-Хаджжаджу ал-Лахми[224]. Абу 'Абдаллах Мухаммад б. 'Абдаллах ал-Лахми, известный как Ибн ал-Ахдаб, был собирателем рукописей, особенно — авторитетных (*усул*)[225]. Книголюбами, посвятившими много труда работе над собранными ими рукописями, были севильцы Мухаммад б. 'Абдаллах ал-Ма'афири ал-Ишбили[226], Мухаммад б. Хайр б. 'Умар б. Халифа[227] и Абу Бакр

---

213 Ибн Башкувал, № 1531; Ribera, 1928, с. 199.
214 Бойко, 1977, № 25 и 44.
215 Ибн Башкувал, № 1428; Ribera, 1928, с. 207 (араб. пер., 1959, с. 76).
216 Ибн Халликан, 1, с. 340.
217 Ибн Башкувал (в сборнике Ибн ал-Фаради), № 1724; Ribera, 1928, № 207 (араб. пер., 1959, с. 76).
218 Ибн Башкувал, № 329; Ribera, 1928, с. 206 (араб. пер., 1959, с. 75).
219 Ибн Башкувал, № 1260; Ribera, 1928, с. 207 (араб. пер., 1959, с. 77).
220 Ибн Башкувал, № 297; Ribera, 1928, с. 207 (араб. пер., 1959, с. 75).
221 Мугриб, 1, с. 71. 222 Босворт, 1971, с. 40—44.
223 Маккари, 2, с. 487.
224 Ибн ал-Аббар, № 1626.
225 Ибн ал-Фаради, № 1730.
226 Дабби, № 179.
227 Ибн ал-Аббар, № 780.

Мухаммад б. Ахмад б. ал-Банна' ал-Ишбили[228]. Есть сообщение о том, как историк XI в. Мухаммад б. Музайн нашел именно в библиотеке Севильи в 471/1078-79 г. том с сочинением Мухаммада б. Мусы ар-Рази «Книга знамен» (*Китаб ар-ра'йат*)[229].

В Альмерии знаменитыми собирателями книг были вазир Абу Джа'фар б. 'Аббас, библиотека которого насчитывала якобы более 400 тыс. томов[230], и Абу 'Умар Маймун б. Йасин ас-Санхаджи ал-Ламтуни (ум. в 1136 г. в Севилье)[231].

В Малаге хатиб мечети 'Иса ар-Рунди владел библиотекой из рукописей, собранных им на Востоке[232]. Врач, философ и факих 'Усман б. Мандур ал-Малаки, происходивший из знатной севильской семьи, женился на дочери факиха Абу 'Али б. Хассана, которая унаследовала библиотеку своего отца, и пользовался ее книгами[233]. Ибн Лопе ал-Малаки отдал бóльшую часть своей библиотеки в вакф соборной мечети Малаги[234].

В Велесе жил Мухаммад б. Ахмад, который унаследовал богатую библиотеку своего деда Абу-л-Фадла б. 'Ийада[235].

Знаменитым собирателем книг был Мухаммад б. ал-Хаким ал-Лахми из Ронды[236].

Правитель небольшого княжества («царства») с центром в Бадахосе Мухаммад ал-Музаффар Ибн ал-Афтас (ум. в 1068 г.) составил (вероятно, пользуясь помощью других ученых) энциклопедию *ал-Музаффарийа* в 50 томах, целиком опираясь на книги из своей большой библиотеки[237].

Усердным собирателем диванов и прочих рукописей был Абу-л-Касим Мухаммад б. 'Абдаллах ал-Кантари, живший в Сильвесе[238].

Толедо был крупным центром мусульманской образованности, и в нем жили многие библиофилы. Абу-л-Валид Хишам б. 'Умар б. Мухаммад ал-Умави Ибн ал-Хушани собрал

---

[228] Мугриб, 1, с. 249.
[229] Бойко, 1977, с. 59.
[230] Маккари, 2, с. 359; Ribera, 1928, с. 209—210. Данные о количестве книг, очевидно, преувеличенны.
[231] Ибн ал-Аббар, № 1137; Ribera, 1928, с. 210 (араб. пер., 1959, с. 80).
[232] Ribera, 1928, с. 210.
[233] Там же, с. 211.
[234] Там же, с. 217.
[235] Там же, с. 211.
[236] Там же.
[237] Ибн ал-Аббар, № 451; Маккари, 2, с. 130; Ribera, 1928, с. 211.
[238] Ибн ал-Аббар, № 734; Ribera, 1928, с. 211.

на Востоке большое количество прекрасных рукописей и привез в этот город [239]. Хорошим подбором рукописей была известна библиотека Абу Джа'фара Ахмада б. Мухаммада Ибн Маймуна ал-Умави (ум. в 1010 г.), которую люди кинулись спасать во время вспыхнувшего пожара [240]. Перебравшийся сюда кордовец Абу-л-Касим Хатим б. Мухаммад ат-Тамими Ибн ат-Тарабулуси основал большую библиотеку из тщательно выверенных рукописей [241]. Сообщают, что в Толедо попала часть книг из разоренной библиотеки ал-Хакама II. Правители из местной династии Зу-н-Нунидов (XI в.) пополняли свою библиотеку, прибегая иногда к конфискации чужой (см. ниже). Абу 'Амир Мухаммад б. Ахмад б. Исма'ил (ум. в 1129 г.) увлеченно собирал автографы знаменитых толедских ученых [242].

Представители династии Худидов (1039—1142) в Сарагосе покровительствовали поэтам и ученым, а Ахмад ал-Муктадир (1046—1081) сам был астрономом, математиком и философом. Известен здесь знаток преданий, переписавший много сочинений и диванов, Абу Мухаммад 'Абдаллах б. Мухаммад б. Сандур ат-Туджиби (ум. до 1107 г.) [243].

В городах на юге и юго-востоке ал-Андалуса селились владельцы рукописных собраний, отступавшие с севера по мере продвижения христианских войск; были в них и местные книголюбы. Сообщают, что в Валенсии собрание 'Абдаллаха б. Хаййана ал-'Аруши (ум. в 1094 г.), которое конфисковал и перевез в свой дворец правитель Толедо из династии Зу-н-Нунидов, упаковали в 143 переметных мешка [244]. Как собиратели книг стали известными валенсийцы Абу-л-Валид Сулайман б. 'Абдалмалик б. Рубил ал-'Абдари (ум. в 1136 г.) [245], Абу-л-Хасан 'Али б. Мухаммад ал-Баланси (ум. в 1169 г.) [246], Абу Марван 'Убайдаллах б. 'Абдаллах Ибн 'Айшун ал-Ма'афири (ум. в 1178 г.) [247], Абу 'Умар Йу-

---

[239] Ибн Башкувал, № 1311.
[240] Ибн ал-Аббар, № 30.
[241] Ибн ал-Аббар, № 351; Ribera, 1928, с. 212 (араб. пер., 1959, с. 83).
[242] Ибн ал-Аббар, № 443; Ribera, 1928, с. 212.
[243] Ибн ал-Аббар, № 1311; Ribera, 1928, с. 213 (араб. пер., 1959, с. 84).
[244] Дабби, № 920; Ибн Башкувал, № 629; Ribera, 1928, с. 214 (араб. пер., 1959, с. 85).
[245] Ибн Башкувал, № 1430; Ribera, 1928, с. 214 (араб. пер., 1959, с. 86).
[246] Ибн ал-Аббар, № 1858; Ribera, 1928, с. 214 (араб. пер., 1959, с. 85).
[247] Ибн ал-Аббар, № 1512; Ribera, 1928, с. 214 (араб. пер., 1959, с. 85—86).

суф б. 'Абдаллах б. Са'ид ал-Лири (ум. в 1179 г.)[248], Абу-л-Хасан 'Али б. Мухаммад ал-Гафири (ум. в 1251 г.)[249].

В Хативе жили: Абу 'Абдаллах Мухаммад б. Йусуф б. Са'ада (ум. в 1171 г.), который унаследовал древние книги и ценные рукописи Ибн Суккары и владел богатой библиотекой[250]; Абу 'Иса Лубб б. Мухаммад ал-Баланси (ум. в 1234 г.), у которого были авторитетные рукописи (*усул*)[251]; ботаник Ибн ар-Румийа, богатый собиратель книг по разным наукам[252].

Как обладатели ценных рукописных собраний упоминаются жители Мурсии Абу 'Абдаллах Мухаммад б. 'Абдаррахман Ибн ал-Фарадж ал-Ансари ал-Хазраджи (ум. в 1172 г.)[253] и Абу Бакр Мухаммад Ибн Галбун ал-Ансари, друг Ибн ал-Аббара[254].

В последнем убежище андалусских мусульман, Гранаде, скопилось много арабских рукописных собраний. Одной из знаменитых была библиотека еврея Йусуфа б. Исма'ила ал-Йахуди, вазира Бадиса б. Хаббуса[255]. Очень крупную библиотеку собрали Насриды (1230—1492), у которых библиотекарем состоял одно время каллиграф и художник Ибн Сакран. Владельцами хороших рукописных коллекций были Абу 'Абдаллах ат-Тарраз и Ибн Фархун. Лисанаддин Ибн ал-Хатиб (1313—1374) пишет о своих учителях, обладавших большими библиотеками: Абу-л-Касиме ал-Калби и Ибн ал-Ашйабе, унаследовавшем ценные книги Абу 'Абдаллаха ал-'Абида, уроженца Феса. Наконец, собирателем книг из Гранады был Ибн Рушайд, скончавшийся в Фесе, чьи автографы были найдены в Эскуриале[256].

Х. Рибера пытался определить общее количество рукописей, созданных арабами Испании с VIII по XV в., и пришел к решению, что их было, «по самой скромной оценке, около двух миллионов». Он обрисовал внушительную картину, но

---

[248] Ибн ал-Аббар, № 2081; Ribera, 1928, с. 214 (араб. пер., 1959, с. 86).

[249] Ибн ал-Аббар, № 1922; Хумайди, с. 308; Ribera, 1928, с. 214 (араб. пер., 1959, с. 86).

[250] Дабби, № 308; Ибн ал-Аббар, № 746; Маккари, 1, с. 607; Ribera, 1928, с. 215 (араб. пер., 1959, с. 87—88).

[251] Ибн ал-Аббар, № 296; Ribera, 1928, с. 215 (араб. пер., 1959, с. 88).

[252] Ribera, 1928, с. 215.

[253] Ибн ал-Аббар, № 750; Ribera, 1928, с. 215 (араб. пер., 1959, с. 88).

[254] Ибн ал-Аббар, № 1039; Ribera, 1928, с. 215 (араб. пер., 1959, с. 89).

[255] Ribera, 1928, с. 202.

[256] Там же, с. 216—217 (араб. пер., 1959, с. 89—91).

цифровые данные источников принимал некритически и пустился вдобавок в произвольные подсчеты. Думаю, что ближе к истине оценка в полмиллиона рукописей (обоснование см. ниже). Тот же исследователь указал основные причины гибели арабо-андалусских рукописей: износ бумаги и ее использование на картон для переплетов, вывоз рукописей, публичное их сожжение, которое началось еще в конце X в. и периодически повторялось при смене династий, но особенно активно велось инквизиторами в ходе реконкисты и после нее (как известно, искоренение арабо-мусульманского наследия, идейного и рукописного, было одной из главных функций инквизиции). После взятия Гранады (1492 г.) у мусульманского населения было изъято несколько тысяч рукописей и сожжено на площади ар-Рамла.

Часть письменного наследия ал-Андалуса была перевезена в Магриб бежавшими туда мусульманами, и небольшая его доля дожила до наших дней. Выявление, подсчет, установление бывших владельцев сохранившихся рукописей андалусского происхождения широко еще не проводились.

В середине IX в. началось арабское завоевание Сицилии (североафриканской династией Аглабидов), завершившееся в 878 г., и более чем на два столетия она стала сферой распространения арабо-мусульманской культуры. Сицилия дала несколько арабских поэтов и писателей, в ней существовали собрания арабских книг, в частности уже после норманнского завоевания у короля Рожера II в XII в. Дальнейшая судьба этих книг неизвестна.

Современные собрания арабских рукописей в Италии и Испании — самые старые в Европе. В Испании знаменито собрание Эскуриала, куда поступили несколько коллекций в течение XVI в., и библиотека короля Марокко Мулай Зидана (более 4 тыс. томов), захваченная при перевозке по морю в 1611 г.; после пожара 1671 г. осталось около 1950 единиц хранения. В трех библиотеках Мадрида и в некоторых других городах Испании находится еще свыше 1 тыс. ед. Всего по стране — около 3 тыс. арабских и испано-арабских рукописей.

В Португалии две библиотеки в Лиссабоне и одна в Эворе хранят около сотни арабских рукописей.

В Италии коллекционирование арабских рукописей началось еще в XIV в., и ныне их там насчитывается более 7 тыс. томов (в каталогах свыше 9 тыс. номеров); хранятся они рассредоточенно, более чем в полусотне библиотек сорока городов. Основное их количество находится в Милане, Риме (включая собрания Ватикана), Болонье и Флоренции. Среди
 них много арабо-христианских, поступивших из монастырей и

частных коллекций Ближнего Востока. Крупные коллекции были приобретены в Йемене, небольшие — в Стамбуле и Балканских странах, Ираке, Ливии, Эфиопии и Сомали[257].

Турция

Старинные книжные собрания и вакфные библиотеки в юго-восточных илах (вилайетах) Турции, то есть Верхней Месопотамии, известны с XI в. При курдской династии Марванидов (983—1085) «особенного материального благополучия достигли города Амид, Маййафарикин и Хисн Кайфа; этот период отмечен также интенсивной культурной деятельностью»[258]. Именно тогда писатель и поэт вазир Абу Наср Ахмад б. Йусуф ал-Манази (ум. в 1045 г.) собрал значительное количество книг и отдал их в вакф в соборные мечети Маййафарикина и Амида; «они поныне находятся там и известны как „книги ал-Манази“», — пишет в 1274 г. (или немного раньше) Ибн Халликан[259]. Другой вазир, Абу-л-Касим ал-Магриби (ум. в 1027 г.), учредил из своей коллекции вакф в пользу жителей Маййафарикина[260].

В 1183 г., как говорилось выше, приближенный Салахаддина увез из Амида 70 ослиных вьюков книг. Согласно сообщению того же автора XIII в., в Амиде была библиотека, в которой находилось 1 040 000 книг[261]. Вакфной стала коллекция философа Хусамаддина б. Артука (ум. в 1197 г.) при построенном им мавзолее в Мардине[262]. Там же в медресе, воздвигнутом султаном Абу-л-Хасаном из династии Артукидов, были помещены в 1277 г. в вакф книги, одна из которых дошла до наших дней[263]. Вакф Артукида Кара Арслана ал-Музаффара в построенном им медресе в рабаде Маййафарикина датирован также 1277 г.[264]. В ханаку Мардина отдал свои рукописи хадисовед и факих Шамсаддин Абу-л-‘Ала’ Махмуд б. Аби Бакр ал-Ханафи (ум. в 1300 г.)[265].

Об арабской книжной учености при ранних тюркских ди-

---

[257] Подробнее см.: Pearson, 1971, с. 248—260, 271—272, 273—278, 340—342; БАР, с. 154—162, 162—174, 207, 333, 336.

[258] Босворт, 1971, с. 88.

[259] Ибн Халликан, 1, с. 44—45.

[260] Ибн ал-Асир, IX, с. 226, 233, 235 и сл.; X, с. 11; Макризи, Хитат, 2, с. 157 и сл.; Eche, 1967, с. 201—202.

[261] Абу Шама, 2, с. 39; цифра явно преувеличенна.

[262] Ибн Аби Усайби‘а, 1, с. 300; Eche, 1967, с. 200.

[263] Eche, 1967, с. 200: хранится в Городской (Муниципальной) библиотеке Александрии.

[264] Eche, 1967, с. 201.

[265] Там же.

настиях Анатолии XI—XIV вв. сведений практически нет; она стала развиваться в XV и особенно в XVI в., которым датируются и самые ранние библиотеки. Богатства современных турецких библиотек обязаны не только и даже не столько трудам местных ученых и переписчиков, хотя их число было немалым, сколько притоку рукописей из более древних центров — Сирии, Египта, Ирака и Аравии. В особенности это относится к арабским рукописям X—XV вв. Конкретные пути и время перемещения книжных собраний в столичные, istanбульские, библиотеки должным образом еще не выяснены. Можно назвать обычный для средневековых феодальных междоусобиц захват в виде добычи при завоевании, добровольные подношения султану и представителям властей, переезды ученых и чиновников с книгами, книготорговлю, централизацию управления вакфными фондами и т. п. Если судить по истории самих истанбульских библиотек, то в основном они складывались в XVIII—XX вв., лишь несколько возникло в XVII в. и еще раньше.

Ныне в 10 библиотеках Анкары находится свыше 13 тыс. арабских рукописей, из них 12 тыс. в библиотеке Языкового и историко-географического факультета Анкарского университета[266]. Шестнадцать библиотек Стамбула объединили в своих фондах более ста различных коллекций, известных под именами своих прежних владельцев или первоначальных мест хранения[267]. Крупнейшие библиотеки: Сюлеймание (30 390 арабских рукописей в 1957 г.[268]), Топкапы Сарай (10 832), Публичная Баязит (9145), Национальная (7585), Стамбульского университета (6901), Айасофийа (6677), Нуруосмание (3500), Кепрюлю (2485), Атыф-эфенди (2381), Ускюдарская Публичная (2239), Мурат Молла (1773), Рагып-паша (1751). Всего в Стамбуле свыше 86 тыс. рукописей, сверх этого 76 библиотек и частных собраний в 67 прочих городах (самые значительные в Акхисаре, Бурдуре, Бурсе, Диярбакыре, Измире, Кастамону, Конье, Кютахье, Манисе, Чоруме, Эдирне) хранят свыше 40 тыс. Поскольку данные о двух десятках тысяч рукописей по языкам не дифференцированы, то необходимо допустить, что количество арабских рукописей в стране превышает 150 тыс. и, может быть, близ-

---

[266] Бывшая коллекция Ходжа Исмаил-эфенди, см.: Ritter, 1953, с. 64.

[267] Рукописи нумерованы по коллекциям, поэтому их старые названия употребляются в научной литературе до сих пор. Перечни этих коллекций см.: Schacht, 1927, 1930; Howard, 1939; Атеш, 1958; Sezgin, GAS, I, с. 747—763; III, с. 409—410; V, с. 457; VII, с. 428—454; БАР, с. 268—271.

[268] Позднее сюда переместили ряд коллекций из других библиотек.

ко к 160 тыс. Библиотекам Турции принадлежит первое место не только по количеству арабских рукописей, но и зачастую по их ценности: здесь много автографов и уникумов, каллиграфических, иллюстрированных и по-разному примечательных рукописей [269].

Балканские страны: Албания, Болгария, Греция, Румыния, Югославия

Распространение арабской рукописной книги в этих странах связано с тем периодом их истории, когда они входили в состав Османской империи, и с мусульманской частью их населения. Старейшая в регионе — библиотека Гази Хосров-бега в Сараево — существует с 1537 г. Библиотеку в г. Родосе на одноименном острове основал Хафиз Ахмад-ага в 1208/1793-94 г. Во время учета библиотек и мусульманских рукописей Османской империи в 1893—1895 гг. на территории современной Албании было зафиксировано 1335 рукописей в 3 библиотеках, Греции — 6096 рукописей в 17 библиотеках, Югославии — 1159 рукописей в 9 библиотеках.

О нынешнем состоянии восточных рукописей нет сведений по Албании и Греции [270]. В Югославии, по данным на 1966 г., в 10 библиотеках городов Сараево, Скопье, Загребе, Приштина, Белград и Призрен хранилось почти 20 тыс. мусульманских рукописей (арабских 14 тыс.?). В Болгарии (София, Национальная библиотека) находится свыше 3 тыс., в Румынии (Бухарест и Клуж) — около 200 арабских рукописей [271].

Иран и Афганистан

Книги на арабском языке в этих двух странах распространились почти столь же рано, как в Ираке и Сирии. Собрания арабских книг в Иране упоминаются начиная с IX в. «Библиотеки (*хаза'ин*) Тахиридов» [272] в Нишапуре относятся

---

[269] Подробнее см. мою статью в БАР, с. 265—274, и библиографию там же, с. 274—296, 340—341.

[270] Б. Утас в 1965 г. отметил наличие у директора упомянутой библиотеки Родоса инвентарного списка якобы 3 тыс. рукописей, но сам смог увидеть на полках лишь около 100 томов.

[271] См.: Pearson, 1971, с. 193, 197—199, 245, 272—273, 343—345; БАР, с. 27, 35, 78—79, 208—209, 323—325, 336, 342—343.

[272] Ибн ан-Надим, с. 42.

к числу самых первых в стране. В Хамадане надолго застрял в снежную зиму Абу Таммам (ок. 805—846) и остановился в доме у одного вельможи (*ра'ис*), где находилась библиотека с арабскими диванами и другими книгами[273]. В Исфахане IX в. один библиофил потратил 300 тыс. дирхемов на книги[274]. Богатейший человек Нишапура, ведавший в нем почтовой службой и сыском, Абу Мансур ал-Багави был обладателем и самого большого собрания книг в Хорасане в середине X в.[275]. Могущественный буидский правитель 'Адудаддавла (949—983) отвел под библиотеку один большой зал в своем ширазском дворце; в ней он собрал якобы все существовавшие тогда книги по всем отраслям знания; ал-Мукаддаси довольно часто ссылается на книги, прочитанные им в этой библиотеке, которую он подробно описал[276]. Например, он видел там семитомный экземпляр географического труда ал-Джайхани, который не сохранился до наших дней[277]. Один из приближенных 'Адудаддавли построил в Рамхурмузе библиотеку, где читатели и те, кто переписывал тексты, получали пособие[278]. По сообщению того же ал-Мукаддаси, большая библиотека в Рамхурмузе (та же самая?) была центром му'тазилитской учености[279].

В Рее у буидского вазира Абу-л-Фадла Ибн ал-'Амида (ум. в 971 г.) было много книг, по всем наукам и всем отраслям философии и литературы, больше ста верблюжьих вьюков; библиотекарем у него служил будущий историк Мискавайх[280], о котором говорят позднее как о библиотекаре в Ширазе. Врагу Ибн ал-'Амида и его преемнику Исма'илу б. 'Аббаду «ас-Сахибу» (938—995) удалось собрать еще большую библиотеку, в которой одних только книг по богословию было якобы 400 верблюжьих вьюков. Она насчитывала будто бы 206 тыс. томов, а ее каталог занимал 10 томов[281].

---

[273] Пользуясь этой библиотекой, он и составил сборник древнеарабских стихотворений *Китаб ал-Хамаса*. См.: Ибн Халликан, 1, с. 261.

[274] Мец, 1973, с. 150.

[275] Ибн Хавкал, с. 320; Мец, 1973, с. 73, примеч. 18.

[276] Мукаддаси, с. 449—451; Бартольд (1903), VII, с. 157—158; Мец, 1973, с. 149.

[277] Мукаддаси, с. 3—4; Бартольд (1900), I, с. 57.

[278] Мец, 1973, с. 151—152.

[279] Мукаддаси, с. 413; Бартольд (1903), VII, с. 188.

[280] Мискавайх, II, с. 224—225; Мец, 1973, с. 150. Рассказывают, что Ибн ал-'Амид так высоко ценил свою библиотеку, что беспокоился только о ее сохранности, когда разграбили его дом.

[281] Йакут, Иршад, 5, с. 150; Мец, 1973, с. 94, 150. Цифры, видимо, преувеличенны. При Махмуде Газнави около 1029 г. эта библиотека целиком сгорела.

Кади Абу Хатим Мухаммад Ибн Хиббан ал-Бусти (ум. в 965 г.) завещал Нишапуру дом с библиотекой и жилыми помещениями для приезжих ученых и стипендии на их содержание; однако менее чем через столетие эта вакфная библиотека осталась без книг, которые предоставлялись для общего пользования. «Власть была слабой, всякие бесчинствующие разбойники овладевали той страной»,— поясняет информатор XI в.[282].

В Газне, ставшей в первой половине XI в. столицей обширного государства и важным культурным центром, были крупные частные книжные собрания и дворцовая библиотека Газневидов. Султан Махмуд (998—1030) устроил в Газне медресе, едва ли не все помещения которого были отведены под библиотеку и наполнены книгами[283]. Но «благосостояние города было разрушено целым рядом погромов» в 1150, 1221 и 1326 гг.[284], и библиотеки погибли. До наших дней дошли лишь несколько книг, переписанных в Газне в пору ее расцвета[285].

В библиотеке при медресе Низам ал-Мулка в Исфахане Ибн ал-Кифти видел книгу ал-Музаффара б. Ахмада Абу-л-Фадла ал-Исфахани ал-Йазди, который жил при Маликшахе (1072—1092), и напротив каждого байта *ал-Хамасы* написал сочиненный им байт[286]. При соборной мечети того же города была библиотека, каталог которой составлял 3 тома[287]. В библиотеке султана Санджара (1118—1157), который любил книги и верил в них, ал-Байхаки видел сочинения хорасанского врача-философа Абу-л-Фатха Кушака[288]; наверное, она находилась в Нишапуре.

Тот же автор упоминает библиотеку в Будджане[289]. В Бардасире (на месте нынешнего Кермана) Мугисаддин Мухаммад I (1141—1156) устроил при соборной мечети биб-

---

[282] Йакут, Му'джам ал-булдан, I, с. 613—620; Мец, 1973, с. 151; ал-Хатиб ал-Багдади, к которому восходят эти сведения Йакута, сокрушался: «Такие превосходные книги следовало размножить в копиях, чтобы их изучали, соревнуясь, люди науки, переписывали бы, переплели бы ради сбережения».

[283] Бартольд (1916), II, ч. 2, с. 431—432.

[284] Бартольд (1903), VII, с. 94; о жестоком разгроме Газны, который учинил в 1150 или 1151 г. гуридский правитель 'Ала'аддин Хусайн Джахансуз («миросожигатель»), см.: Болдырев, 1963, с. 7—12.

[285] Например, список *Тахдид нихайат ал-амакин* ал-Бируни, видимо, в копии с его автографа (ныне в Стамбуле, библиотека Сюлеймание, фонд Султан Фатих, № 3386). См.: Булгаков, 1966, с. 30—36.

[286] Ибн ал-Кифти, с. 328.

[287] Бартольд (1903), VII, с. 170—171.

[288] Байхаки, Татимма, с. 99—100.

[289] Там же, с. 44.

16 Зак. 36

лиотеку в 5 тыс. томов по разным наукам[290]. Библиотеку в г. Саве, сожженную монголами, Йакут считал самой большой в мире[291].

В Аламуте вожди исмаилитов-саббахитов собрали огромную библиотеку, пользовавшуюся широкой известностью. При разрушении Аламута войсками Хулагу в 1256 г. библиотека попала в распоряжение историка Джувайни, который сохранил из нее ценные, по его мнению, сочинения и астрономические инструменты, а книги, в которых излагались еретические учения исмаилитов, велел сжечь[292].

В 1259 г. на холме к северу от г. Мераге была построена обсерватория для Насираддина ат-Туси, и при ней была библиотека, в которую свезли книги из городов, завоеванных Хулагу, в том числе из Багдада и Аламута; сообщают, что их количество достигало 400 тыс. Библиотекарем в ней около десяти лет работал багдадец Ибн ал-Фувати. Менее чем через столетие, в 1339 г., обсерватория лежала в развалинах[293].

Газан-хан построил в 1296—1303 гг. мавзолей к западу от Тебриза, и вокруг него возник не без участия Рашидаддина целый ряд зданий: соборная мечеть, два медресе, больница, библиотека, обсерватория, при ней учебное заведение для преподавания светских наук, школа для ста мальчиков-сирот, обучавшихся Корану, при ней 100 экземпляров Корана[294]. Из многочисленных изготовленных тогда копий исторического и богословских трудов Рашидаддина возникло собрание рукописей (арабских и персидских), которое вскоре, в 1318 г., было уничтожено, хотя отдельные экземпляры дожили до наших дней[295].

После XIII в. значение арабской книги в Иране и Афганистане падает, круг переписываемых сочинений сужается, меньше пишут новые труды по-арабски. Тем не менее количество арабских рукописей в библиотеках было обычно более половины, в основном за счет учебников, списков Корана и сборников хадисов, ранних сочинений. В источниках немало говорится о библиотеках тимуридских правителей XV в. в Герате, например у Шахруха, Абу Са'ида и Хусайна Бай-

---

[290] Бартольд (1903), VII, с. 144.

[291] Йакут, Му'джам ал-булдан, III, с. 24; Бартольд (1903), VII, с. 136.

[292] Бартольд (1903), VII, с. 200.

[293] Бартольд (1903), VII, с. 203—204; он же (1912а), VIII, с. 285; он же (1918), II, ч. 2, с. 138; Крачковский, IV, с. 113; Буниятов, 1981, с. 7.

[294] Бартольд (1912а), VIII, с. 294.

 [295] Там же, с. 303, 308; Van Ess, 1981, с. 2—11.

кары[296], у их приближенных, как Навои[297], у Сефевидских правителей XVI—XVIII вв.[298] и др. Упоминаются и частные собрания, как у Абу Талиба ал-Джилани ал-Исфахани (ум. в Исфахане в 1715 г.) — свыше 5 тыс. томов[299]. Однако трудно определить процент содержавшихся в них книг на арабском языке. Данные по истории библиотек обеих стран содержатся, очевидно, по преимуществу в персидских источниках и, насколько мне известно, еще не собраны.

В XIX—XX вв. немало арабских рукописей из Ирана перешло через книжный рынок в европейские хранилища. Как показывает пример бывшей коллекции Ардебильской мечети и другие случаи, в Северо-Западном Иране сохранялись некоторые рукописи из Багдада — в Мераге.

Полстолетия назад мало что было известно о современных хранилищах и количестве рукописей в обеих странах, но публикации последних десятилетий прояснили картину.

В Тегеране теперь сосредоточено около половины рукописных богатств Ирана. В библиотеке Маджлиса свыше 15 500 рукописей, в библиотеке Сената — 376, в Центральной библиотеке Тегеранского университета — почти 12 тыс., в Национальной библиотеке — 1700 арабских, библиотеке Салтанати — 2637, библиотеке медресе Сипахсалар — около 3500, библиотеке Малик — около 7 тыс. рукописей; вместе с некоторыми менее значительными коллекциями в Тегеране насчитывается до 45 тыс. рукописей.

В Мешхеде старейшая библиотека Ирана при мавзолее ʻАли ар-Рида (Астан-и Кудс), упоминаемая с середины XIV в., хранит свыше 15 тыс. рукописей. С учетом рукописных фондов других библиотек и частных коллекций в этом городе находится до 24 тыс. рукописей. В библиотеках Йезда, Исфахана, Тебриза, Шираза, а также в Хамадане, Амоле, Араке, Казвине, Кашане, Куме, Реште, Зинджане и Сабзаваре находится еще несколько тысяч томов рукописей. Из общего количества около 85—90 тыс. примерно 50—60 тыс. приходится на долю арабских рукописей.

В Афганистане количество выявленных рукописей гораздо скромнее. В Герате теперь отмечают лишь 44 арабские ру-

---

296 Библиотекарем у него был одно время Дервиш-Али, брат Мир Али-Шира Навои (Бартольд (1928), II, ч. 2, с. 237).

297 Об экземпляре *ал-Футухат ал-маккийа* Ибн ал-ʻАраби и о библиотекаре-живописце Хаджи-Мухаммаде в Герате см.: Бартольд (1928), II, ч. 2, с. 236 и 258, со ссылками на персидские источники.

298 Например, Аббас Великий (1587—1629) учредил вакф из книг в библиотеке Ардебиля (Бартольд (1903), VII, с. 205).

299 Кумми, 1, с. 105 (этим указанием я обязан С. М. Прозорову).

16*

кописи в коллекции Гератского музея и около 100 в Публичной библиотеке. В столице в рукописном отделе Публичной библиотеки Кабула находится примерно 1 тыс. томов рукописей. Общее число арабских рукописей можно оценить примерно в 600 единиц[300].

СССР

Из Средней Азии, Поволжья, Кавказа и Причерноморья вышло много авторов, которые писали по-арабски[301]. В VIII—X вв. деятельность авторов среднеазиатского происхождения (таких, как поэт ал-Хурайми, математик ал-Хуваризми, философ ал-Фараби, хадисовед Мухаммад б. Исма'ил ал-Бухари и др.) протекала обычно в центральных областях Халифата. Первые собрания арабских книг, быть может, возникли в Мерве при Тахиридах или раньше, но сохранившиеся источники свидетельствуют лишь о библиотеках Саманидов в Бухаре и Ма'мунидов в Гургандже. О первой рассказывает Ибн Сина: приняв в 17 лет участие в лечении Нуха б. Мансура (976—997) и снискав его расположение, «однажды я попросил у него разрешения посетить дворцовую библиотеку, осмотреть ее и почитать книги по медицине, какие там были. Он мне разрешил. И вот я вошел в здание со многими комнатами, и в каждой комнате были сундуки с книгами, поставленные один на другой. В одной комнате [находились] книги по арабскому языку и поэзии, в другой — по фикху, и так в каждой комнате книги по одной отрасли знания. Я просмотрел перечень книг древних [авторов] и попросил то, что мне было нужно. Я видел там такие книги, которые многим людям неизвестны даже по названию; прежде я ничего подобного не видел, как не довелось увидеть и после. Я прочитал те книги, получил из них полезные знания и понял значение каждого человека в его науке»[302]. Неизвестно, как эта библиотека сложилась, но она погибла спустя несколько лет после описанного случая при пожаре, по-видимому, во время социально-политических неурядиц в городе. Мне известна лишь одна дошедшая до нас рукопись, которая была изготов-

---

300 Подробнее см.: БАР, с. 31—33, 124—152, 326, 332.

301 До сих пор не предпринято даже предварительного учета их имен и трудов, хотя актуальность подобного исследования очевидна. Правда, недавно появилась работа о рукописях математиков и астрономов Средней Азии: Матвиевская, Тллашев, 1981.

302 Ибн ал-Кифти, с. 416; Бартольд (1900), I, с. 54; Халидов, 1981а, с. 30.

лена для преподнесения последнему Саманиду, Исма'илу б. Нуху (1000—1005)[303].

О библиотеках в Гургандже есть косвенные известия. В конце X — начале XI в. там собралось блестящее общество ученых (Абу Наср Мансур б. 'Ирак, Абу Сахл 'Иса б. Йахйа ал-Масихи, Абу-л-Хайр, Ибн ал-Хаммар, Абу Райхан ал-Бируни, Абу 'Али Ибн Сина и др.), которые посвящали свои труды представителям династии Ма'мунидов (второй династии хорезмшахов), их вазиру Абу-л-Хусайну ас-Сухали и его родичам[304] и сами обладали, несомненно, значительными собраниями книг. Кроме того, упоминается, что хорезмшах Абу-л-'Аббас Ма'мун (правил в 1009—1017 гг.) поручил ас-Са'алиби заботу о своей библиотеке около 1011 г.[305].

О библиотеках Мерва на рубеже XII—XIII вв. пишет Йакут ал-Хамави, многоопытный автор, переписчик и знаток книг, который имел возможность сравнивать, так как он объездил Иран и Среднюю Азию, побывал в Багдаде и Халебе. Он отмечает, что в Мерве находится «огромное количество фундаментальных книг в совершенном исполнении». Когда он уезжал в 1219 г., там было десять вакфных библиотек, богаче и лучше которых он «не видел на свете». Две библиотеки находились в соборной мечети: 1) ал-'Азизийа, которую учредил 'Азизаддин Абу Бакр 'Атик аз-Занджани (или 'Атик б. Аби Бакр), пивовар султана Санджара (1097—1157), с «12 тыс. томов или около того»; 2) ал-Камалийа, неизвестно, по чьему имени названная. 3. Библиотека, которую основал в своем медресе ханафит Шараф ал-Мулк ал-Муставфи Абу Са'д Мухаммад б. Мансур (ум. в 494/1100-01 г.). По всей видимости, в Мерве, и именно в этой библиотеке, находился шеститомный экземляр *Таджариб ал-умам* Мискавайха, каллиграфически переписанный в 595/1199 г.; четыре его тома дошли до наших дней и разрозненно хранятся в Казани (т. 1), Ташкенте (т. 3 и 6) и Ленинграде (т. 5). На т. 5 есть записи читателей, датированные концом VI/XII и началом VII/XIII в., на т. 1 — собственноручная помета Йакута как читателя от 600/1203 г.[306]. 4. Библиотека медресе Низам

---

[303] Рукопись *Диван ал-адаб* Абу Ибрахима Исхака б. Ибрахима ал-Фараби, датированная окончанием 10 рамадана 391/3 августа 1001 г.; теперь она хранится в Стамбуле в библиотеке Сюлеймание, фонд Бешир-ага Эюп, № 128, см.: Махтутат мусаввара, 1, с. 354.

[304] Булгаков, 1972, с. 119—131; Халидов, 1981а, с. 34.

[305] Bosworth, 1968, с. 4—5.

[306] Рукописи каждого из томов освещались в научной литературе по мере того, как они попадали в поле зрения арабистов. Том 5 был куплен В. А. Ивановым в Бухаре в 1915 г. и доставлен в Петроград среди рукописей, приобретенных для Азиатского музея; в 1916 г. И. Ю. Крачков-

ал-Мулка. 5—6. Две библиотеки представителей рода ас-Сам'ани (потомственных хадисоведов, факихов и историков). 7. Библиотека медресе ал-'Амидийа. 8. Библиотека Маджд ал-Мулка, «одного из недавних вазиров». 9. Библиотека медресе ал-Хатунийа. 10. Библиотека ханаки ад-Дамирийа. «Книги были легкодоступны,— продолжает Йакут,— и в моем жилище постоянно находилось по 200 и более томов, взятых без залога, тогда как они стоили 200 динаров. Я привольно пасся среди них, заимствовал из них полезное, и любовь к ним заставила меня забыть другие города, отвлекла от родичей (или жены — *ахл*) и детей. Большинство сведений, включенных в эту книгу и другие мои своды, почерпнуты из этих библиотек»[307]. Легко представить, сколь богаты были те мервские библиотеки, если учесть, что цитированный *Му'джам ал-булдан* и другой его фундаментальный труд, *Иршад ал-ариб*, опираются на сотни источников, в том числе на десятки утраченных сочинений.

Библиотеки в Гургандже продолжали, очевидно, существовать и пополняться при третьей и четвертой династиях хорезмшахов; есть известия об авторах (как Рашидаддин ал-Ватват и др.), которые посвящали свои труды их представителям. Книжные собрания были у аз-Замахшари (ум. в 1144 г.), у его учителей и учеников; например, до нас дошел список одного тома биографического словаря ал-Андарасбани, быть может в автографе XII в. из Хорезма[308]. Крупный сановник Шихабаддин Хиваки (ум. в 1220 г.) устроил в шафиитской соборной мечети Гурганджа библиотеку, «подобной которой не было ни раньше, ни после»[309].

Можно смело предполагать, что Самарканд и другие сред-

ский опубликовал статью с его описанием (см.: Крачковский, VI, с. 373—382; Михайлова, 1965, с. 29—31, с подробной библиографией; нынешний шифр тома — D 345); в другой статье, 1924 г. (см.: Крачковский, VI, с. 458), он упомянул и про т. 1, опираясь на перечень арабских рукописей в Казани, который прислал ему А. И. Хури, опубликовавший тогда же статью об этом списке (ныне находится в Научной библиотеке Казанского государственного университета под № 950); т. 6 описал в 1926 г. В. В. Бартольд (см.: СВР, I, с. 18, № 9; Бартольд, VIII, с. 450—451; список находится в Институте востоковедения АН УзССР под инв. № 3388); т. 3 описал в 1936 г. А. Э. Шмидт (Труды Государственной Публичной библиотеки УзССР, I, с. 118—133; СВР, I, с. 17, № 8; ныне том хранится под инв. № 41). Одним из читателей этого экземпляра сочинения в конце VI/XII в. был Мухаммад б. Йахйа ал-Муставфи, запись в т. 5, л. 251а (быть может, потомок упоминаемого Йакутом основателя библиотеки?).

[307] Йакут, Му'джам ал-булдан, IV, с. 509—510; I, с. 6.

[308] Беляев, 1953, с. 66, 67, 76; Халидов, 1971; он же, 1971а; он же, 1973; Халидов Б., Халидов А., 1979.

[309] Бартольд (1927), II, ч. 1, с. 233.

неазиатские города обладали богатыми коллекциями арабских рукописей, как и города Ширвана, Дагестана, Волжской Булгарии. Но домонгольские источники плохо сохранились, а сохранившиеся еще недостаточно изучены в плане истории рукописных собраний.

В первой половине XIII в. новая волна воинственных кочевников из Центральной Азии уничтожила, нахлынув, несметное количество накопленных материальных и культурных ценностей, в том числе библиотеки с арабскими рукописями, и погубила много человеческих жизней, среди них и книжников.

Постепенно книжная деятельность восстановилась, хотя и заметно преобразившись, и пространственно охватила даже более обширные территории, чем прежде. Одна из перемен состояла в том, что книги на арабском языке утратили после XIII в. доминирующее положение в мусульманских библиотеках Средней Азии, Поволжья, Кавказа (исключая Дагестан) и Причерноморья, хотя количественно они составляли нередко 50% и более.

Тимур (1370—1405) во время своих походов разорил ряд культурных центров (Багдад, Халеб, Дамаск и др.) и их библиотеки. Какое-то количество ученых и захваченных книг было доставлено в Самарканд. Но сведений о книжных собраниях ученых и библиотеках многочисленных медресе этого времени мало. Абу Са'ид Убехи, разочаровавшись в книжных знаниях, подарил все свои книги учащимся медресе[310]. Были библиотеки у шейх ал-ислама 'Исамаддина б. 'Абдалмалика[311] и у Улугбека при обсерватории или в одном из дворцов[312]. Богатой ценными арабскими манускриптами была библиотека в Бухаре у Мухаммада Парсы (Мухаммад б. Мухаммад б. Махмуд ал-Хафизи ал-Бухари, ум. в 1420 г.), видного представителя и реформатора среднеазиатского суфизма, книголюба и плодовитого автора, составившего, например, тафсир в 100 томах[313]; в ней находился, в частности, упомянутый экземпляр труда Мискавайха из мервской библиотеки XII в., что указывает на один из путей ее пополнения. Библиотека Мухаммада Парсы просуществовала до 40-х годов XIX в. как одна из наиболее крупных общественных библиотек Средней Азии и затем начала рассеиваться; теперь

[310] Бартольд (1918), II, ч. 2, с. 126—127.

[311] Там же, с. 122.

[312] Там же, с. 121.

[313] Библиография о нем: Brockelmann, GAL, SB II, с. 282—283; Грязневич, 1967, с. 10—11. В собрании Института востоковедения АН СССР есть его автограф — переписанный им экземпляр грамматического сочинения.

рукописи из нее находятся в хранилищах Ташкента, Ленинграда и некоторых зарубежных городов.

О рукописных собраниях XIX—XX вв. существует значительная литература, а период XIII — XVIII вв. остается малоизученным.

Ныне в СССР арабские рукописи сосредоточены в городах Ленинград, Ташкент, Баку, Қазань, Самарканд, Душанбе, Махачкала, Тбилиси, Уфа, Ереван, Ашхабад, Закаталы, Москва, Киев, Одесса, Львов. Небольшое их количество находится в других городах, а также в селениях. Они хранятся в рукописных отделах научно-исследовательских институтов и библиотек, в музеях и архивах, в культовых зданиях и в частном владении. Общее их количество, насколько удается определить при такой разбросанности и неполной инвентаризации и каталогизации, превышает 44 тыс. томов[314].

Полуостров Индостан: Индия, Пакистан, Бангладеш

Мусульманская образованность в этом регионе поддерживалась преимущественно изучением и перепиской арабских сочинений, созданных за его пределами; местных авторов, писавших по-арабски, было сравнительно мало. Состояние библиотек в прошлом и настоящем представляет крайне запутанную картину. Тем более трудно выделить материалы, касающиеся только арабских книг. Из каталогов рукописей и работ по истории библиотек, публиковавшихся в XIX—XX вв., лишь немногие нам доступны.

В современной Индии, согласно имеющимся в научной литературе данным, можно назвать следующие места хранения арабских рукописей (в скобках указывается, если известно, их количество или общее количество мусульманских рукописей): библиотека Мусульманского университета (свыше 800) и частное собрание Хабиб ар-Рахмана (около 1000, арабские не выделены) в Алигархе; библиотеки Востоковедного общества Бенгалии (1541 ед. по каталогу), Калькуттского медресе (103) и Национальная (636) в Калькутте; Публичная Востоковедная библиотека (около 3 тыс.) в Патне; библиотеки Салар Джанга (716 ед. по каталогу), Са'идийа (около 1 тыс. без выделения арабских), Саййида 'Али Билграми (1082 без выделения арабских), Османского университета

[314] Подробнее см.: Халидов, 1978; БАР, с. 220—252, 337—338.

(Даирату-л-ма'арифи-л-Османийа), низама, Центральная (бывшая Асафийа) и Хайдарабадского музея в Хайдарабаде; а также разные библиотеки и частные собрания в Лакхнау, Бомбее, Мадрасе, Рампуре, Аурангабаде, Деобанде, Ахмадабаде, Дели, Илахабаде, Навсари, Пуне, Тонке, Удайпуре, Удджайне. Общее количество арабских рукописей можно оценить лишь весьма предположительно в 15 тыс.[315]. Среди них есть редкие и старинные рукописи, по которым индийские ученые опубликовали ряд арабских письменных памятников.

О Пакистане известно лишь, что в библиотеке Пенджабского университета в Лахоре находится около 1500 арабских рукописей и некоторое их количество — в частных собраниях[316].

В Бангладеш библиотека столичного университета в Дакке хранит 92 арабские рукописи[317]; другие данные отсутствуют.

Индонезия

Опубликованные сведения имеются лишь о 1049 арабских рукописях в Музее Пусат (бывшем Музее искусства и науки) в Джакарте, описанных нидерландскими востоковедами конца XIX — начала XX в.[318]. Есть основания предполагать, что в стране находится ряд частных собраний арабских рукописей, к примеру у выходцев из Южной Аравии.

Далее следует сказать, что мы не располагаем сведениями об арабских рукописях в других странах бассейна Индийского океана с мусульманским населением (Малайзия, Филиппины и др.).

Также ничего не известно о том, сохранились ли какие-нибудь арабские рукописи в Китайской Народной Республике, на территории которой торговые фактории арабских и персидских купцов были еще в VIII—X вв., а мусульманское население было и есть не только в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, но и в некоторых других районах страны.

Наконец, очень значительная часть арабского рукописного наследия находится в странах Западной Европы (о некоторых из них речь уже шла выше) и Северной Америки. История коллекционирования арабских рукописей в этих странах связана с историей арабистики и исламоведения[319]; собирателями рукописей были также практические деятели на

---

[315] См.: БАР, с. 93—106, 329. [316] Utas, 1971; БАР, с. 203—204.
[317] БАР, с. 33. [318] Там же, с. 106—107.
[319] См., например: Fück, 1955, с. 37, 44, 60, 80—81, 125, 189—345.

Востоке — миссионеры, торговцы, путешественники, дипломаты и колониальные чиновники. Небольшое количество арабских рукописей было собрано европейцами в XVI—XVIII вв., но главным образом многочисленные библиотеки, музеи, архивы и частные коллекции Европы и Северной Америки пополнялись в XIX—XX вв. Их ценность зачастую особенно велика благодаря тому, что поиск и сбор рукописей велись целенаправленно и со знанием дела. К тому же почти все арабские рукописи, сосредоточенные в этих странах, каталогизированы, и данные о них введены в научный оборот[320].

Приведенные материалы о собраниях арабских рукописей показательны во многих отношениях. Наряду с тем источники сообщают некоторые данные, позволяющие судить об устройстве и организации библиотек[321], учете рукописей и сочинений, библиографической работе.

Одной из форм учета рукописных книг в вакфных библиотеках являлось составление их перечня-описи (*фихрист*) при передаче в вакф. Такой перечень служил одновременно юридическим документом и своего рода каталогом. Сохранившиеся вакфные фихристы крайне малочисленны и относятся к позднему времени. Собственно библиотечные каталоги (вероятно, подобные же инвентарные списки) известны только по упоминаниям в источниках: в библиотеке ал-Хакама II каталог состоял из 44 томов, Исма'ила б. 'Аббада ас-Сахиба — из 10, ал-Фадилийи — из 7, исфаханской мечети — из 3; объем каталога библиотеки Сабура б. Ардашира неизвестен, в Фатимидской библиотеке заменой каталогу служили списки, подвешенные к полкам; были списки библиотечных книг на свитках. В целом каталогизацию книг в средневековых мусульманских библиотеках нельзя считать очень развитой.

Библиография была известна в таких формах, как списки трудов (их также называли *фихрист*) отдельных авторов в статьях биографических словарей или в других сочинениях историко-биографического характера (истории городов, антологии); в трактатах об учителе или учителях автора, о почитаемом предшественнике (примером может служить составленный Абу Райханом ал-Бируни список трудов ар-Рази, сопровождаемый также перечнем собственных сочинений ал-Бируни[322]). Эта форма библиографии была, видимо, старей-

[320] Новейшая библиография и обзор каталогов: Pearson, 1971, с. 193—197, 199—216, 227—235, 246—248, 267—270, 279—284, 303—340, 482; БАР, с. 23—26, 33—35, 39—80, 153—154, 178—179, 198—203, 205—207, 252—262, 296—323, 327—328, 332, 335, 338—339, 341—342.

[321] Eche, 1967, с. 331—341; кратко: Халидов, 1982а, с. 283—284.

[322] Sachau, 1878, с. XIII—XIV, XXXVIII—XLVIII; Brockelmann, GAL, SB I, с. 872; Kraus, 1936.

шей и восходит к эллинистической традиции, так как среди переводных сочинений IX в. фигурируют списки трудов Аристотеля и Галена. Тематические перечни сочинений можно встретить в предисловиях с критическим обзором трудов предшественников (*Китаб ал-Фарадж ба'д аш-шидда* ат-Танухи, *Китаб ал-Агани* Абу-л-Фараджа ал-Исфахани, *Иршад ал-ариб* Йакута и др.), в автобиографических заметках и иджазах, где указываются учителя и изученные под их руководством сочинения. Специальные библиографические труды чрезвычайно редки, хотя и очень ценны, например знаменитый *Фихрист* Ибн ан-Надима (X в., Багдад), построенный тематически, и *Кашф аз-зунун* Хаджжи Халифы (XVII в., Турция), содержащий алфавитный перечень арабских, персидских и тюркских сочинений.

Классификация наук и областей знания в библиографических трудах и библиотечных каталогах проведена по историко-иерархическому принципу, то есть они размещены в том порядке, как они разветвлялись и как ценились в средневековом обществе. Например, в не дошедшем до нас каталоге библиотеки Сабура тематические рубрики следовали в таком порядке: списки Корана, экзегеза, истолкование Корана и разные способы его чтения, фикх, молитвы, деление наследства, законоведческо-теологические школы (*мазхабы*), богословие, полемика и диспут, книги потомков пророка и книги о них, генеалогии, филология, пословицы, грамматика и этимология, рифмы, поэтические сборники, анекдоты, история, послания, медицина, астрономия, философия, геометрия[323]. Подобное объединение отраслей знания в три группы — религиозно-этико-правовую, литературно-филолого-историческую, натурфилософско-прикладную — мы обнаруживаем всюду вплоть до нового времени. Внутри каждой группы дробление на дисциплины могло быть более или менее детализованным, отдельные дисциплины могли меняться местами, но суть оставалась неизменной.

В расстановке книг применялась та же иерархическая система, варьируемая в зависимости от величины библиотеки, от соображений практического удобства. Расстановка нередко соответствовала вакфному перечню, который в таком случае становился и топографическим. Книги клали на полки плашмя, нагромождая одну на другую. Какие-либо условные шифры или пометы на книгах, указывающие их место на полках или в шкафах, неизвестны. Книги отыскивали и возвращали на место, вероятно, по названиям и именам ав-

---

[323] Eche, 1967, с. 105.

торов, иногда записываемым снаружи на крышке переплета или на обрезе книги.

Обычная поза читающего и пишущего, их рабочие навыки определялись традициями, внутренним убранством помещений (частных домов, библиотек, мечетей, общественных зданий): работали, сидя на полу, устланном циновками или коврами, опираясь спиной о стену, о колонну или скрестив ноги, без опоры. В назидательных сочинениях встречаются рекомендации класть книги на подставку (деревянные подставки для книг назывались *лавх*, их поздние образцы можно видеть в музеях), но не на пол, не водить над раскрытой книгой свежеобмакнутым каламом, не писать, подложив книгу, и т. п.

Дворцовые и частные библиотеки были доступны ограниченному кругу лиц. Вакфные библиотеки, напротив, обычно объявлялись общедоступными, без ограничения контингента читателей, которые могли брать книги и на дом; библиотеки теряли таким путем ценнейшие книги, а иногда целиком разорялись. И юристы, и учредители вакфов изыскивали всевозможные оговорки и практические меры, чтобы предотвратить утечку книг: ограничивали круг лиц, пользующихся привилегией брать книги домой, вводили залог за книги, требовали с читателя поручительства авторитетных людей либо вовсе запрещали выдавать книги на дом, о чем записывалось в условиях вакфа или прямо на книгах.

Возврат книг держался на обычае, на совестливости читателей, на страхе божьем, так как юридических санкций против порчи, утери или присвоения книг не предусматривалось. В биографиях многих лиц упоминается склонность обогащать свои личные собрания путем присвоения чужих или библиотечных книг. Часто это даже не осуждается и выдается за особую любовь к книгам, едва ли не похвальное качество. Неудивительно, что в литературе порой встречаются советы не одалживать книги.

В нашем обзоре названо около 320 средневековых частных собраний и библиотек. Только по 24 из них мы имеем данные о количестве книг в абсолютных цифрах, в шести случаях стоимость книг оценена в денежном выражении (их можно свести к числу книг, учитывая цену на среднюю книгу от $^1/_4$ до 1 динара), в пяти случаях указано число вьюков (верблюжьих, ослиных), в которых уместились книги, и еще в шести случаях названы различные емкости (ящики, ларцы, корзины), один раз дан вес в кинтарах, три раза сказано: по «полной комнате» книг. В остальных случаях либо мы имеем

 сравнительно-оценочные данные (столько же, сколько в та-

кой-то библиотеке, самая крупная в мире библиотека, богатое, ценное, большое собрание, неисчислимое количество книг и т. п.), либо попытка определить количество книг просто отсутствует, но говорится об особом старании и усердии владельца в копировании, сборе или приобретении книг. Зададимся вопросом: можно ли извлечь из этих не очень обильных и неравнозначных количественных данных надежные выводы, найти в них рациональное зерно?

Приглядевшись к ним внимательно, мы замечаем, что именно «абсолютные» цифры при их кажущейся точности иногда обманчивы. В трех случаях цифры источников колеблются в значительных пределах: в библиотеке фатимидского халифа ал-ʻАзиза в Каире X в. было якобы 120 тыс., 160, 200 или 601 тыс. книг или томов, в библиотеке г. Триполи XI в.— 3 млн. или 100 тыс., в собрании ал-Кади ал-Фадила в Каире XII в.— 30 тыс., 100, 180, 200 или 1000 тыс. По одной, но очень большой цифре приводится для количества книг в библиотеках в Амиде XI—XII в.— 1040 тыс., ал-Хакама II в Кордове X в.— 400 тыс., Ибн ʻАббаса в Альмерии XI в.— 400 тыс., в Мераге XIII в.— 400 тыс. и Исмаʻила б. ʻАббада в Рее X в.— 206 тыс. Эти цифры (если взять максимальные из них, то для восьми библиотек получаем в сумме 7 млн. 47 тыс.) следует признать явно преувеличенными и ненадежными. Полагаю, что их надо сократить приблизительно в десять раз, а при противоречивости цифр — взять наименьшие и иные тоже сократить, несмотря на то что многие серьезные исследователи приводят их как достоверные[324].

Обращает на себя внимание умеренность цифровых данных о библиотеках Ирака — бесспорно, главного центра созидания, размножения и скопления арабских рукописных книг в VIII—XIII вв. Сумма данных по Ираку для восьми библиотек немногим превышает 200 тыс. томов[325]. Но приходится иметь в виду, что при этом мы не располагаем цифрами относительно таких больших библиотек, как ʻАли б. Йахйи, Ибн Хамдана, Ибн Сивара, ан-Низамийа — ан-Насирийа, мавзолея Абу Ханифы, в каждой из которых следует допустить

---

[324] Часть этих цифр приведена без оговорок и у меня: Халидов, 1982а, с. 276—282.

[325] При этом фонды библиотеки при медресе ал-Мустансирийа начала XIII в., крупнейшей в Багдаде, определяются в 80 тыс. томов. Пусть эта цифра приблизительна, но не подлежит сомнению, что именно эта библиотека была самой богатой рукописями за всю историю арабо-мусульманского мира. Даже в Мераге, куда рукописи свезли отовсюду, едва ли их было больше.

наличие от 10 тыс. до 50 тыс. книг. Тогда мы можем предположить, что в названных здесь (около 80) и в неучтенных частных собраниях и библиотеках Ирака за весь средневековый период было до 1 млн. томов рукописей.

Приняв цифры по Ираку за близкие к истине и опираясь на подсчеты и гипотезы, можно с большой долей вероятия допустить, что в каждом из таких обширных регионов, как Египет, Сирия (историческая), Испания, Иран и Афганистан, Турция, юг СССР, до начала XX в. было создано около полумиллиона арабских рукописных томов. Для остальной Северной Африки, Аравии и полуострова Индостан цифры должны стать поменьше, порядка 200 тыс. Таким образом, общее количество арабских рукописей, когда-либо существовавших, оказывается близким к 5 млн. (при условии правильности подсчетов).

Выше приводились также цифры о количестве арабских рукописей, находящихся в современных библиотеках различных стран. К ним следует добавить данные по не названным еще странам Западной Европы и Северной Америки, тогда мы получим такую сводную таблицу: Турция — 155 000, Египет — 82 000, Иран — 60 000, СССР — 44 000, Ирак — 40 000, Марокко — 35 000, Тунис — 28 000, Великобритания — 20 000, Сирия — 20 000, Саудовская Аравия — 18 000, США — 15 100, Индия — 15 000, Югославия — 14 000, Йеменская Арабская Республика — 10 000, Франция — 8500, Италия (вместе с Ватиканом) — 7500, ГДР и ФРГ — 7000, Ливан — 5500, Алжир — 5000, Нидерланды — 4860, НДРЙ — 4000, Ливия — 3600, Болгария — 3000, Испания — 3000, Судан — 3000, Ирландия — 2834, Пакистан — 2000, Австрия — 1500, Индонезия — 1049, Афганистан — 600, Чехословакия — 600, Дания — 549, Швеция — 500, Катар — 375, Польша — 355, Иордания — 337, Швейцария — 319, Кувейт — 247, Бельгия — 200, Румыния — 200, Нигерия — 160, Бангладеш — 100, Греция — 100, Канада — 100, Португалия — 100, Финляндия — 84, Норвегия — 70, Бахрейн — 20, Мальта — 16, Венгрия — 10.

Следует, конечно, иметь в виду, что цифры порой грубо округлены, единица исчисления условна и что в ряде стран выявление и сбор рукописей далеко не завершены. Совсем нет цифровых данных по Албании, Гане, Израилю, Китаю, Мавритании, Мали, Нигеру, Оману, Сенегалу. Арабские рукописи могут обнаружиться и в других странах. Но эти цифры получены в результате проработки огромной научной литературы, посвященной арабским рукописям; подсчеты производились по всем доступным каталогам, обзорным статьям и обобщающим справочникам, по каждому хранили-

щу, городу и стране в отдельности. В сумме получается, что ныне в мире существует около 630 тыс. арабских рукописей[326], и будущие уточнения едва ли кардинально изменят эту цифру (обычно арабисты не пытаются их подсчитывать или оперируют более крупными цифрами, основанными на произвольных допущениях).

Надо принять во внимание, что две трети этого количества представляют собой продукцию переписчиков и отчасти авторов последних трех веков (с XVII по начало XX) — вследствие позднего появления книгопечатания арабской графикой. Следовательно, от рассматриваемого средневекового периода до наших дней дошло, если исключить более новые копии, около 200 тыс. арабских рукописей, может быть даже меньше (разбросанное хранение и нынешнее состояние их изучения не позволяют определить точнее). Получается огромная разница между 5 (или 4,6) млн. и 200 тыс.

Ответ на вопросы о том, когда, как и почему гибли арабские рукописи, был дан отчасти по ходу нашего изложения, так как сообщения о ряде сочинений, рукописей и библиотек приводятся в источниках только в связи с их гибелью. О причинах гибели рукописных памятников, которые по самой сути предназначены преодолеть скоротечность времени, закрепить и сберечь творения человеческого духа, выраженные в слове, задумывались еще средневековые авторы. Так, нишапурский поэт X в. Абу Са'д 'Абдаррахман б. Мухаммад б. Дуст, призывая полагаться на память и побольше заучивать наизусть, писал, что книгам грозят разные опасности: вода их топит, огонь сжигает, мышь дырявит и вор крадет[327].

Основные причины гибели или плохой сохранности арабских рукописей можно суммировать так: единичные случаи уничтожения авторами своих записей и книг из благочестивых соображений или от разочарования в книжных знаниях[328]; сознательное уничтожение чужих книг из враждебных побуждений, зависти, соперничества или идейных разногласий между индивидами и социальными группами, между последователями различных религий; естественный износ бумаги и переплета, усиливаемый небрежным обращением и не-

[326] По сравнению с моими подсчетами на 1974 г. (на основе аннотаций И. Б. Михайловой и опубликованных сведений, см.: БАР, с. 8—9) приняты во внимание данные по Судану, Кувейту и Бахрейну, возросли цифры по СССР, Ираку, Тунису, Саудовской Аравии и Ливии.

[327] Са'алиби, Йатима, 4, с. 427; Goldziher, 1890, с. 200; в более полном виде стихи приведены у ал-Бируни (Фармакогнозия, с. 130) с оттенком сомнения в их принадлежности названному поэту.

[328] Ибн ан-Надим, с. 225; Йакут, Иршад, 5, с. 386, 389; Мец, 1973, с. 212; Abbott, 1967, с. 62—63.

умелым хранением, недостаточно высоким качеством материалов (чернил, бумаги и др.) и труда переплетчика (переплет отрывался от книги, листы и тетради — друг от друга); порча от вредного воздействия атмосферных явлений, от насекомых и грызунов; ликвидация изношенных рукописей путем использования бумаги на картон для новых переплетов; стихийные бедствия (наводнения, пожары, землетрясения); публичное сожжение рукописей; феодальные междоусобицы, гражданские смуты и опустошительные нашествия.

Тем не менее уцелевшая небольшая доля всех арабских книг, созданных за 13 с лишним веков рукописной эпохи, достаточно репрезентативна, чтобы позволить обоснованно судить об исчезнувшей и скрытой от нас части.

Перебросить мост между тем, что было, и тем, что дошло до нашего времени, помогают самые разнообразные арабистические исследования. Существенная роль принадлежит выяснению рукописной истории конкретных сочинений, что оказывается зачастую нелегкой задачей. Об очень многих сочинениях известен лишь факт их существования по упоминанию в одном или нескольких источниках (только название либо вместе с именем автора и дополнительными подробностями). *Фихрист* Ибн ан-Надима дает сведения о тысячах сочинений первых трех веков истории арабской письменности, которые в рукописях не сохранились; другими источниками эти сведения значительно дополняются. Для ряда авторов, для целых периодов и регионов характерно больше утраченных произведений, чем уцелевших[329]. Про некоторые сочинения мы знаем, что они погибли уже при жизни автора в черновике или беловике; так случилось, в частности, с некоторыми трудами Ибн Сины[330].

---

[329] Детальное изучение начального периода арабской историографии показало, например, что от многочисленных (приблизительно 250) трудов 108 андалусских традиционалистов, историков и биографов VIII — первой трети XI в. сохранились, не считая цитат, десять сочинений, принадлежавших десяти авторам (Бойко, 1977, с. 31, 52, 82, 92—94, 113, 179, 188, 196, 209, 212), а от историко-биографических трудов (числом свыше 600) семидесяти шиитских авторов VII — середины X в., живших в Ираке, Иране и Средней Азии, в рукописях до нас дошли 21, принадлежавших двенадцати авторам (Прозоров, 1980, с. 7, 57, 74, 84, 90, 124, 137, 155, 161, 165, 173, 175, 187, 192).

[330] Рассказывают, что философ беспечно относился к своим творениям, не переписывал их повторно набело, раздаривал их, не оставляя себе копий, а его личная библиотека на последнем этапе жизни подверглась однажды разграблению (в Исфахане в 1030 или 1034 г.). Не раз он, видимо, и раньше терял свои рукописи во время частых переездов. Сохранилось до ста сочинений Ибн Сины, представленных не менее чем 2500 списками; известны только по названиям и, наверное, утрачены свы-

Источники содержат сведения о распространенности или редкости тех или иных сочинений. Например, для XIII в. Ибн Халликан (1211—1282) отмечает, что «на руках у людей» находятся, то есть существуют в ряде списков, *Тазкира* Ибн Хамдуна (ум. в 1167 г.)[331], *Шарх ал-Макамат* ал-Харири Мухаммада б. ʻАбдаррахмана ал-Масʼуди ал-Бандждихи (1128—1188) в пяти больших томах[332], диваны ал-Аблаха ал-Багдади (ум. в 1183 г.) и Ибн ал-Муʻаллима (ум. в 1196 г.)[333], *Таджариб ал-умам* Мискавайха (ум. в 1030 г.)[334] и др. Напротив, редкость списков он указывает для *Китаб матмах ал-анфус* Абу Насра ал-Фатха б. Мухаммада б. ʻУбайдаллаха б. Хакана ал-Ḳайси ал-Ишбили (уб. в 1140 г.)[335], *Китаб ал-Ансаб* ас-Самʻани (ум. в 1167 г.) в восьми томах[336], *Китаб ал-хиджаба ва-л-худжжаб* Ибн ат-Таʼавизи (уб. в 1188 г.) в 15 куррасах[337], анонимного труда некоего египтянина с подневным освещением событий[338]. Выше было показано, что множество сообщений такого рода связано с характеристикой рукописных собраний и библиотек.

От ряда сочинений до нас дошла или пока выявлена единственная копия[339]; иногда таковой является автограф автора[340]. Ḳ сожалению, учет сохранившихся авторских автографов даже по каталогизированным коллекциям до сих пор не

ше 60 (Mahdavi, 1954; Халидов, 1981а, с. 33, 45 и 70; Халидов, 1981б, с. 82—85).

331 Ибн Халликан, 1, с. 517. Однако до нас дошли только списки разрозненных томов полной 12-томной редакции (Халидов, 1960, с. 70).

332 Ибн Халликан, 1, с. 520. Сочинение не сохранилось.

333 Там же, 2, с. 18 и 23.

334 Там же, с. 70. Сочинение дошло до нас в нескольких старинных списках и опубликовано.

335 Там же, 1, с. 407.

336 Там же, с. 347, 485. Ибн Халликан не мог его достать в Египте; но труд сохранился в ряде хороших списков и издан (точнее, критическое издание пока не доведено до конца).

337 Ибн Халликан, 2, с. 21.

338 Там же, 1, с. 358.

339 В собрании ЛО ИВАН СССР уникальны: диван Ибн Кузмана (ум. в 1160 г.) под шифром В 86; анонимная история халифов начала XI в. (С 1911); «Книга стоянок и жилищ» Усамы б. Мункиза (ум. в 1188 г.) в прижизненном автору списке (С 35) и др.; всего их, включая поздние, свыше сорока.

340 В собрании ЛО ИВАН СССР среди нескольких десятков таких рукописей отметим: сочинение по риторике ал-Музаффара б. Мухаммада ал-Манбиджи в автографе 40-х годов XIII в. (С 306); антологию «Чары глаз» багдадца Абу-т-Туки Абу Бакра б. ʻАбдаллаха ал-Бадри 875—876/1470—1472 гг. (А 327); сочинение по фикху «Ключ к счастью» Камаладдина б. Асаʼиша аш-Ширвани 916/1510-11 г. (С 1436).

17 Зак. 36

предпринимался[341]; один этот факт красноречиво свидетельствует о том, что изучение арабской рукописи и рукописной традиции находится еще в зачаточном состоянии.

Есть сочинения, которые известны нам лишь в переводе — персидском, турецком, еврейском, латинском, в сокращенной версии, авторской или чужой.

Самым благополучным и ясным представляется такой случай, когда сохранился автограф автора или иной древний список и несколько восходящих к нему копий: тогда вся рукописная история сочинения как на ладони. Даже обнаружение новых рукописей, упоминаний или цитат может принести лишь дополнительные штрихи. Так обстоит дело с рядом трудов ал-Бируни. Немало сочинений имеет долгую, запутанную историю и дошло во многих списках.

Важная задача арабистики состоит также в том, чтобы связать историю рукописей с историей библиотек, старинных и более новых. Пока на эту тему мы имеем лишь отдельные замечания исследователей, разбросанные по страницам их трудов.

Сумма данных о рукописных собраниях прошлого и настоящего в сочетании с критической оценкой сообщений источников и осторожными гипотезами позволяет говорить о средневековой арабской рукописной литературе как о самой богатой в мире для своего времени.

---

[341] Только по хранилищам Стамбула есть обзорная статья (Ritter, 1953), далеко не исчерпывающая.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рукописные арабские тексты объединяются не только двумя существенными признаками, включенными в их определение,— языком и техникой исполнения,— но и глубокими внутренними взаимосвязями. Черты их общности, прослеживаемые на уровне содержательном (в объеме, характере и структуре информации, заключенной в рукописных памятниках) и формальном (в способах упорядочения текстов и приемах изложения), проявляются на протяжении длительного хронологического периода с VII по XX в. и на огромном пространстве, охватывающем значительную часть трех материков Старого Света. Подавляющее большинство арабских рукописных текстов принадлежит к единой традиции.

При традиционности содержания и формы письменных произведений и техники рукописного дела исключительное значение приобретает понимание истоков самой традиции и тех факторов, которые обусловили ее постоянство и непрерывность.

По характеру своего происхождения арабские рукописные тексты делятся на: 1) произведения устной словесности, фиксированные письменно; 2) переводы с других языков; 3) произведения, создававшиеся непосредственно в письменной форме на арабском языке. Указанные три группы текстов раннего периода, VII—X вв., образовали первичный фонд средневековой арабской книжно-письменной литературы. Впоследствии также выполнялись и переводы, и записи устных произведений, фольклорных и литературных, но после X в. они были уже малой величиной, прибавляемой к большому целому. Главное же место в книжно-письменной деятельности идеологического, литературного и научного характера заняли осмысление, воспроизводство, переработка и переложение первичного фонда текстов и содержащихся в них фактов, понятий, образов, форм. С течением времени первичный фонд обрастал наслоениями и вбирал их в себя, накопленная письменная продукция, подлежащая повторному осмыслению, все увеличивалась в объеме. Такого рода консервативность накопляемой и воспроизводимой части письменной продукции

была одним из факторов, обусловивших однородность арабской рукописной традиции.

Другим мощным объединяющим и стабилизирующим фактором арабских рукописных текстов было установление норм литературного языка, разработанных также в ранний период и с большой тщательностью. Следствием жесткого закрепления неизменных (точнее говоря, варьируемых в узких пределах) норм языка и графической системы явилось то, что письменные памятники разных эпох и регионов расходились в этих отношениях незначительно. Тем самым были обеспечены условия для пространственно-временной непрерывности арабской рукописной традиции. Вместе с тем соотношение языковой и графической систем включает моменты, осложняющие чтение и адекватное истолкование текстов.

Раннее становление арабской филологии, охватывающей теоретическое и практическое описание произношения, орфографии, синтаксиса, морфологии, словообразования, лексики, стихосложения, риторики, создало средства, которые помогали овладевать грамотой, преодолевать указанные сложности, соблюдать нормы языка, контролировать качество рукописей. На долю самих трудов по филологическим дисциплинам приходится ощутимый процент рукописной продукции. Сверх того, многие тексты сопровождаются филологическими пояснениями, которые вплетаются в их содержание; в этом одна из своеобразных черт арабских письменных памятников.

Процесс духовного производства на арабо-мусульманском Востоке в средние века протекал как круговорот ограниченного объема информации, медленно накапливаемой и многократно вступавшей в обращение, протекал по большей части в сфере вербальной, при помощи арабского языка и письма; его результаты закреплялись во все новых сочинениях и рукописях, которые служили средством аккумуляции и воспроизведения суммы знаний, необходимых для нормального существования социальной системы и господствующей идеологии. Отдельная рукопись при этом есть частица разросшейся традиции, которая, в свою очередь, складывается из всех рукописей, какие когда-либо существовали.

Условия бытования рукописно-книжной традиции на арабо-мусульманском Востоке определялись той особенностью общества, что в нем отсутствовало открытое признание и юридическое оформление сословий, что реальная классовая структура была затушевана системой этико-юридических и богословских представлений. Соответственно знание и толкование богооткровенной религии, Писания, закона, традиций не были замкнуты в рамках особого сословия или касты.

Так называемое мусульманское духовенство формально и фактически не выделено из общества, не отгорожено и от светских знаний. Зато стремление к религиозному знанию считалось обязанностью каждого верующего. Полностью это требование не могло практически соблюдаться, но такое поощрение в сочетании с отсутствием жестких сословных границ делало возможным приобщение весьма широкого круга людей к грамотности и книге. Действительно, число лиц, посвятивших себя деятельности в сфере духовного производства, прежде всего авторской работе, было очень значительным. Кроме религиозных ученых было много поэтов, филологов, астрономов, врачей, а также переписчиков, переплетчиков, библиотекарей; их труд зачастую хорошо оплачивался и находил широкое общественное признание.

Наряду с основными создателями и потребителями рукописных арабских книг, мусульманами различных направлений, сект и правовых школ большой вклад в арабскую книжную письменность внесли христиане, иудеи, зороастрийцы и представители более мелких конфессиональных общин. Многие из них обратились в ислам; ряд общин, сохранив свою веру, целиком перешли на арабский язык и перевели на него свои книги. Этнический состав деятелей арабской книжной культуры был также разнородным, но все они были жителями городов, преимущественно крупных, где скапливались и рукописные собрания.

Деятельность арабских книжников протекала в условиях феодальной раздробленности и полицентризма культуры. Это обстоятельство способствовало разнообразию форм науки и литературы, взаимному соперничеству разных центров и школ, широкому обмену культурными достижениями, перемещениям людей и рукописей. Однако слабость традиций государственности, политическая нестабильность, набеги кочевников и иноземные завоевания часто приводили к разорению городов. В них гибли также рукописи и библиотеки.

Концепция диалектического единства и взаимообусловленности отдельных рукописей и рукописной традиции в целом отражает само существо предмета и потому плодотворна. В ее свете становится возможным и подчас необходимым пересмотреть ряд арабистических проблем, ставить и решать их в иной, чем прежде, плоскости, а некоторые трактовать совершенно по-иному. Достигается лучшее понимание роли устойчивости языка и графической системы, постоянного взаимодействия устной и письменной словесности в рамках единой социально-коммуникативной общности, преемственности книжного репертуара. Оказывается важным различать мно-

гообразие форм и видов творческого и репродуктивного труда авторов и прочих книжников, усматривать в каждом письменном произведении прочный сплав того, что унаследовано, повторено, и того, что впервые внесено; до некоторой степени это требование сохраняет силу даже в отношении всякой копии письменного произведения. Приходится учитывать, что обращением в письменной и устной сферах затронуты не только произведения художественные, но и богословско-юридические, научные, оккультные. При неодинаковости функций, выполняемых авторами и другими участниками рукописной традиции, становится понятной особая плодовитость некоторых логографов, собирателей, переводчиков, комментаторов, составителей «сокращенного» или «расширенного», поскольку они имели дело с готовыми литературными материалами. Более точно удается определить значение системы передачи текстов и целых сочинений, соответствующего документирования, наполненности их ссылками, именами собственными, персоналиями. Достигается также лучшее представление о строении сочинений и рукописей, их взаимном соотношении, обо всей терминологии, касающейся различных сторон рукописной книжности.

Специфика арабской рукописи как предмета материальной культуры проявляется в ряде вещественных признаков, дифференцированных по месту и времени изготовления: в бумаге (освоение производства которой сыграло первостепенную роль), в письме, в наличии клапана у переплета, в оформлении, орнаментовке и других деталях. Художественно-эстетические достоинства арабских рукописей определяются главным образом качеством письма и переплета, тогда как их иллюстрирование было мало распространено и слаборазвито.

Арабская рукописно-книжная традиция отличалась интенсивностью и породила огромную продукцию, что явилось следствием ряда причин и обстоятельств. Важнейшими из них были ее длительное существование в обширном ареале, где издревле сосредоточены богатые природные ресурсы и большие массы населения; значительный объем и разнообразие первичного фонда письменных памятников; провозглашение ценности знания и письменности как его хранилища; установление норм языка и графики и их высокий престиж; многочисленность авторов, среди которых было немало плодовитых; наличие широкой социальной базы и читательской среды, большого числа покровителей, заказчиков, собирателей, с одной стороны, и переписчиков и книготорговцев — с другой; сохранение преемственности, несмотря на изменчивость границ ареала, упадок в отдельные периоды и дей-

ствие разрушительных сил. Результаты выразились в гигантском числе находившихся в обращении сочинений (порядка нескольких сот тысяч названий) и рукописей (не менее 5 млн.— трудно поддаются подсчету); они скапливались в сотнях рукописных собраний и библиотек. Судить об этом можно как по сохранившимся сочинениям (свыше 100 тыс. названий?) и рукописям (около 630 тыс.), так и по доставляемой ими информации, в том числе цифровым данным (которые, однако, подлежат критике и уточнению). Эти цифры столь велики, что сопоставить их не с чем, если принимать во внимание лишь рукописные литературы древности и средневековья. Близкие сопоставительные цифры пришлось бы искать там, где существовало развитое книгопечатание — ксилографическое на Дальнем Востоке со II в., типографическое в Европе с XV в. Трудности, с которыми сталкивается современная наука при исследовании арабских рукописей и арабской рукописной традиции, также связаны с чрезвычайно большим объемом дошедших до нас материалов, их разбросанностью по хранилищам и коллекциям многих стран и относительной малодоступностью.

Создатели арабских рукописных книг опирались на опыт предшествующих цивилизаций, аккумулировали, дополнили и поддерживали его на достойном уровне. С другой стороны, народы, находившиеся в соседстве и длительном контакте с арабами, уже с IX в. начали испытывать воздействие арабской рукописно-книжной культуры. У всех мусульманских народов рукописная книга на родном языке возникла и развивалась под сильным арабским влиянием, а книжные традиции христиан Ближнего Востока и иудеев заметно модифицировались. Через письменные произведения передавались языковые и литературные заимствования, культурная и научная информация. Особенно легко заимствовались технические и материальные элементы книжного дела. Подобные влияния, прямые и опосредованные, ощущались порой на далеком расстоянии, например их испытывала европейская книжная культура вплоть до эпохи Ренессанса.

Исследование позволило выявить, показать на фактах и представить обобщенно важнейшие характерные черты литературного процесса и книжно-письменной традиции в арабо-мусульманском мире. Охватив и поняв их в едином комплексе — и только в этом случае,— мы приближаемся к созданию истинной модели средневековой культуры значительной части человечества и к определению ее места в истории общемировой культуры.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ
(периодические издания, серии, сборники учреждения)

АСКЛ, 1978 — Арабская средневековая культура и литература. Сборник статей зарубежных ученых. Составитель и автор предисловия И. М. Фильштинский. Ответственный редактор Д. В. Фролов. М., 1978.

ИВАН — Институт востоковедения Академии наук СССР.

ЛО ИВАН — Ленинградское отделение Института востоковедения Академии наук СССР.

ММ 950—1150 — Мусульманский мир. 950—1150. Ответственные редакторы В. В. Наумкин, М. Б. Пиотровский. М., 1981.

ПЛНВ — Памятники литературы народов Востока.

ПП и ПИКНВ — «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока».

ППВ — «Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник». М.

СВР — Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Т. I... Таш., 1952...

AAWG — «Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, philologisch-historische Klasse».

AJSL — «American Journal of Semitic Languages (and Literatures»). Chicago.

BAH — Bibliotheca Arabico-Hispana.

BAHG — Bibliothek arabischen Historiker und Geographen. Hrsg. von Hans v. Mžik. Wien.

BGA — Bibliotheca geographorum arabicorum. Edidit M. J. de Goeje. Pars I—VIII. Lugduni Batavorum.

BSOAS — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies, London Institution (University of London)».

GMS — «E. J. W. Gibb Memorial» Series.

EI, NE — The Encyclopaedia of Islam. New ed. Vol. I... Leiden — London, 1960—...

OIP — «Oriental Institute Publications, the Universtiy of Chicago».

RILOB — «Recherches publiées sous la direction de l'Institut de lettres orientales de Beyrouth».

ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft». Leipzig, Wiesbaden.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Источники

Рукописи

ʿАбдаррахмāн б. ʿЙсā ал-Хамадāнй. *Ал-Алфāз ал-китāбййа.*— ЛО ИВАН, А 199.

Абӯ Бакр Ахмад б. ʿАлй ал-Байхакй ал-Хусравджирдй. *Китāб ал-баʿс ва-н-нушӯр.*— ЛО ИВАН, С 1040.

Абӯ Ибрāхйм Исхāк б. Ибрāхйм ал-Фāрāбй. *Дйвāн ал-адаб.*—Бешир-ага, Эюп 128, библиотека Сюлеймание, Истанбул.

Абӯ Саʿйд Мансӯр б. ал-Хусайн ал-Āбй. *Наср ад-дурр.*— ЛО ИВАН с. 679.

Абӯ Таммāм Хабйб б. Авс. *Дйвāн.*— ЛО ИВАН, В 17, С 9.

Абӯ-т-Тука Абӯ Бакр б. ʿАбдаллāх ал-Бадрй. *Сихр ал-ʿуйӯн.*— ЛО ИВАН, А 327.

Абӯ-л-Хасан ʿАлй б. ал-Мушарраф ал-Мāридйнй ал-Хаскафй. *Лаззат ас-самʿ фй-л-мунāзара байн ас-сулāф ва-ш-шамʿ.*— ЛО ИВАН, В 1124.

Ал-Азракй Мухаммад б. ʿАбдаллāх. *Таʾрйх Макка.*— ЛО ИВАН, В 607.

Ал-Андарасбāнй ʿАбдассалāм б. Мухаммад. [*Муʿджам аз-зуххāд*].— ЛО ИВАН, С 2387.

Бā Факйх аш-Шихрй. *Таʾрйх ал-карн ал-ʿāшир.*— Ал-Мактабат аш-шаʿбййа (Народная библиотека), г. Мукалла в Народной Демократической Республике Йемен (без шифра).

Ал-Вāхидй ʿАлй б. Ахмад. *Шарх дйвāн ал-Мутанаббй.*— ЛО ИВАН, В 19, С 13, С 766.

Джарйр. *Дйвāн.*— ЛО ИВАН, С 6.

Ал-Газāлй Абӯ Хāмид Мухаммад. *Тахāфут ал-фалāсифа.*— ЛО ИВАН, В 2167.

Ибн Кузмāн Абӯ Бакр Мухаммад. *Дйвāн.*— ЛО ИВАН, В 86.

Ибн Хāниʾ Абӯ-л-Кāсим Мухаммад ал-Андалусй. *Дйвāн.*— ЛО ИВАН, С 33.

Ибн Хафāджа Абӯ Исхāк Ибрāхйм. *Дйвāн.*— ЛО ИВАН, В 68.

Иджāзат Абй Мухаммад ал-Кāʾинй ал-Харавй ли-Абй-л-Файд Мухаммад ад-Даштпāйāдй.— ЛО ИВАН, В 2158.

Иджāзāт ʿĀлимджāн ал-Бāрӯдй.— ЛО ИВАН, С 2042.

Иджāзат Ахмад б. ʿАбдалкāдир ар-Рифāʿй ли-Челебй ʿАджам Мударрис-зāде.— ЛО ИВАН, В 1382.

Камāладдйн б. Асāʾиш аш-Ширвāнй. *Мифтāх ас-саʿāда.*— ЛО ИВАН, С 1436.

Ал-Мāвардй Абӯ-л-Хасан ʿАлй. *Адаб ад-дунйā ва-д-дйн.*— ЛО ИВАН, С 652.

Марвййат шайхинā Ибн Хаджар [*ал-ʿАскалāнй*].— Восточный отдел

Фундаментальной библиотеки им. А. М. Горького Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, М. Ог. 901.
Машйахат ḳāдӣ-л-ḳуд̣āт ʿИззаддӣн Ибн Джамāʿа.— ЛО ИВАН, С 2077.
Мискавайх Абӯ ʿАлӣ Аҳмад. *Таджāриб ал-умам.* Т. 1.— Научная библиотека им. Н. И. Лобачевского Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина, Отдел редких книг и рукописей, № 950; т. 3 — Институт востоковедения им. Беруни АН УзССР, инв. № 41; т. 5 — ЛО ИВАН, D 345; т. 6 — ИВАН УзССР, инв. № 3388.
Ал-Муẓаффар б. Муҳаммад ал-Манбиджӣ. *Табйӣн ал-манāḳиб.*— ЛО ИВАН, С 306.
Ал-Мутанаббӣ Абӯ-ṭ-Ṭаййиб Аҳмад. *Дӣвāн.*— ЛО ИВАН, В 1102, В 1103, С 11, С 12, С 771.
Ас-Сараḫсӣ Муҳаммад б. Аҳмад. *Шарḥ ас-Сийар ал-кабӣр ли-ш-Шайбāнӣ.*— ЛО ИВАН, D 499.
Аṣ-Ṣафадӣ Ṣалāḥаддӣн ал-Ḫалӣл. *Туḥфат ẓавӣ-л-албāб фӣ ман ḥакам би-Димашḳ мин ал-ḫулафā' ва-л-мулӯк ва-н-нуввāб.*— ЛО ИВАН, С 344.
Таʿбӣр ар-ру'йā.— ЛО ИВАН, С 1601.
[*Та'рӣḫ ал-ḫулафā' ли-л-му'аллиф маджхӯл*].— ЛО ИВАН, С 1911.
Ал-Ḫаббāзӣ Джалāладдӣн ʿУмар. *Ал-Мугнӣ фӣ уṣӯл ал-фиḳх.*— ЛО ИВАН, С 949.
Ал-Ḥаджжāдж б. Ḫайсама. *Китāб ал-баздара.*— ЛО ИВАН, А 383.
Ал-Ḥарӣрӣ Абӯ Муҳаммад ал-Ḳāсим. *Ал-Маḳāмāт.*— ЛО ИВАН, С 23.

Издания и переводы

Абу-л-ʿАла', Гуфран.— Рисāлат ал-гуфрāн... аллатӣ катабахā Абӯ-л-ʿАлā' ал-Маʿаррӣ... ва-ḳад ṣаḥḥаḥахā... аш-Шайḫ Ибрāхӣм ал-Йāзиджӣ. Миṣр, 1325/1907.
Абу-л-ʿАла', Мала'ика.— Абӯ-л-ʿАлā' ал-Маʿаррӣ. Рисāлат ал-малā'ика. Издание текста, перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. Л., 1932 (Труды ИВАН, III).
Абу Зурʿа.— Та'рӣḫ Абӣ Зурʿа ад-Димашḳӣ ли-л-ḥāфиẓ ʿАбдарраḥмāн б. ʿАмр б. ʿАбдаллāх б. Ṣафвāн ан-Наṣрӣ ал-мутаваффā санат 281 х. Таḥḳӣḳ Шукраллāх б. Ниʿматаллāх ал-Ḳӯджāнӣ. Дж. 1—2. Димашḳ, 1400/1980.
Абу-л-Фарадж ал-Исфахани, Агани.— Китāб ал-Агāнӣ. Та'лӣф Абӣ-л-Фарадж ал-Аṣбахāнӣ ʿАлӣ б. ал-Ḥусайн. 356/976. Дж. 1—18. Ал-Ḳāхира, 1383/1963—1390/1970.
Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани, Книга песен.— Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани. Книга песен. Перевод с арабского А. Б. Халидова, Б. Я. Шидфар. М., 1980.
Абу Шама.— Китāб ар-равḍатайн фӣ аḫбāр ад-давлатайн. Та'лӣф... Шихāбаддӣн Абӣ Муҳаммад ʿАбдарраḥмāн б. Исмāʿӣл б. Ибрāхӣм ал-Маḳдисӣ аш-Шāфиʿӣ, ривāйат... Маджддаддӣн Абӣ-л-Муẓаффар Йӯсуф б. Муḥаммад б. ʿАбдаллāх аш-Шāфиʿӣ самāʿан ʿанху. Дж. 1—2. Миṣр ал-Ḳāхира, 1287—1288.
Азхари, Тахзиб.— K. V. Zetterstéen. Aus dem Tahdīb al-luga al-Azhari's.— «Le Monde Oriental». Uppsala, 1920, XIV, с. 1—106.
Ариб.— ʿArīb. Tabarî continuatus quem edidit, indicibus et glossario instruxit M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1897.

Байхаки, Татимма.— Tatimma siwān al-ḥikma of ʿAli b. Zaid al-Baihaḳī.

Ed. by Moḥammad Shafī'. Fasciculus I — Arabic text. Lahore, 1935 (Panjab University Oriental publications series, № 20).

Балазури.— Liber expugnationis regionum, auctore Imámo Ahmed ibn Jahja ibn Djábir al-Beládsori, quem e codice Leidensi et codice Musei Britannici ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1886.

Бируни, Геодезия.— Абу Рейхан Бируни. Определение границ мест для уточнения расстояний между населенными пунктами [Геодезия]. Исследование, перевод и примечания П. Г. Булгакова. Таш., 1966 (Абу Рейхан Бируни. Избранные произведения, III).

Бируни, Геодезия, текст.— Китāб таҳдӣд нихāйāт ал-амāкин ли-тасҳӣҳ масāфāт ал-масāкин ли-Абӣ-р-Райҳāн Муҳаммад б. Аҳмад ал-Бӣрӯнӣ ал-Ҳуваризмӣ ал-мутаваффā санат 440 х. Ҳаккакаху П. Бӯлджāкӯф, рāджа'аху Имāм Ибрāхӣм Аҳмад.— «Маджаллат Ма'хад ал-махтӯтāт ал-'арабӣйа». [Ал-Кāхира], 8, 1381-82/1962.

Бируни, Индия.— Абу Рейхан Бируни. Индия. Перевод А. Б. Халидова и Ю. Н. Завадовского, комментарии В. Г. Эрмана и А. Б. Халидова, отв. ред. В. И. Беляев. Таш., 1963 (Абу Рейхан Бируни. Избранные произведения, II).

Бируни, Минералогия.— Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). Перевод А. М. Беленицкого, редакция Г. Г. Леммлейна, Х. К. Баранова и А. А. Долининой, статьи и примечания А. М. Беленицкого и Г. Г. Леммлейна. [Л.], 1953.

Бируни, Фармакогнозия.— Абу Райхан Беруни. Фармакогнозия в медицине (Китāб ас-сайдана фӣ-т-тибб). Исследование, перевод, примечания и указатели У. И. Каримова. Таш., 1973 (Абу Рейхан Беруни. Избранные произведения, IV).

Газали, Ихйа'.— Китāб Ихйā' 'улӯм ад-дӣн. Та'лӣф... Абӣ Ҳāмид Муҳаммад б. Муҳаммад б. Муҳаммад ал-Газāлӣ. Дж. 1—4. Ал-Матба'а л-азхарӣйа л-мисрӣйа, 1302.

Даббн.— Desiderium quarentis historiam virorum populi Andalusiae (dictionarium biographicum ad Adh-Dhabbí scriptum). Ed. F. Codera et J. Ribera. Matriti, 1885 (BAH, t. III).

Джахшийари, Вузара'.— Das Kitāb al-wuzarā' wa-l-kuttāb des Abu 'Abdallāh Muḥammad ibn 'Abdus al-Gahšiyari, in Faksimile hrsg. nach dem handschriftlichen Unicum der Nationalbibliothek in Wien cod. MIXT 916, mit Einleitung, Inhaltsangabe und Register von H. v. Mžik. Lpz., 1926 (BAHG, I).

Захаби, Дувал ал-ислам.— Китāб дувал ал-ислāм ли-му'аррих ал-ислāм ал-ҳāфиз Шамсаддӣн аз-Захабӣ (673—748 х.). Таҳкӣк Фахӣм Муҳаммад Шалтӯт, Муҳаммад Мустафā Ибрāхӣм. Дж. 1—2. [Ал-Кāхира], 1974.

Ибн ал-Аббар.— Complementum libri Assilah (dictionarium biographicum) ab Aben Al-Abbar scriptum. Ed. F. Codera. Vol. I—II. Matriti, 1887—1889 (BAH, t. V—VI).

Ибн Аби Усайби'а.— Ibn Abi Useibia. Hrsg. von A. Müller. [1—2]. Königsberg i. Pr., 1884.

Ибн ал-Анбари.— Нузхат ал-алиббā' фӣ табакāт ал-удабā' ли-Абӣ-л-Баракāт Камāладдӣн 'Абдарраҳмāн б. Муҳаммад Ибн ал-Анбāрӣ... Кāма би-таҳкӣкихи Ибрāхӣм ас-Сāмаррā'ӣ. Багдāд, 1970.

Ибн ал-Асир.— Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Ed. C. J. Tornberg. Vol. I—XIV. Upsaliae et Lugduni Batavorum, 1851—1876.

Ибн Башкувал.— Китāб ас-Сила. Та'лӣф Ибн Башкувāл Абӣ-л-Кāсим Ҳалаф б. 'Абдалмалик (494—578). Кисм 1—2. Ал-Кāхира, 1966 («Турāсунā. Ал-Мактабат ал-андалусӣйа», 4).

Ибн Башкувал (в сборнике Ибн ал-Фаради).— Historia virorum doctorum Andalusiae (dictionarium biographicum) ab Aben Alfaradhi scripta, ad fidem codicis tunicensis arabice nunc primum edidit, indicibus additis F. Codera. T. II. Matriti, 1892 (BAH, t. VIII).
Ибн Вахб.— Le Djāmiʿ d'Ibn Wahb. Publié par J. David-Weill. T. 1—2. Le Caire, 1939—1941 (Publications de l'Institut Français d'archéologie orientale, textes arabes, t. III).
Ибн ал-Джавзи, Мунтазам.— Ал-Мунтазам фӣ та'рӣх ал-мулӯк ва-л-умам. Та'лӣф Абӣ-л-Фарадж ʿАбдаррахмāн б. ʿАлӣ Ибн ал-Джавзӣ. Дж. 6—10. Хайдарāбāд, 1359/1940.
Ибн ал-Кифти.— Ibn al-Qifṭī's Ta'rīḫ al-Ḥukamā'. Auf Grund der Vorarbeiten Aug. Müller's hrsg. von J. Lippert. Lpz., 1903.
Ибн ал-Муʿтазз, Табакат.— Табакāт аш-шуʿарā' ли-Ибн ал-Муʿтазз. Тахкӣк ʿАбдассаттāр Ахмад Фаррāдж. Дāр ал-маʿāриф би-Миср, 1375/1956.
Ибн ан-Надим.— Kitâb al-Fihrist. Mit Anmerkungen hrsg. von G. Flügel, nach dessen Tode besorgt von J. Roediger und A. Müller. Bd I: den Text enthaltend, von J. Roediger. Lpz., 1871.
Ибн Руста.—Kitâb al-aʿlâk an-nafîsa VII auctore Abû Alî Ahmed ibn Omar ibn Rosteh et Kitâb al-boldân auctore Ahmed ibn abî Jakûb ibn Wâdhih al-Kâtib al-Jakûbî. [Ed. M. J. de Goeje]. Edit. 2. Lugduni Batavorum, 1892 (BGA, VII).
Ибн ат-Тиктака.— Elfachri. Geschichte der islamischen Reiche vom Anfang bis zum Ende des Chalifates von Ibn etthiqthaqa. Arabisch. Hrsg. W. Ahlwardt. Gotha, 1860.
Ибн ал-Фаради.— Historia virorum doctorum Andalusiae (dictionarium biographicum) ab Aben Alfaradhi scripta, ad fidem codicis tunicensis arabice nunc primum edidit, indicibus additis F. Codera. T. I—II. Matriti, 1890—1892 (BAH, t. VII—VIII).
Ибн Хавкал.— Viae et regna. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu'l-Kásim Ibn Haukal. Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1873 (BGA, II).
Ибн Хайр.— Index librorum de diversis scientiarum ordinibus quos a magistris didicit Abu Bequer Ben Khair. Ed. F. Codera et J. Ribera. Vol. I—II. Caesaraugustae, 1894—1895 (BAH, t. IX—X).
Ибн Халдун, ʿИбар.— Китāб ал-ʿибар ва-дӣвāн ал-мубтадā ва-л-хабар фӣ аййāм ал-ʿараб ва-л-ʿаджам ва-л-барбар ва-ман ʿāсарахум мин завӣ-с-султāн ал-акбар ва-хува та'рӣх... ʿАбдаррахмāн Ибн Халдӯн ал-Магрибӣ. Дж. 1—7. Бӯлāк, 1284.
Ибн Халликан.— Вафайāт ал-аʿйāн ва-анбā', абнā' аз-замāн. Та'лӣф ал-кāдӣ Ахмад аш-шахӣр би-Ибн Халликāн. Дж. 1—2. Миср, 1310.
Йакут, Иршад.— The Irshád al-Aríb ilá maʿrifat al-Adíb or Dictionary of Learned Men of Yáqút. Ed. by D. S. Margoliouth. Vol. I—VII. Leyden — London, 1907—1927 (GMS, VI, 1—7).
Йакут, Муʿджам ал-булдан.— Yacut's geographisches Wörterbuch. Aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg, Paris, London und Oxford... hrsg. von F. Wüstenfeld. Bd I—VI. Lpz., 1866—1873.
Коран.— Коран. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. М., 1963.
Кумми.—ʿАббāс ал-Куммӣ. Ал-Кунā ва-л-алкāб. Дж. 1—3. Ан-Наджаф, 1376/1956.
Лев Африканский.— Лев Африканский. Африка — третья часть света. Описание Африки и достопримечательностей, которые в ней есть. Перевод с итальянского, комментарии и статья В. В. Матвеева. Л., 1983.
 Маккари.— Analectes sur l'histoire et la littérature des arabes d'Espagne,

par al-Makkari. Publiés par R. Dozy, G. Dugat, L. Krehl et W. Wright. T. 1—2. Leide, 1855—1861.
Макризи, Хитат.— Ал-Мава'из ва-л-и'тибāр би-зикр ал-хитат ва-л-āсāр. Та'лӣф Такӣаддӣн Ахмад б. 'Алӣ ал-ма'рӯф би-л-Макрӣзӣ. Дж. 1—4. Ал-Кāхира, 1324—1326.
Мискавайх.— The concluding portion of the Experiences of the Nations by Miskawaihi, Office-holder at the Courts of the Buwaihid Sultans, Mu'izz al-daulah, Rukn al-daulah, and 'Adud al-daulah. Arabic text, ed. by H. F. Amedroz. Vol. I. Reigns of Muqtadir, Qahir and Radi. Ox., 1920. Vol. II. Reigns of Muttaqi, Mustakfi, Muti' and Ta'i'. Ox., 1921.
Мубаррид, Камил.— The Kāmil of el-Mubarrad. Ed. for the German Oriental Society from the Manuscripts of Leyden, St. Petersburg, Cambridge and Berlin by W. Wright. Lpz., 1864—1881.
Мугриб.— Ал-Мугриб фӣ хулā-л-Магриб. Хаккакаху ва-'аллака 'алайхи Шавкӣ Дайф. 1—2. Миср, 1953—1955.
Мукаддаси.— Descriptio imperii moslemici auctore Schamso'd-dîn Abû Abdollâh Mohammed ibn Ahmed ibn abî Bekr al-Bannâ al-Basschârî al-Mokaddasi. Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1877 (BGA, III).
Рагиб ал-Исфахани.— Мухāдарāт ал-удабā' ва-мухāварāт аш-шу'арā' ва-л-булагā' ли-Абӣ-л-Кāсим Хусайн б. Мухаммад ал-ма'рӯф би-р-Рāгиб ал-Асбахāнӣ. Дж. 1—2. Миср, 1287.
Са'алиби, Йатима.—Йатӣмат ад-дахр фӣ махāсин ахл ал-'аср ли-Абӣ Мансӯр 'Абдалмалик б. Мухаммад б. Исмā'ӣл ас-Са'āлибӣ ан-Найсāбӯрӣ. Хаккакаху ва-фассалаху ва-дабатаху ва-шарахаху Мухаммад Мухйиддӣн 'Абдалхамӣд. Дж. 1—4. Миср, 1375/1956—1377/1958.
Са'алиби, Лата'иф.— Latáifo 'l-ma'árif, auctore Abu Mançur Abdolmalik ibn Mohammed ibn Ismá'il at-Tha'álibí, quem librum e codd. Leid. et Goth. edidit P. de Jong. Lugduni Batavorum, 1867.
Сам'ани, Адаб ал-имла'.— Die Methodik des Diktatkollegs (Adab al-imlā' wa'l-istimlā') von 'Abd-al-Karīm ibn Muḥammad as-Sam'āni. Hrsg. von M. Weisweiler. Leiden, 1952.
Сам'ани, Ансаб.— The Kitāb al-Ansāb of 'Abd al-Karīm ibn Muḥammad al-Sam'ānī reproduced in facsimile from the manuscript in the British Museum Add. 23,355 with an introduction by D.S. Margoliouth. Leyden — London, 1912 (GMS, XX).
Сафади, Накт.— Накт ал-химйāн фӣ нукат ал-'имйāн ли-Халӣл ибн Айбак ас-Сафадӣ. Тахкӣк Ахмад Закӣ. Миср, 1329.
Сирафи.— Китāб ахбāр ан-нахвиййӣн ал-басриййӣн. Та'лӣф Абӣ Са'ӣд ал-Хасан б. 'Абдаллāх ас-Сӣрāфӣ. Biographies des grammariens de l'école de Basra par Abu Sa'īd al-Hasan ibn 'Abdallah as-Sirafi, publié et annoté par F. Krenkow. Paris—Beyrouth, 1936 (Bibliotheca arabica, publié par l'Institut d'études orientales, Faculté des lettres d'Alger, IX).
Субки.— Табакāт аш-шāфи'ййа-л-кубрā ли-шайх ал-ислāм Тāджаддӣн Абӣ Наср 'Абдалваххāб б. Такӣаддӣн ас-Субкӣ. Дж. 1—6. Миср, 1324.
Суйути, Бугйа.— Китāб бугйат ал-ву'āт фӣ табакāт ал-лугавиййӣн ва-н-нухāт. Та'лӣф Джалāладдӣн 'Абдаррахмāн ас-Суйӯтӣ. 'Унийа би-тасхӣхихи Мухаммад Амӣн ал-Хāнаджӣ би-кирā'атихи 'алā-ш-шайх Ахмад б. ал-Амӣн аш-Шинкӣтӣ. Миср, 1326.
Табари.— Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, series I, t. I—VI, 1879—1890; series II, t. I—III, 1881—1889; series III, t. I—IV, 1879—1890; Introductio, glossarium, addenda et emendanda, 1901; Indices, 1901.
Умдат ал-куттаб.—'Умдат ал-куттāб ва-'уддат завӣ-л-албāб ал-мансӯб ли-л-Му'изз б. Бāдӣс (454 х.). Тахкӣк 'Абдассаттāр ал-Халваджӣ

ва-'Алӣ ал-Мухсин Закӣ.— «Маджаллат Ма'хад ал-махтӯтāт ал-'арабӣйа», 17, 1971, с. 43—172.
Усама, Книга назидания.— Усама ибн Мункыз. Книга назидания. Перевод М. А. Салье, под редакцией и с примечаниями И. Ю. Крачковского. Вступительные статьи И. Ю. Крачковского и Е. А. Беляева. М., 1958.
Усама, Маназил.— Усāма ибн Мункиз. Китāб ал-манāзил ва-д-дийāр (Книга стоянок и жилищ). Издание текста, предисловие и указатели А. Б. Халидова. М., 1961 (ПЛНВ. Тексты. Большая серия, XII).
Хаджжи Халифа, 1—7.— G. Fluegel. Lexicon bibliographicum et encyclopaedicum a Mustafa ben Abdallah Katib Jelebi dicto et nomine Haji Khalfa. Vol. I—VII. Lpz.— L., 1835—1858.
Харири, Макамат.— Les Séances de Hariri publié en Arabe avec un commentaire choisi par Silvestre de Sacy. Deuxième éd. revue sur les manuscrits et augmentée d'un choix de notes historiques et explicatives en Français par M. Reinaud et M. Derenbourg. T. I—II. P., 1847—1853.
Хатиб, Та'рих Багдад.— Та'рӣх Багдāд. Та'лӣф Абӣ Бакр Ахмад б. Сāбит ал-Хатӣб ал-Багдāдӣ. Дж. 1—14. Ал-Кāхира, 1349/1931.
Хумайди.— Джазват ал-муктабис фӣ зикр вулāт ал-Андалус ва-асмā' рувāт ал-хадӣс ва-ахл ал-фикх ва-л-адаб ва-зави-н-набāха ва-ш-ши'р. Та'лӣф Абӣ 'Абдаллāх Мухаммад б. Футӯх б. 'Абдаллāх ал-Хумайдӣ. Кāма би-тасхихӣхи ва-тахкӣкихи Мухаммад б. Тāвит ат-Танджӣ. Ал-Кāхира, 1372/1952.
Шафи'и, Рисала.— Китāб рисāлат ал-имāм Абӣ 'Абдаллāх Мухаммад б. Идрӣс аш-Шāфи'ӣ фӣ усӯл ал-фикх би-ривāйат ар-Рабӣ' б. Сулаймāн ал-Мурāдӣ 'анху. Бӯлāк Миср, 1321.

Исследования

Абдалваххаб, 1955.— Хасан Хуснӣ 'Абдалваххāб. Ал-'Инāйа би-л-кутуб ва-джам'ихā фӣ Ифрӣкӣйа-т-тӯнисӣйа. (Мин ал-карн ас-сāлис илā-л-хāмис ли-л-хиджра).— «Маджаллат Ма'хад ал-махтӯтāт ал-'арабӣйа», 1, 1955, с. 72—90.
Аввад К., 1948.— Кӯркӣс 'Аввāд. Хазā'ин ал-кутуб ал-кадӣма фӣ-л-'Ирāк мунзу кидам ал-'усӯр хаттā 1000 ли-л-хиджра. Багдāд, 1948.
Аввад К., 1951.— Ад-Дийāрāт. Та'лӣф Абӣ-л-Хасан 'Алӣ б. Мухаммад ал-ма'рӯф би-ш-Шāбуштӣ. 'Унийа би-тахкӣкихи ва-нашрихи Кӯркӣс 'Аввāд. Багдāд, 1951, с. 3—33.
Аввад М., 1964.— Русӯм дāр ал-хилāфа. Та'лӣф Абӣ-л-Хусайн Хилāл б. ал-Мухассин ас-Сāби' (359—448 х.). 'Унийа би-тахкӣкихи ва-т-та'лӣк 'алайхи ва-нашрихи Мӣхā'йл 'Аввāд. Багдāд, 1383/1964, с. 5—75 (отд. паг.).
Аверинцев, 1971.— С. С. Аверинцев. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность».— Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М., 1971, с. 206—266.
Алучи, 1965.—'Абдалхамӣд ал-'Алӯчӣ. Му'аллафāт Ибн ал-Джавзӣ. Багдāд, 1385/1965.
Атеш, 1958.— А. Атеш. Ал-Махтӯтāт ал-'арабӣйа фӣ мактабāт ал-Анāдӯл.— «Маджаллат Ма'хад ал-махтӯтāт ал-'арабӣйа», 4, 1958, с. 3—42.
Ахвани, 1955.—'Абдал'азӣз ал-Ахвāнӣ. Кутуб барāмидж ал-'уламā' фӣ-л-Андалус.— «Маджаллат Ма'хад ал-махтӯтāт ал-'арабӣйа», 1, 1955, с. 91—120, 252—271.
БАР — Библиография арабских рукописей. Составление И. Б. Михайловой при участии А. Б. Халидова. Ответственный редактор, автор преди-

словия и вступительных очерков А. Б. Халидов. Аннотации И. Б. Михайловой. М., 1982.
Бартольд (1900).— В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.— Бартольд, I.
Бартольд (1903).— В. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана.— Бартольд, VII, с. 29—225.
Бартольд (1912).— В. В. Бартольд. Халиф и султан.— Бартольд, VI, с. 15—78.
Бартольд (1912а).— В. В. Бартольд. [Рец. на:] E. Blochet. Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din. Leiden—London, 1910. 398 pp. 8 (GMS, XII).— Бартольд, VIII, с. 270—310.
Бартольд (1916).— В. В. Бартольд. О погребении Тимура.— Бартольд, II, ч. 2, с. 423—454.
Бартольд (1918).— В. В. Бартольд. Улугбек и его время.— Бартольд, II, ч. 2, с. 23—196.
Бартольд (1918а).— В. В. Бартольд. Ислам.— Бартольд, VI, с. 79—139.
Бартольд (1918б).— В. В. Бартольд. Культура мусульманства.— Бартольд, VI, с. 141—204.
Бартольд (1926).— В. В. Бартольд. Занятия в туркестанских библиотеках и музеях летом 1925 г.— Бартольд, VIII, с. 445—461.
Бартольд (1927).— В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана.— Бартольд, II, ч. 1, с. 167—433.
Бартольд (1928).— В. В. Бартольд. Мир Али-Шир и политическая жизнь.— Бартольд, II, ч. 2, с. 197—260.
Бартольд (1930).— В. В. Бартольд. Ученые мусульманского «ренессанса».— Бартольд, VI, с. 617—629.
Бартольд, I—IX.— В. В. Бартольд. Сочинения. Т. I—IX. М., 1963—1977.
Беляев, 1953.— В. И. Беляев. Арабские рукописи в собрании Института востоковедения Академии наук СССР.— «Ученые записки ИВАН». VI. М.— Л., 1953, с. 54—103.
Бенвенист, 1974.— Эмиль Бенвенист. Общая лингвистика. Под редакцией, с вступительной статьей и комментарием Ю. С. Степанова. М., 1974.
Бойко, 1977.— К. А. Бойко. Арабская историческая литература в Испании (VIII — первая треть XI в.). М., 1977.
Бойко, 1983.— К. А. Бойко. Арабская историческая литература в Египте (VII—IX вв.). М., 1983.
Болдырев, 1963.— А. Н. Болдырев. Предисловие.— Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей, или Четыре беседы. Перевод с персидского С. И. Баевского и З. Н. Ворожейкиной под редакцией А. Н. Болдырева. М., 1963, с. 3—22.
Большаков, 1969.— О. Г. Большаков. Ислам и изобразительное искусство.— «Труды Государственного Эрмитажа». Т. X. Л., 1969 (Культура и искусство народов Востока, 7), с. 142—156.
Большаков, 1980.— О. Г. Большаков. К истории Таласской битвы (751 г.).— «Страны и народы Востока». Вып. XXII. Кн. 2. М.. 1980, с. 132—136.
Большаков, 1982.— О. Г. Большаков. Средневековый арабский город.— Очерки истории арабской культуры V—XV вв. М., 1982, с. 156—214.
Босворт, 1971.— К. Э. Босворт. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. Перевод с английского и примечания П. А. Грязневича. М., 1971.
Булгаков, 1966.— Абу Рейхан Бируни (973—1048). Определение границ мест для уточнения расстояний между населенными пунктами.

Исследование, перевод и примечания П. Г. Булгакова. Таш., 1966 (Абу Рейхан Бируни. Избранные произведения, III).
Булгаков, 1972.— П. Г. Булгаков. Жизнь и труды Беруни. Таш., 1972.
Буниятов, 1981.— З. М. Буниятов. Гарс ан-Ни'ма ас-Саби и Камал ад-Дин Ибн ал-Фувати об истории Караханидов.— ППВ 1974. М., 1981, с. 5—10.
Васильев, 1967.— А. М. Васильев. Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство Саудидов в Аравии (1744/45—1818). М., 1967.
Гибб, 1960.— Х. А. Р. Гибб. Арабская литература. Перевод с английского А. Б. Халидова.— Х. А. Р. Гибб. Арабская литература. Классический период. М., 1960, с. 7—116.
Гибб, 1960а.— Х. А. Р. Гибб. Мусульманская историография. Перевод с английского П. А. Грязневича.— Х. А. Р. Гибб. Арабская литература. Классический период. М., 1960, с. 117—156.
Гиргас, 1873.— В. Гиргас. Очерк грамматической системы арабов. СПб., 1873.
Гойтейн (1973).— С. Д. Гойтейн. Изменения на Ближнем Востоке (950—1150) в свете документов каирской Генизы. Перевод с английского М. Б. Пиотровского.— ММ 950—1150, с. 36—52.
Гринцер, 1971.— П. А. Гринцер. Две эпохи литературных связей.— Типология и взаимосвязи литератур Древнего мира. М., 1971, с. 7—67.
Грюнебаум (1944).— Г. Э. фон Грюнебаум. Концепция плагиата в арабской теории. Перевод с английского А. Богатурова.— Грюнебаум, 1981, с. 127—156.
Грюнебаум (1963).— Г. Э. фон Грюнебаум. Параллелизм, взаимопроникновение и взаимовлияние в отношениях между арабской и византийской философией, литературой и религиозной мыслью. Перевод с английского А. Богатурова.— Грюнебаум, 1981, с. 83—110.
Грюнебаум (1970).— Г. Э. фон Грюнебаум. Истоки мусульманской цивилизации. Перевод с английского Н. Чалисовой.— Грюнебаум, 1981, с. 30—82.
Грюнебаум, 1981.— Г. Э. фон Грюнебаум. Основные черты арабо-мусульманской культуры. Статьи разных лет. Составитель Д. В. Фролов. Ответственные редакторы А. Б. Куделин, М. Б. Пиотровский. М., 1981.
Грязневич, 1960.— Арабский аноним XI века. Издание текста, перевод, введение в изучение памятника и комментарии П. А. Грязневича. М., 1960 (ПЛНВ. Тексты. Большая серия, VI).
Грязневич, 1967.— История халифов анонимного автора XI века. Факсимиле рукописи. Предисловие и краткое изложение содержания П. А. Грязневича. Указатели М. Б. Пиотровского и П. А. Грязневича. М., 1967 (Памятники письменности Востока. XI).
Грязневич, 1977.— П. А. Грязневич. Аравия и арабы (к истории термина ал-'араб).— ПП и ПИКНВ, XII годичная научная сессия ЛО ИВАН СССР (краткие сообщения). М., 1977, с. 42—52.
Гухман, 1981.— Типы наддиалектных форм языка. Ответственный редактор М. М. Гухман. М., 1981.
Дьяконов, 1979.— И. Фридрих. История письма. Перевод с немецкого. Вступительная статья и комментарии И. М. Дьяконова. М., 1979, с. 9—29.
Казиев, 1977.— А. Ю. Казиев. Художественное оформление азербайджанской книги XIII—XVII веков. М., 1977.
Крачковский (1916).— И. Ю. Крачковский. Новая рукопись пятого тома истории Ибн Мискавайха.— Крачковский, VI, с. 373—382.
Крачковский (1924).— И. Ю. Крачковский. Арабская поэзия.— Крачковский, II, с. 246—265.

Крачковский (1924а).— И. Ю. Крачковский. Собрание арабских рукописей в Казани.— Крачковский, VI, с. 455—459.
Крачковский (1925).— И. Ю. Крачковский. Рукопись «Destructio philosophorum» ал-Газали в Азиатском музее.— Крачковский, VI, с. 463—467.
Крачковский (1925а).— И. Ю. Крачковский. Переписчик «Тахāфут ал-фалāсифа» ал-Газали Азиатского музея.— Крачковский, VI, с. 470—471.
Крачковский (1945).— И. Ю. Крачковский. Над арабскими рукописями.— Крачковский, I, с. 15—146.
Крачковский (1950).— И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики.— Крачковский, V, с. 7—192.
Крачковский, I—VI.— И. Ю. Крачковский. Избранные сочинения. Т. I—VI. М.— Л., 1955—1960.
Куделин, 1983.— А. Б. Куделин. Средневековая арабская поэтика (вторая половина VIII — XI век). М., 1983.
Ле Турно (1973).— Р. Ле Турно. Новые ориентации берберов Северной Африки (950—1150). Перевод с французского В. Я. Порхомовского.— ММ 950—1150, с. 145—173.
Маврид, 1976.— «Ал-Маврид. Маджалла турāс̣ийа фас̣лийа». ʻАдад х̣āс̣с̣. Х̣алкат химāйат ал-мах̣т̣ӯт̣āт ал-ʻарабийа ва-тайсӣр ал-интифāʻ бихā. Баг̣дāд, 8—17.XI.1975. Баг̣дāд, 1976, т. 5, № 1.
Матвиевская, Тллашев, 1981.— Г. П. Матвиевская, Х. Тллашев. Математические и астрономические рукописи ученых Средней Азии X—XVIII вв. Таш., 1981.
Махтутат мусаввара.— Фихрис ал-мах̣т̣ӯт̣āт ал-мус̣аввара. Маʻхад ал-мах̣т̣ӯт̣āт ал-ʻарабӣйа. Дж. 1, тас̣нӣф Фу'āд Саййид. Ал-Ḳāхира, 1954.
Махфуз, 1958.— Х̣усайн ʻАлӣ Мах̣фӯз̣. Ал-Мах̣т̣ӯт̣āт ал-ʻарабӣйа фӣ-л-ʻИрāк.— «Маджаллат Маʻхад ал-мах̣т̣ӯт̣āт ал-ʻарабӣйа», 4, 1958, с. 195—258.
Махфуз, 1961.— Х̣усайн ʻАлӣ Мах̣фӯз̣. Ибн ал-Кӯфӣ.— «Маджаллат Куллӣйат ал-āдāб би-Джāмиʻат Баг̣дāд», 1961, 3, отд. отт., 28 с.
Мец, 1973.— А. Мец. Мусульманский ренессанс. Перевод с немецкого Д. Е. Бертельса, ответственный редактор В. И. Беляев. Изд. 2-е. М., 1973.
Михайлова, 1965.— Каталог арабских рукописей Института народов Азии Академии наук СССР, вып. 3. А. И. Михайлова. История. М., 1965.
Монроу (1972).— Дж. Т. Монроу. Устный характер доисламской поэзии.— АСКЛ, 1978, с. 93—142.
Мунаджжид, 1955.— С̣алāх̣аддӣн ал-Мунаджжид. Иджāзāт ас-самāʻ фӣ-л-мах̣т̣ӯт̣āт ал-ʻарабӣйа.— «Маджаллат Маʻхад ал-мах̣т̣ӯт̣āт ал-ʻарабӣйа», 1, 1955, с. 232—251.
Наджи Маʻруф, 1973.— Нāджӣ Маʻрӯф. Мадāрис ḳабл ан-Низ̣āмӣйа. Баг̣дāд, 1393/1973.
Накшбанди, 1976.— Усāма Нāс̣ир ан-Наḳшбандӣ. Джухӯд Мудӣрӣйат ал-āс̣āр ал-ʻирāḳӣйа фӣ таджмӣʻ ва-х̣имāйат ал-мах̣т̣ӯт̣āт.— Маврид, 1976, с. 64—65.
Полосин, 1978.— В. В. Полосин. К вопросу о двух редакциях «Фихриста» Ибн ан-Надима.— ПП и ПИКНВ, XIII годичная научная сессия ЛО ИВАН СССР (краткие сообщения). М., 1978, с. 113—118.
Прозоров, 1973.— Ал-Хасан ибн Муса ан-Наубахти. Шиитские секты. Перевод с арабского, исследование и комментарий С. М. Прозорова. М., 1973.
Прозоров, 1980.— С. М. Прозоров. Арабская историческая литература

18 Зак. 36

в Ираке, Иране и Средней Азии в VII — середине X в. Шиитская историография. М., 1980.
Роузентал, 1978.— Ф. Роузентал. Торжество знания. Концепция знания в средневековом исламе. Перевод с английского С. А. Хомутова, ответственный редактор А. В. Сагадеев. М., 1978.
Сагадеев, 1980.— А. В. Сагадеев. Ибн-Сина (Авиценна). М., 1980.
Сакар и ал-А'зами, 1963—1964.—'Абдалбадӣ' Ҫақар ва-Мухаммад Муҫтафā ал-А'ҙамӣ. Ал-Маҳтӯтāт ал-арабӣйа фӣ дāр ал-кутуб ал-қатарӣйа.— «Маджаллат Ма'хад ал-маҳтӯтāт ал-'арабӣйа», 9, 1963, с. 3—63; 10, 1964, с. 195—222.
Сетон Ллойд, 1972.— Сетон Ллойд. Реки-близнецы. Перевод с английского Е. Г. Чувикова. М., 1972.
Стеблин-Каменский, 1971.— М. И. Стеблин-Каменский. Мир саги. Л., 1971.
Стеблин-Каменский, 1972.— М. И. Стеблин-Каменский. Фольклор и литература.— «Известия Академии наук СССР». Серия литературы и языка. М.— Л., 1972, т. 31, вып. 3, с. 248—255.
Стеблин-Каменский, 1976.— М. И. Стеблин-Каменский. Миф. Л., 1976.
Умар, 1974.— Дӣвāн ал-адаб. Та'лӣф Абӣ Ибрāхӣм Исхāқ б. Ибрāхӣм ал-Фāрāбӣ. Таҳқӣқ Ахмад Мухтāр 'Умар, мурāджа'ат Ибрāхӣм Анӣс. Дж. 1. Ал-Кāхира, 1394/1974.
Фильштинский, 1977.— И. М. Фильштинский. Словесное искусство арабов в древности и раннем средневековье. М., 1977.
Фридрих, 1979.— И. Фридрих. История письма. Перевод с немецкого. Вступительная статья и комментарии И. М. Дьяконова. М., 1979.
Фу'ад Саййид, 1955.— Фу'āд Саййид. Маҳтӯтāт ал-Йаман.—«Маджаллат Ма'хад ал-маҳтӯтāт ал-'арабӣйа», 1, 1955, с. 194—214.
Халидов, 1960.— Каталог арабских рукописей Института народов Азии Академии наук СССР, вып. 1. А. Б. Халидов. Художественная проза. М., 1960.
Халидов, 1960а.— А. Б. Халидов. Антология ал-Āбӣ в рукописи Института востоковедения АН СССР.— Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели. М.— Л., 1960, с. 487—491.
Халидов, 1971.— А. Б. Халидов. Неизвестный биографический словарь XII в. из Хорезма.— «Folia orientalia». Kraków, 1971, t. XIII, c. 67—75.
Халидов, 1971а.— А. Б. Халидов. К идентификации автора одной арабской рукописи XII века.— VII годичная научная сессия ЛО ИВАН (краткие сообщения). М., 1971, с. 41—43.
Халидов, 1973.— А. Б. Халидов. Биографический словарь ал-Андарасбāнӣ.— ППВ 1971. М., 1973, с. 148—163.
Халидов, 1977.— А. Б. Халидов. Документы о «передаче» книг и книжного знания (по материалам арабских рукописей ЛО ИВАН СССР).— ПП и ПИКНВ, XII годичная научная сессия ЛО ИВАН СССР (краткие сообщения). М., 1977, с. 96—105.
Халидов, 1978.— А. Б. Халидов. Арабские рукописи в СССР и их изучение.— «Археографический ежегодник за 1977 г.». М., 1978, с. 62—78.
Халидов, 1979.— А. Б. Халидов. Собрания арабских рукописей в Народной Демократической Республике Йемен.— ППВ 1973, М., 1979, с. 179—202.
Халидов, 1980.— А. Б. Халидов. Предисловие.— Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани. Книга песен. Перевод с арабского А. Б. Халидова, Б. Я. Шидфар. М., 1980, с. 5—16.

Халидов, 1981.— А. Б. Халидов. О некоторых особенностях строя арабского языка.— ПП и ПИКНВ, XV годичная научная сессия ЛО ИВАН СССР, ч. II (доклады и сообщения по арабистике). М., 1981, с. 99—105.
Халидов, 1981а.— А. Б. Халидов. Материалы к изучению творческой биографии и научного наследия Ибн Сины (980—1037).— ПП и ПИКНВ, XV годичная научная сессия ЛО ИВАН СССР, ч. III (доклады и сообщения о творчестве Ибн Сины). М., 1981, с. 24—78.
Халидов, 1981б.— А. Б. Халидов. Рукописи трудов Ибн Сины на арабском языке в собрании ЛО ИВАН СССР.— ПП и ПИКНВ, XV годичная научная сессия ЛО ИВАН СССР, ч. III (доклады и сообщения о творчестве Ибн Сины). М., 1981, с. 82—95.
Халидов, 1982.— А. Б. Халидов. Арабский язык.— Очерки истории арабской культуры V—XV вв. М., 1982, с. 13—74.
Халидов, 1982а.— А. Б. Халидов. Книжная культура.— Очерки истории арабской культуры V—XV вв. М., 1982, с. 215—310.
Халидов Б., Халидов А., 1979.— Б. З. Халидов, А. Б. Халидов. Биография аз-Замахшарӣ, составленная его современником ал-Андарасбāнӣ.— ППВ 1973, М., 1979, с. 203—212.
Халидов, Эрман, 1963.— А. Б. Халидов, В. Г. Эрман. Предисловие.— Бируни, Индия, с. 7—53.
Хури, 1924.— А. Хури. Рукопись истории Ибн Мискавайха в Казани.— «Доклады Академии наук СССР». Серия В. 1924, с. 184—186.
Шаббух, 1956.— Ибрāхӣм Шаббӯх. Сиджилл ḳадӣм ли-мактабат джāми‘ ал-Ḳайрувāн.— «Маджаллат Ма‘хад ал-махтӯтāт ал-‘арабӣйа» 2, 1956, с. 339—372.
Шаббух, 1959.— Ибрāхӣм Шаббӯх. Барнāмадж шуйӯх Ибн ал-Фаххāр ар-Ру‘айнӣ (592—666 х.).— «Маджаллат Ма‘хад ал-махтӯтāт ал-‘арабӣйа», 5, 1379/1959, с. 103—144.
Шидфар, 1974.— Б. Я. Шидфар. Образная система арабской классической литературы (VI—XII вв.). М., 1974.
Шмидт, 1936.— А. Э. Шмидт. Рукопись III тома всемирной истории Ибн Мискавейха.— «Труды Государственной Публичной библиотеки УзССР». I. Таш., 1936, с. 118—133.
Юшманов, 1928.— Н. В. Юшманов. Грамматика литературного арабского языка. Под редакцией и с предисловием И. Ю. Крачковского. Л., 1928.
Юшманов, 1938. Н. В. Юшманов. Строй арабского языка. Л., 1938.
Abbott, 1939.— N. Abbott. The rise of the North Arabic script and its ḳur'anic development, with a full description of the Ḳur'ān manuscripts in the Oriental Institute. Chicago, 1939 (OIP, vol. L).
Abbott, 1939a.— N. Abbott. The contribution of Ibn Muḳla to the North Arabic script.— AJSL, LVI, 1939, c. 70—73.
Abbott, 1957.— N. Abbott. Studies in Arabic literary papyri. I. Historical texts. Chicago, 1957 (OIP, vol. LXXV).
Abbott, 1967.— N. Abbott. Studies in Arabic literary papyri. II. Qur'anic commentary and tradition. Chicago, 1967 (OIP, vol. LXXVI).
Abbott, 1972.— N. Abbott. Studies in Arabic literary papyri. III. Language and literature. Chicago and London, 1972 (OIP, vol. LXXVII).
Afnan, 1964.— S. M. Afnan. Philosophical Terminology in Arabic and Persian. Leiden, 1964.
Ashtor, 1969.— E. Ashtor. Histoire des prix et des salaires dans l'Orient médiéval. P., 1969.
Beddie, 1929.— J. S. Beddie. Libraries in the Twelfth Century: Their Catalogues and Contents.— Anniversary Essays in Medieval History by students of Charles Homer Haskins. Boston — N. Y., 1929, c. 1—23.

Blachère, 1952, 1964, 1966.— R. Blachère. Histoire de la littérature arabe des origines à la fin du XVe siècle de J. C. T. 1—3. P., 1952—1966.
Bosworth, 1968.— The Book of Curious and Entertaining Information. The Latā'if al-ma'ārif of Tha'ālibī. Transl. with introduction and notes by C. E. Bosworth. Edinburgh, 1968.
Brockelmann, GAL.— C. Brockelmann. Geschichte der Arabischen Litteratur. Bd I—II. Weimar—Berlin, 1898—1902; Supplementbände I—III. Leiden, 1937—1942; zweite, den Supplementbänden angepasste Aufl., Bd I—II. Leiden, 1943—1949.
Brockelmann, 1954.— C. Brockelmann. Das Arabische und seine Mundarten.— Handbuch der Orientalistik hrsg. von B. Spuler. Bd 3 Semitistik, 2. u. 3. Absnitt mit Beiträgen von C. Brockelmann, E. L. Dietrich, J. Fück, B. Spuler. Leiden, 1954.
Cantineau, 1930.— J. Cantineau. Le nabatéen. Notions générales — écriture, grammaire. P., 1930.
Dessus Lamare, 1938.— A. Dessus Lamare. Le mushaf de la mosquée de Cordoue et son mobilier mécanique.— «Journal Asiatique». P., t. 230, 1938, c. 551—576.
Diem, 1973.— W. Diem. Die nabatäischen Inschriften und die Frage der Kasusflexion im Altarabischen.— ZDMG, Bd 123, 1973, c. 227—237.
Diem, 1976.— W. Diem. Die Hauptentwicklungsstadien der arabischen Orthographie.— Akten des VII. Kongresses für Arabistik und Islamwissenschaft Göttingen, 15. bis 22. August 1974. Hrsg. von A. Dietrich. Göttingen, 1976 (AAWG, Dritte Folge, Nr. 98.), c. 101—107.
Ebied, Young, 1974.— R. Y. Ebied, M. Z. L. Young. New light on the origin of the term «baccalaureate».— «The Islamic Quarterly. A Review of Islamic Culture». L., vol. XVIII, № 1—2, January — July 1974, c. 3—7.
Eche, 1967.— Youssef Eche. Les bibliothèques arabes publiques et semi-publiques en Mésopotamie, en Syrie et en Égypte au Moyen Age. Damas, 1967 (Institut Français de Damas).
Elisséeff, 1967.— N. Elisséeff. Nūr ad-Dīn un grand prince musulman de Syrie au temps des Croisades (511—569 h./1118—1174). T. I—III. Damas, 1967 (Institut Français de Damas).
Endress, 1982.— G. Endress. Handschriftenkunde.— Grundriß der Arabischen Philologie. Bd I: Sprachwissenschaft, hrsg. von W. Fischer. Wiesbaden, 1982.
Fleisch, 1947.— H. Fleisch. Introduction à l'étude des langues sémitiques. P., 1947.
Fleisch, 1956.— H. Fleisch. L'Arabe classique. Esquisse d'une structure linguistique. Beyrouth, 1956 (RILOB, t. V).
Fleisch, 1961.— H. Fleisch. Traité de philologie arabe. Vol. I. Préliminaires, phonétique, morphologie nominale. Beyrouth, 1961 (RILOB, t. XVI).
Fück, 1950.— J. Fück. Arabiya. Untersuchungen zur arabischen Sprach- und Stilgeschichte. B., 1950.
Fück, 1955.— J. Fück. Die arabischen Studien in Europa bis in den Anfang des 20. Jahrhunderts. Lpz., 1955.
Fück, 1960.— J. Fück. Middle Arabic.— EI, NE, I, c. 569—571.
Goldziher, 1888, 1890.— I. Goldziher. Muhammedanische Studien. T. I—II. Halle, 1888—1890.
Graf, 1—5.— G. Graf. Geschichte der christlichen arabischen Literatur. Bd I—V. Cittá del Vaticano, 1944—1953 (Studi e testi, 118, 133, 146, 147, 172).
Gratzl, Creswell, Ettinghausen, 1956.— E. Gratzl, K. A. C. Cresswell, R. Ettinghausen. Bibliographie der islamischen Einbandkunst, 1871 bis 1956.— «Ars Orientalis». Ann Arbor, vol. 2, 1956, c. 519—540.

Grignaschi, 1969.— M. Grignaschi. La Nihāyatu-l-'arab fī ahbāri-l-Furs wa-l-'Arab (Première partie).— «Bulletin d'études orientales». Damas, t. XXII, 1969, c. 15—67.
Grohmann, 1954.— A. Grohmann. Einführung und Chrestomathie zur arabischen Papyruskunde. Bd I. Einführung. Praha, 1954 (Československý ústav orientálný v Praze. Monografie Archívu orientálního. Ed. by J. Rypka, vol. XIII).
Grohmann, 1967, 1971.— A. Grohmann. Arabische Paläographie. T. I—II. Wien, 1967—1971.
Grohmann, Arnold, 1929.— A. Grohmann, Th. W. Arnold. Denkmäler Islamischer Buchkunst. München, 1929.
Grunebaum, 1944.— G. E. von Grunebaum. The concept of plagiarism in Arabic theory.—«Journal of Near Eastern Studies». Chicago, vol. III, 1944, c. 234—253.
Haywood, 1960.— J. A. Haywood. Arabic lexicography. Its history and its place in the general history of lexicography. Leiden, 1960.
Howard, 1939.— H. N. Howard. Preliminary materials for a survey of the libraries and archives of Istanbul.— «Journal of the American Oriental Society». New York — New Haven, vol. 59, 1939, c. 227—246.
Karabacek, 1887.— J. Karabacek. Das Arabische Papier. Eine historisch-antiquarische Untersuchung. Wien, 1887 (sonderabdruck aus dem II. und III. Bande der «Mitteilungen aus der Sammlung der Papyrus Erzherzog Rainer»).
Khoury, 1981.— R. G. Khoury. Une description fantastique des fond de la bibliothèque royale, Hizānat al-kutub au Caire. Sous le règne du calife fatimide al-'Azīz bi-llāh (365—86/975—97).— Proceedings of the ninth congress of the Union européenne des arabisants et islamisants, Amsterdam, 1st to 7th september 1978. Ed. by R. Peters with a Preface by J. Brugman. Leiden, 1981 (Publications of the Netherlands Institute of archaeology and Arabic studies in Cairo, 4), c. 123—140.
Köbert, 1960.— R. Köbert. Zur arabischen Rechtschreibung.— «Orientalia». Roma, vol. 29, fasc. 3, 1960, c. 330—331.
Kraus, 1936.— Epître Bērūnī contenant le répertoire des ouvrages de Muhammad b. Zakarīyā ar-Rāzī, publiée par P. Kraus. P., 1936.
Lecomte, 1965.— G. Lecomte. Ibn Qutaiba (mort en 276/889). L'homme, son œuvre, ses idées. Damas, 1965 (Institut Français de Damas).
Leemhuis, 1981.— F. Leemhuis. MS. 1075 tafsīr of the cairene Dār al-kutub and Muğahid's Tafsīr.— Proceedings of the ninth congress of the Union européenne des arabisants et islamisants, Amsterdam, 1st to 7th september 1978. Ed. by R. Peters with a Preface by J. Brugman. Leiden, 1981 (Publications of the Netherlands Institute of archaeology and Arabic studies in Cairo, 4), c. 169—180.
Levey 1962.— M. Levey. Medieval arabic bookmaking and its relation to early chemistry and pharmacology. Philadelphia, 1962 (Transactions of the American philosophical Society held at Philadelphia for promoting useful knowledge, N. S., vol. 52, part 4).
Lippert, 1903.— См.: Ибн ал-Кифти, предисловие Ю. Липперта.
Mackensen, 1932.— R. S. Mackensen. Four great libraries of medieval Baghdad.— «The Library Quarterly». [Chicago], vol. 2, 1932, c. 279—299.
Mahdavi, 1954.— Y. Mahdavi. Bibliographie d'Ibn Sina. Tehran, 1954.
Makdisi, 1981.— G. Makdisi. The Rise of Colleges. Institutions of learning in Islam and the West. Edinburgh, 1981.
Meyerhof, 1929.— M. Meyerhof. Über einige Privatbibliotheken im Fatimidischen Ägypten.— «Rivista degli Studi Orientali». Roma, vol. XII, 1929, fasc. III, c. 286—290.

Oxtoby, 1969.— W. G. Oxtoby. Some inscriptions of the Safaitic bedouin. New Haven, 1968 (American oriental series, vol. 50).
Pearson, 1971.— J. D. Pearson. Oriental Manuscripts in Europe and North America. A survey. Zug, [1971] (Biblioteca Asiatica, 7).
Pedersen, 1946.— J. Pedersen. Den arabiske bog. Koppenhagen, 1946.
Pellat, 1956.— Ch. Pellat. Ǧahiziana III. Essai d'inventaire de l'œuvre ǧahizienne.— «Arabica». P., 3, 1956, c. 147—180.
Pertsch, 1—5.— W. Pertsch. Die arabischen Handschriften der herzoglichen Bibliothek zu Gotha. Bd 1—5. Gotha, 1878—1892.
Pinto, 1929.— O. Pinto. The libraries of the Arabs during the time of the Abbasids.— «Islamic Culture». Hyderabad, 3, 1929, c. 210—243.
Poliak, 1938.— A. N. Poliak. L'arabisation de l'Orient Sémitique.— «Revue des études islamiques». P., [t. XII,] 1938, c. 35—63.
Rabin, 1951.— C. Rabin. Ancient West-Arabian. A study of the Dialects of the Western Highlands of Arabia in the sixth and seventh centuries A. D. L., 1951.
Rehber, 1957.— Türkiye kütüphaneleri rehberi. Ankara, 1957.
Reuschel, 1959.— W. Reuschel. Al-Ḫalīl ibn Aḥmad der Lehrer Sībawaihs, als Grammatiker. B., 1959.
Ribera, 1928.— J. Ribera y Tarrago. Bibliófilos y bibliotecas en la España musulmana.— Disertaciones y opusculos, t. I. Madrid, 1928, c. 181—218. [То же], араб. пер., 1958, 1959: ал-Мактаба̄т ва-хува̄т ал-кутуб фӣ Исба̄нийа̄-л-исла̄мийа ли-л-уста̄з Х̮ӯлийа̄н Рӣбӣра̄. Тарджамат Джама̄л Мух̮аммад Мух̮риз.— «Маджаллат Ма‘хад ал-мах̮т̣ӯт̣а̄т ал-‘арабийа», 4, 1958, с. 77—96; 5, 1959, с. 69—101.
Rice, 1955.— D. S. Rice. The unique ibn al-Bawwāb manuscript in the Chester Beatty Library. Dublin, 1955.
Rieu, 1894.— Ch. Rieu. Supplement to the catalogue of the Arabic manuscripts in the British Museum. L., 1894.
Ritter, 1953.— H. Ritter. Autographs in turkish libraries.— «Oriens». Leiden, vol. 6, 1953, c. 63—90.
Rosen, 1881.— V. Rosen. Notices sommaires des Manuscrits arabes du Musée Asiatique, 1-re livraison. St.-Pbg., 1881.
Rosen, 1881a.— V. Rosen. Notiz über eine Merkwürdige Handschrift betitelt Fihrist marwîjât šaiḫinâ ilḫ. Ibn Hagar.— «Mélanges asiatiques tirés du Bulletin historico-philologique de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg», t. VIII, 1881, c. 691—702.
Rosenthal, 1947.— F. Rosenthal. The Technique and Approach of Muslim Scholarship. Roma, 1947 (Analecta Orientalia, XXIV).
Rosenthal, 1970.— F. Rosenthal. Knowledge triumphant. The Concept of Knowledge in Medieval Islam. Leiden, 1970.
Sachau, 1878.— Chronologie orientalischer Völker von Albêrûnî. Hrsg. von C. E. Sachau. Lpz., 1878.
Sachau, 1887.— Alberuni's India. An account of the religion, philosophy, literature, chronology, astronomy, customs, laws and astrology of India about A. D. 1030. Ed. in the Arabic original by E. Sachau. L., 1887.
Sarre, 1923.— F. Sarre. Islamische Bucheinbände. B., 1923.
Schacht, 1927, 1930.— J. Schacht. Von den Bibliotheken in Stambul und Umgegend.— Zeitschrift für Semitistik und verwandte Gebiete». Lpz., 5, 1927, c. 288—294; 8, 1930, c. 120—121.
Sellheim, 1954.— R. Sellheim. Die klassisch-arabischen Sprichwörtersammlungen insbesondere die des Abū ‘Ubaid. Gravenhage, 1954.
Sergeant, 1950.— R. B. Sergeant. Materials for South Arabian history. Notes on new MSS from Ḥaḍramawt.— BSOAS, vol. 13, 1950, c. 281—307, 581—601.

Sergeant, 1962.— R. B. Sergeant. Historians and Historiography of Ḥaḍramawt.— BSOAS, vol. 25, 1962, c. 239—261.
Sezgin, GAS.— F. Sezgin. Geschichte des Arabischen Schrifttums. Bd I—VII... Leiden, 1967—1978...
Tritton, 1957.— A. S. Tritton. Materials on Muslim education in the Middle Ages. London, Luzac, 1957.
Ullmann 1978.— M. Ullmann. Ḫālid ibn Yazīd und die Alchemie: Eine Legende.— «Der Islām». Strassburg — Berlin, Bd 55, 1978, c. 181—218.
Utas, 1971.— B. Utas. Notes on some public and semi-public libraries in the Near and Middle East containing Persian and other Moslem manuscripts.— «Acta orientalia». Ediderunt societates orientales Batava, Danica, Norvegica (Svecica). Leiden, vol. 33, 1971, c. 169—192.
Vajda, 1957.— G. Vajda. Les Certificats de Lecture et de Transmission dans les Manuscrits Arabes de la Bibliothèque nationale de Paris. P., 1957.
Van Ess, 1981.— J. Van Ess. Der Wesir und seine Gelehrten. Zu Inhalt und Entstehungsgeschichte der theologischen Schriften des Rašīduddīn Fażlullāh (gest. 718/1318). Wiesbaden, 1981 («Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes», hrsg. von der Deutschen morgenländischen Gesellschaft, XLV, 4).
Vansina, 1965.— J. Vansina. Oral Tradition. A Study in Historical Methodology. Transl. from the French by H.. M. Wright. Edinburgh, 1965.
Weil, 1954.— G. Weil. Das metrische System des al-Xalil und der Iktus in den altarabischen Versen.— «Oriens», vol. 7, 1954, c. 304—321.
Weisweiler, 1962.— M. Weisweiler. Der islamische Bucheinband des Mittelalters nach Handschriften aus Deutschlandischen und türkischen Bibliotheken. Wiesbaden, 1962 (Beiträge zum Buch- und Bibliothekswesen, Bd 10).
Winnett, Harding, 1978.— F. V. Winnett and G. L. Harding. Inscriptions from fifty safaitic cairns. University of Toronto Press, 1978.

Аббадиды 232
'Аббāс Великий, шах 202, 243
'Аббāс б. 'Амр б. Хāрӯн 229
см. также: Абӯ-л-Фадл
Аббасиды 50, 55, 80, 83, 182, 201
'Абдалаввал, см.: Абӯ-л-Вакт
'Абдал'азӣз ал-Мāни' 200
см. также: 'Афӣфаддӣн
'Абдал'азӣм, см.: Закӣ'аддӣн Абӯ Мухаммад
'Абдалвāхид, см.: Абӯ-л-Махāсин
'Абдалваххāб Х.Х. 132, 225, 227
'Абдалваххāб ал-Хаджабӣ 100
'Абдалганӣ б. 'Абдалвāхид ал-Макдисӣ 210
'Абдалганӣ б. Са'ӣд ал-Аздӣ 93
см. также: Абӯ Мухаммад
'Абдалджаббāр б. Мухаммад ал-Магрибӣ 124
'Абдалкāдир Гилянский (ал-Джӣлӣ) 196
'Абдалкарӣм, см.: Абӯ Са'д
'Абдаллāх б. ал-'Аббāс 40; см. также: Ибн ал-'Аббāс
'Абдаллāх б. 'Абдаррахмāн 102
'Абдаллāх б. Абӣ Хāшим б. Масрӯр ат-Туджӣбӣ 123, 225
'Абдаллāх б. Ахмад б. ал-Хашшāб 196; см. также: Ибн ал-Хашшāб
'Абдаллāх б. Вахб б. Муслим 162, 217; см. также: Ибн Вахб
'Абдаллāх б. Лахӣ'а 217
'Абдаллāх б. Маймӯн ал-Каддāх 89
'Абдаллāх б. Мубāрак Ибн ан-Наббāл 196
'Абдаллāх б. ал-Мукаффа' 49
'Абдаллāх б. ал-Му'тазз 54, 80, 101
'Абдаллāх б. Хаййāн ал-Арӯшӣ 234
'Абдаллāх б. ал-Хасан 100
см. также: Абӯ 'Абдаррахмāн; Абӯ-л-Баракāт; Абӯ-л-Валӣд; Абӯ-л-Ма'āлӣ; Абӯ Мухаммад; Абӯ Наср; Маджладдӣн Абӯ Мухаммад; Маджладдӣн Абӯ-л-Фадл; Муваффакаддӣн; Наджмаддӣн Абӯ Мухаммад; ас-Сāхиб Сафӣ'аддӣн; Шамсаддӣн Абӯ Са'д
'Абдалмалик 36
'Абдалмалик б. 'Абдаррахӣм ал-Хāрисӣ 101
'Абдалмун'им б. Ахмад 204
'Абдаррахӣм, см.: ал-Кāдӣ ал-Фāдил
'Абдаррахмāн III 228
'Абдаррахмāн Ибн Халдӯн 147; см. также: Ибн Халдӯн
'Абдаррахмāн б. Ибрāхӣм 101
'Абдаррахмāн б. 'Ӣсā ал-Хамадāнӣ 194
'Абдаррахмāн ас-Сӯфӣ 175
см. также: Абӯ-л-Мутарриф; Абӯ Са'д; Абӯ-л-Хасан; Бахā'аддӣн; ал-Мухаззаб; Такӣ'аддӣн; Шарафаддӣн
'Абдассалāм б. 'Абдалкāдир б. Абӣ Сāлих б. Джангӣдуст б. Абӣ 'Абдаллāх ал-Джӣлӣ ал-Багдāдӣ ар-Рукн 197
см. также: Абӯ Ахмад; Абӯ Йӯсуф
'Абдассамад б. Мансӯр б. ал-Хасан б. Бāбак 152
'Абӣд б. Шарйа 48
ал-Аблах ал-Багдāдӣ 257
Абӯ-л-'Аббāс Ахмад б. 'Абдаллāх ал-Лахмӣ ал-Фāсӣ 126
Абӯ-л-'Аббāс Ахмад б. Мухаммад б. Са'ӣд ал-Хамдāнӣ Ибн 'Укда 191
Абӯ-л-'Аббāс Ахмад б. Сибт б. ас-Саффāх ал-Ашраф 213
Абӯ-л-'Аббāс Джа'фар б. Ахмад ал-Марвазӣ 190
Абӯ-л-'Аббāс Ма'мӯн 245
Абӯ-л-'Аббāс Мухаммад б. Йазӣд ал-Мубаррид 102; см. также: ал-Мубаррид
Абӯ 'Абдаллāх ал-'Āбид 235

Абӯ ʻАбдаллāх Джаʻфар б. Мухаммад б. Маккӣ ал-Ḳайсӣ ал-Луғавӣ 232
Абӯ ʻАбдаллāх ал-Ḳудāʻӣ 218
Абӯ ʻАбдаллāх Мухаммад б. ʻАбдаллāх ал-Лахмӣ Ибн ал-Ахдаб 232
Абӯ ʻАбдаллāх Мухаммад б. ʻАбдаррахмāн Ибн ал-Фарадж ал-Анçāрӣ ал-Хазраджӣ 235
Абӯ ʻАбдаллāх Мухаммад б. Абӣ-л-Вафā б. Абӣ-л-Хусайн ал-Мадӣнӣ ал-Исфаханӣ 116
Абӯ ʻАбдаллāх Мухаммад б. Абӣ Йӯсуф б. Матар ал-Фарабрӣ 112
Абӯ ʻАбдаллāх Мухаммад б. ʻАвн ал-Маʻāфирӣ 232
Абӯ ʻАбдаллāх Мухаммад б. Джаʻфар ал-Ḳаззāз 221
Абӯ ʻАбдаллāх Мухаммад б. ʻИмрāн б. Мӯсā ал-Марзубāнӣ 192; см. также: Ибн ал-Марзубāнӣ
Абӯ ʻАбдаллāх Мухаммад б. ʻӢсā ал-Хадрамӣ 230
Абӯ ʻАбдаллāх Мухаммад б. Исмāʻӣл ал-Бухāрӣ 112; см. также: ал-Бухāрӣ
Абӯ ʻАбдаллāх Мухаммад б. Йӯсуф б. Саʻāда 235
Абӯ ʻАбдаллāх Мухаммад б. ал-Фадл ал-Фарāвӣ 116; см. также: ал-Фарāвӣ
Абӯ ʻАбдаллāх Мухаммад б. ал-Хасан б. Зурāра ат-Тā'ӣ 220
Абӯ ʻАбдаллāх ат-Таррāз 235
Абӯ ʻАбдаллāх Хāрӯн б. ʻАлӣ б. Йахйа б. Абӣ Манçӯр ал-Мунаджжим 92
Абӯ ʻАбдаллāх аш-Шāмӣ 220
Абӯ ʻАбдаррахмāн ʻАбдаллāх б. Мухаммад б. Хāни' ал-Андалусӣ 136
Абӯ ʻАбдаррахмāн [Асад б. Мӯсā] 99; см. также: Асад б. Мӯсā
Абӯ ʻАбдаррахмāн аз-Зāхид Хāлид б. Манçӯр 100
Абӯ ʻАвāна 111
Абӯ-л-ʻАлā' ал-Маʻаррӣ 121, 151, 192, 196, 204, 205, 213
Абӯ ʻАлӣ Ибн Муḳла 129; см. также: Ибн Муḳла
Абӯ ʻАлӣ Ибн Сивāр 191; см. также: Ибн Сивāр
Абӯ ʻАлӣ Ибн Сӣнā 56, 92, 245; см. также: Ибн Сӣнā
Абӯ ʻАлӣ ал-Ḳāлӣ 53
Абӯ ʻАлӣ Мухаммад б. ʻАлӣ б. ал-Хасан Ибн Муḳла 170, 171; см. также: Ибн Муḳла
Абӯ ʻАлӣ ал-Фāрисӣ 52, 137
Абӯ ʻАлӣ ал-Хасан б. Ибрāхӣм Фахр ал-куттāб ал-Джувайнӣ ал-Багдāдӣ 128
Абӯ ʻАлӣ ал-Хасан б. Мухаммад б. Исмāʻӣл ал-Ḳалӣӯбӣ 210
Абӯ ʻАлӣ ал-Хасан б. ал-Хасан Ибн ал-Хайсам ал-Баçрӣ 84—85; см. также: Ибн ал-Хайсам
Абӯ ʻАлӣ б. Хассāн 233
Абӯ ʻАлӣ ал-Хусайн б. Мухаммад ал-Джайййāнӣ ал-Гассāнӣ 232
Абӯ ʻĀмир Мухаммад б. Ахмад б. Исмāʻӣл 234
Абӯ ʻАмр б. ал-ʻАлā' 49, 182
Абӯ ʻАмр ʻУсмāн б. ʻАбдаллāх б. Ибрāхӣм б. Мухаммад ат-Тарсӯсӣ 77, 124
Абӯ ʻАмр б. Хаййавайхи 194
Абӯ ʻАмр аш-Шайбāнӣ 52—54, 90, 92, 123
Абӯ-л-ʻАнбас ас-Саймарӣ 95
Абӯ-л-ʻАраб Мухаммад б. Ахмад ат-Тамӣмӣ 123, 225
Абӯ-л-Асвад ад-Ду'алӣ 49
Абӯ-л-Асвад Мухаммад б. ал-Фадл 101
Абӯ Ахмад ʻАбдассалāм б. ал-Хусайн б. Мухаммад ал-Баçрӣ 192
Абӯ Ахмад ан-Нахрāджӯрӣ 89
Абӯ Бакр, халиф 23, 24, 40, 81
Абӯ Бакр 209
Абӯ Бакр б. ал-ʻАйнӣ 213
Абӯ Бакр ʻАтӣḳ ас-Сӯсӣ 225
Абӯ Бакр Ахмад б. ʻАбдаррахмāн ад-Даḳḳāḳ ал-Валӣлиллāх 100
Абӯ Бакр Ахмад б. ʻАлӣ б. Сāбит ал-Багдāдӣ 100
Абӯ Бакр б. Ахмад аз-Зāхир 206
Абӯ Бакр Ахмад б. Мухаммад б. Башшāр ал-Фӯшанджӣ 100
Абӯ Бакр Ахмад б. Мухаммад б. ал-Хāрис ат-Тамӣмӣ 100
Абӯ Бакр Ахмад б. ал-Хусайн б. ʻАлӣ ал-Байхаḳӣ ал-Хусравджирдӣ 91, 116
Абӯ Бакр Махфӯз б. Маʻтӯḳ ал-Бузӯрӣ 212
Абӯ Бакр Мухаммад б. ʻАбдаллāх Ибн Заквāн 232

Абӯ Бакр Мухаммад б. ʻАлӣ ал-Удфавӣ 221
Абӯ Бакр Мухаммад б. Ахмад б. ал-Баннā' ал-Ишбӣлӣ 232—233
Абӯ Бакр Мухаммад Ибн Галбӯн ал-Ансāрӣ 235
Абӯ Бакр Мухаммад б. ад-Даккāк 125
Абӯ Бакр Мухаммад б. Закарийā' ар-Рāзӣ 58, 123; см. также: ар-Рāзӣ
Абӯ Бакр Мухаммад б. Йахйā ас-Сӯлӣ 76, 77, 95, 191; см. также: ас-Сӯлӣ
Абӯ Бакр Мухаммад б. ʻУмар б. ʻАбдалʻазӣз 102
Абӯ Бакр Мухаммад ал-Хāлидӣ 204
Абӯ Бакр Мухаммад б. Шурайх ар-Руʻайнӣ 206
Абӯ Бакр ал-Хатӣб ал-Багдāдӣ 93, 124
Абӯ-л-Баракāт ʻАбдаллāх б. ал-Хидр б. ал-Хусайн Ибн аш-Шӣраджӣ 111
Абӯ-л-Вакт ʻАбдалаввал б. ʻӢсā б. Шуʻайб б. Исхāк ас-Сиджизӣ 112
Абӯ-л-Валӣд ʻАбдаллāх б. Мухаммад ал-Аздӣ Ибн ал-Фарадӣ 231
Абӯ-л-Валӣд ал-Бāджӣ 117
Абӯ-л-Валӣд Мухаммад б. Маʻмар ал-Лугавӣ 230
Абӯ-л-Валӣд Сулаймāн б. ʻАбдалмалик б. Рӯбӣл ал-ʻАбдарӣ 234
Абӯ-л-Валӣд Хишāм б. ʻАбдаррахмāн Ибн ас-Сāбӯнӣ 232
Абӯ-л-Валӣд Хишāм б. ʻУмар б. Мухаммад ал-Умавӣ Ибн ал-Хушанӣ 233
Абӯ Гāлиб Таммāм б. Гāлиб б. ʻУмар ат-Таййāнӣ 84
Абӯ Гассāн Дамāз 102
Абӯ Дā'ӯд 61, 111
Абӯ-л-Джавā'из ал-Вāситӣ 77
Абӯ-л-Джайш Муджāхид б. ʻАбдаллāх ал-ʻĀмирӣ 84
Абӯ Джаʻфар б. ʻАббāс 233; см. также: Ибн ʻАббāс
Абӯ Джаʻфар Ахмад б. ʻАбдаллāх [б. Муслим б. Кутайба] 110
Абӯ Джаʻфар Ахмад 225; см. также: Ибн ал-Джаззāр
Абӯ Джаʻфар Ахмад б. Мухаммад Ибн Маймӯн ал-Умавӣ 234
Абӯ Джаʻфар Мухаммад б. ʻАлӣ ал-Аздӣ ат-Табарӣ 193
Абӯ Джаʻфар Мухаммад, сын Бāбавайха... 159
Абӯ Джаʻфар Мухаммад б. Сāлих б. Хāни' 126
Абӯ Джаʻфар Мухаммад б. Хибаталлāх б. ал-Мукаррам б. ʻАбдаллāх ас-Сӯфӣ 112
Абӯ Зайд ал-Балхӣ 89, 133; см. также: ал-Балхӣ
Абӯ Закарийā' Йахйā б. ʻАлӣ б. Мухаммад аш-Шайбāнӣ ал-Хатӣб ат-Тибрӣзӣ 194
Абӯ Закарийā' Йахйā б. Зийāд ал-Фаррā' 51; см. также: ал-Фаррā'
Абӯ Зурʻа 101
Абӯ Ибрāхӣм Исхāк б. Ибрāхӣм ал-Фāрāбӣ 53, 245
Абӯ ʻӢсā б. Катан ас-Симсāр 100
Абӯ ʻӢсā Лубб б. Мухаммад ал-Балансӣ 235
Абӯ ʻӢсā ат-Тирмизӣ 111; см. также: ат-Тирмизӣ
Абӯ ʻӢсā б. Шӣрāн 177
Абӯ Исхāк Ибрāхӣм б. ʻӢсā б. Йӯсуф ал-Мурāдӣ ал-Андалусӣ 212
Абӯ Исхāк Ибрāхӣм б. Суфйāн б. Сулаймāн б. Абӣ Бакр б. ʻАбдаррахмāн б. Зийāд б. Абӣхи аз-Зийāдӣ 110
Абӯ Исхāк Ибрāхӣм б. ʻУбайдаллāх ан-Навāла 232
Абӯ Исхāк ас-Сабӣʻӣ 99
Абӯ Исхāк аш-Шӣрāзӣ 149
Абӯ Йаʻкӯб Йӯсуф б. Йаʻкӯб Ибн Хурразāз ан-Наджӣрамӣ 127; см. также: ан-Наджӣрамӣ
Абӯ Йаʻлā ал-Мавсилӣ 111
Абӯ-л-Йумн Наджāх б. ʻАбдаллāх ал-Хабашӣ 199
Абӯ Йӯсуф ʻАбдассалāм б. Мухаммад б. Йӯсуф ал-Казвӣнӣ 194, 220
Абӯ Йӯсуф Йаʻкӯб 118, 151
Абӯ Йӯсуф Йаʻкӯб б. Сулаймāн б. Дā'ӯд ал-Исфарā'инӣ 194
Абӯ-л-Кāсим ʻАлӣ б. ʻАбдаллāх аш-Шāфиʻӣ ад-Димашкӣ 116

Абӯ-л-Ḳāсим ʻАлӣ б. Аҳмад ал-Джурджāнӣ 218
Абӯ-л-Ḳāсим Джаʻфар б. Муҳаммад б. Ҳамдāн ал-Мавçилӣ аш-Шаҳҳāм 190; см. также: Ибн Ҳамдāн
Абӯ-л-Ḳāсим ʻӢсā б. ʻАлӣ б. ʻӢсā б. Дā'ӯд б. ал-Джаррāҳ 129
Абӯ-л-Ḳāсим ал-Калбӣ 235
Абӯ-л-Ḳāсим ал-Ḳаçрӣ 131
Абӯ-л-Ḳāсим ал-Магрибӣ 237
Абӯ-л-Ḳāсим ал-Мунзир б. Муҳаммад б. ал-Мунзир ал-Ḳāбӯсӣ 81
Абӯ-л-Ḳāсим Муҳаммад б. ʻАбдаллāх ал-Ḳантарӣ 233
Абӯ-л-Ḳāсим Салама б. Саʻӣд ал-Анçāрӣ 231
Абӯ-л-Ḳāсим б. ал-Ҳаджар 84
Абӯ-л-Ḳāсим Ҳāтим б. Муҳаммад ат-Тамӣмӣ Ибн ат-Ṭарāбулусӣ 234
Абӯ-л-Ḳāсим ал-Ҳусайн б. Муҳаммад ар-Рāгиб ал-Иçфаҳāнӣ 176
Абӯ-л-Лайç ас-Самарḳандӣ 138
Абӯ-л-Маʻāлӣ ʻАбдаллāх б. ʻАбдалкарӣм Ибн ат-Ṭавӣл 204
Абӯ-л-Маʻāлӣ б. Аҳмад б. Муҳаммад ал-Иçфаҳāнӣ 116
Абӯ Мāлик ал-Анçāрӣ 101
Абӯ Манçӯр ал-Багавӣ 240
Абӯ Манçӯр Муҳаммад б. ал-Азхар ал-Азхарӣ 53; см. также: ал-Азхарӣ
Абӯ Манçӯр Муҳаммад б. ʻАлӣ б. Исҳāḳ б. Йӯсуф 192
Абӯ Манçӯр Муҳаммад б. Аҳмад б. Ṭāхир б. Ҳамд 193
Абӯ Манçӯр аç-Çаʻāлибӣ 72; см. также: аç-Çаʻāлибӣ
Абӯ Манçӯр б. Шāхмардāн 195
Абӯ Марвāн ал-Бāджӣ 232
Абӯ Марвāн ʻУбайдаллāх б. ʻАбдаллāх Ибн ʻАйшӯн ал-Маʻāфирӣ 234
Абӯ-л-Маҳāсин ʻАбдалвāҳид б. Исмāʻӣл б. Аҳмад ар-Рӯйāнӣ 91
Абӯ-л-Маҳāсин б. Абӣ Наçр б. ад-Даббāс ан-Нāсиҳ 132
Абӯ-л-Маҳāсин Йӯсуф б. Рāфиʻ б. Тамӣм б. ʻУтба б. Муҳаммад б. ʻАттāб ал-Асадӣ Ибн Шаддāд Бахā'аддӣн 110
Абӯ Маҳзӯм 102
Абӯ Маʻшар ал-Балҳӣ 138, 189
Абӯ Миҳнаф 62
Абӯ-л-Муджāлид Джарāд б. ʻАмр 101
Абӯ-л-Муẓаффар ʻАлӣ б. ʻАлӣ Рӯзбахāр ал-Багдāдӣ 199
Абӯ-л-Муẓаффар Баткӣн б. ʻАбдаллāх ар-Рӯмӣ ан-Нāçирӣ 201
Абӯ-л-Муẓаффар Муҳаммад б. Аҳмад ал-Абӣвардӣ 194
Абӯ Мулайка 102: см. также: ал-Ҳутай'а
Абӯ Мӯсā ал-Ашʻарӣ 81
Абӯ-л-Мутарриф ʻАбдарраҳмāн б. Муҳаммад б. ʻӢсā б. Футайс 136, 140, 230; см. также: Ибн Футайс
Абӯ Муҳаммад ʻАбдалганӣ б. Саʻӣд ал-Аздӣ 218
Абӯ Муҳаммад ʻАбдаллāх б. Аҳмад б. Ҳаммӯйа ас-Сараҳсӣ 112
Абӯ Муҳаммад ʻАбдаллāх б. Муслим б. Кутайба ад-Дӣнаварӣ 110; см. также: Ибн Кутайба
Абӯ Муҳаммад ʻАбдаллāх б. Муҳаммад б. Джаʻфар ал-Ҳāфиẓ 100
Абӯ Муҳаммад ʻАбдаллāх б. Муҳаммад б. Сандӯр ат-Туджӣбӣ 234
Абӯ Муҳаммад ʻАбдаллāх б. Муҳаммад б. Сāра ал-Бакрӣ ал-Андалусӣ аш-Шантарӣнӣ 133; см. также: Ибн Сāра аш-Шантарӣнӣ
Абӯ Муҳаммад б. Абӣ Багл 89
Абӯ Муҳаммад ʻАлӣ б. Аҳмад б. Саʻӣд Ибн Ҳазм ал-Андалусӣ 91, 232; см. также: Ибн Ҳазм
Абӯ Муҳаммад Йаҳйā 193
Абӯ Муҳаммад ал-Ḳāсим ал-Ҳарӣрӣ ал-Баçрӣ 112; см. также: ал-Ҳарӣрӣ
Абӯ Муҳаммад Ḳāсим б. Саʻдāн б. Ибрāхӣм б. ʻАбдалвāриç 230
Абӯ Муҳаммад б. Муҳаммад б. ʻУбайдаллāх ал-Ḳā'инӣ ал-Буҳāрӣ ал-Харавӣ 119
Абӯ Муҳаммад Саʻӣд б. ал-Мубāрак Ибн ад-Даххāн ал-Багдāдӣ 197
Абӯ Муҳаммад Хибаталлāх б. Аҳмад б. ал-Акфāнӣ 112
Абӯ-н-Наджм Хибаталлāх б. Бадӣʻ 204
Абӯ Наçр ʻАбдаллāх б. ал-Ҳусайн б. Хāрӯн ал-Варрāḳ 99
Абӯ Наçр Аҳмад б. Йӯсуф ал-

Манāзӣ 237; см. также: ал-Манāзӣ
Абӯ Наср Ибн Мāкӯлā 93; см. также: Ибн Мāкӯлā
Абӯ Наср Исмā'ӣл б. Хаммāд ал-Фāрāбӣ ал-Джавхарӣ 53; см. также: ал-Джавхарӣ
Абӯ Наср Мансӯр б. 'Ирāк 245
Абӯ Наср ал-Фатх б. Мухаммад б. 'Убайдаллāх б. Хāкāн ал-Кайсӣ ал-Ишбӣлӣ 257
Абӯ Ну'айм ал-Исфахāнӣ 211
Абӯ Нувāс 76, 151, 183
Абӯ Райхāн ал-Бӣрӯнӣ 12, 245, 250; см. также: ал-Бӣрӯнӣ
Абӯ-р-Ридā из Александрии 138, 139
Абӯ-с-Са'āдāт Ас'ад б. Йахйā ас-Суламӣ ас-Синджāрӣ 208
Абӯ Са'д 'Абдалкарӣм б. Мухаммад ас-Сам'āнӣ 98, 116; см. также: ас-Сам'āнӣ
Абӯ Са'д 'Абдаррахмāн б. Мухаммад б. Дӯст 255
Абӯ Са'д ал-Мубāрак б. 'Алӣ ал-Мухаррамӣ 195—196
Абӯ Са'д Мухаммад б. Ахмад б. Мухаммад б. ал-Халӣл ал-Хāфиз 99
Абӯ Са'ӣд 99
Абӯ Са'ӣд, Тимурид 242
Абӯ Са'ӣд Вахб б. Ибрāхӣм б. Тāзāд 192
Абӯ Са'ӣд Мансур б. ал-Хусайн ал-Āбӣ 153
Абӯ Са'ӣд ас-Сӣрāфӣ 87, 126, 127, 137; см. также: ас-Сӣрāфӣ
Абӯ Са'ӣд Убехи 247
Абӯ-с-Салт Умаййа б. 'Абдал'азӣз ал-Андалусӣ ад-Дāнӣ 90
Абӯ Сахл 'Ӣсā б. Йахйā ал-Масӣхӣ 245
Абӯ Сулаймāн Дā'ӯд б. 'Алӣ б. Дā'ӯд б. Халаф ал-Исфахāнӣ 91
Абӯ Сулаймāн Мухаммад б. Ма'-шар ал-Бустӣ ал-Макдисӣ 89
Абӯ-т-Таййиб ал-Варрāк 77
Абӯ Тāлиб ал-Джӣлāнӣ ал-Исфахāнӣ 243
Абӯ Таммāм 73, 76, 138, 152, 240
Абӯ Тāхир, сын 'Умара б. Шаббы 189
Абӯ-т-Тāхир Баракāт б. Абӣ Исхāк Ибрāхӣм б. Абӣ-л-Фадл Тāхир б. Баракāт б. Ибрāхӣм б. 'Алӣ б. Мухаммад б. Ахмад б. ал-'Аббāс б. Хāшим ал-Хушӯ'ӣ ад-Димашкӣ ал-Джайрӯнӣ ал-Фуршӣ ар-Раффā' ал-Анмāтӣ 111—112
Абӯ Тāхир Мухаммад б. Мухаммад б. 'Абдаллāх ас-Синджӣ 100
Абӯ-т-Тукā Абӯ Бакр б. 'Абдаллāх ал-Бадрӣ 257
Абӯ 'Убайд ал-Кāсим б. Саллāм 111
Абӯ 'Убайда Ма'мар б. ал-Мусаннā 52, 90, 102, 105, 110, 114, 189
Абӯ 'Умар Йӯсуф б. 'Абдаллāх б. Са'ӣд ал-Лӣрӣ 235
Абӯ 'Умар Маймӯн б. Йāсӣн ас-Санхāджӣ ал-Ламтӯнӣ 233
Абӯ 'Усмāн Йазӣд б. Асӣд ал-Гассāнӣ 101
Абӯ 'Усмāн Са'ӣд б. Джāбир 102
Абӯ 'Усмāн Са'ӣд ал-Хāлидӣ 204
Абӯ-л-Фавāрис ал-Хусайн б. 'Алӣ Ибн ал-Хāзин 127
Абӯ-л-Фадл ал-'Аббāс б. Ахмад б. Мухаммад аш-Шаккāнӣ 100
Абӯ-л-Фадл ал-'Аббāс б. ал-Фарадж ар-Рийāшӣ ал-Лугавӣ ал-Басрӣ 110
Абӯ-л-Фадл б. Абӣ Дӯх 205
Абӯ-л-Фадл Ахмад б. Абӣ Тāхир Тайфӯр 132
Абӯ-л-Фадл Ахмад б. Мухаммад Ибн ал-Хāзин ад-Дӣнаварӣ ал-Багдāдӣ 127
Абӯ-л-Фадл Ахмад ат-Тамӣмӣ 225
Абӯ-л-Фадл Ибн ал-'Амӣд 240
Абӯ-л-Фадл б. 'Ийāд 233
Абӯ-л-Фадл Мухаммад б. 'Абдалкарӣм ал-Хāрисӣ 208
Абӯ-л-Фадл Мухаммад б. Нāсир ас-Суламӣ 196
Абӯ-л-Фадл б. Хайрӯн 195
Абӯ-л-Файд Мухаммад б. Мухаммад б. Мардāншāх ад-Даштпāйāдӣ Фасӣх ал-Фāрисӣ 119, 120
Абӯ-л-Фарадж ал-Исфахāнӣ 54, 80, 102, 135, 137, 138, 175, 208, 229, 251
Абӯ-л-Фарадж Мухаммад б. 'Убайдаллāх б. ал-Хасан ал-Басрӣ Ибн Абӣ-л-Бакā' 195
Абӯ-л-Фатх Кӯшак 241
Абӯ-л-Фатх Наср б. Ибрāхӣм ал-Макдисӣ 205
Абӯ-л-Фидā 81, 213

Абӯ-л-Футӯх Барджавāн 218
Абӯ-л-Футӯх Нāçир б. ʻАлӣ б. Ҳалаф ал-Анçāрӣ ал-Ваджӣх Ибн Çавра 134; см. также: Ибн Çавра
Абӯ-л-Ҳаджжāдж Йӯсуф б. Футӯх 117
Абӯ Ҳаййāн ат-Тавҳӣдӣ 125; см. также: ат-Тавҳӣдӣ
Абӯ-л-Ҳайр Ибн ал-Ҳаммāр 245
Абӯ-л-Ҳайр Масӣҳӣ б. Абӣ-л-Бакā' б. Ибрāхӣм ан-Насрāнӣ ан-Нӣлӣ Ибн ал-ʻАттāр 199
Абӯ-л-Хайçам 99
Абӯ Ҳāмид Аҳмад б. Муҳаммад б. Аҳмад ал-Иçфахāнӣ ал-Балҳӣ 197
Абӯ Ҳанӣфа ад-Дӣнаварӣ 58
Абӯ Ҳанӣфа ан-Нуʻмāн б. Çāбит 43, 118, 151, 194, 253
Абӯ Ҳāриçа Муҳриз ал-ʻАбшамӣ 101
Абӯ-л-Ҳасан, Артукид 237
Абӯ-л-Ҳасан ʻАбдаррахмāн б. Муҳаммад б. Муҙаффар ад-Дāʼӯдӣ 112
Абӯ-л-Ҳасан ʻАлӣ б. ʻАбдаллāх б. ʻАбдалгаффāр ас-Симсимāнӣ 124
Абӯ-л-Ҳасан ʻАлӣ б. Абӣ Бакр ал-Харавӣ 209
Абӯ-л-Ҳасан ʻАлӣ б. ʻАсāкир ал-Батā'иҳӣ 196
Абӯ-л-Ҳасан ʻАлӣ б. Аҳмад аз-Зайдӣ 197
Абӯ-л-Ҳасан ʻАлӣ б. Ибрāхӣм б. Саʻӣд б. Йӯсуф ал-Ҳӯфӣ 112
Абӯ-л-Ҳасан ʻАлӣ б. ʻӢсā ар-Рабʻӣ 199
Абӯ-л-Ҳасан ʻАлӣ б. Йахӣā 189; см. также: ʻАлӣ б. Йахӣā
Абӯ-л-Ҳасан ʻАлӣ б. Муҳаммад б. Аҳмад Джалāл ал-Мулк 205
Абӯ-л-Ҳасан ʻАлӣ б. Муҳаммад ал-Балансӣ 234
Абӯ-л-Ҳасан ʻАлӣ б. Муҳаммад ал-Гāфирӣ 235
Абӯ-л-Ҳасан ʻАлӣ б. Муҳаммад б. аз-Зубайр ал-Асадӣ Ибн ал-Кӯфӣ 191
Абӯ-л-Ҳасан ʻАлӣ б. Муҳаммад ат-Тихāмӣ 219
Абӯ-л-Ҳасан ʻАлӣ б. Нāçир ал-Ҳусайнӣ 158
Абӯ-л-Ҳасан ʻАлӣ б. Сулаймāн ал-Аҳфаш 102
Абӯ-л-Ҳасан ʻАлӣ б. Тāхир б. Джаʻфар ас-Суламӣ 204
Абӯ-л-Ҳасан ʻАлӣ б. Ҳамза ал-Кисā'ӣ 51
Абӯ-л-Ҳасан ʻАлӣ б. Хāрӯн аз-Занджāнӣ 89
Абӯ-л-Ҳасан ал-Мāвардӣ 201; см. также: ал-Мāвардӣ
Абӯ-л-Ҳасан Мунтаҳаб б. ʻАбдаллāх ад-Дāримӣ ал-Мустаҙхирӣ 195
Абӯ-л-Ҳасан Муҳаммад б. ʻАлӣ б. Наçр 83
Абӯ-л-Ҳасан Муҳаммад б. Хилāл аç-Çāбӣ Гарс ан-Ниʻма 193
Абӯ-л-Ҳасан Çāбит б. Аслам б. ʻАбдалваххāб ал-Ҳалабӣ 204
Абӯ Ҳассāн ал-Ҳасан б. ʻУçмāн аз-Зийāдӣ 190
Абӯ Ҳāтим Муҳаммад Ибн (б.) Ҳиббāн ал-Бустӣ 90, 91, 125, 241
Абӯ Ҳāтим ас-Сиджистāнӣ 110, 132, 190
Абӯ Ҳафç ʻУмар б. ʻУбайдаллāх аз-Зухли аз-Захрāвӣ 231
Абӯ-л-Ҳусайн Муҳаммад б. Кāмил б. Муджāхид ал-ʻАсҳалāнӣ 100
Абӯ-л-Ҳусайн Саʻӣд б. Хибаталлāх б. ал-Му'аммал ал-Ҳазӣрӣ 128
Абӯ-л-Ҳусайн ас-Сухалӣ 245
Абӯ Шāма 209
Абӯ Шафҡал 102
Абӯ Шуджā' ар-Рӯзраварӣ 122
Абӯ Шуджā' ʻУмар б. Муҳаммад б. ʻАбдаллāх ал-Имāм 99
ʻАввāд Куркӣс 9
ал-Авзāʻӣ 43, 205
ʻАвн 199
ʻАвнаддӣн Йаҳӣā б. Хубайра б. Муҳаммад 196
ал-ʻАвфӣ (IX в.) 101
ал-ʻАвфӣ (X в.) 89
Авҳададдӣн ʻИмрāн б. Çадаҡа 211
Аглабиды 225, 236
ал-Аджалл Муваффаҡ ал-Мулк Амӣнаддавла Абӯ-л-Ҳасан Хибаталлāх б. Абӣ-л-ʻАлā' Саʻӣд б. Ибрāхӣм Ибн ат-Тилмӣз 196
ʻАдӣ б. Зайд 102, 105
Адриаансе 217
ʻАдудаддавла, Буид 83, 85, 131, 240
ʻАзза 48

ал-ʻАзӣз, Фатимид 83, 217, 218, 253
ʻАзӣзаддӣн Абӯ Бакр ʻАтӣқ аз-Занджāнӣ (или ʻАтӣқ б. Абӣ Бакр) 245
ал-Азрақӣ 117
ал-Азхарӣ 209
ʻĀʼиша 232
ал-ʻАййāшӣ 91
Аййубиды 69, 208—210, 220, 221
ʻАқӣл 98
Акрамаддӣн Абӯ Сухайл 194
ал-ʻАлāʼ Çалāхаддӣн Абӯ Саʻӣд Халӣл ал-Кайкалдӣ 209
ʻАлāʼаддӣн ʻАлӣбак б. Нӯраддӣн Хамза 115
ʻАлāʼаддӣн Ṭайбарс ал-Хāзнадāрӣ 222
ʻАлāʼаддӣн Хусайн Джахāнсӯз 241
ʻАлāқа б. Курсум ал-Килāбӣ 49
ʻАламаддӣн ал-Қāсим б. Мухаммад ал-Бирзāлӣ аш-Шāфиʻӣ 124, 212
Александр Афродисийский 137
ʻАлӣ б. Абӣ Ṭāлиб 23, 49, 81, 94
ʻАлӣ б. Ахмад б. Абӣ-л-Хасан 198
ʻАлӣ б. Ахмад ал-ʻИмрāнӣ 191
ʻАлӣ б. Ахмад ар-Раззāз 100
ʻАлӣ б. Исхāқ Ибн Қайсӯн 138
ʻАлӣ б. Йахйā 189, 253
ʻАлӣ б. Масʻӯд б. Нафӣс б. ʻАбдаллāх ал-Мавçилӣ 211
ʻАлӣ Мубāрак 224
ʻАлӣ б. Мухаммад ал-Фаçӣхӣ ал-Астарабāзӣ 124
ʻАлӣ ар-Ридā 243
ʻАлӣ б. Сайф б. ʻАлӣ ал-Абйāрӣ 209
ʻАлӣ б. Сулаймāн ал-Анṭāкӣ 218
ʻАлӣ б. Сулаймāн ал-Ахфаш, см.: Абӯ-л-Хасан
ʻАлӣ б. ʻУмар ал-Арзинджāнӣ 115
ʻАлӣ б. Хамза ал-Иçфахāнӣ 76 см. также: Абӯ-л-Қāсим; Абӯ-л-Музаффар; Абӯ Мухаммад; Абӯ-л-Хасан; Бāбавайх; Зайнаддӣн; Ибн ан-Нафӣс; ал-Қāдӣ ал-Акрам; Мухаззибаддӣн; аç-Çāхиб Бахāʼаддӣн; Шамсаддӣн; Шарафаддӣн
ʻĀлимджāн ал-Бāрӯдӣ 120
ʻАллāн аш-Шуʻӯбӣ 86
Альмохады 131
Амӣнаддӣн Ахмад б. ʻАбдаллāх ал-Аштарӣ 210
Амӣнаддӣн Йāқӯт б. ʻАбдаллāх ал-Мавçилӣ ал-Мāликӣ 128
Амӣр ал-Джуйӯш 220
ал-Амӣр ал-Мухтāр ʻИзз ал-Мулк Мухаммад б. ʻУбайдаллāх ал-Мусаббихӣ ал-Харрāнӣ ал-Миçрӣ 91
ʻАммариды 205
ʻАмр 86
ʻАмр б. Маймӯн ал-Авдӣ 99
ал-Андарасбāнӣ 246
Ансальди Ч. 217
ʻАнтар 71
Аргӯн ад-Дāвадāр 134
Аристотель 58, 135, 137, 220, 251
ʻĀриф Хикмат 215
Артукиды 237
Асʻад, см.: Абӯ-с-Саʻāдāт; Муваффақаддӣн Абӯ Наçр; Мунтахабаддӣн Абӯ-л-Футӯх
Асад б. Мӯсā 99
Асад б. ал-Фурāт 89
Асвад б. Сāлим 100
ал-ʻАскарӣ 54
ал-Аçмаʻӣ 52, 54, 74, 83, 95, 102, 110, 130
ал-ʻАссāл 68
ал-Афдал 220
ʻАфӣфаддӣн ʻАбдалʻазӣз б. Дулаф ан-Нāсих 197—200
Афрāʼӣм Ибн аз-Заффāн 220
ал-Ахвал 170
Ахмад б. ʻАбдалʻазӣз ал-Джавхарӣ 102
Ахмад б. ʻАбдалқāдир ар-Рифāʻӣ ал-Маккӣ 117
Ахмад б. ʻАлӣ б. ал-Фадл б. ал-Фурāт 204
Ахмад, сын ʻАфӣфаддӣна ʻАбдалʻазӣза б. Дулафа 200
Ахмад б. Ахмад б. Ахӣ аш-Шāфиʻӣ 129
Ахмад б. Джаʻфар б. Ахмад б. ад-Дубайсӣ 200
Ахмад б. ʻӢсā б. Кудāма 210
Ахмад б. Йахйā Çаʻлаб 102; см. также: Çаʻлаб
Ахмад б. Махмӯд б. Ибрāхӣм б. ал-Джавхарӣ 206
Ахмад ал-Муктадир 234
Ахмад б. Мӯсā ал-Анçāрӣ 100
Ахмад б. Мухаммад ал-Қаçрӣ 123, 225

Аҳмад б. Муҳаммад б. Фарадж ал-Джаййāнӣ 84
Аҳмад ар-Рāзӣ 232
Аҳмад б. Ṭӯлӯн 217
Аҳмад б. Ҳанбал 125, 189, 195; см. также: Ибн Ҳанбал
Аҳмад б. Ҳасан ат-Тӯнисӣ ал-Мāликӣ 118
см. также: Абӯ-л-ʻАббāс; Абӯ Бакр; Абӯ Джаʻфар; Абӯ Наṣр; Абӯ-л-Фаḍл; Абӯ Ҳāмид; Амӣнаддӣн; ʻИззаддӣн; ал-Қāḍӣ ал-Ашраф; Ṣафӣʼаддӣн
ал-Аҳṭал 48
ал-Ашʻарӣ 61, 81
Аштор Э. 138, 139
Ашхаб б. ʻАбдалʻазӣз 217

Бāбавайх ʻАлӣ б. ал-Ҳусайн б. Мӯсā ал-Қуммӣ 159
ал-Багдāдӣ 71
ал-Бадӣʻ ал-Аṣтарлāбӣ (или ал-Иṣṭирлāбӣ) 77
Бāдӣс б. Ҳаббӯс ал-Гарнāṭӣ 235
Бадраддӣн Луʼлуʼ 201
ал-Байкāнӣ 193
ал-Байхақӣ 241
ал-Бāқиллāнӣ 61
ал-Бакрӣ 68
ал-Балāзурӣ 62, 86
Бал-Муẓаффар Наṣр б. Маҳмӯд б. ал-Муʻарриф 219
ал-Балхӣ 87
Банӯ-л-Джаззāр 225
Банӯ-л-Муҳибб 211
Банӯ Ҳамдāн 200
Баракāт, см.: Абӯ-ṭ-Ṭāхир
ал-Бармакӣ 81
Бартольд В. В. 6, 94, 133, 186, 246
Баткӣн см.: Абӯ-л-Муẓаффар
ал-Баттāнӣ 175
ал-Бахāʼ Зухайр 152
Бахāʼаддавла 192
Бахāʼаддӣн ʻАбдарраҳмāн б. Ибрāҳӣм ал-Мақдисӣ 210
Бахāʼаддӣн б. Шаддāд 111; см. также: Абӯ-л-Маҳāсин Йӯсуф
ал-Бāҳарзӣ 92
Башшāр б. Бурд 92
Башӣр, см.: Саʻдаддӣн
Биктимир ас-Сāқӣ 222
Биктимир ал-Ҳиджāзӣ 222
ал-Бӣрӯнӣ 33, 58, 62, 146, 151, 156, 241, 250, 255, 258; см. также: Абӯ Райҳāн
ал-Бисṭāмӣ 200
Бишр б. ал-Ҳāрис 189
Блашер Р. 73
Буиды 83, 85
Булгаков П. Г. 146
Бурхāнаддӣн ас-Сувайдӣ 211
Буṣайна 48
ал-Бӯṣӣрӣ 66
ал-Буҳāрӣ 61, 111, 112, 117, 118, 128; см. также: Муҳаммад б. Исмāʻӣл
Буҳтӣшӯʻ 81
ал-Буҳтурӣ 73

ал-Ваджӣх Ибн Ṣавра ал-Миṣрӣ 134; см. также: Ибн Ṣавра
Вагнер Э. 115
Вайль Г. 21
ал-Вāқидӣ 62, 95, 125, 188
ал-Валӣд I 182
ал-Валӣд б. Муслим 100, 101
Вахб, см.: Абӯ Саʻӣд
ал-Вāҳидӣ 92, 111, 149, 153

ал-Газāлӣ 67, 149, 158
Гāзāн-ҳāн 200, 242
Гāзӣ Ҳосров-бег 239
Газневиды 241
Гален 58, 138, 139, 251
Гарс ан-Ниʻма 193
Гассаниды 81
Гибб Хэмилтон А. Р. 38
Гиппократ 58, 138
Глазер Э. 217
Голиус Я. 7
Гомер 16
Громан А. 139, 162
Грязневич П. А. 94, 216
Гуриды 66

Давид-Вейль Ж. 162
Дагфал 48
ад-Дāрақутнӣ 93
Даррāдж Абӯ-с-Самҳ 99
Дāʼӯд аẓ-Ẓāхирӣ 130
см. также: Абӯ Сулаймāн; Шихāбаддӣн
Даҳҳāқ 41
Дервиш-Али 243
Джāбир б. Ҳаййāн 57, 94
Джавхар, см.: Ṣафӣʼаддӣн
ал-Джавхарӣ 53, 96, 128, 153
ал-Джазарӣ 119; см. также: Муҳаммад б. Муҳаммад
ал-Джайхāнӣ 95, 163, 240
Джалāладдавла, Буид 83
Джалāладдӣн б. ʻАбдарраҳмāн ал-ʻИджлӣ 210

Джалāладдӣн ас-Суйӯтӣ 79, 92; см. также: ас-Суйӯтӣ
ал-Джалӯдӣ 91
Джамāладдӣн ʻАбдаллāх б. ʻАлӣ б. Ахмад ал-Анçāрӣ Ибн Ҳадӣда 223
Джамāладдӣн Ибн Джамāла 207
Джамāладдӣн Маҳмӯд б. ʻАлӣ ал-Устадāр 223
Джамāладдӣн Мухаммад б. ʻАлӣ б. Çāлиҳ ал-Миçрӣ 211
Джамāладдӣн Мухаммад б. Аҳмад б. Ҳāлид 158
Джамāладдӣн ал-Устадāр Йӯсуф 223
Джāмӣ 76
Джамӣл 48
Джанāда б. Мухаммад ал-Харавӣ 218
Джарāд, см.: Абӯ-л-Муджāлид
Джарӣр 48, 127, 138, 148, 152
Джаʻфар б. ал-Асʻад б. Абӣ-л-Кāсим ал-Ҳаййāт 197
Джаʻфар аç-Çāдиқ 94
см. также: Абӯ-л-ʻАббāс; Абӯ ʻАбдаллāх; Абӯ-л-Кāсим; Маджд ал-Мулк Абӯ-л-Фадл
ал-Джāҳиз 54, 58, 95, 131, 164, 190, 195
ал-Джахшийāрӣ 62
Джеймс Д. 177
Джибрāʼӣл б. ʻУбайдаллāх б. Буҳтӣшӯʻ 192
Джибрӣл б. Буҳтӣшӯʻ 83
Джувайнӣ 242
ал-Джувайнӣ Имāм ал-Ҳарамайн 127
Дийāʼаддӣн, сын Джāмӣ 76
Дийāʼаддӣн Абӯ Бакр Йаҳйā б. Саʻдӯн б. Таммāм б. Мухаммад ал-Аздӣ ал-Куртубӣ 110
Дийāʼаддӣн Мухаммад б. ʻАбдалвāҳид ал-Макдисӣ 210
Димйāна ал-Аʻсар б. ал-Ҳаджжāм 177
ад-Дӣнаварӣ 62; см. также: Абӯ Ҳанӣфа
Диоскорид 58

Евклид 138

аз-Завзанӣ 198
Зайд б. Рифāʻа 89
Зайд б. Çāбит 23, 81, 99
см. также: Тāджаддӣн
Зайн ал-ʻĀбидӣн ал-Маккӣ 117
Зайнаддӣн ʻАлӣ б. Аҳмад ал-Āмидӣ 201
Зайнаддӣн Мухаммад б. Аҳмад ал-Анбӯрāдӣ аç-Çӯфӣ аш-Шāфиʻӣ 222
Зайнаддӣн Мухаммад б. Мухаммад ал-Кӯфāнӣ 211
Зайнаддӣн ʻУмар б. Сахлāн ас-Сāвӣ 127
Зайнаддӣн ал-Фāрӯкӣ 210
Закӣʼаддӣн Абӯ Мухаммад ʻАбдалʻаӟӣм ал-Мунӟирӣ 87
аз-Замаҳшарӣ 66, 147, 195, 246
Зарре Ф. 178
аз-Захабӣ 200
аз-Ӟāхир Байбарс 222
Зийāд б. Çāлиҳ 163
Зӣриды 133, 225
Зумурруд Ҳāтӯн 199
Зӯ-н-Нӯниды 234
Зӯ-р-Румма 48, 151
Зуфар ал-Багдāдӣ 229
Зӯ-л-Химма 71
аз-Зухрӣ 98, 205; см. также: Ибн Шихāб аз-Зухрӣ

Ибн ал-Аббāр 235
Ибн ал-ʻАббāс (Ибн ʻАббāс) 40, 99; см. также: ʻАбдаллāх б. ал-ʻАббāс
Ибн ʻАббāс (из Альмерии XI в.) 253
Ибн ʻАбдраббихи 145
Ибн Абӣ Джарāда 129
Ибн Абӣ-д-Дунйā 110
Ибн Абӣ Исҳāк 49
Ибн Абӣ Ṭāхир 131
Ибн Абӣ Уçайбиʻа 69, 84, 151, 183, 207, 208, 219
Ибн Абӣ-л-Хадӣд 201
Ибн Абӣ-л-Харӣш 177
Ибн ал-ʻАдӣм 212
Ибн ал-ʻАйнзарбӣ 219
Ибн ʻАкӣл 67, 196
Ибн ал-Аксāсӣ ал-ʻАлавӣ 193
Ибн ал-ʻАмӣд, см.: Абӯ-л-Фадл
Ибн ал-Аʻрāбӣ 54, 102
Ибн ал-ʻАрабӣ 66, 243
Ибн ʻАрабшāх 151, 157
Ибн ʻАсāкир 87, 206
Ибн ал-Аʻçам ал-Кӯфӣ 62
Ибн ал-Асӣр 67, 191, 197
Ибн ал-Асӣр ал-Мубāрак б. Мухаммад 88
Ибн Аҳӣ-л-ʻАзӣз Абӯ ʻАбдаллāх Мухаммад б. Мухаммад ʻИмāдаддӣн ал-Кāтиб ал-Иçфаҳāнӣ

91; см. также: ʻИмāдаддӣн
Ибн ал-Ашйаб 235
Ибн Бāбашаз 86
Ибн ал-Бавваб 170, 172, 200, 223
Ибн Бāджа 68
Ибн Вахб 89, 99; см. также: ʻАбдаллāх б. Вахб
Ибн ал-Джавзӣ 81, 91, 93, 191, 198
Ибн ал-Джаззāр 222
Ибн Джамāʻа ʻИззаддӣн 120, 223
Ибн Джиннӣ 52, 149
Ибн Джубайр 151
Ибн Джулджул 62
Ибн Джурайдж 42
Ибн Диҳйа 84
Ибн Дурайд 58, 92, 136, 138, 217
Ибн Дуруставайхи ал-Фāрисӣ 52, 86, 110
Ибн Зухр 139
Ибн Ийāс 71
Ибн ʻИннӣн 77
Ибн Исҳāк 62, 99; см. также: Муҳаммад б. Исҳāк
Ибн Йаʻӣш 66
Ибн Йӯнус аҫ-Ҫадафӣ 83, 136, 219
Ибн Йӯсуф 226
Ибн Кадӣ Шухба 139
Ибн Калāкис 84
Ибн ал-Кāсим 89
Ибн ал-Каҫҫāр 128, 129
Ибн Киллис 83
Ибн ал-Кифтӣ 69, 84, 129, 199, 205, 218, 222, 241
Ибн Кузмāн 152, 257
Ибн Кутайба 54, 62, 95, 102
Ибн Лопе (Лӯба) ал-Мāлакӣ 233
Ибн Мāджа 61
Ибн Мāкӯлā 67
Ибн Манзӯр 69, 87
Ибн ал-Марзубāнӣ 79, 91, 151
Ибн Масʻӯд 23
Ибн ал-Матрāн 208, 211
Ибн ал-Муʻаллим 257
Ибн Муджāхид 92
Ибн Мукла, братья 170
Ибн Мукла 170—172, 200; см. также: Абӯ ʻАлӣ
Ибн Мунāзир 101
Ибн ан-Наджжāр 194, 199
Ибн ан-Надӣм 49, 63, 79, 86, 88, 94, 95, 132, 135, 152, 159, 163, 183, 190, 191, 192, 251, 256
Ибн ан-Нафӣс ʻАлāʼаддӣн ʻАлӣ б. Абӣ-л-Ҳарам 70, 222
Ибн Нукта 93
Ибн Равāҳа 211
Ибн Ридвāн ал-Миҫрӣ 129
Ибн ар-Рӯмӣ 76, 77
Ибн ар-Рӯмӣйа 235
Ибн Руста 131
Ибн Рушайд 235
Ибн Рушд 68, 138
Ибн Ҫавра 134
Ибн Саʻд 62
Ибн ас-Сāʻӣ 194, 200, 221
Ибн аҫ-Ҫāʼиг 170
Ибн аҫ-Ҫāʼиг ʻАлāʼаддӣн Муҳаммад б. ʻАбдалкāдир б. ʻАбдалхāлик 212
Ибн аҫ-Ҫакар ал-Вāситӣ 208
Ибн Сакрāн 235
Ибн аҫ-Ҫалāҳ б. ʻАбдаррахмāн 210
Ибн Самаджӯн 138
Ибн ас-Санбадӣ 218
Ибн Сāра аш-Шантарӣнӣ 122
Ибн Сивāр 195, 253
Ибн Сӣда 53
Ибн ас-Сиккӣт 54, 86, 92, 212
Ибн Сӣнā 95, 127, 134, 135, 244, 256; см. также: Абӯ ʻАлӣ
Ибн Суккара 235
Ибн ат-Таʻāвӣзӣ 77, 257
Ибн Тагрибирдӣ 70
Ибн ат-Тиктака 201
Ибн Тӯлӯн 71, 94
Ибн Туфайл 68
Ибн ʻУрва 208, 209; см. также: Шарафаддӣн Муҳаммад
Ибн Фадлаллāх ал-ʻУмарӣ 208, 209
Ибн ал-Факӣх 95
Ибн Фāригӯн 62
Ибн ал-Фāрид 66
Ибн Фарҳӯн 235
Ибн Фāтик 219; см. также: ал-Мубашшир
Ибн ал-Фуватӣ 124, 200, 242
Ибн ал-Фурāт 205
Ибн Футайс 125, 231; см. также: Абӯ-л-Мутарриф
Ибн Ҳавкал 92
Ибн Ҳаджар ал-ʻАскалāнӣ 69, 110, 139, 211
Ибн ал-Ҳаджжāдж 138, 152
Ибн ал-Ҳаджжāдж ал-Лаҳмӣ 232
Ибн ал-Ҳāджиб 66, 76
Ибн Ҳазм ал-Андалусӣ 67, 93, 181
Ибн Ҳаййӯс 152
Ибн ал-Хайсам 85, 126, 198
Ибн Ҳалаф ал-Варрāк 218
Ибн Ҳалдӯн 69, 202

Ибн Халликāн 86, 90, 91, 94, 96, 111, 124, 128, 134, 147, 158, 159, 208, 237, 257
Ибн Хамдāн 253
Ибн Хамдӯн 88, 151, 257
Ибн Хāни' ал-Андалусӣ 152
Ибн Ханбал 133, 148, 215
Ибн Хафāджа 152
Ибн ал-Хашшāб 86, 212
Ибн Хишāм 62
Ибн Хурдāзбих 59
Ибн Шаддāд 206
Ибн Шихāб аз-Зухрӣ 42, 98
Ибрāхӣм II, Аглабид 225
Ибрāхӣм б. 'Абдаллāх ан-Нāкил ан-Насрāнӣ 137
Ибрāхӣм б. Аййӯб 102
Ибрāхӣм б. 'Ӣсā б. 'Абдассалāм 213
Ибрāхӣм б. 'Ӣсā ал-Халабӣ 212—213
Ибрāхӣм б. Мухаммад б. Са'дāн б. ал-Мубāрак 191
Ибрāхӣм ас-Сиджизӣ 170
Ибрāхӣм ал-Харбӣ 110, 194
Ибрāхӣм б. Хасан ал-Кавранӣ аш-Шахразӯрӣ 117
Ибрāхӣм б. Хилāл 85
см. также: Абӯ Исхāк; Фахраддӣн
Иванов В. А. 245
ал-Идрӣсӣ 68
Иероним 63
'Изздаддӣн Айдимир ал-Хāтирӣ 223
'Иззаддӣн Ахмад б. Мухаммад 199
'Иззаддӣн 'Умар б. Мухаммад б. Мансӯр Ибн ал-Хāджиб 210
'Иззаддӣн Фаррӯхшāх 209
'Иззаддӣн ал-Хусайн б. Мухаммад ан-Наййāр 201
'Имāдаддӣн Абӯ-л-Ма'āлӣ Мухаммад б. 'Алӣ ан-Нāбулусӣ ад-Димашкӣ 212
'Имāдаддӣн (ал-'Имāд) ал-Исфаханӣ 93, 96, 159
Имра' ал-Кайс, Лахмид 13
'Имрāн ал-Исрā'ӣлӣ 207
см. также: Авхададдӣн
Иоанн Филопон 138
'Ӣсā, сын Ахмада ар-Рāзӣ 232
'Ӣсā б. Йахйā 55
'Ӣсā б. Мискӣн 225
'Ӣсā ар-Рундӣ 233
'Ӣсā б. Сулаймāн б. 'Абдаллāх б. 'Абдалмалик ар-Ру'айнӣ ал-Андалусӣ ал-Мāликӣ 116
'Ӣсā б. 'Умар ас-Сакафӣ 49
см. также: Абӯ-л-Кāсим; Абӯ Сахл
'Исāмаддӣн б. 'Абдалмалик 247
Исидор Севильский 63
Исмā'ӣл б. 'Аббāд ас-Сāхиб 53, 125, 240, 250, 253
Исмā'ӣл б. Исхāк 190
Исмā'ӣл б. Нӯх 245
см. также: Абӯ Наср; Такӣ'аддӣн
Исхāк б. 'Амр ал-'Адавӣ 101
Исхāк б. Рāхавайх 110
Исхāк б. Хаммāд 170
Исхāк б. Хунайн 55
см. также: Абӯ Ибрāхӣм

Йазӣд б. Му'āвийа 49
см. также: Абӯ 'Усмāн
Йа'кӯб б. Шайба 130
см. также: Абӯ Йӯсуф
ал-Йа'кӯбӣ 62
Йāкӯт б. 'Абдаллāх ал-Хамавӣ 49, 67, 68, 79, 87, 88, 91, 96, 124, 127, 129, 133—135, 160, 197, 199, 209, 241, 242, 245, 246, 251
Йāкӯт ал-Муста'симӣ 170, 200, 223
см. также: Амӣнаддӣн
Йахйā б. 'Адӣ 125, 137
Йахйā б. Ахмад ал-Арзāнӣ 138
Йахйā ал-Бармакӣ 72
Йахйā б. 'Ӣсā б. Джазла 194
Йахйā б. Ма'ӣн 100, 189
Йахйā б. Са'ӣд ал-Ансāрӣ 42
Йахйā б. Хамза 100
см. также: Абӯ Закарийā'; 'Авнаддӣн; Дийā'аддӣн Абӯ Бакр; Рашӣдаддӣн
Йӯнус б. Хабӣб 49
Йӯсуф б. 'Абдалбарр 88
Йӯсуф, сын Абӯ Са'ӣда ас-Сӣрāфӣ 87
Йӯсуф ал-Баллӯтӣ 229
Йӯсуф б. Исмā'ӣл ал-Йахӯдӣ 235
Йӯсуф ас-Сабтӣ ал-Исрā'ӣлӣ 197
Йӯсуф ас-Сиджзӣ 170
см. также: Абӯ Йа'кӯб; Абӯ

ʻУмар; Абӯ-л-Ҳаджжāдж; Ṣа-лāҳаддӣн; ал-ʻУшш
Йуҳаннā б. Мāсавайх 83

Каʻб б. Зухайр 48
ал-Қāдӣ ал-Акрам Джамāладдӣн Абӯ-л-Ҳасан ʻАлӣ б. Йӯсуф б. Ибрāхӣм б. ʻАбдалвāҳид аш-Шайбāнӣ ал-Қифтӣ 212; см. также: Ибн ал-Қифтӣ
ал-Қāдӣ ал-Ашраф Аҳмад б. ʻАбдарраҳӣм б. ʻАлӣ ал-Байсāнӣ 208
ал-Қāдӣ ал-Фāдил Абӯ ʻАлӣ ʻАбдарраҳӣм б. ʻАлӣ б. Муҳаммад ал-Лаҳмӣ ал-Байсāнӣ ал-ʻАсқалāнӣ 86, 96, 138, 159, 207, 220, 253
Қāдӣхāн 67, 118
ал-Қазвӣнӣ 76
Қайс (ал-Маджнӯн) 48
Кайсāн 114
ал-Калвазāнӣ 92
ал-Қалқашандӣ 70, 170, 223
Камāладдӣн б. Асāʼиш аш-Ширвāнӣ 257
Қансӯх ал-Гӯрӣ 224
Капротти Дж. 217
Қара Арслāн ал-Муẓаффар 237
Караханиды 118
Қāсим, см.: Абӯ Муҳаммад; Абӯ ʻУбайд
Кāтиб Челебӣ Ҳаджжӣ Ҳалӣфа 149; см. также: Ҳāджжӣ Ҳалӣфа
Кāфӯр, см.: Шибладдавла
ал-Киндӣ, историк 62
ал-Киндӣ, философ 56, 58, 81, 89, 125, 159, 188
ал-Кирмāнӣ 119
ал-Кисāʼӣ 92
Крачковский И. Ю. 6, 59, 65, 104, 121, 245
Кренкоу Ф. 44
Қудāма б. Джаʻфар 54
ал-Қудӯрӣ 67
ал-Кундурӣ 193
Курайб 101
Куṣаййир 48
Қуṭба 169, 170
Қуṭбаддӣн Масʻӯд б. Муҳаммад ан-Найсāбӯрӣ 206
Кушāджим 77

ал-Лайṣ б. Саʻд 98, 217
Ландберг К. 217
Лахмиды 13, 81
Лебедев В. В. 78
Лев Африканский 226
Лейлā (Лайлā) 48
Лисāнаддӣн Ибн ал-Ҳаṭӣб 235
Лубб, см.: Абӯ ʻӢсā
Лубнā 229

ал-Мāвардӣ 87, 173
ал-Мағрибӣ 86
ал-Мадāʼинӣ 62, 151
ал-Маджд ал-Бахнасӣ 211
Маджд ал-Мулк 246
Маджд ал-Мулк Абӯ-л-Фадл Джаʻфар б. Муҳаммад б. Муҳтāр ал-Афдалӣ 128
ал-Маджд б. аṣ-Ṣāҳиб 196
Маджд аддӣн Абӯ Муҳаммад ʻАбдаллāх б. Муҳаммад б. ʻАбдаллāх б. ʻАлӣ ал-Аширӣ аṣ-Ṣанхāджӣ 111
Маджд аддӣн Абӯ-л-Фадл ʻАбдаллāх б. Аҳмад б. Муҳаммад б. ʻАбдалқāхир аṭ-Ṭӯсӣ 111
ал-Маджнӯн, см.: Қайс
Маймӯн, см.: Абӯ ʻУмар
Макдиси Дж. 126
ал-Маққарӣ 71, 147
ал-Мақрӣзӣ 70, 221—223
ал-Малик ал-ʻĀдил 206
ал-Малик ал-ʻАзӣз, Аййубид 221
Мāлик б. Анас 43, 92, 114
ал-Малик ал-Ашраф Абӯ-л-Маҳāсин Йӯсуф ал-ʻУṣмāнӣ 223
ал-Малик ал-Ашраф, Аййубид 208, 210, 211
ал-Малик ал-Ашраф Шаʻбāн б. Ҳусайн б. Муҳаммад б. Қалāʼӯн 137, 223
Мāлик б. Дӣнāр ал-Баṣрӣ 126
ал-Малик аẓ-Ẓāхир 209
ал-Малик ал-Кāмил 221
ал-Малик ал-Муʻаẓẓам 209, 212
ал-Малик ал-Муʻаẓẓам ʻАлӣ б. Аҳмад ан-Нāṣир 199
ал-Малик ал-Мухассин ʻАҳмад б. Ṣалāҳаддӣн 208
ал-Малик ан-Нāṣир 223
ал-Малик аṣ-Ṣалиҳ 223
Маликшāх 241
Маʻмар б. Рāшид 215
см. также: Абӯ ʻУбайда
Мамлюки (династия) 220
ал-Маʼмӯн 55, 83, 125, 177, 182, 183, 189; см. также: Абӯ-л-ʻАббāс
Маʼмуниды 244, 245

ал-Маназӣ 237
Мангли Буга 213
Манкутимир, см.: Ҫафӣ'аддӣн
ал-Манҫӯр 83, 182
ал-Манҫӯр Ҡала'ӯн
ал-Манҫӯр Мух̣аммад Ибн Абӣ 'Āмир 84, см. также: Мух̣аммад Ибн Абӣ
см. также: Абӯ Са'ӣд
Марвāн II 80
Марваниды 237
ал-Маргинāнӣ 67
Марсе В. 16
Māсавайх 151
Масӣх̣ӣ, см. Абӯ-л-Х̣айр
Мас'ӯд б. Садӣдаддавла Манҫӯр 202
см. также: Ҡутбаддӣн; Фах̣раззамāн Абу-л-Фадл
ал-Мас'ӯдӣ 62
ал-Матурӣдӣ 61
Махдави 134
ал-Махдӣ 83, 101
Мах̣мӯд б. Ах̣мад ал-Х̣аҫӣрӣ 118; см. также: ал-Х̣аҫӣрӣ
Мах̣мӯд Газнавӣ 240, 241
Мах̣мӯд б. Маймун б. 'Абдаллāх ад-Дайӯсӣ 116
Мах̣мӯд б. ал-Х̣асан 132
см. также: Джамāладдӣн; Ҫафӣ'аддӣн; Шамсаддӣн
Мах̣фӯз, см.: Абӯ Бакр
Мец А. 150
Мир Али-Шир Навои 243; см. также: Навои
Мискавайх 223, 240, 245, 247, 257
Михайлова И. Б. 255
Михйāр ад-Дайламӣ 152
Монроу Дж. 105
Му'āвийа 40, 182
Му'āз ал-Харрā' 49
Му'аййададдӣн Мух̣аммад б. Ах̣мад ал-'Алх̣амӣ 201
Мубāрак б. ал-Мубāрак 172
см. также: Абӯ Са'д; Фах̣раддӣн Абӯ Са'д; Шарафаддӣн Абӯ-л-Баракāт
ал-Мубаррид (ал-Мубаррад) 51, 54, 102, 151
Мубашшир б. Ах̣мад ар-Рāзӣ 199
ал-Мубашшир б. Фāтик 219
Муваффаҡаддӣн 'Абдаллāх б. Мух̣аммад б. Ҡудāма ал-Макдисӣ 210
Муваффаҡаддӣн Абӯ Наҫр Ас'ад б. Абӣ-л-Фатх̣ Илйāс б. Джирджис ал-Матрāн 207; см. также: Ибн ал-Матрāн
Мугӣсаддӣн Мух̣аммад I 241
Муджāхид 41
см. также: Абӯ-л-Джайш
Муджӣраддӣн ал-Х̣анбалӣ 212
ал-Музаффар б. Ах̣мад Абӯ-л-Фадл ал-Иҫфахāнӣ ал-Йаздӣ 241
ал-Музаффар б. Мух̣аммад ал-Манбиджӣ 257
Музаффараддӣн 84
ал-Му'изз б. Бāдӣс 81, 164, 225
Му'иззаддавла 191
Му'ӣн 199
ал-Муҡаддасӣ 95, 176, 191, 215, 240
Муҡāтил б. Сулаймāн 41
Мӯлāй Зӣдāн 236
Мунāфир б. Зайд б. 'Абдалвāх̣ид ал-Ма'аррӣ 213
ал-Мунзир, см.: Абӯ-л-Ҡāсим
Мунҡизиты 206
Мунтах̣аб, см.: Абӯ-л-Х̣асан
Мунтах̣абаддӣн Абӯ-л-Футӯх̣ Ас'ад б. Мах̣мӯд б. Х̣алаф ал-Иҫфахāнӣ 126
Мурāд IV 202
ал-Муртадā аш-Шарӣф 81, 138, 192
Мӯсā б. Джа'фар 199
Мӯсā б. Йӯнус 90
Мӯсā ал-Кинāнӣ ал-Х̣анбалӣ 211
Мӯсā б. Шāкир 83, 188
ал-Мусаййабӣ 76
Муслим 61, 111, 119, 126, 151
ал-Мустанджид 88
ал-Мустанҫир 140, 200
ал-Муста'ҫим 201
ал-Мутаваккил 189, 190
ал-Му'тадид 190
ал-Му'тамир б. Сулаймāн 102
ал-Мутанаббӣ 76, 138, 152, 153
Мутарриф б. 'Ӣсā 84
ал-Му'таҫим 83, 182
ал-Муфаддал ад-Даббӣ 54, 74
ал-Мухаззаб 'Абдаррах̣мāн б. 'Алӣ ад-Дах̣вар 211
Мухаззибаддӣн 'Алӣ б. Са'д ал-Мавҫилӣ 152
ал-Мухаллаб б. Абӣ Ҫуфра 81
Мух̣аммад 22—24, 41, 42, 48, 49, 62, 74, 81, 99, 105, 142, 145, 157, 176, 181
Мух̣аммад б. ал-'Аббāс ал-Йазӣдӣ 102
Мух̣аммад б. 'Абдаллāх 101

Мухаммад б. ʻАбдаллāх ал-ʻАбдӣ 102
Мухаммад б. ʻАбдаллāх ал-Анçāрӣ 99
Мухаммад б. ʻАбдаллāх ал-Маʻāфирӣ ал-Ишбӣлӣ 232
Мухаммад б. ʻАбдалмалик 92
Мухаммад б. ʻАбдалмалик Ибн аз-Заййāт 190
Мухаммад, сын ʻАбдаррахмāна III 229
Мухаммад б. ʻАбдаррахмāн ал-Масʻӯдӣ ал-Бандждихӣ 206, 209, 257
Мухаммад б. Абӣ ʻĀмир ал-Манçӯр 230, см. также: ал-Манçӯр
Мухаммад б. Абӣ Бакр б. Ķаййим ал-Джавзӣйа 212
Мухаммад б. ʻĀʼиз 100
Мухаммад б. ʻАмр 99
Мухаммад б. Ахмад 233
Мухаммад б. Бистāм б. Раджāʼ ад-Даббӣ 123, 225
Мухаммад б. Джалāл ал-ʻАбдӣ ал-Найсāбӯрӣ ас-Самарķандӣ 119
Мухаммад б. Джарӣр ат-Табарӣ 60; см. также: ат-Табарӣ
Мухаммад б. Ибрāхӣм б. ʻИнāн ал-Майдӯмӣ 221
Мухаммад б. Идрӣс аш-Шāфиʻӣ 12, 217; см. также: аш-Шāфиʻӣ
Мухаммад б. Исмāʻӣл ал-Бухāрӣ 244; см. также: ал-Бухāрӣ
Мухаммад б. Исхāķ 99
Мухаммад б. Йазӣд 101
Мухаммад б. Йалтакӣн б. Ахбāр ал-Багдахӣ 116
Мухаммад б. Йахйā б. ʻАбдассалāм ан-Нахвӣ ар-Рабāхӣ 229
Мухаммад б. Йахйā Ибн ал-Мавçӯл ал-Гāфиķӣ 231
Мухаммад б. Йахйā ал-Муставфӣ 246
Мухаммад б. ал-Лайс 102
Мухаммад б. Маʻмар ал-Джаййāнӣ 229
Мухаммад ал-Музаффар Ибн ал-Афтас 233
Мухаммад б. Музайн 233
Мухаммад б. Мунāзир, см.: Ибн Мунāзир
Мухаммад б. Мӯсā ар-Рāзӣ 233
Мухаммад б. Мӯсā ал-Хувāризмӣ 83, 92; см. также: ал-Хувāризмӣ (IX в.)
Мухаммад б. Мухаммад б. ʻАлӣ ал-Хавāфӣ 119
Мухаммад б. Мухаммад ал-Джазарӣ 119
Мухаммад б. Мухаммад ал-Джаммāл 222
Мухаммад б. Мухаммад Ибн Абӣ Далӣм 230
Мухаммад б. Мухаммад б. Наçр Ибн ал-Ķайсарāнӣ 205
Мухаммад б. Мухаммад б. Хāрис 202
Мухаммад б. Наçр 191
Мухаммад Пāрсā б. Мухаммад б. Махмӯд ал-Хāфизӣ ал-Бухāрӣ 247
Мухаммад б. Саʻд 189; см. также: Ибн Саʻд
Мухаммад б. ас-Сāʼиб ал-Калбӣ 41
Мухаммад б. Саʻӣд б. Хишāм ал-Хаджарӣ Ибн Милçāķа 220
Мухаммад б. Тӯлӯн 211; см. также: Ибн Тӯлӯн
Мухаммад б. ʻУмар б. ʻАбдалкарӣм аш-Шāфиʻӣ 209
Мухаммад б. Футӯх ал-Хумайдӣ 124, 195
Мухаммад б. Хабӣб 54, 102
Мухаммад б. Хāзин 170
Мухаммад б. Хазм 230
Мухаммад б. Хайр б. ʻУмар б. Халӣфа 232
Мухаммад б. ал-Хакӣм ал-Лахмӣ 233
Мухаммад б. ал-Хусайн ал-Фихрӣ 229
Мухаммад аш-Шайбāнӣ 118; см. также: аш-Шайбāнӣ
см. также: Абӯ-л-ʻАббāс; Абӯ ʻАбдаллāх; Абӯ ʻАлӣ; Абӯ ʻĀмир; Абӯ-л-ʻАраб; Абӯ-л-Асвад; Абӯ Бакр; Абӯ-л-Валӣд; Абӯ Джаʻфар; Абӯ-л-Ķāсим; Абӯ Манçӯр; Абӯ-л-Музаффар; Абӯ Наçр: Абӯ Саʻд; Абӯ Сулаймāн; Абӯ Тāхир; Абӯ-л-Фадл; Абӯ-л-Файд; Абӯ-л-Фарадж; Абӯ-л-Хасан; Абӯ Хāтим; Абӯ-л-Хусайн; ал-Амӣр ал-Мухтāр; Джамāладдӣн; Дийāʼаддӣн; Зайнаддӣн; Ибн аç-Çāʼиг; ʻИмāдаддӣн; Муʼаййададдӣн; аç-Çāхиб Тāджаддӣн; Сирā-

джаддӣн; Шамсаддӣн; Шараф ал-Мулк; Шарафаддавла; Шарафаддӣн
ал-Мухиббӣ 71
Мухйиддӣн ан-Нававӣ 210, см. также: ан-Нававӣ
Мухриз, см.: Абӯ Ҳарица

ан-Нāбулусӣ 71
ан-Нававӣ 76
ан-Навбахтӣ 190
Навои 243
Наджā, см.: Шамсаддӣн
Наджāх, см.: Абӯ-л-Йумн
Нāджӣ Ма'рӯф 186
ан-Наджӣрамӣ 138
Наджмаддӣн Абӯ Мухаммад 'Абдаллāх б. Абӣ Мухаммад ал-Бадрā'ӣ 211
ан-Насā'ӣ 61
ан-Нāçир 194, 197—199
ан-Нāçир б. Қалā'ӯн
см. также: Абӯ-л-Футӯх
Нāçираддӣн Ибн Зурайк 211
Наçӣраддӣн ат-Тӯсӣ 242
Наçр б. Ахмад б. Ма'мӯн ал-Хубзу'урзӣ 76
см. также: Абӯ-л-Фатх; Бал-Муҙаффар
Насраллах Ж. 214
Насриды 235
Низāм ал-Мулк 186, 187, 193, 194, 241, 245
Нифтавайхи 52, 81
ан-Нувайрӣ 70, 128, 205, 223
ан-Ну'мāн, см.: Абӯ Ханӣфа
Нӯраддӣн Махмӯд б. Зангӣ 206
Нӯх б. Манçӯр 244

Павел Оросий 63
Пиотровский М. Б. 94
Постель В. 7
Прозоров С. М. 243
Птолемей 59

ар-Рабӣ' б. ан-Ну'мāн 101
ар-Радӣ аш-Шарӣф 81, 193
ар-Рāзӣ 89, 250
Рāшид б. Дā'ӯд 100
Рашӣдаддӣн 242
Рашӣдаддӣн ал-Ватвāт 246
Рашӣдаддӣн Йахйā б. 'Алӣ ан-Нāбулусӣ 222
Рейске И. 7
Рибера Х. 123, 229, 235
Ридвāн 204
ар-Рӣмӣ 215
ар-Рӣхāнӣ 170
Роджер II 236
Розен В. Р. 117
Росси Э. 217
ар-Ру'āсӣ 49
ар-Руммāнӣ 52

аç-Çа'āлибӣ 92, 96, 163, 245
аç-Çāбӣ 81
Çāбит б. Курра 55
см. также: Абӯ-л-Хасан
Сāбӯр б. Ардашӣр 132, 192, 193, 250, 251
Сагадеев А. В. 56
аç-Çағāнӣ 117, 201
Са'д 182
Са'д б. Абӣ Ваккāç 81
Са'д б. Халӣл б. Сулаймāн ар-Рӯмӣ ал-Марзубāнӣ 223
Са'даддӣн Башӣр ал-Джāмадāр ан-Нāçирӣ 222
Са'даддӣн ат-Тафтазāнӣ 151
Садӣдаддӣн ал-Мантикӣ 219
Çадраддӣн б. ал-Āдамӣ 208
Са'ӣд б. Джубайр 41
Са'ӣд б. ал-Хасан б. 'Ӣсā ар-Раба'ӣ 84
см. также: Абӯ Мухаммад; Абӯ 'Усмāн; Абӯ-л-Хусайн; Фахраддӣн Абӯ-р-Ридā
Саййид 'Алӣ Билграмӣ 248
Саййид Фу'āд 216
Сайф 101
Сайф Зӯ Йазан 71
Сайфаддавла ал-Хамдāнӣ 204, 205
Сайфаддӣн б. Биктимир 212
Сайфаддӣн Йлджӣ (Йлчӣ) 222
Сайфаддӣн ал-Малик ал-Джукандāр 223
ас-Саккāкӣ 76
Çа'лаб 51, 54, 133, 138
аç-Çа'лабӣ 111
Салама, см.: Абӯ-л-Қāсим
Салар Джанг 248
Çалāхаддӣн 134, 206, 207, 209, 218, 221, 237
Çалāхаддӣн Йӯсуф ад-Дāвадāр ан-Нāçирӣ 213
Çалахаддин ал-Мунаджжид 114
Сāлим б. Гайлāн 99
Çāлих б. 'Абдалкуддӯс 101
ас-Сам'āнӣ, род 246
ас-Сам'āнӣ Абӯ Са'д 67, 99, 106, 113, 116, 257
Саманиды 244, 245

Санджар 241, 245
ас-Сараҳсӣ 118
ас-Сарӣ 77, 101
аҫ-Ҫафадӣ 69, 221
Ҫафӣ'аддӣн Аҳмад б. Муҳаммад ал-Муқаддасӣ ад-Дӣджāнӣ ал-Маданӣ ал-Анҫāрӣ ал-Кашāшӣ 117
Ҫафӣ'аддӣн Джавхар аҙ-Ҙāхирӣ ат-Тифлӣсӣ 210
Ҫафӣ'аддӣн Манкутимир ал-Ҳусāмӣ 222
Ҫафӣ'аддӣн Маҳмӯд б. Муҳаммад ал-Урмавӣ ал-Қарāфӣ 209
ас-Саҳāвӣ 69, 165
аҫ-Ҫāҳиб Бахā'аддӣн 'Алӣ б. Муҳаммад б. Салӣм б. Ҳаннā 221
аҫ-Ҫāҳиб Ҫафӣ'аддӣн 'Абдаллāх б. 'Алӣ б. Шāкир 221
аҫ-Ҫāҳиб Тāджаддӣн Муҳаммад б. Фаҳраддӣн Муҳаммад 222
Сахл б. Хāрӯн 55, 83
Саҳнӯн 89
Сезгин Ф. 44, 57
Селим 224
Сельджукиды 92, 186
Сефевиды 202
Сӣбавайхи 51, 52, 66, 143
Сибт б. ал-Джавзӣ 195, 196
ас-Силафӣ 134
Сильвестр де Саси А. 7
Синдӣ б. 'Алӣ 132
Сирāджаддӣн Абӯ Бакр Муҳаммад б. 'Алӣ ал-Джаййāнӣ 111
ас-Сӣрāфӣ 52, 54, 62, 127
Стеблин-Каменский М. И. 45
Субайҳаддӣн Миҫқāл 222
ас-Субкӣ 69, 210
ас-Суйӯтӣ 69
ас-Суккарӣ 54, 90, 102
Сулаймāн 230
Сулаймāн б. 'Абдалқавӣ ат-Тӯфӣ 222
см. также: Абӯ-л-Валӣд; Фаҳраддӣн
аҫ-Ҫӯлӣ 81, 191
Ҫӯл-такӣн 81
Суфйāн аҫ-Ҫаврӣ 43, 151

ат-Табарӣ 60, 62, 78, 87, 125, 137, 194, 217
ат-Тавҳӣдӣ 156
Тāджаддӣн Зайд б. ал-Ҳасан ал-Киндӣ 209
Такӣ'аддӣн 'Абдарраҳмāн б. Абӣ-л-Фахм ал-Йалдāнӣ 208
Такӣ'аддӣн Абӯ Тāхир Исмā'ӣл б. 'Абдаллāх ал-Анмāтӣ 208
Талӣд 229
Тамӣм, сын ал-Му'изза б. Бāдӣса 164
Таммāм, см.: Абӯ Гāлиб
ат-Танджӣ М. 146
ат-Танӯҳӣ 77, 251
Тахириды 239, 244
Ташкепрю-заде 71
Тимур 119, 202, 209, 211, 247
Тимуриды 118
ат-Тирмиҙӣ 61
Туғрил 193
ат-Туртӯшӣ 111
ат-Тустарӣ б. 'Алӣ 132

'Убайдаллāх 137, 199
'Убайдаллāх б. 'Алӣ б. Наҫр Ибн ал-Мāристāнӣйа 197, 198
см. также: Абӯ Марвāн
Убайй 23
'Уйайна б. ал-Минхāл 102
Улуғбек 119, 247
Умаййа б. 'Абдал'азӣз б. Абӣ-ҫ-Ҫалт ад-Дāнӣ 220
см. также: Абӯ-ҫ-Ҫалт
Умаййады (Омейяды) 50, 80, 84, 125, 169, 182, 204, 228
'Умар б. 'Абдал'азӣз 49
'Умар б. Абӣ Рабӣ'а 48
'Умар б. ал-Ҳаттāб 24, 99, 101
'Умар б. Шабба 102, 189
см. также: Абӯ Ҳафҫ; Абӯ Шуджā'; Зайнаддӣн; 'Иззаддӣн
ал-Урмавӣ 210
Усāма б. Муршид б. Мунқиҙ 151, 206, 257
'Уҫмāн (Осман) б. 'Аффāн 23, 40, 81, 182, 221
'Уҫмāн б. Мандӯр ал-Мāлақӣ 233
см. также: Абӯ 'Амр
Утас Б. 239
ал-'Ушш Йӯсуф 9, 139, 182, 183, 185, 206, 211, 218, 221, 223

ал-Фāрāбӣ 56, 87, 135, 138, 244
ал-Фарāвӣ 116
ал-Фараздақ 48, 102
Фарджек 186
ал-Фаррā' 83, 132, 137
Фāтима, дочь Закарӣйā' 229
Фатимиды 134, 138, 218, 220, 221, 225
ал-Фатҳ б. Ҳāқāн 189, 190
см. также: Абӯ Наҫр
Фаҳраддӣн Абӯ-р-Ридā Са'ӣд б.

'Абдаллāх б. ал-Қāсим аш-Шахразӯрӣ 111
Фаҳраддӣн Абӯ Са'д ал-Мубāрак б. Йаҳйā б. ал-Муҳаррамӣ ал-Бағдāдӣ 198
Фаҳраддӣн Ибрāхӣм б. Ҳасан Ибн ал-Бавваб ал-Кāтиб 202; см. также: Ибн ал-Бавваб
Фаҳраддӣн ар-Рāзӣ 67
Фаҳраддӣн Сулаймāн б. Аҳмад 198
Фаҳраддӣн ал-Ҳасан б. Манҫӯр ал-Ӯзджандӣ ал-Фарғāнӣ Қāдӣхāн 118; см. также: Қāдӣхāн
Фаҳраззамāн Абӯ-л-Фаḍл Мас'ӯд б. 'Алӣ Ибн аҫ-Ҫавāбӣ 197
Фехервари Г. 177
ал-Фӣрӯзāбāдӣ 69
Флейш А. 16
Фролова О. Б. 228

ал-Ҳаббāзӣ 115
Ҳабӣб ар-Раҳмāн 248
Ҳабшӣ б. Муҳаммад б. Шу'айб аш-Шайбāнӣ 131
ал-Ҳаджжāдж 37
ал-Ҳаджжāдж б. Ҳайҫама 58
Хаджи-Мухаммад 243
Ҳāджжӣ Ҳалӣфа 71, 251
Ҳайва 99
ал-Хайҫам б. 'Адӣ 102
ал-Ҳакам II 84, 134, 229—231, 234, 250, 253
ал-Ҳāким 83, 85, 218
Ҳāлид б. ал-Валӣд 81, 100, 166
Ҳāлид б. Йазӣд 49, 94, 182
см. также: Абӯ 'Абдарраҳмāн аз-Зāхид
ал-Ҳалӣл б. Аҳмад ал-Аздӣ ал-Фарāхӣдӣ ал-Йаҳмадӣ ал-Баҫрӣ 51—53, 89, 137, 217
Ҳалӣл аз-Зāхирӣ 224
ал-Ҳаллāдж 131
ал-Хамдāнӣ 215
Ҳамдӯн б. Муджāхид ал-Калбӣ 123, 225
Ҳамза б. Мӯсā б. Шайҳассалāма 212
ал-Ҳāмид 133
Ҳаммāд б. Исҳāқ 102
ал-Ҳарӣрӣ 66, 87, 115, 127, 175, 195, 257
Хāрӯн ар-Рашӣд 55, 83
см. также: Абӯ 'Абдаллāх
ал-Ҳасан б. Йаҳйā 102
ал-Ҳасан б. Мӯсā ан-Навбаҳтӣ 190
ал-Ҳасан б. Муҳаммад б. Абӣ Са'ӣд ал-Кāтиб 200
ал-Ҳасан б. Муҳаммад б. Исмā'ӣл Ибн аṭ-Ṭаҳҳāн 209
ал-Ҳасан б. Муҳаммад б. Исмā'ӣл ал-Қалйӯбӣ 124
см. также: Абӯ 'Алӣ; Абӯ Ҳассāн; Фаҳраддӣн
Ҳасан Ҳуснӣ, см.: 'Абдалваххāб
ал-Хаҫӣрӣ 118
Ҳассан б. Ҫāбит 48
ал-Ҳатӣб ал-Бағдāдӣ 151, 195, 241
Ҳāтим, см.: Абӯ-л-Қāсим
ал-Ҳаṭӣрӣ 93, 134
Ҳāфиз Аҳмад-ағā 239
Ҳафҫа 24
Ҳафҫиды 227
Хāшим б. Муҳаммад ал-Ҳузā'ӣ 102
Ҳвāндататар 222
Хибаталлāх б. 'Абдарраҳӣм ал-Бāризӣ аш-Шāфи'ӣ 137, 212
Хибаталлāх б. Малкā Абӯ-л-Баракāт 89
см. также: Абӯ Муҳаммад; Абӯ-н-Наджм; ал-Аджалл
Хишāм II 229, 230
Хишāм б. ал-Калбӣ 102
см. также: Абӯ-л-Валӣд
Ходжа Исмаил-эфенди 238
Ҳубайш б. ал-Ҳасан 55
ал-Ҳувāризмӣ (X в.) 62
ал-Ҳувāризмӣ (IX в.) 244
Ҳӯдиды 234
Хулагу-хан 194, 202, 210, 242
Ҳунайн б. Исҳāқ 55, 83, 90, 139, 151, 188
ал-Ҳураймӣ 244
Ҳӯрӣ А. И. 246
ал-Ҳусайн б. 'Алӣ ал-Āмулӣ 116
Ҳусайн Байқарā 242
ал-Ҳусайн б. Бишр б. 'Алӣ аṭ-Ṭарāбулусӣ 205
ал-Ҳусайн б. Йаҳйā 102
ал-Ҳусайн б. Муҳаммад ал-Лукалāнӣ 222
см. также: Абӯ 'Алӣ; Абӯ-л-Қāсим; Абӯ-л-Фавāрис; 'Иззаддӣн
Ҳусāмаддин б. Арṭуқ 237
ал-Ҳуṭай'а 102, 105, 130
ал-Ҳушанӣ 62, 84

Челеби б. 'Аджам Мударрис-заде Кипрский 117
Честер Битти 178

аш-Шӑбуштӣ 62, 217
аш-Шайбӑнӣ 130
Шамсаддӣн Абӯ-л-'Алӑ' Махмӯд б. Абӣ Бакр ал-Ханафӣ 237
Шамсаддӣн Абӯ Са'д 'Абдаллӑх б. Ахмад б. ал-Хулвӑнӣйа 206
Шамсаддӣн 'Алӣ б. ал-Кутубӣ 200
Шамсаддӣн Мухаммад б. 'Абдалмун'им б. Хӑмил 210
Шамсаддӣн Мухаммад б. 'Абдалхӑдӣ ал-Макдисӣ 210
Шамсаддӣн Мухаммад б. Дӑ'ӯд б. Мухаммад ал-Мавсилӣ 202, 212
Шамсаддӣн Наджӑ б. Са'д 212
аш-Ша'рӑнӣ 71
Шараф ал-Мулк ал-Муставфӣ Абӯ Са'д Мухаммад б. Мансӯр 245
Шарафаддавла Мухаммад б. ал-Му'тамид 232
Шарафаддӣн 'Абдаррахмӑн б. ал-'Аджамӣ 212
Шарафаддӣн Абӯ-л-Баракӑт ал-Мубарӑк б. Ахмад ал-Ирбилӣ 200
Шарафаддӣн 'Алӣ б. Мухаммад ал-Йӯнӣнӣ 213
Шарафаддӣн Мухаммад б. 'Урва ал-Мавсилӣ 208
Шарӑхӣл б. Марсад 100
аш-Шарӣф, см.: ал-Муртадӑ, ар-Радӣ
Шӑфӑт ал-Микрӑд ал-'Уджайфӣ 177
аш-Шӑфи'ӣ 81, 91, 111, 130, 215
аш-Шахрастӑнӣ 67
Шахрӯх 119, 242
Шибладдавла Кӑфӯр б. 'Абдаллӑх ал-Хусӑмӣ 211
Шидфар Б. Я. 65
аш-Шихӑб б. Музхир Мухаммад б. 'Абдалхӑлис ал-Ансӑрӣ 210
Шихӑбаддӣн Дӑ'ӯд б. Сулаймӑн ал-Кӯрӑнӣ 212
Шихӑбаддӣн Хивакӣ 246
Шмидт А. Э. 6, 246
Шу'айб 101
Шу'ба 113

Эббот Н. 162, 169, 170

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

абардӣ, см.: *бардӣ*
адаб 63, 66, 79, 111, 112, 124, 126, 128, 190, 198, 230
адӣб 77, 79, 84, 133, 189, 192, 195—197, 230
āйат 145
ʻалам 150
амāлӣ 87
ʻарḑ 105, 106, 113
аҳбāр 100, 144
аҳбāрӣ 104
ахл 246
ахл аẕ-ẕимма 34

бāб 145
байāḑ 157
байт (бейт) 46, 47, 77, 241
бардӣ (абардӣ) 165
басмала 115, 145, 146

вазӣр, вазиры 63, 78, 81—83, 86, 122, 171, 173, 190, 192—199, 201, 204, 211, 218, 221, 232, 233, 235, 237, 240, 245, 246
вакф 184, 185, 193—202, 204, 205, 207—214, 221—223, 225, 227, 230, 233, 237, 243, 250, 252
варақ 130, 165
варақ аç-çӣн (çӣнӣ) 163
варақ ал-қаçаб 165
варрāқ, варраки 130—134, 136, 137, 229
ваçӣйа 105, 107
ваххабиты 202, 215
виджāда 105, 107
вилайет 237
вирāқа 122, 133
вирқ 130
вихара 186

газал 48
гениза 187
гурфа 86

даʻва 204
давāт 166
даллāл 134
дāниқ 138
дāр ал-ʻилм 185
дāр ал-кутуб 187
дāр ал-ҳадӣç 119, 206, 221
дафтар 144, 168
дафтарҳāн 217
дафф 176
ал-джалӣл 169, 170
джамʻ 144
джāмиʻ 79, 144
джилд 145, 165, 176
джузʼ 91, 116, 144, 145, 153, 158, 159, 168
дӣбāджа 146
дӣвāн 77, 90, 92, 123, 127, 137, 138, 141, 144, 152, 189, 208, 229, 232, 240, 257
дӣнāр, динары 83, 84, 126—128, 132, 134, 137—139, 163, 171, 176, 191, 197, 199, 202, 221, 223, 225, 229, 231, 246, 252
динары ашрафӣ 139
дирхем, дирхемы 126—128, 132, 137—139, 207, 208, 212, 222, 240
дихлӣз 134
дубайты 92
дуккāн 130

зāвийа 204, 212, 213, 226
заджал 66
зайдиты 61, 215
ẕайл 144
ẓāхир 159
зӣдж 83, 92, 144
зийāда 144

зикр 145
зубда 144
зубӯр 119

иджāза 100, 105, 106, 108—121, 159, 210
иджмā' ал-умма 43
ил 237
'илм ал-'арӯḍ 51
'илм ал-ḫадӣс̱ 61
ильханы 202
имāм, имамы 83, 94, 115, 118
имамы исмаилитские 89
имамат 61
имамиты 61
и'рāб 207
ислāм 22, 33, 38, 39, 41, 51, 55, 59, 66, 68, 80, 81, 85, 118, 130, 146, 161, 165, 166, 173, 175, 185, 189, 191, 214, 227, 261
исм 150, 151
исмаилиты 61, 204, 242
исмаилиты-саббахиты 242
иснāд 98—103, 105, 107, 108, 112, 117, 120, 121
ифтā' ва-дирāса 118
иḫтийāрāт 119

йāḳӯтӣ 170
йарā' 165

ḳāдӣ 77, 111, 120, 127, 195, 205, 211, 218, 241
кāгид (кāгиз̱) 163, 165
ḳā'ил 78
калāм 191
ḳалам 76, 114, 123, 133, 165, 166, 169, 171, 218, 252
ḳалам аа-нуссāḫ (ан-нассāḫ ?) 172
ḳаṣӣда (касыда) 46—48, 130, 144
ḳāṣṣ 104
кāтиб, катибы 63, 77, 79, 81, 89, 127, 132, 143, 191, 192
ḳимаṭр 183, 189
ḳинṭāр 225, 252
ḳирā'а 102, 105, 106, 110, 112, 116, 117, 119, 120, 192
ḳирā'āт 67
ḳӣрāṭ 138
ḳирṭāс 165, 166
ḳисм 145
ḳиṣṣа, ḳиṣаṣ 144
ḳиṭ'а 47
китāб 143—145, 153
китāба (в значении *мукāтаба*) 113

куллӣйа 226
кунйа 150, 151
ḳуррā' 41
куррāса 124, 144, 168, 257
кутубӣ 134
кӯфӣ 131, 169, 172

лавḫ 176, 252
лаḳаб 150

мавāлӣ 50
мавлā 34
маджлис 100, 109, 113, 186, 219
маджма' 144
маджмӯ', маджмӯ'а 144
мадраса, см.: медресе
мадḫал 146
маз̱хаб 61, 67, 116, 118, 150, 202, 213, 251
маḳāла 145
маḳāма, макамы, *маḳāмāт* 63, 66, 143, 145
маḳṣӯра 208, 209
мактаба 143
малик 48
манзила 145
марс̱ийа, см.: *рис̱ā'*
маṣāḫиф ал-амṣāр 41
маṣдар 19
маṣхаф, см.: *муṣхаф*
матн 74, 99
машāйиḫ 112
машхад 199, 208, 209
медресе *(мадраса)* 67—69, 71, 86, 107, 109, 112, 115, 119, 157, 185—187, 192, 194—203, 205—207, 209—213, 221—223, 226, 237, 241—243, 245—247, 253
мелкиты 68
мечеть 86, 116, 122, 123, 182, 185—187, 197, 200, 201, 203—209, 213, 214, 217, 220, 223—227, 231—233, 237, 241, 242, 245, 246, 250, 252
мидāд 166
мизбар 165
миṣḳāл 231
миṣрā' 168
миḫрāб 209, 221
му'аз̱зины 83
му'аллаф 144
му'аллиф 79
мубйаḍḍа 157
мувашшаḫ 66
мударрис 67, 86, 115, 119
муджаллад 145, 168, 176
муджтабā 144

мудх̱ал 146
мук̣аддима, мук̣аддама 146
мукāтаба 105, 106, 144
мук̣ат̣т̣аʻа 47
мук̣тадаб 144
мулах̱х̱ас̧ 144
мултак̣ат̣, мултак̣ат̣āт 144, 145
мулӯк ат̣-т̣авā'иф 232
мумлӣ 113
мунāвала 105, 106, 120
мунтак̣ā 144
мунтах̱аб 144
мус̧аннаф 144
мус̧анниф 79
мусвадда 157
муснад 42
мустамлӣ 113, 114
мус̧х̣аф (мас̧х̣аф, мис̧х̣аф, мн. ч. *мас̧āх̣иф)* 144, 176
муʻтазилиты 56, 61, 191, 194
муфассир 79
муфтӣ 117
мух̣аддис̱ 104, 113
мух̣ак̣к̣ак̣ 170
мух̣аррир 132
мух̣āфаз̣а 216
мух̣дас̱ӯн 101
мух̱тāр 144
мух̱тас̧ар 86, 144

нāз̣им 78
нāз̣ир 210
нак̣л 107
нāсих̱ 132
нассāх̱ 132, 172
насх̱, насх̱ӣ 170, 172
нах̣вӣ 79
несториане 68
нисба 148, 150, 151
ан-нис̧ф ас̱-с̱ак̣ӣл 169
нубз̱а 144
нусх̱а (мн. ч. *нусах̱*) 92, 119

рабад̣ 237
рāвӣ, рāвийа 44, 102, 104
ра'ӣс 158, 240
ра'й 43
рак̣к̣, см.: *рик̣к̣*
расā'ил 86, 120
расм 31
рат̣л 136
рибāт̣ 196—201, 222
ривāйа 103, 108, 111
ридда 23
риджāл 61
рик̣āʻ 170
рик̣к̣ (рак̣к̣) 165
рис̱ā', марс̱ийа 46
рисāла 144
рӣх̣āнӣ 170
рих̣ла 108

сабии 85
с̱агр 220
саджʻ 22
самāʻ 105, 106, 112, 114, 116, 119—121, 192
санад (в значении *иснāд*) 118
с̧андӯк̣ 178
с̧āх̣иб, с̧ах̣āба, ас̧х̣āб 79, 99, 209
с̧ах̣ӣфа, с̧ух̣уф 144
с̧ах̣ӣх̣ 67
с̧ах̣х̣āф 177
симсāр 134
сӣра, сийар 144
сифр 145
сӯк̣ ал-варрāк̣ӣн 131
султ̣āн 70, 82, 119, 184, 193, 202, 237, 238, 241, 245
с̧уʻлӯк 46
с̱улус̱ 169, 172
ас̱-с̱улус̱ ал-кабӣр 169
с̱улус̱айн 169
сунан 67
сунна 43, 114, 131
сунниты 193, 204, 218
сӯра, суры 145, 165
с̧ӯфӣ, суфий 43, 66, 196, 197, 201, 209

т̣абак̣āт 142
тāбиʻ, тāбиʻӯн 99
т̣абӣб 79
табйӣд̣ 157
тавāрӣх̱ 145
тавк̣ӣʻ 170
таджвӣд 67
таджлӣд 176
такмила 144
т̣āлиб ал-ʻилм 108
таʻлӣк̣, таʻлик̣а, таʻлӣк̣āт, таʻāлӣк̣ 79, 86, 144, 145
таʻлӣф 144
талх̱ӣс̧ 144
танвӣн 29, 31
тарвӣс 170
тарджама 146
тасвӣд 157
тас̧нӣф 144
тасфӣр 176
татимма 144
тафсӣр, тафсиры 40—43, 50, 60,

71, 88, 90, 110, 120, 144, 152, 194, 210, 221, 247
тахаллус̣ 150
тахр̄ир 144, 207
т̣ӯмāр 165
ат̣-т̣ӯмāр ал-кабӣр 169
турāс̣ 8
турба 199, 208
т̣урук̣ 61

'уламā' 99, 228
'унвāн 174
ус̣ӯл 60, 67, 86, 142, 198, 232, 235

фак̣ӣх, факихы 69, 79, 81—83, 86, 89—91, 110, 127, 134, 149, 193, 195—198, 201, 202, 205, 206, 212, 217, 222, 228, 233, 237, 246
фанн 145
фас̣л 145, 153
фāтиха 146
фетва 89
фик̣х 43, 61, 67, 69, 71, 79, 86, 89, 113, 115, 118, 120, 142, 143, 145, 188, 215, 229, 231, 244, 251, 257
филс 100
фихрист 111, 250

х̣абар (мн. ч. *ах̣бāр*) 100
х̣авāшӣ, см.: *х̣āшийа*
х̣адж 136, 189
х̣āджиб, хаджибы 81, 191
х̣адӣс̣, хадисы 41—44, 50, 60—62, 67, 69, 71, 74, 75, 81, 88, 90, 94, 98—100, 105, 107, 110—114, 117, 119, 120, 142, 143, 145, 152, 210, 213, 215, 221, 231, 242
х̣азā'ин 239
х̣аззāн ад-дафāтир 217
х̣āзин 192
х̣ак̣к̣ ар-ривāйа 108, 109
халиф, халифы 15, 23, 36, 40, 42, 48, 49, 55, 78, 80—83, 85, 88, 134, 138, 140, 166, 171, 182—184, 193, 194, 197—201, 217, 218, 221, 223, 229—231, 253, 257
х̣алк̣а, х̣алак̣а 114, 186
х̣амдала 115, 145, 146
х̣амза 28, 29, 142
х̮āн 186
х̮анакā 209, 213, 223, 237, 246
ханафит 245
ханбалиты 208
х̣āнӯт 130
х̣арам 208
х̣ат̣ӣб 111, 232, 233
х̮ат̣т̣ мансӯб 171
х̮ат̣т̣āт̣ 132
х̣āфиз (хранитель текста Корана, выучивший его наизусть) 111
х̣āфиз̣ (кустод) 158, 168
х̣āшийа (мн. ч. *х̣авāшӣ*) 79, 144, 145
х̮вāджа 202, 213
х̣ибр 166
хиджā' 46
хиджра 157, 161, 163, 214
х̮изāнат 183
х̣изб 153, 158
х̣икāйа, х̣икāйāт 144, 145
хорезмшахи 245, 246
х̮улāс̣а 144
х̮ӯс̣ 165
х̮ут̣ба 146, 153

шадда 30
шā'ир 78
шайх̮ ал-ат̣иббā' 211
шар', *шарӣ'а*, шариат 43, 115
шарӣф 70, 81, 197
шāрих̣ 79
шарх̣ 79, 144
шафииты 69, 207, 210, 212
шāх 202
шейх, шайх̮ 111, 112, 116, 117, 120, 146, 158, 191, 209, 210, 219, 223
шейх ал-ислам 119, 137, 212, 247
шииты 61, 192, 193, 204
шииты-имамиты 192

эмир (амӣр) 82, 84, 166, 176, 184, 201, 204, 213, 219, 222, 223

яковиты 68

SUMMARY

The monograph *Arabic Manuscripts and the Arabic Manuscript Tradition* by A. B. Khalidov is an attempt to cover the whole historical period from the development of a book hand writing to the beginning of book printing. It centres on the Arabic manuscripts offering a comprehensive characteristic on the basis of their both subject-matter and formal features. What the author proposed to do in this book is to show, and to some extent to explain, the stability and continuity of the Arabic book writing tradition, which eventually yielded a great many books. Rather than providing a systematic and comprehensive account of the facts, the author contents himself with a certain synthetic picture citing a selection of sources and numerous earlier studies.

The socio-linguistic problem, i. e., how so different a population of a vast region embracing considerable parts of the three continents of the Old World had chosen the Arabic language to express themselves in literature, ideology and science, forms the message of the first chapter. It outlines the main features of the Arabic literary language and dwells upon its internal development, the evolution of its norms and of the system of the Arabic scribe hand as defining many essential features of text presentation.

The second chapter highlights a wide range of problems related to the genesis and themes of Arabic literature, to transition from oral tradition to Arabic writing, and to the formation of a book hand. The composition and repertoire of manuscript Arabic literature is discussed in the course of a compendious historical roundup of various genres in their development. Underscored is the critical importance of Arabic philology for Arabic written tradition. It is represented by numerous treatises on grammar, lexicography, phonetics, prosody, metrics, poetics and stylistics. A short account is given of literary-book tradition spreading from century to century and experiencing numerous ups and downs in different regions.

The third chapter attaches special attention to showing and explaining the remarkably great number and diversity of authors and writings in Arabic. The nature of literature and a number of socio-cultural factors are believed to explain this. The chapter also considers the medieval author in the making, the motifs and objectives for his activity, creative and reproductive methods of writing, "publishing" techniques in the manuscript era, ways of evaluating, and paying for, literary work. The terms used to describe, directly or indirectly, various forms and ways of author's labour are analysed.

Chapter four considers a unique feature of Arabic writing known to no other literature of antiquity and the Middle Ages—the customary reference to authorities or to a chain of authorities referring to the original source—a very characteristic feature of a number of Arabic literary branches. The types of such references, the development of the whole system and its literary circulation are discussed. Examples are cited to show the occurrence of such references, their share in a treatise and in the various biographies as well as their significance for learning and copying practices.

Chapter five deals solely with copying and book trade and with the related professionals. The social position of copyists, the nature, conditions and productivity of their work, their earnings are considered in detail, alongside prices of manuscripts and their social circulation.

The sixth chapter analyses formal-structural elements of a complete treatise and a manuscript volume: types and styles of narration, compositional techniques, the arrangement and organization of texts, both on a macro and micro scale, and Arabic nomenclature are given.

The seventh chapter considers the Arabic manuscript as a product of craftsmanship and an object of the material culture (appearance, decoration, writing materials and implements, hands, and manuscript-related processes).

The final chapter provides a collection of data and analysis of types of private collections and public libraries, library organisational pattern and bibliography; a chronological roundup is given of specific collections and libraries by major regions, and statistics on historically attested and surviving manuscripts is provided.

The monograph is supplemented with conclusions, references and indices, it is illustrated by pictures of Arabic manuscripts from the Leningrad collection of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Словарь арабского языка *ал-Ḳāмӯс* ал-Фирузабади, шифр С 738; л. 1а — фронтиспис с титулом, на полях владельческие записи, скрепленные оттисками печатей

Рис. 2. Старинный список Ḳорана на пергамене, почерк куфи, датируется приблизительно IX—X вв., отдельный лист под шифром Е 4 (№ 322а)

Рис. 3. «Завещание» халифа ал-Мансура своему сыну ал-Махди, шифр С 773 (XVII в.?); л. 1б — начало сочинения

Рис. 4. *Āс̱āр ал-билāд* («Памятники стран»), географическое сочинение Закарийа' ал-Ḳазвини, шифр D 174, рукопись XIV в.; л. 1а — фронтиспис с титулом

Рис. 5. *Фāкихат ал-х̱улафā'* («Приятный плод для халифов»), этико-назидательное сочинение («зерцало») Ибн ʻАрабшаха, шифр С 651, окончание рукописи датировано 25 рамадана 852/22 ноября 1448 г.; л. 272а с колофоном и записью автора на полях о проведенной им сверке (прочтении)

Рис. 6. Антология древнеарабской поэзии *ал-Х̱амāса* Абу Таммама с комментариями ал-Хатиба ат-Тибризи, шифр С 769, рукопись датирована: Багдад, 562/1167 г.; л. 1а с титулом, владельческими и прочими записями

Рис. 7. «Начала геометрии» Евклида в арабском переводе, шифр С 2145, рукопись 584/1188-89 г.; л. 260б — редкоогласованный текст с чертежами

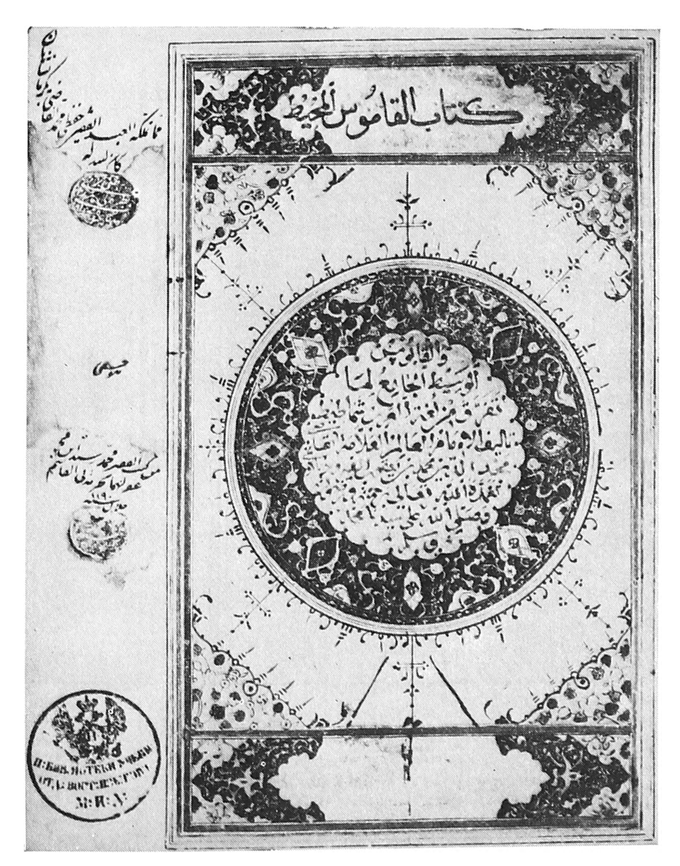


Рис. 1

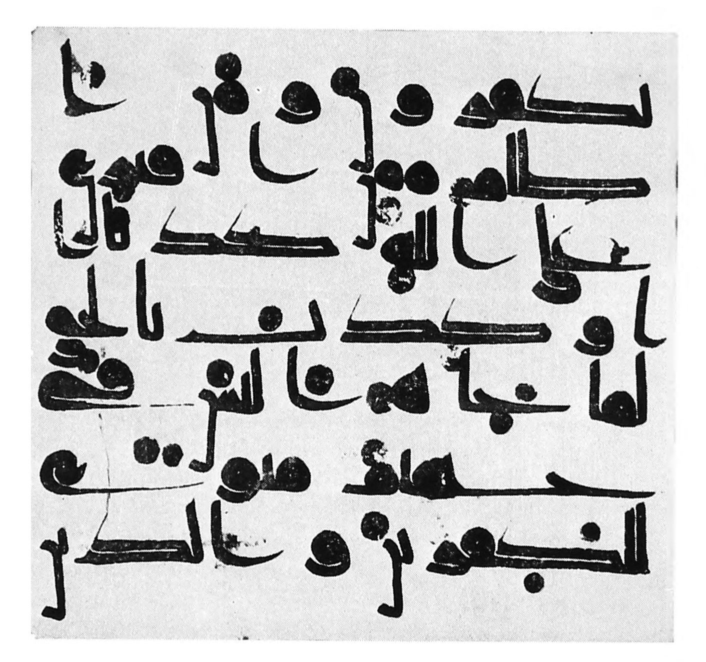


Рис. 2

بسم الله الرحمن الرحيم

قال ابو عبد الله محمد بن العباس لما اراد
المنصور التوجه الى الحج في السنة التي مات
فيها دعا المهدي فقال له يا ابا عبد
الله اني خارج ولست اعلم انلتقي بعد اليوم
ام لا فاحفظ عني
فانك ان لم تحفظ عني فاجعل ما اوصيك به نصب عينيك
وعماد قلبك اوصيك بتقوى الله عز وجل وصلة
الرحم فانه عز من قائل يقول واتقوا الله الذي
تساءلون به والارحام ان الله كان عليكم رقيبا
كرم اهل بيتك وعظمهم وخص بجزيل العطاء منهم
من حسنت طويته واستقامت طريقته وتمحضت مودته

Рис. 3

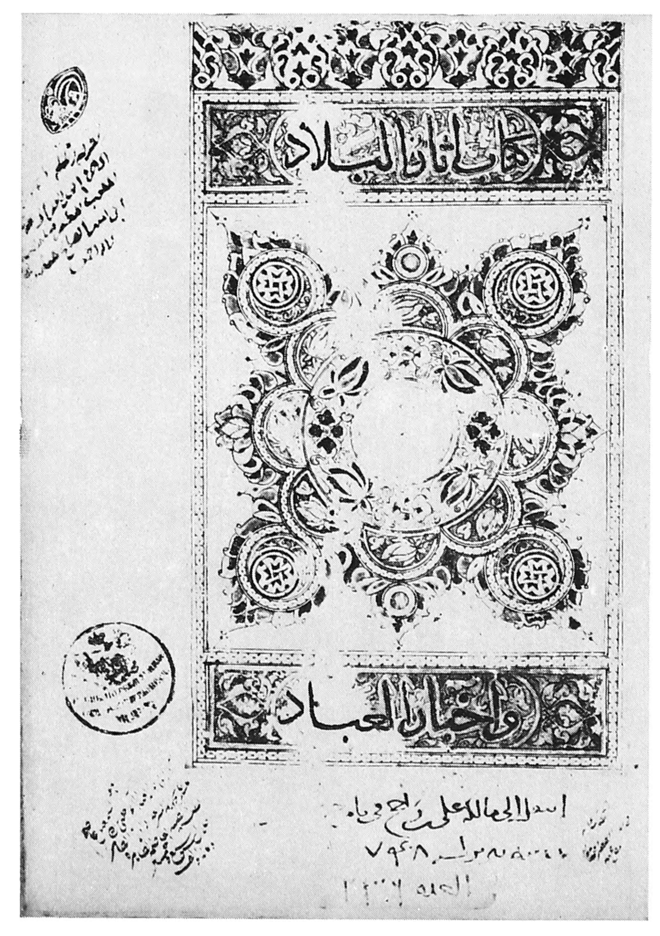


Рис. 4

فقير عفو الله تعالى من عزّته وتفكّره ولا تعمّق في تدبّره

مع توزّع البال وتمزّع الحال احمد بن محمد بن عربشاه الحنفي

سامحه الله تعالى وعامله بما يرتضيه فضلا وجمالا لا بما يقتضيه

عدلا وجلالا لامه في اواخر شهر ربيع الاول المبارك سنة اثنين وخمسين وثمان

احسن الله تعالى خاتمتها وعقباها وجعل اخراها خيرا من اولاها بمنّه ويمنه

ولا حول ولا قوة الا بالله العلي العظيم

وقد فرغ من تحريره وتبييضه في يوم السبت الخامس والعشرين من شهر رمضان المبارك

سنه اثنين وخمسين وثمانمائه العبد المذنب الفقير المحترق

بنيران الحجبة والاشواق اسمعيل بن عبد الرحمن الاصفهاني

اللهم اغفر لمولفه ولكاتبه ولوالديه ولجميع

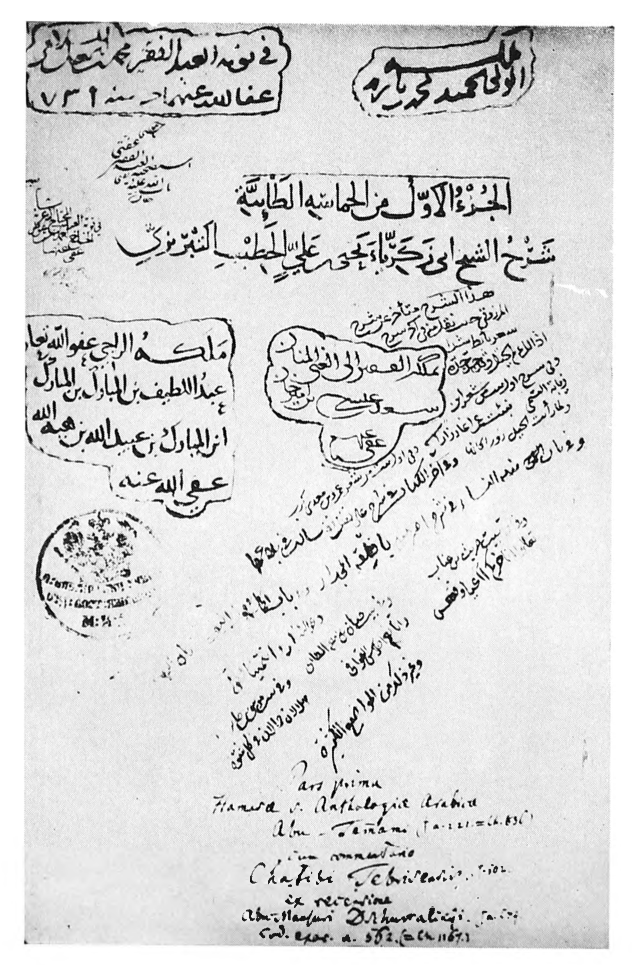
المومنين والمومنات والمسلمين والمسلمات

انهاه مولفه مطالعه
ايضا نسخه

م



Рис. 5


الجزء الاول من الحماسة الطائية

شرح الشيخ ابي زكريا يحيى علي الخطيب التبريزي

ملكه الراجي عفو الله تعالى

عبد اللطيف بن المبارك بن المبارك

ابن المبارك بن عبد الله بن هبة الله

عفى الله عنه

Pars prima

Hamasa s. Anthologia Arabica

Abu Temami (a. 221 = Ch. 836)

cum commentario

Chatibi Tebrizensis

ex recensione

Abu Mansuri Dschawaliqi

Cod. exar. a. 562 (= Ch. 1167)

Рис. 6

هو قدر س ب و روسها نقطة د و ص هو ضلع معشر و

هب هو ضلع مسدس و زاويه هب ص قائمه فهص ضلع مخمس

وكذلك رص ضلع مخمس فمثلث هرص متساوى الاضلاع وكذلك المثلثات

المتساويه [illegible] وبان الاضلاع التي قواعدها خطوط ط ح ك و

روسها نقطة ص فقد عملنا شكلا مجسما ذا عشرين

قاعدة مثلثات متساويات الاضلاع

ونريد ان نبين ان الكره المفروضه محيطه

به فقد قسم على نسبة ذات وسط

وطرفين على ح وسهم الاطول ح سطح صح في ده مساوي مربع

ح و زاوية ح م قائمة فقوس نصف الدائرة التي تدار على قطر

ص د وهو ثابت وتحرك على ح حتى تعود القوس الى الموضع الذي

بدئت منه هي تحوز على سائر نقط الزوايا الشكل فقد احاطت

بذي العشرين قاعدة الكره المفروضه التي قطرها منطق برهانه

ان تقسم ح بنصفين على ا فقد قسم على نسبة ذات وسط

وطرفين

Рис. 7

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

Глава 1. Арабский язык и арабское письмо 12

Глава 2. Книжная письменность 38

Глава 3. Авторы и сочинения 72

Глава 4. Передача знания и документация текстов . . . 98

Глава 5. Переписчики и книготорговля 122

Глава 6. Сочинение и рукопись 141

Глава 7. Материальные элементы арабской рукописи и ее технические характеристики 160

Глава 8. Собрания рукописей и библиотеки 181

Заключение 259

Список сокращений 264

Цитированная литература 265

Указатель имен собственных 280

Указатель терминов 298

Summary 302

Список иллюстраций 304

Иллюстрации 305

Анас Бакиевич Халидов

АРАБСКИЕ РУКОПИСИ И АРАБСКАЯ РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ

Утверждено к печати редколлегией серии «Культура народов Востока»

Редактор *Л. В. Негря.* Младший редактор *Н. Н. Исаева.* Художник *Э. Л. Эрман.* Художественный редактор *Б. Л. Резников.* Технический редактор *Г. А. Никитина.* Корректор *Л. С. Кузнецова*

ИБ № 15243

Сдано в набор 11.01.85. Подписано к печати 21.08.85. Формат 60×84[1]/16. Бумага типографская № 2. Иллюстрации отпечатаны на мелованной бумаге. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 18,14. Усл. кр.-отт. 18,43. Уч.-изд. л. 20,96. Тираж 2400 экз. Изд. № 5696. Зак. № 36. Цена 2 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы. 103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». 107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

2 р. 20 к.



Анас Бакиевич Халидов родился в 1929 г. В 1951 г. окончил Восточный факультет Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, в 1955 г. защитил кандидатскую диссертацию по творчеству египетского арабского писателя XX в. Таха Хусейна.

Область научных интересов А. Б. Халидова — арабская литература и культура, преимущественно классического периода. А. Б. Халидов много лет занимался исследованием и описанием фонда арабских рукописей Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Он опубликовал несколько письменных памятников по редким или уникальным рукописям и один документальный источник, подготовил к печати труды В. В. Бартольда, А. Е. Крымского, И. Ю. Крачковского, В. И. Беляева. При выполнении ряда работ А. Б. Халидов сотрудничал с другими авторами, всего при его участии вышло в свет 11 книг. А. Б. Халидов — автор около 50 статей и рецензий.

С 1979 г. А. Б. Халидов — заведующий сектором Ближнего Востока Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. В 1984 г. защитил докторскую диссертацию, посвященную исследованию арабских рукописей.